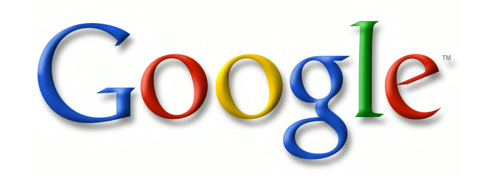


Введеніе.

Критика главныхъ источниковъ, послужившихъ матеріаломъ для настоящей книги.

Послѣ трехъ-или четырехлѣтняго періода общественной жизни Іисуса, эпоха, обнимаемая настоящей книгой, была самой замѣчательной во всей исторіи развитія христіанства. Читатель увидитъ здѣсь, какъ будто по странной насмѣшкѣ того великаго, безсознательнаго художника, который, повидимому, руководитъ кажущимися капризами исторіи, Іисуса и Нерона, Христа и Антихриста, стоящими другъ противъ друга, противуполагаемыми, если позволено будетъ такъ выразиться, на подобіе небесамъ и аду. Христіанское самосознаніе выросло. До сихъ поръ оно умѣло только любить; преслѣдованія евреевъ, хотя и довольно суровыя, не могли ослабить тѣхъ узъ привязанности и благодарности, которыя въ сердцѣ нарождающейся Церкви соединяютъ ее съ матерью ея, Синагогой, отъ которой она такъ недавно отдѣлилась. Теперь у христіанина есть за что ненавидѣть. Противъ Іисуса вздымается чудовище, — идеалъ зла, подобно тому, какъ Іисусъ является идеаломъ добра. Неронъ, которому, какъ Еноху или Иліѣ, предназначено играть роль въ трагедіи свѣтопреставленія, восполняетъ христіанскую миѳологію, внушаетъ содержаніе первой священной книги новаго канона, кладетъ, посредствомъ отвратительнаго избіенія, основаніе первенствующему положенію Римской Церкви, и подготовляетъ тотъ переворотъ, который изъ Рима сдѣлаетъ священный городъ, второй Іерусалимъ. Въ то-же время по одной изъ тѣхъ случайностей необъяснимаго совпаденія, которыя нерѣдко наблюдаются въ эп...

великихъ кризисовъ человѣчества, Іерусалимъ гибнетъ, храмъ исчезаетъ; христіанство, освобожденное отъ узъ, сдѣлавшихся для него стѣснительными, становится все болѣе и болѣе самостоятельнымъ, и начинаетъ идти по своимъ собственнымъ путямъ, независимо отъ побѣжденнаго іудейства.

Изъ каноническихъ писаній главными памятниками исторіи этого времени являются послѣднія посланія Апостола Павла, посланіе къ Евреямъ, посланія, приписываемыя апостоламъ Петру и Іакову, и Апокалипсисъ. Первое посланіе Климента Римскаго, сочиненія Тацита и Іосифа Флавія также сообщаютъ намъ нѣкоторыя цѣнныя черты. Относительно множества фактовъ, въ особенности смерти апостоловъ и сношеній Іоанна съ Азіей, наша картина окажется туманной; другіе факты мы будемъ въ состояніи представить въ поистинѣ яркомъ свѣтѣ. Матеріальныя явленія, относящіяся къ происхожденію христіанства, почти всѣ для насъ темны и неясны; но что ясно, такъ это та пылкая восторженность, та сверхчеловѣческая смѣлость, то величественное презрѣніе къ дѣйствительности, которыя дѣлаютъ изъ этого движенія самый мощный порывъ къ идеалу, о какомъ только сохранилась память.

Во введеніи къ нашему *Апостолу Павлу* мы разсмотрѣли подлинность всѣхъ посланій, приписываемыхъ великому апостолу. Тѣ четыре посланія, которыя имѣютъ отношеніе къ настоящей книгѣ,—посланія къ Филиппійцамъ, къ Колоссянамъ, къ Филимону и къ Ефесянамъ,—суть какъ разъ тѣ, которыя порождаютъ нѣкоторое сомнѣніе. Доводы, которые можно выставить противъ посланія къ Филиппійцамъ, настолько незначительны, что мы почти не останавливались на нихъ. Что касается до посланія къ Колоссянамъ, то мы видѣли и еще увидимъ ниже, что оно заставляетъ насъ призадуматься гораздо серьезнѣе; посланіе-же къ Ефесянамъ, хотя оно и гораздо болѣе авторитетно, по своему внѣшнему виду отличается, однако-жъ, отъ остальныхъ трудовъ Павла. Не смотря на могущія быть представленными важныя возраженія, я считаю посланіе къ Колоссянамъ подлиннымъ. Вставки, которыя за послѣднее время искусные критики предложили видѣть въ этомъ посланіи, для меня не представляются очевидными Въ этомъ отношеніи система Гольцмана достойна своего ученаго изобрѣтателя; но сколько опасностей заключаетъ въ себѣ этотъ методъ, которымъ слишкомъ довѣрчиво пользуются въ Германіи, методъ, при которомъ a priori исходятъ изъ какого

нибудь одного типа, причемъ послѣднiй служитъ неоспоримымъ мѣриломъ подлинности для сочиненiй даннаго писателя! Что въ теченiи первыхъ двухъ вѣковъ христiанства часто имѣли мѣсто вставки и подмѣнъ апостольскихъ писанiй, этого отрицать нельзя. Но стремиться въ этомъ дѣлѣ къ строгому разграниченiю вѣрнаго и фальшиваго, апокрифическаго и подлиннаго, значитъ брать на себя работу, выполнить которую немыслимо. Мы съ полною достовѣрностью можемъ утверждать подлинность посланiй къ Римлянамъ, Коринфянамъ и Галатамъ; съ той же достовѣрностью можемъ мы сказать, что посланiя къ Тимофею и Титу являются апокрифами. Въ промежуткѣ между этими двумя крайностями критической очевидности мы блуждаемъ ощупью. Къ главнымъ недостаткамъ великой школы, основанiе которой положено Христiаномъ Бауромъ, является представленiе ея, что евреи въ первомъ вѣкѣ были характерами цѣльными, воспитанными на дiалектикѣ и неотвязно держащимися за свои разсужденiя. Петръ, Павелъ, даже Iисусъ въ писанiяхъ этой школы походятъ на протестанскихъ теологовъ какого нибудь нѣмецкаго университета, которые всѣ держатся одного ученiя, только одного и никогда не измѣняютъ ему. Между тѣмъ на дѣлѣ замѣчательные люди, которые являются героями настоящей исторiи, сильно измѣнялись и неоднократно противорѣчили себѣ; они въ своей жизни пользовались тремя или четырьмя теорiями и часто дѣлали позаимствованiя у тѣхъ изъ своихъ противниковъ, съ которыми въ другое время они обошлись наиболѣе суровымъ образомъ. Люди эти, если смотрѣть на нихъ съ нашей точки зрѣнiя, были подозрительны, пристрастны, вспыльчивы, измѣнчивы; все то, что даетъ стойкость воззрѣнiй,—наука, рацiонализмъ,—было имъ чуждо. Между ними происходили, какъ и во всѣ времена у евреевъ, крупныя ссоры, и тѣмъ не менѣе они представляли очень прочное цѣлое. Чтобы понять ихъ, нужно стать на точку зрѣнiя. очень далекую отъ педантизма, присущаго всякой схоластикѣ. Слѣдуетъ скорѣе познакомиться съ маленькими группами благочестивыхъ людей, съ англiйскими и американскими конгрегацiями и въ особенности съ обстоятельствами, которыми сопровождалось основанiя всѣхъ монашенскихъ орденовъ. Въ виду этого богословскимъ факультетамъ нѣмецкихъ университетовъ, которые одни только и въ состоянiи были положить достаточно труда на то, чтобы разобраться въ хаосѣ памятниковъ, относящихся къ этимъ любопытнымъ време-

намъ происхожденія христіанства, было труднѣе, чѣмъ кому бы то ни было другому составить правдивую исторію. Ибо исторія есть изслѣдованіе развитія жизни, расцвѣта ростка; теологія же представляетъ противуположность жизни. Обращая вниманіе исключительно на то, что подтверждаетъ или ослабляетъ его догматы, теологъ, даже самый свободомыслящій, безсознательно является всегда апологистомъ: онъ стремится либо защищать, либо опровергать. Историкъ же старается только разсказывать. Факты, въ сущности своей ложные, даже апокрифическіе памятники представляютъ для него цѣнность, такъ какъ они обрисовываютъ духъ вѣка и часто являются болѣе правдивыми, нежели сухая истина. Самая крупная ошибка въ его глазахъ состоитъ въ томъ, чтобы превращать въ составителей отвлеченныхъ положеній тѣхъ добрыхъ и простодушныхъ мечтателей, чьи грезы послужили утѣшеніемъ и радостью для столькихъ поколѣній.

То, что мы только что сказали относительно посланія къ Колоссянамъ и въ особенности относительно посланія къ Ефесянамъ, тѣмъ болѣе слѣдуетъ повторить о первомъ посланіи, приписываемомъ апостолу Петру, а также о посланіяхъ, приписываемыхъ апостоламъ Іакову и Іудѣ. Второе посланіе, приписываемое Петру, несомнѣнно апокрифично. Въ немъ съ перваго взгляда можно разобрать искусственную компиляцію, стилистическое подражаніе, составленное изъ отрывковъ апостольскихъ писаній, особенно посланія Іуды. Мы не будемъ останавлаваться на этомъ такъ какъ не вѣримъ, чтобы II-е посланіе Петра нашло среди настоящихъ критиковъ хотя бы одного защитника. На подложность II-го посланія Петра, которое имѣетъ главною цѣлью убѣдить вѣрныхъ, утомленныхъ долгими отсрочками втораго пришествія Христа, быть терпѣливыми, въ извѣстномъ смыслѣ доказываетъ подлинность I-го посланія Петра, ибо II-е посланіе Петра, хотя и подложное, все-же является довольно древнимъ памятникомъ; между тѣмъ авторъ его очевидно вѣрилъ, что I-е посл. дѣйствительно принадлежитъ перу Петра, разъ онъ на него ссылается и объявляетъ свое произведеніе „II-мъ посланіемъ“, составляющимъ продолженіе I-го (III, 1—2). I-е посланіе Петра представляется однимъ изъ тѣхъ писаній Новаго Завѣта, которыя съ наиболѣе древнихъ временъ и наиболѣе единодушно признаются подлинными. Противъ него можно выставить только одинъ важный доводъ, а именно замѣчаемыя въ немъ заимствованія

изъ посланій апостола Павла и въ особенности изъ такъ называемаго посланія къ Ефесянамъ; но тотъ секретарь, услугами котораго воспользовался Петръ для написанія письма, если только онъ дѣйствительно написалъ послѣднее, могъ, конечно, самъ позволить себѣ сдѣлать подобныя заимствованія. Проповѣдники и публицисты постоянно присваивали себѣ безъ зазрѣнія совѣсти эти фразы, поступившія въ общее достояніе и въ извѣстномъ смыслѣ витающія въ воздухѣ. Точно также мы наблюдаемъ, какъ секретарь Павла, писавшій такъ называемое посланіе къ Ефесянамъ, не стѣснялся списывать мѣста изъ посланія къ Колоссянамъ. Одной изъ характерныхъ чертъ литературы посланій является тотъ фактъ, что они содержатъ много заимствованій изъ ранѣе составленныхъ произведеній того же рода.

Первые четыре стиха V-й главы I-го Посл. Петра вызываютъ, правда, нѣкоторое подозрѣніе. Они напоминаютъ тѣ благочестивые совѣты, немного плоскіе, носящіе отпечатокъ іерархическаго духа, которые наполняютъ подложныя посланія къ Тимофею и Титу. Кромѣ того, та настойчивость, съ которой авторъ выдаетъ себя за „очевидца мукъ Христовыхъ“, возбуждаетъ такія же сомнѣнія, какія появляются у насъ при разборѣ псевдо-Іоанновыхъ сочиненій, въ виду упорства, съ какимъ послѣднія выдаются за разсказы дѣйствующаго лица или очевидца. Тѣмъ не менѣе, на этомъ останавливаться не слѣдуетъ. Много чертъ благопріятствуетъ также и гипотезѣ подлинности. Такъ, напр., склонность къ іерархіи въ I-мъ посл. Петра едва чувствуется; не только тамъ не упоминается о *епископахъ*; даже *пресвитера* своего у каждой церкви нѣтъ; у нея есть *пресвитеры* „старцы“, но выраженія, употребляемыя авторомъ, ничуть не показываютъ, чтобы эти старцы составляли отдѣльную группу. Одно обстояельство заслуживаетъ вниманія, именно, что авторъ, стараясь выпукло очертить самоотверженіе, выказанное Іисусомъ въ его страданіяхъ, пропускаетъ одну существенную черту, разсказанную у Луки, и этимъ подаетъ поводъ думать, что въ то время, когда онъ писалъ, легенда о Іисусѣ еще не дошла до своего полнаго развитія.

Что касается до эклектическихъ и примирительныхъ склонностей, замѣчающихся въ посл. Петра, онѣ являются возраженіями только для тѣхъ, кто, подобно Христіану Бауру и его ученикамъ, представляютъ себѣ расколъ Петра и Павла

безусловной враждой. Если-бы ненависть между двумя партіями христіанства первыхъ вѣковъ была такъ сильна, какъ думаетъ эта школа, то примиреніе никогда не состоялось-бы. Петръ не былъ такимъ упрямымъ евреемъ, какъ Іаковъ. Составляя эту исторію, не слѣдуетъ имѣть въ виду исключительно яко-бы Климентовы проповѣди и посланіе къ Галатамъ; надо тоже принимать во вниманіе и *Дѣянія Апостоловъ*. Искусство историка должно состоять въ умѣніи изображать вещи такъ, чтобы ни въ чемъ не смягчать раздѣленія на партіи (это раздѣленіе было гораздо серіознѣе, чѣмъ мы можемъ себѣ представить), и чтобы тѣмъ не менѣе можно было объяснить, какимъ образомъ подобныя отколовшіяся партіи могли слиться въ прекрасное единое цѣлое.

Посланіе Іакова является передъ судомъ критики приблизительно въ тѣхъ же условіяхъ, что и посланіе Петра. Мелкія возраженія, которыя могутъ быть приведены относительно подробностей, не представляютъ большой важности. Что важно, такъ это общее возраженіе, основывающееся на легкости подмѣна произведеній, какая имѣла мѣсто въ то время, когда не существовало никакихъ гарантій подлинности, и когда благочестивый обманъ нисколько не смущалъ совѣсть. Для такихъ писателей, какъ Павелъ, которые оставили намъ, по всеобщему признанію, достовѣрно-подлинныя писанія, существуетъ два вѣрныхъ мѣрила для опредѣленія неправильно приписанныхъ имъ произведеній; первое изъ нихъ состоитъ въ томъ, чтобы сравнивать сомнительное произведеніе съ произведеніями, получившими всеобщее признаніе, второе,– изслѣдовать, отвѣчаетъ-ли изслѣдуемая вещь имѣющимся у насъ біографическимъ даннымъ. Но если рѣчь идетъ о писателѣ, отъ котораго осталось только нѣсколько спорныхъ страницъ, и біографія котораго мало извѣстна, тогда чаще всего приходится рѣшать на основаніи нюха, а такое рѣшеніе не непреложно. Если быть снисходительнымъ, то есть рискъ принять за достовѣрныя много вещей подложныхъ. Если быть строгимъ,—есть рискъ отбросить, какъ подложныя, много произведеній подлинныхъ. Теологъ, считающій, что онъ дѣйствуетъ навѣрняка, является, повторяю, дурнымъ судьею въ подобныхъ вопросахъ.

У историка-критика совѣсть покойна, если онъ научился хорошо различать разныя степени достовѣрнаго, вѣроятнаго, допустимаго, возможнаго. Если у него есть нѣкоторое умѣ-

ніе, онъ сможетъ быть правдивымъ въ отношеніи общей окраски, во множествѣ разсыпая, вмѣстѣ съ тѣмъ, по поводу частностей знаки сомнѣнія, слова „можетъ быть", и т. д.

Соображеніемъ, которое, по моему, говоритъ въ пользу этихъ произведеній (перваго посланія Петра, посланій Іакова и Іуды), съ чрезмѣрной строгостью исключаемыхъ извѣстнымъ разрядомъ критики изъ числа достовѣрныхъ, является то, какъ они приспособляются къ органически задуманному разсказу. Въ то время, какъ ІІ-е посланіе, приписываемое Петру, посланія, якобы написанныя Павломъ Тимофею и Титу, исключаются изъ рамокъ исторіи, сообразной съ логикой,— тѣ три посланія, о которыхъ мы только что говорили, входятъ въ эти рамки, такъ сказать, сами собой. Отдѣльныя подробности, встрѣчающіяся тамъ, идутъ навстрѣчу фактамъ, извѣстнымъ намъ изъ другихъ источниковъ, и входятъ въ послѣдніе, какъ часть въ цѣлое. Посланіе Петра вполнѣ сходится съ тѣмъ, что намъ извѣстно, главнымъ образомъ изъ Тацита, о положеніи христіанъ въ Римѣ около 63 или 64 года. Посланіе же Іакова, со своей стороны, представляетъ намъ полную картину положенія *эбіонимовъ* въ Іерусалимѣ въ года, предшествовавшія возстанію; Іосифъ даетъ намъ совершенно такія же свѣдѣнія. Гипотеза, приписывающая Посланіе Іакова другому Іакову, а не брату Господню, не представляетъ никакого преимущества. Это посланіе, правда, не принималось въ теченіе первыхъ вѣковъ такъ же единогласно, какъ посланіе Петра; но причины этихъ сомнѣній были, повидимому, скорѣе догматическими, чѣмъ критическими; главной причиной ихъ была нелюбовь греческихъ отцовъ церкви къ христіано-іудейскимъ писаніямъ.

Во всякомъ случаѣ, одно замѣчаніе очевидно приложимо къ тѣмъ мелкимъ апостольскимъ произведеніямъ, о которыхъ идетъ рѣчь: это то, что они были написаны до разрушенія Іерусалима. Это событіе совершило въ отношеніяхъ еврейства и христіанства такую перемѣну, что легко отличить писаніе, относящееся ко времени послѣ катастрофы 70 года, отъ произведенія, современнаго третьему храму. Картины, очевидно, касающіяся внутренной борьбы между различными классами іерусалимскаго общества, подобныя той, что даетъ намъ посланіе Іакова (V, 1 и сл.), ни въ коемъ случаѣ не могли быть созданы послѣ возстанія 66-го года, положившаго конецъ господству садуккеевъ.

Изъ того, что существуютъ писанія псевдо-апостольскія, какъ посланія къ Тимофею, Титу, II-е посланіе Петра, посланіе Варнавы,—сочиненія, авторы которыхъ взяли себѣ за правило подражать или развивать болѣе древнія писанія,—слѣдуетъ, что были, значитъ, и настоящія апостольскія писанія, пользовавшіяся уваженіемъ и число которыхъ хотѣли увеличить. Какъ у каждаго арабскаго поэта классической эпохи была своя *казида*, въ которой вполнѣ воплощалась его личность; такъ и у каждаго апостола было свое, болѣе или менѣе подлинное, посланіе, въ которомъ думали сохранить сливки его мыслей.

Мы уже говорили о посланіи къ Евреямъ. Мы доказали, что этотъ трудъ не принадлежитъ перу Павла, какъ то думали извѣстныя направленія христіанскаго преданія; мы показали, что время его составленія можно съ достаточнымъ правдоподобіемъ отнести приблизительно къ 66 году. Намъ остается разсмотрѣть, можно-ли узнать, кто былъ настоящимъ авторомъ его, гдѣ оно было написано, и кто тѣ „Евреи", къ которымъ оно, согласно заглавію было написано.

Посланіе показываетъ намъ слѣдующія обстоятельства. Авторъ говоритъ съ Церковью, къ которой обращается, какъ учитель, хорошо ей извѣстный. Онъ обращается къ ней тономъ, въ которомъ слышенъ почти упрекъ. Церковь эта увѣровала давно; но въ отношеніи ученія она такъ упала, что нуждается въ элементарномъ поученіи и неспособна понять очень высокую степень богословія. Церковь эта, впрочемъ, показала и все еще показываетъ много мужества и самоотверженія, въ особенности въ своемъ служеніи святымъ. Она потерпѣла жестокія гоненія около того времени, когда ее осѣнилъ яркій свѣтъ вѣры; въ это время на нее было обращено всеобщее вниманіе. Съ тѣхъ поръ прошло немного времени; ибо и тѣ, кто въ настоящее время состоитъ въ Церкви, имѣли свою долю заслугъ при этомъ гоненіи, сочувствуя исповѣдникамъ, посѣщая заключенныхъ, а главное—мужественно перенося потерю своего имущества. Однако, испытаніе выдѣлило нѣсколькихъ отступниковъ, и возбужденъ былъ вопросъ о томъ, можно ли принять обратно въ лоно Церкви тѣхъ, кто по слабости своей отрекся отъ нея. Въ тотъ моментъ, когда апостолъ пишетъ, въ тюрьмѣ, повидимому, еще находятся нѣкоторые члены церкви. У вѣрныхъ, составляющіе послѣднюю, были знаменитые вожди, пропо-

вѣдовавшіе намъ слово Божіе, смерть которыхъ была особенно поучительной и славной. Однако, и теперь у Церкви еще есть главы, съ которыми авторъ посланія стоитъ въ близкихъ отношеніяхъ. Онъ, дѣйствительно, знавалъ Церковь, о которой идетъ рѣчь, и, повидимому, занималъ въ ней высокое положеніе; онъ собирается вернуться къ ней и желаетъ, чтобы это произошло какъ можно скорѣе. И авторъ, и адресаты посланія знаютъ Тимофея. Послѣдній сидѣлъ въ тюрьмѣ въ другомъ городѣ, чѣмъ тотъ, откуда пишетъ авторъ; Тимофей только что освобожденъ изъ тюрьмы. Авторъ надѣется, что вскорѣ Тимофей къ нему присоединится; и тогда оба они вмѣстѣ отправятся посѣтить Церковь, которой предназначается посланіе. Кончаетъ авторъ слѣдующими словами: „Привѣтствуютъ васъ Италійскіе“. Эти слова могутъ указывать только на Итальянцевъ, живущихъ въ данный моментъ внѣ Италіи.

Что до самого автора, главной чертой его является вѣчное пользованіе священнымъ писаніемъ, тонкая и образная экзегеза; его греческій языкъ богаче, болѣе классиченъ, менѣе сухъ, но зато и менѣе естественъ, чѣмъ языкъ большинства апостольскихъ писаній. Онъ очень мало знакомъ къ культомъ, имѣющимъ мѣсто въ Іерусалимскомъ храмѣ, но этотъ культъ, однако-же, очень озабочиваетъ его. Онъ пользуется только александрійской версіей Библіи, и основываетъ разныя свои разсужденія на ошибкахъ греческихъ переписчиковъ. Онъ не Іерусалимскій еврей, а эллинистъ, въ сравненіи со школой Павла. Наконецъ, онъ выдаетъ себя не за непосредственнаго слушателя Іисуса, а за слушателя тѣхъ, кто видѣлъ Іисуса, за очевидца апостольскихъ чудесъ и первыхъ проявленій Святого Духа. Тѣмъ не менѣе, онъ занималъ высокое положеніе въ Церкви; онъ говоритъ авторитетнымъ тономъ; братія, которой онъ пишетъ, питаетъ къ нему глубокое уваженіе; Тимофей, повидимому, подчиненъ ему. Одно уже то, что онъ обращается съ посланіемъ къ большой Церкви, указываетъ въ немъ на лицо значительное, одно изъ тѣхъ, которыя фигурируютъ въ апостольской исторіи и чье имя знаменито.

Всего этого, тѣмъ не менѣе, недостаточно для того, чтобы съ увѣренностью высказаться насчетъ автора нашего посланія. Послѣднее съ большимъ или меньшимъ правдоподобіемъ приписывалось Варнавѣ, Лукѣ, Силѣ, Аполлону, Клименту Рим-

скому. Самое правдоподобное будетъ приписать его Варнавѣ. За это мнѣніе говоритъ Тертуліанъ, представляющій этотъ фактъ такъ, какъ будто бы онъ былъ общепринятымъ. Въ особенности-же за него говоритъ то обстоятельство, что ни одна изъ чертъ, содержащихся въ посланіи, не противорѣчитъ подобной гипотезѣ. Варнава былъ Кипрскимъ эллинистомъ, въ одно и то-же время и связаннымъ съ Павломъ, и независимымъ отъ него. Варнава пользовался всеобщей извѣстностью и уваженіемъ. Наконецъ, этой гипотезой объясняется и то, что посланіе было приписано Павлу: и правда, судьба Варнавы всегда была такая, что онъ нѣкоторымъ образомъ терялся въ лучахъ славы великаго апостола, и если Варнава что нибудь написалъ, что весьма вѣроятно, то естественно искать принадлежащія его перу страницы среди твореній Павла.

Опредѣленіе Церкви, которой адресовано посланіе, можетъ быть сдѣлано съ довольно большой степенью правдоподобія. Перечисленныя нами обстоятельства оставляютъ намъ свободу выбора исключительно между церквями Римской и Іерусалимской. Заглавіе „къ Евреямъ“ (pros hebraius) заставляетъ подумать прежде всего о Іерусалимской Церкви. Но на этой мысли остановиться немыслимо. Тексты V, 11—14; VI, 11—12 и даже VI, 10, являются безсмыслицей, если полагать, что ученикъ апостоловъ обращается съ нимъ къ этой Церкви, матери, источнику всякаго ученія. Не лучше того объясняется въ этомъ случаѣ и все сказанное о Тимофеѣ; лица, такъ тѣсно связанныя съ партіей Павла, какъ авторъ и Тимофей, не стали бы обращаться къ Іерусалимской церкви съ отрывками, предполагающими близкія отношенія. Какъ, напр., допустить, что авторъ, съ своей экзегезой, основанной исключительно на александрійской версіи, со своимъ слабымъ знаніемъ еврейства, съ ограниченными свѣдѣніями обо всемъ, относящемся къ храму, посмѣлъ-бы такъ свысока учить главныхъ учителей, людей, говорящихъ по древне-еврейски, или почти на этомъ языкѣ, повседневная жизнь которыхъ протекала вблизи храма, и которые гораздо лучше него знали все то, о чемъ онъ имъ говорилъ? А главное, какъ допустить его обращеніе съ ними, какъ съ только-что посвященными неофитами, неспособными къ тонкому богословскому мышленію?—Наоборотъ, если предположить, что посланіе предназначается вѣрующимъ Римскимъ, тогда все устраивается чудесно. Тексты VI, 10; X, 32 и сл.; XIII, 3,7 являются намеками на

гоненіе 64 года, текстъ XIII, 7 приложимъ къ казни апостоловъ Петра и Павла; наконецъ слово „Италійскіе" тогда объясняется вполнѣ; ибо понятно, что авторъ передаетъ Римской церкви привѣтъ окружавшей его Итальянской колоніи. Добавимъ, что I-е посланіе Климента Римскаго (сочиненіе безусловно римскаго происхожденія) содержитъ послѣдовательный рядъ заимствованій изъ посланія къ Евреямъ, и видимо слѣпо подражаетъ ему въ способѣ изложенія.

Остается разрѣшить лишь одно недоумѣніе: отчего посланіе озаглавлено pros Hebraius? Припомнимъ, что заглавія эти не всегда апостольскаго происхожденія, что ихъ ставили довольно поздно и иногда неправильно, какъ мы видѣли то по поводу такъ наз. посланія pros Efesius, къ Ефесянамъ. Такъ называемое посланіе къ евреямъ было написано подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ гоненія, и той церкви, которая подверглась наисильнѣйшимъ преслѣдованіямъ. Во многихъ мѣстахъ (напр. XIII, 23) чувствуется, что авторъ выражается обинякaми. Можетъ быть, туманное заглавіе „къ Евреямъ" было паролемъ, поставленнымъ для того, чтобы письмо это не стало компрометтирующимъ. Быть можетъ также, что это заглавіе объясняется тѣмъ, что во II-мъ вѣкѣ данное посланіе считалось опроверженіемъ эбіонитовъ, которыхъ называли hebraioi. Довольно замѣчателенъ фактъ, что Римская Церковь всегда имѣла къ этому посланію совершенно особенное отношеніе; у нея оно появляется, въ ея же средѣ имъ первоначально пользуются. Въ то время, какъ Александрія позволяетъ себѣ приписывать его Павлу, Римская Церковь неизмѣнно стоитъ на томъ, что оно не принадлежитъ перу этого апостола и что его напрасно присоединяютъ къ твореніямъ послѣдняго.

Изъ какого города было написано посланіе къ Евреямъ? Это труднѣе сказать. Выраженіе „Италійскіе" показываетъ, что авторъ находился внѣ Италіи. Вполнѣ достовѣрно также, что посланіе было написано изъ большого города, гдѣ существовала колонія христіанъ-итальянцевъ, находившихся въ очень близкихъ отношеніяхъ съ римскими христіанами. Эти христіане-итальянцы, вѣроятно, были изъ тѣхъ вѣрныхъ, которые ускользнули отъ гоненія 64 го года. Мы увидимъ, что теченіе христіанской эмиграціи, бѣжавшей отъ неистовствъ Нерона, направилось къ Эфесу. Эфесская церковь, впрочемъ, своимъ первоначальнымъ ядромъ имѣла двухъ евре-

евъ изъ Рима, Аквилу и Присцилла; она всегда поддерживала непосредственныя сношенія съ Римомъ. Поэтому мы склонны думать, что данное посланіе было написано изъ Эфеса. Въ такомъ случаѣ двадцать третій стихъ XIII-ой главы, надо признаться, довольно страненъ. Въ какомъ такомъ городѣ, находящемся въ сношеніяхъ съ Эфесомъ и Римомъ, но не въ томъ и не въ другомъ, сидѣлъ въ тюрьмѣ Тимофей? Какую бы гипотезу не принять, мы сталкиваемся тутъ съ трудно объяснимой загадкой.

Главнымъ источникомъ нашей исторіи является Апокалипсисъ. Тѣ, кто внимательно прочтетъ XV, XVI и XVII главы настоящей книги, я думаю, признаетъ, что нѣтъ среди библейскихъ книгъ ни одной, время написаніе которой можно было бы опредѣлить съ большей точностью. Опредѣлить его можно съ приближеніемъ нѣсколькихъ дней. Мѣсто, гдѣ было написано это произведеніе, тоже можно указать съ большой вѣроятностью. Гораздо больше колебаній вызываетъ вопросъ объ авторѣ книги. Относительно этого пункта по моему невозможно утверждать что-либо съ полной увѣренностью. Авторъ самъ называетъ себя въ началѣ книги: „Я, Іоаннъ, братъ вашъ и соучастникъ въ скорби и въ царствіи и въ терпѣніи Іисуса Христа". Но тутъ возникаютъ два вопроса: во 1-хъ, правдиво ли это утвержденіе или же оно представляетъ одинъ изъ тѣхъ благочестивыхъ обмановъ, въ которыхъ виновны всѣ безъ исключенія авторы откровеній? Другими словами, не принадлежитъ ли книга эта перу неизвѣстнаго лица, которое приписало апостолу Іоанну, первостепенному во мнѣніи Церкви человѣку, видѣніе, сообразное съ его собственными мыслями?—во 2 хъ, допуская, что вышеприведенный стихъ Апокалипсиса гласитъ правду, не является ли этотъ Іоаннъ тезкой апостола?

Разсмотримъ сперва вторую гипотезу; ибо ее легче всего отвергнуть. Тотъ Іоаннъ, который говоритъ, или которому приписываются рѣчи Апокалипсиса, выражается, такъ сильно, онъ такъ очевидно предполагаетъ, что его знаютъ и безъ труда отличатъ отъ его тезокъ, онъ такъ хорошо знаетъ тайны Церквей и съ такой рѣшительностью входитъ въ ихъ разсмотрѣніе, что въ немъ нельзя не видѣть апостола или совершенно изъ ряда вонъ выходящаго церковнаго іерарха. Между тѣмъ у апостола Іоанна во второй половинѣ I-го вѣка не было ни одного тезки, положеніе котораго близко подхо-

дило къ его собственному. Іоаннъ Маркъ тутъ ни причемъ, что бы ни говорилъ Гитцигъ. Маркъ никогда не былъ въ такихъ сношеніяхъ съ азійскими Церквами, чтобы рѣшиться обращаться къ нимъ въ подобномъ тонѣ. Остается ещ: одна сомнительная личность: тотъ *пресвитеръ Іоаннъ*, нѣкотораго рода двойникъ апостола, который, подобно призраку, смущаетъ всю исторію Эфесской Церкви и причиняетъ критикамъ столько хлопотъ. Хотя существованіе этой личности иными отрицалось, и хотя нельзя безусловно отвергать гипотезу тѣхъ, кто видитъ въ немъ тѣнь апостола Іоанна, принимаемую за реальное лицо, мы склонны полагать, что пресвитеръ Іоаннъ на дѣлѣ представляетъ особое лицо. Но чтобы онъ написалъ Апокалипсисъ въ 68 мъ или 69-мъ году, какъ то все еще утверждаетъ Эвальдъ, это мы безусловно отрицаемъ. Такое лицо было бы извѣстно не только изъ одного темнаго мѣста у Папія и изъ апологетическаго сочиненія Діонисія Александрійскаго. Его имя находилось бы въ Евангеліяхъ, въ *Дѣяніяхъ*, въ одномъ изъ посланій. Мы знали бы, какъ онъ вышелъ изъ Іерусалима. Изъ всѣхъ новозавѣтныхъ авторовъ, авторъ Апокалипсиса лучше всего знакомъ съ Писаніемъ, больше всѣхъ нихъ привязанъ къ храму и больше всѣхъ ихъ еврействуетъ; такая личность не могла бы воспитаться въ провинціи. Онъ не можетъ не быть уроженцемъ Іудеи; онъ всѣми своими фибрами связанъ съ Церковью Израиля. Если *пресвитеръ Іоаннъ* существовалъ, то онъ былъ ученикомъ Іоанна апостола во время глубокой старости послѣдняго; Папій, повидимому, довольно близко сталкивался съ нимъ или, по меньшей мѣрѣ, былъ его современникомъ. Мы допускаемъ даже, что онъ иногда помогалъ своему учителю писать, и считаемъ допустимымъ взглядъ, согласно которому ему приписывается редакція четвертаго Евангелія и перваго посланія, принадлежащаго, якобы, Іоанну. Второе и третье посланія, приписываемыя Іоанну, авторъ которыхъ обозначаетъ себя словомъ *пресвитеръ* кажутся намъ его собственнымъ сочиненіемъ и признаннымъ таковымъ Но, разумѣется, если даже предположить, что *пресвитеръ Іоаннъ* имѣетъ отношеніе ко второму разряду іоанновыхъ твореній (тому, который заключаетъ въ себѣ четвертое Евангеліе и всѣ три посланія), то къ сочиненію Апокалипсиса онъ не причастенъ. Если есть вообще что либо очевидное, то это то, что Апокалипсисъ съ одной стороны и Еван-

геліе и посланія съ другой не вышли изъ подъ одного и того же пера. Апокалипсисъ является наиболѣе еврействующей, а четвертое посланіе наименѣе еврействующей изъ книгъ Новаго Завѣта. Допуская, что апостолъ Іоаннъ является въ дѣйствительности авторомъ одного изъ приписываемыхъ ему преданіемъ произведеній, послѣднее есть, безъ сомнѣнія, Апокалипсисъ, а не Евангеліе. Апокалипсисъ вполнѣ соотвѣтствуетъ рѣзкимъ взглядамъ, которые онъ, повидимому, принялъ въ борьбѣ между христіано-іудеями и Павломъ; Евангеліе же этимъ взглядамъ не соотвѣтствуетъ. Старанія нѣкоторыхъ Отцовъ греческой Церкви въ III-мъ вѣкѣ приписать Апокалипсисъ *пресвитеру* происходили отъ нелюбви, которую эта книга внушала тогда правовѣрнымъ ученымъ. Они не могли вынести мысли, чтобы писаніе, слогъ котораго они находили варварскимъ и которое казалось имъ пропитаннымъ чувствами ненависти еврейской было трудомъ апостола. Мнѣніе ихъ было слѣдствіемъ неимѣющаго никакой цѣны апріорнаго предположенія, а не выраженіемъ преданія или критическаго разсужденія. Если слова: „я Іоаннъ", стоящія въ первой главѣ Апокалипсиса правдивы, то Апокалипсисъ дѣйствительно написанъ апостоломъ Іоанномъ. Но апокапсилисы по существу своему всегда пишутся подъ псевдонимами. Авторы апокалипсисовъ Даніила, Іоны, Варуха, Ездры выдавали себя за самихъ Даніила, Іону, Варуха, Ездру. Церковь II-го вѣка, также точно, какъ Апокалипсисъ Іоанна, принимала и Апокалипсисъ Петра, который навѣрное представлялъ апокрифъ. Если въ томъ Апокалипсисѣ, который остался въ числѣ священныхъ книгъ, авторъ называетъ свое настоящее имя, то мы тогда имѣемъ въ этомъ случаѣ странное исключеніе изъ правилъ для этого рода произведеній. — И вотъ, мы полагаемъ, что такой случай исключенія слѣдуетъ допустить. Дѣйствительно, существенное различіе отличаетъ канонической Апокалипсисъ отъ другихъ, сохранившихся до нашего времени, писаній того-же рода. Большинство апокалипсисовъ приписывается лицамъ, которыя дѣйствительно или предположительно благоденствовали 500 или 600, иногда тысячу лѣтъ ранѣе ихъ написанія. Во второмъ вѣкѣ апокалипсисы приписывались людямъ, жившимъ въ вѣкъ апостоловъ. *Пастырь* и псевдо-климентовы писанія на 50 или 60 лѣтъ моложе лицъ, которымъ ихъ приписываютъ. Тоже, вѣроятно, относится и къ Апокалип-

сису Петра; по крайней мѣрѣ ничто не доказываетъ, чтобы онъ отличался чѣмъ нибудь особеннымъ, мѣстнымъ, личнымъ. Каноническій-же Апокалипсисъ, наоборотъ, будь онъ даже написанъ подъ всевдонимомъ, былъ-бы приписанъ апостолу Іоанну во время жизни послѣдняго или очень немного времени спустя его смерть. Если бы не первыя три главы, это было бы, строго говоря, возможнымъ; но какъ допустить въ поддѣлывателѣ столько смѣлости, чтобы онъ рѣшился обратиться со своимъ апокрифическимъ произведеніемъ къ семи Церквамъ, состоявшимъ въ сношеніямъ съ апостоломъ? Если же отвергать такія сношенія, какъ то дѣлаетъ Шольтенъ, тогда приходится столкнуться съ еще болѣе важнымъ сомнѣніемъ; ибо тогда необходимо допустить, что поддѣлыватель, съ ни съ чѣмъ не сравнимой глупостью, пишетъ Церквамъ, никогда Іоанна не знавшимъ, изображая своего выдуманнаго Іоанна бывавшимъ въ Патмѣ, совсѣмъ близко отъ Эфеса, знакомымъ съ самыми интимными ихъ тайнами и имѣющимъ на нихъ неограниченное вліяніе. Неужели Церкви эти, согласно гипотезѣ Шольтена отлично знавшія, что Іоаннъ никогда не бывалъ ни въ Азіи, ни около Азіи, попались бы на такую грубую уловку? По всѣмъ гипотезамъ изъ Апокалипсиса выводится заключеніе, что апостолъ Іоаннъ нѣкоторое время былъ главою азійскихъ Церквей. Разъ это установлено, очень трудно не заключить изъ этого, что апостолъ Іоаннъ дѣйствительно былъ авторомъ Апокалипсиса, ибо разъ время написанія книги установлено вполнѣ точно, тогда уже не откуда взяться промежутку времени, необходимому для совершенія подлога. Если апостолъ въ Январѣ 69-го года жилъ въ Азіи или хотя бы случайно былъ тамъ, то четыре первыя главы съ точки зрѣнія поддѣлывателя необъяснимы. Предполагая вмѣстѣ съ Шольтеномъ, что апостолъ Іоаннъ умеръ въ началѣ 69 го года (что повидимому не соотвѣтствуетъ истинѣ), мы нисколько не выпутаемся изъ затрудненій. Дѣйствительно, книга написана такъ, какъ будто-бы авторъ откровенія былъ еще въ живыхъ; она предназначается къ немедленному распространенію среди азійскихъ церквей; если бы апостола въ это время въ живыхъ уже не было, мошенничество было бы слишкомъ явнымъ. Что сказали бы въ Эфесѣ, около Февраля 69-го года, получивъ такую книгу, относительно которой утверждалось бы, что она написана апостоломъ, о которомъ всѣмъ отлично было извѣстно,

что онъ уже умеръ, и котораго, согласно Шольтену, тамъ никогда не видали!

Разборъ книги по существу не только не опровергаетъ этой гипотезы, но наоборотъ сильно подтверждаетъ ее. Апостолъ Іоаннъ былъ, повидимому, послѣ Іакова самымъ пылкимъ изъ христіано-іудеевъ; Апокалипсисъ, со своей стороны, дышетъ страшной ненавистью къ Павлу и къ тѣмъ, кто пренебрегалъ исполненіемъ еврейскаго закона. Книга эта вполнѣ соотвѣтствуетъ рѣзкому и фанатическому характеру, которымъ повидимому отличался Іоаннъ. Это поистинѣ произведеніе „сына грома", страшнаго *боанерга*, того, который не хотѣлъ позволить произносить имя его учителя никому, кто не принадлежалъ къ самому тѣсному кругу учениковъ; того, кто, еслибъ это было въ его силахъ, засыпалъ-бы дождемъ огня и сѣры негостепріимныхъ самаритянъ. Описаніе небеснаго двора, съ его совершенно земнымъ великолѣпіемъ трона и вѣнцовъ, вполнѣ согласно съ тѣмъ, что можно ожидать отъ человѣка, который въ молодости мечталъ единственно только о томъ, чтобы вмѣстѣ съ братомъ возсѣсть на троны, одесную и ошуюю Мессіи. Двумя великими заботами автора Апокалипсиса являются Римъ (гл. XIII и сл.) и Іерусалимъ (гл. XI и XII). Повидимому онъ видѣлъ Римъ, его храмы, его статуи, великое императорское поклоненіе язычеству, а такое путешествіе Іоанна въ Римъ, во слѣдъ Петру, не трудно предположить. То, что относится къ Іерусалиму, еще поразительнѣе. Авторъ постоянно возвращается къ «возлюбленному городу»; онъ только о немъ и думаетъ; онъ знакомъ со всѣми приключеніями Іерусалимской Церкви во время іудейской революціи (вспомнимъ прекрасный образъ женщины и ея бѣгства въ пустыню); чувствуется, что онъ былъ однимъ изъ столповъ этой Церкви, горячимъ ревнителемъ еврейской партіи. Все это вполнѣ подходитъ къ Іоанну. Малоазійское преданіе также сохранило, кажется, воспоминаніе объ Іоаннѣ, какъ о строго-іудействующемъ. Въ спорѣ относительно Пасхи, который такъ сильно волновалъ Церкви во вторую половину II-го вѣка, авторитетъ Іоанна является главнымъ аргументомъ, который приводятъ азійскія Церкви въ пользу празднованья Пасхи, по прежнему, сообразно еврейскому закону, 14-го Нисана. Поликарпъ въ 160-мъ году и Поликратъ въ 190-мъ году взываютъ къ его авторитету, чтобы защитить свой древній обычай отъ новаторовъ, которые, опираясь на четвертое евангеліе, не согла-

шались, чтобы Іисусъ, истинная Пасха, вкушалъ пасхальнаго агнца наканунѣ своей смерти, и переносили празднество на день Воскресенья.

Языкъ Апокалипсиса также является доводомъ въ пользу приписанія книги одному изъ членовъ Іерусалимской Церкви. Слогъ этотъ совершенно отличается отъ слога остальныхъ писаній Новаго Завѣта. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что книга была написана по гречески; но этотъ греческій языкъ былъ какъ бы срисованъ съ еврейскаго, продуманъ по еврейски, и понять и оцѣнить его въ состояніи были только люди, знакомые съ еврейскимъ. Авторъ до удивительной степени воспитанъ на пророчествахъ и апокалипсисахъ, предшествовавшихъ его собственному. Онъ, очевидно, знаетъ ихъ наизусть. Онъ знакомъ съ греческой версіей священныхъ книгъ; но библейскіе тексты представляются ему въ еврейскомъ подлинникѣ. Какая разница со стилемъ Павла, Луки, автора Посланія къ Евреямъ и даже синоптическихъ Евангелій! Только человѣкъ, проведшій цѣлые годы въ Іерусалимѣ, въ школахъ, окружавшихъ храмъ, могъ быть до такой степени проникнутымъ библіей и принимать такое живое участіе въ страстяхъ революціоннаго народа, въ его надеждахъ, въ его ненависти къ римлянамъ.

Наконецъ, нельзя пренебречь еще однимъ обстоятельствомъ. Апокалипсисъ содержитъ нѣсколько чертъ, имѣющихъ отношеніе къ четвертому Евангелію и къ посланіямъ, приписываемымъ Іоанну. Такъ, выраженіе: „слово Божіе", такое характерное для четвертаго Евангелія, впервые находится въ Апокалипсисѣ. Образъ „воды живой" — тоже общій для обоихъ произведеній. Выраженіе «агнецъ Божій» въ четвертомъ Евангеліи напоминаетъ выраженіе «Агнецъ», которымъ обыкновенно обозначается въ Апокалипсисѣ Христосъ. Обѣ книги примѣняютъ къ Мессіи текстъ Захаріи (XII, 10) и переводятъ его одинаковымъ образомъ. Отъ насъ далека мысль заключить изъ этихъ фактовъ, будто четвертое Евангеліе и Апокалипсисъ написаны однимъ и тѣмъ же лицомъ, но то, что четвертое Евангеліе, авторъ котораго не могъ не быть какимъ бы то ни было образомъ связаннымъ съ апостоломъ Іоанномъ, въ своемъ слогѣ и образахъ представляетъ нѣкоторое сходство съ книгой, приписываемой на основаніи вѣскихъ доводовъ апостолу Іоанну, далеко для насъ не безразлично.

Церковное преданіе относительно занимающаго насъ вопроса колеблется. Приблизительно до 150-го года Апокалипсису повидимому не придавалось Церковью то значеніе, какое по нашему мнѣнію слѣдовало бы придавать писанію, если бы была увѣренность въ томъ, что владѣя имъ, она владѣетъ торжественнымъ заявленіемъ, вышедшимъ изъ-подъ пера одного изъ апостоловъ. Сомнительно, чтобы Папій допускалъ, что произведеніе это было составлено апостоломъ Іоанномъ. Папій былъ такимъ-же точно приверженцемъ милленаризма, какъ Апокалипсисъ; но онъ, повидимому, заявлялъ, что взялъ это ученіе изъ «незаписаннаго преданія». Еслибы онъ ссылался на Апокалипсисъ, объ этомъ упомянулъ бы Эвзебій, который такъ тщательно собираетъ все, что этотъ древній Отецъ говорилъ объ апостольскихъ писаніяхъ. Авторъ Гермасова *Пастыря,* повидимому, знакомъ съ Апокалипсисомъ и подражаетъ ему; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ считалъ его сочиненіемъ Апостола Іоанна. Іустинъ около середины II-го вѣка, впервые громко заявляетъ что Апокалипсисъ дѣйствительно является сочиненіемъ Апостола Іоанна, а св. Іустинъ, не вышедшій изъ лона ни одной изъ великихъ Церквей, въ дѣлѣ преданій представляетъ посредственный авторитетъ. Мелитонъ, комментировавшій нѣкоторыя мѣста произведенія, Өеоөилъ Антіохійскій и Аполлоній, много пользовавшіеся имъ въ своей полемикѣ, повидимому, все же приписываютъ его, подобно Іустину, самому Апостолу. То же слѣдуетъ сказать и о *Мураторскомъ Канонѣ.* Начиная съ двухсотаго года всего болѣе распространено то мнѣніе, что Іоаннъ Апокалипсиса есть именно Апостолъ. Ириней, Тертулліанъ, Климентъ Александрійскій, Оригенъ, авторъ *Philosophumena* въ этомъ ничуть не сомнѣваются. Однако другіе твердо поддерживаютъ обратное мнѣніе. Для тѣхъ, кто все болѣе и болѣе отклонялся отъ первоначальныхъ христіано-іудаизма и милленаризма, Апокалипсисъ былъ книгой опасной, защищать которую было невозможно, книгой, недостойной апостола, такъ какъ она заключала неосуществившіяся пророчества. Марціонъ, Цердонъ и гностики безусловно отвергали ее; *Апостольскія Положенія* пропускаютъ ее въ своемъ Канонѣ; старая *Peschito* ея не содержитъ. Противники монтанистическихъ мечтаній, какъ напримѣръ священникъ Кай, алоги, дѣлали видъ, что видѣли въ немъ произведеніе Керинөа. Наконецъ во второй половинѣ III-го вѣка Александрійская школа, въ своей ненависти къ милленаризму,

возрождающемуся вслѣдствіе гоненія Валеріана, критикуетъ книгу эту съ чрезвычайной строгостью и нескрываемымъ недоброжелательствомъ; епископъ Діонисій вполнѣ доказываетъ, что Апокалипсисъ не можетъ принадлежать тому же автору, какъ и четвертое Евангеліе, и вводитъ въ моду гипотезу *Пресвитера*. Въ IX-мъ вѣкѣ греческая церковь совершенно раскололась. Эвзебій хотя и колеблется, но въ общемъ неблагопріятно относится къ теоріи, приписывающей произведеніе наше сыну Зеведееву. Григорій Назіанзскій и почти всѣ образованные христіане того времени отказывались считать апостольскимъ писаніемъ книгу, такъ сильно противорѣчащую ихъ склонностямъ, ихъ апологетическимъ взглядамъ, и предразсудкамъ, которые внушило имъ воспитаніе. Можно утверждать, что если бы эта партія имѣла достаточно власти, она бы поставила Апокалипсисъ наряду съ *Пастыремъ* и съ antilegomena, греческій текстъ которыхъ почти цѣликомъ утерянъ. Къ счастью, было уже слишкомъ поздно для того, чтобы подобныя исключенія могли удаться. Благодаря искуснымъ самопротиворѣчіямъ, книга, содержащая страшныя оскорбленія Павла, сохранилась наряду съ произведеніями самого Павла, и вмѣстѣ съ послѣдними составляетъ единое цѣлое, которое считается исходящимъ отъ одного и того-же духа,

Имѣютъ ли эти настойчивыя возраженія, представляющія столь важное явленіе въ церковной исторіи, важное значеніе въ глазахъ независимой критики? Сомнительно, чтобы оно было такъ. Конечно, Діонисій Александрійскій недалекъ отъ истины, утверждая, что четвертое Евангеліе и Апокалипсисъ не могъ написать одинъ и тотъ же человѣкъ. Но современная критика относительно этой дилеммы высказалась совершенно иначе, чѣмъ критика III вѣка. Подлинность Апокалипсиса кажется ей гораздо болѣе вѣроятной, чѣмъ подлинность Евангелія, и если въ іоанновыхъ твореніяхъ необходимо удѣлить мѣсто таинственному *Пресвитеру Іоанну*, то ему слѣдуетъ приписать скорѣе Евангелія и посланія, нежели Апокалипсисъ. На какомъ основаніи противники монтанизма въ III мъ вѣкѣ, христіане эллиническихъ школъ Александріи, Цезареи, Антіохіи въ IV-мъ, отрицали, что авторомъ Апокалипсиса дѣйствительно является апостолъ Іоаннъ? На основаніи ли преданія, сохранившагося въ Церквахъ воспоминанія? Нисколько. Ихъ доводы были апріорными доводами богословія. Во-первыхъ, приписаніе Апокалипсиса апостолу дѣлало почти

научить насъ подозрительности. Многіе черты Апокалипсиса не подходятъ непосредственному ученику Іисуса. Для насъ странно видѣть, какъ одинъ изъ членовъ интимной комиссіи, гдѣ было выработано Евангеліе, представляетъ намъ своего стараго друга Мессіей славы, сидящимъ на тронѣ Божіемъ, правящимъ народами и столь отличнымъ отъ Галлилейскаго Мессіи, что Ясновидецъ при видѣ его содрагается и падаетъ полумертвымъ. Трудно предположить, чтобы память настолько измѣнила человѣку, знавшему настоящаго Іисуса, хотя бы по прошествіи 36 лѣтъ. Марія Магдалина, узрѣвъ воскресшаго Іисуса, восклицаетъ: „О Господинъ мой!", а Іоаннъ видя раскрывшееся небо, находитъ тамъ Того, Котораго онъ любилъ, преобразившимся въ грознаго Христа!... Надо добавить, что не менѣе удивителенъ тотъ фактъ, что изъ подъ пера одного изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ евангельской идилліи выходитъ искусственное сочиненіе, въ полномъ смыслѣ слова подражаніе, въ каждой строчкѣ котораго проглядываетъ холодная копировка видѣній древнихъ пророковъ. Образъ Галлилейскихъ рыбаковъ, предлагаемый намъ въ синоптическихъ Евангеліяхъ, совершенно не сходится съ образомъ писателей, усидчиво читающихъ древнія книги, ученыхъ раввиновъ. Остается выяснить, что именно ошибочно: быть можетъ, ошибочна картина синоптическихъ Евангелій и люди, окружавшіе Іисуса, были гораздо болѣе педантами, схоластами, гораздо болѣе похожими на мытарей и фарисеевъ, чѣмъ то заставляетъ предположить разсказъ Матвѣя, Марка и Лука.

Если допустить вышеуказанную гипотезу, согласно которой Іоаннъ не написалъ Апокалипсиса собственноручно, но одобрилъ его, то мы имѣемъ другую выгоду: тогда объясняется, какимъ образомъ книга эта получила такое небольшое распространеніе въ теченіе первыхъ трехъ четвертей вѣка, послѣдовавшихъ за ея написаніемъ. Весьма возможно, что послѣ 70 года авторъ, видя взятіе Іерусалима, прочное положеніе Флавіевъ, снова укрѣпившуюся Римскую имперію, видя, словомъ, что міръ продолжаетъ существовать, несмотря на истеченіе предуказаннаго ему трехъ съ половиною лѣтняго срока, самъ пріостановилъ оглашеніе своего труда. Дѣйствительно, Апокалипсисъ получилъ все свое настоящее значеніе только около середины II вѣка, когда милленаризмъ сталъ въ Церкви предметомъ раздора, и въ особенности когда гоненія снова придали проклятіямъ Звѣря смыслъ и умѣстность.

Судьба Апокалипсиса, такимъ образомъ, связана со смѣной мира и испытаній, которую пришлось пережить Церкви. Каждое гоненіе содѣйствовало его распространенію; настоящую опасность пришлось книгѣ испытать тогда, когда гоненія прекратились, ибо тогда ее чуть-чуть не изгнали изъ числа каноническихъ книгъ, какъ обманное и соблазнительное произведеніе.

Такъ какъ два преданія, правдоподобность которыхъ я допустилъ въ настоящей книгѣ, а именно посѣщеніе Петромъ Рима и пребываніе Іоанна въ Эфесѣ, послужили предметомъ долгихъ пререканій, я сдѣлалъ ихъ темой особаго прибавленія, помѣщеннаго въ концѣ настоящей книги. Въ частности я разсмотрѣлъ новѣйшій опытъ Шольтена о пребываніи апостоловъ въ Азіи съ той тщательностью, какой заслуживаютъ всѣ сочиненія почтеннаго голландскаго критика. Заключенія, къ которымъ я пришелъ, и которыя я, впрочемъ, считаю только вѣроятными, безъ сомнѣнія вызовутъ, точно также какъ и употребленіе, сдѣланное мною изъ четвертаго Евангелія при составленіи *Жизни Іисуса*, презрѣніе высокомѣрной молодой школы, въ глазахъ которой всякое положеніе считается доказаннымъ, разъ оно отрицательное, и которая недопускающимъ возраженій тономъ объявляетъ невѣжами тѣхъ, кто не соглашается безусловно съ ея преувеличенными взглядами. Я прошу серіознаго читателя вѣрить, что у меня къ нему достаточно уваженія, чтобы не пренебрегать ничѣмъ, что можетъ содѣйствовать отысканію истины въ томъ родѣ изслѣдованій, о которомъ я съ нимъ бесѣдую. Но, согласно моимъ убѣжденіямъ, исторія и разсужденія должны строго другъ отъ друга отличаться. Исторія можетъ быть составлена лишь послѣ того, какъ ученые нагромоздили цѣлыя библіотеки критическихъ опытовъ и изслѣдованій; но когда исторіи удается выдѣлиться, тогда она обязана дать читателю только указаніе на каждый изъ подлинныхъ источниковъ, на которыхъ основано то, что она утверждаетъ. Правда, мой методъ предполагаетъ, что читатели знакомы съ изслѣдованіями Ветхаго и Новаго Завѣта, а такихъ во Франціи немного; но много ли серіозныхъ книгъ имѣли бы право на существованіе, если бы автору передъ ихъ составленіемъ нужно было бы питать увѣренность, что у него будетъ аудиторія, вполнѣ понимающая его? Къ тому же я утверждаю, что если даже читатель не знаетъ нѣмецкаго языка, но знакомъ съ

тѣмъ, что было написано по данному предмету на нашемъ языкѣ, то онъ отлично можетъ слѣдить за моимъ разсужденіемъ. Прекрасный сборникъ, озаглавленный „Богословское Обозрѣніе“, печатавшійся вплоть до послѣднихъ лѣтъ въ Страсбургѣ, представляетъ энциклопедію современной экзегезы, конечно не избавляющую отъ необходимости справляться съ нѣмецкими и голландскими книгами, но въ которой, однако, нашли откликъ всѣ крупныя изслѣдованія ученаго богословія за послѣдніе полвѣка. Сочиненія Рейсса, Ревиля, Шерера, Кинлена, Пулэна и вообще диссертаціи Страсбургскаго университета также могутъ дать солидныя свѣдѣнія читателю, жаждущему болѣе подробнаго знанія. Само собой разумѣется, что тѣ, кто будетъ въ состояніи прочесть сочиненія Христіана Баура, отца этой науки, Целлера, Швеглера, Фолькмара, Хильгенфельда, Люкэ, Липсіуса, Гольцмана, Эвальда, Кэйма, Гаусрата, Шольтена, будутъ освѣдомлены еще лучше. Я во всю свою жизнь громко говорилъ, что основаніемъ научной критики библіи и относящимися къ послѣдней сочиненіями Германія стяжала себѣ неувядаемую славу. Я достаточно часто говорилъ это, чтобы меня нельзя было упрекнуть въ замалчиваніи услугъ, многократно мною признанныхъ; школа нѣмецкихъ экзегетовъ имѣетъ свои недостатки; недостатки эти таковы, что всякій теологъ, даже самый свободомыслящій, не можетъ избѣжать ихъ; но то терпѣніе, умственная стойкость, добросовѣстность, которыя проявили при этой изслѣдовательной работѣ нѣмцы, представляетъ явленіе, поистинѣ удивительнсе и заслуживаетъ глубокаго уваженія. Между многими прекрасными камнями, положенными Германіей въ основаніе зданія человѣческаго ума, зданія, которое сообща строится всѣми народами, библическая наука представляетъ, быть можетъ, ту глыбу, которая обтесана съ наибольшей тщательностью, и которая въ наиболѣе высокой степени носитъ на себѣ отпечатокъ личности труженика.

И въ настоящей книгѣ, какъ и въ предшествующихъ, я многимъ обязанъ полной готовности и неистощимой любезности, съ которой мои ученые коллеги и друзья, гг. Эггеръ, Леонъ Ренье, Деренбургъ, Ваддингтонъ, Буасье де-Лонперье, де-Витте, Ле Бланъ, Делорье предоставляли въ мое распоряженіе свои знанія, разрѣшая мнѣ ежедневно обращаться къ нимъ за разъясненіемъ тѣхъ пунктовъ, которые касаются

ихъ спеціальностей. Г. Нейбауэръ просмотрѣлъ талмудическую часть. Не смотря на свои занятія въ Палатѣ, г. Ноэль Парфэ былъ такъ любезенъ, что продолжалъ оказывать мнѣ услуги лучшаго изъ корректоровъ. Наконецъ, я не могу не выразить моей живѣйшей признательности гг. Амари, Пьетро Роза, Фабіо Гори, Фіорелли, Минервини, де-Лука, которые во время совершеннаго мною въ прошломъ году путешествія въ Италію служили мнѣ драгоцѣнными проводниками. Ниже будетъ видно, какимъ образомъ это путешествіе во многихъ отношеніяхъ было связано съ предметомъ настоящей книги. Хотя я и прежде уже зналъ Италію, я все-таки жаждалъ еще разъ привѣтствовать страну великихъ воспоминаній, ученую мать всякаго возрожденія. Согласно одной раввинской легендѣ, въ Римѣ, во время долгаго траура красоты, который называется средневѣковіемъ, хранилась въ скрытомъ мѣстѣ древняя статуя, такая прекрасная, что римляне ночью приходили украдкой обнять ее. Плодомъ этихъ языческихъ объятій былъ, какъ гласитъ преданіе, Антихристъ. Этотъ сынъ мраморной статуи, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно является сыномъ Италіи. Всѣ великіе протесты человѣческаго сознанія противъ преувеличеній христіанства исходили нѣкогда изъ этой страны; изъ нея-же имъ суждено исходить и въ будущемъ.

Я не стану скрывать, что склонность къ исторіи, то ни съ чѣмъ несравнимое удовлетвореніе, которое испытываешь при видѣ того, какъ развертывается зрѣлище жизни человѣчества, особенно увлекли меня въ настоящей книгѣ. Мнѣ слишкомъ много удовольствія составило доставленіе ея, чтобы я искалъ себѣ другой награды, кромѣ удовлетворенія отъ мысли, что я написалъ ее. Часто я упрекалъ себя въ томъ, что въ глубинѣ своего кабинета я такъ счастливъ, въ то время, когда мое бѣдное отечество чахнетъ въ медленной агоніи; но совѣсть моя спокойна. Во время выборовъ 1869 года я предложилъ себя моимъ согражданамъ-избирателямъ; на всѣхъ моихъ афишахъ крупными буквами было написано: „никакой революціи; никакой войны; война привела бы къ такимъ же грустнымъ послѣдствіямъ, какъ революція“. Въ сентябрѣ 1870 г. я заклиналъ просвѣщенные умы Германіи и Европы подумать о страшномъ бѣдствіи, которое грозило цивилизаціи. Во время осады, въ Парижѣ, въ ноябрѣ 1870 г. я подвергалъ себя опасности стать чрезвычайно непопулярнымъ, давая совѣтъ созвать собраніе, которому были бы даны полномочія для

начатія мирныхъ переговоровъ. На выборахъ 1871 года я отвѣчалъ на сдѣланныя мнѣ предложенія: „Къ такому порученію нельзя стремиться, точно также, какъ отъ него нельзя отказаться“. По возстановленіи порядка я отдалъ все свое вниманіе тѣмъ реформамъ, которыя я считаю наиболѣе спѣшными для спасенія нашей отчизны. Итакъ, я сдѣлалъ все, что могъ. Нашъ долгъ передъ отечествомъ,— быть съ нимъ искреннимъ; мы не обязаны мошенничать, чтобы заставить его принять наши услуги или согласиться съ нашими взглядами.

Можетъ быть, однако, настоящая книга, хотя и предназначающаяся прежде всего для любопытныхъ и художниковъ, окажется содержащей довольно много свѣдѣній. Въ ней изображается преступленіе, дошедшее до своей крайней степени, и протесты святыхъ, возвышающіеся до божественныхъ нотъ. Такое зрѣлище не можетъ не принести плодовъ въ религіозномъ отношеніи. Я одинаково вѣрю въ то, что религія никогда не является субъективнымъ обманомъ нашего существа, въ то что она отвѣчаетъ внѣшней реальности и въ то, что тотъ, кто слѣдуетъ ея внушеніямъ, поступаетъ хорошо. Упрощеніе религіи не является потрясаніемъ ея основъ, а наоборотъ часто служитъ къ укрѣпленію ея. Это доказываютъ современныя намъ мелкія протестантскія секты, точно также, какъ и нарожденіе самого христіанства, Крупная ошибка католицизма состоитъ во взглядѣ, будто можно бороться съ успѣхами матеріализма съ помощью сложной догматики, съ каждымъ днемъ загромождающей себя новымъ зарядомъ чудесъ.

Народъ въ наши дни можетъ выносить только религію, не говорящую о чудесахъ; и такая религія все же могла бы существовать, если-бы лица, на которыхъ возложена забота о душѣ, мирились съ долей позитивизма, вошедшей въ плоть и кровь рабочихъ классовъ, и дѣлали изъ культа средство нравственнаго просвѣщенія и благотворнаго объединенія. Человѣку, надъ семьей и внѣ государства, нужна Церковь. Удивительная демократія Соединенныхъ Штатовъ Америки держится только благодаря ихъ безчисленнымъ сектамъ. Если' какъ то можно предположить, непримиримому католицизму уже не суждено имѣть успѣха въ большихъ городахъ, если ему не суждено уже больше вновь приводить народъ въ свои храмы, то слѣдуетъ, чтобы по личной иниціативѣ основывались мелкіе центры, гдѣ слабый могъ бы найти поученіе, духовную поддержку, руководство, а иногда и матеріальную помощь. У

свѣтскаго общества, носитъ ли оно имя коммуны, кантона или провинціи, государства или отечества, есть свои обязанности по отношенію къ поднятію уровня личности; но дѣло его по необходимости ограничено. У семьи такихъ обязанностей гораздо больше; но часто у нея нѣтъ достаточно силъ для ихъ исполненія; иногда же она къ этому совершенно не способна. Только союзы, въ основу которыхъ положенъ нравственный принципъ, могутъ представить для всякаго человѣка, родившагося на свѣтъ, связующее звено съ прошлымъ, могутъ показать ему его обязанности по отношенію будущему, примѣры, достойные подражанія; могутъ передать ему въ наслѣдство добродѣтель, съ тѣмъ, чтобы онъ передалъ ее дальше; только такіе союзы могутъ поручить ему быть продолжателемъ древняго самоотверженія.

АНТИХРИСТЪ.

ГЛАВА I.

Плѣнъ Павла въ Римѣ.

Времена были любопытныя, и никогда, можетъ быть, роду человѣческому не приходилось переживать болѣе необычайныхъ временъ. Нерону шелъ 24-ый годъ. Разумъ этого несчастнаго молодого человѣка, котораго преступная мать въ 17 лѣтъ поставила во главѣ свѣта, окончательно улетучивался. Уже давно много признаковъ тревожило тѣхъ, кто зналъ его. Это былъ удивительно актерскій характеръ, дурной, лживый, легкомысленный и тщеславный; невѣроятная смѣсь ложныхъ понятій, сильнѣйшей злобы, ужаснѣйшаго и угрюмаго эгоизма, смѣшаннаго съ невозможной мелочностью въ пустякахъ. Для того, чтобы превратить его въ такое чудовище, подобнаго которому не имѣется въ исторіи и сходство съ которымъ можно найти только въ субъектахъ патологическихъ лѣтописей эшафота, понадобились, однако, совершенно особыя условія. Та школа преступленій, въ которой онъ выросъ, отвратительное вліяніе матери, необходимость, въ которую онъ былъ почти неизбѣжно поставленъ этой возмутительной женщиной начать свою жизнь съ отцеубійства, скоро заставили его считать міръ ужасной комедіей, которой онъ былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Въ то время, къ которому относится начало нашего разсказа, онъ совершенно отдалился отъ философовъ, своихъ учителей; онъ убилъ почти всѣхъ своихъ близкихъ, ввелъ въ моду самыя постыдныя

безумства; часть римскаго общества, слѣдуя его примѣру. упала до послѣдней степени развращенности... Древняя суровость дошла до высшей точки своего развитія, и начиналась реакція справедливыхъ инстинктовъ народныхъ. Къ тому моменту, когда Павелъ прибылъ въ Римъ, хроника дня состояла въ слѣдующемъ:

Педаній Секундъ, префектъ Рима, консуляръ, только что былъ убитъ однимъ изъ своихъ рабовъ, причемъ въ пользу преступника нельзя было выставить никакихъ смягчающихъ обстоятельствъ. По закону, всѣ рабы, жившіе во время преступленія подъ однимъ кровомъ съ убійцей, должны были быть преданы казни. Въ такомъ положеніи находилось около 400 несчастныхъ. При извѣстіи, что ужасная экзекуція должна состояться, то чувство справедливости, которое таится въ сознаніи даже наиболѣе низко упавшаго народа, возмутилось. Произошелъ бунтъ, но сенатъ и императоръ рѣшили, что законъ долженъ быть соблюденъ.

Возможно, что между этими четырьмя стами невинными, преданными въ жертву отвратительному закону, было не мало христіанъ. Пучина зла была достигнута; послѣдующее движеніе могло происходить только въ видѣ поднятія изъ нея. Даже среди самыхъ высшихъ слоевъ общества имѣли мѣсто любопытныя нравственныя явленія. За четыре года до того было много разговоровъ объ одной знатной дамѣ, Помпоніи Грецинѣ, женѣ Авла Плавтія, перваго завоевателя Британіи. Ее обвиняли въ „чужеземныхъ суевѣріяхъ". Одѣвалась она всегда въ черное и никогда не покидала своего строгаго вида. Правда, эту грусть приписывали ужаснымъ воспоминаніямъ, въ особенности о смерти Юліи, дочери Друза, ея ближайшей подруги, которую погубила Мессалина. Одинъ изъ сыновей ея также, повидимому, былъ жертвой одного изъ самыхъ чудовищныхъ безумствъ Нерона; но было очевидно, что Помпонія Грецина носитъ въ сердцѣ своемъ болѣе глубокій трауръ и, быть можетъ, лелѣетъ таинственныя надежды. Согласно древнему обычаю, она была предана суду своего мужа. Плавтій собралъ родныхъ, разсмотрѣлъ дѣло въ семейномъ судѣ и объявилъ свою жену невинной. Эта матрона долго еще прожила спокойно подъ защитой своего мужа, всегда оставаясь печальной и пользуясь всеобщимъ и глубокимъ уваженіемъ. Тайны своей она, повидимому, не открыла никому. Кто знаетъ, не скрывалъ-ли за собой тотъ внѣшній видъ, который поверхностные

наблюдатели принимали за мрачное настроеніе, великимъ спокойствіемъ душевнымъ, тихой сосредоточенностью, покорнымъ ожиданіемъ смерти, презрѣніемъ къ глупому и злому обществу, неизъяснимой радостью, даваемой отказомъ отъ радостей? Кто знаетъ, не была-ли Помпонія Грецина первой святой великаго міра, старшей сестрой Меланіи, Евстохіи и Павлы?

Если такое необыкновенное положеніе подвергало Римскую Церковь опасности политическихъ ударовъ, то за то оно придавало ей, несмотря на ея малочисленность, первостепенное значеніе. Римъ въ Нероновы времена совсѣмъ не былъ похожъ на провинціи. Всякій, кто стремился къ широкой дѣятельности, долженъ былъ направляться туда. У Павла въ этомъ отношеніи былъ извѣстнаго рода инстинктъ, управлявшій имъ. Его прибытіе въ Римъ было въ жизни его почти такимъ же рѣшительнымъ событіемъ, какъ его обращеніе. Онъ считалъ, что достигъ высшаго пункта своей апостольской жизни, и вѣроятно припомнилъ сонъ, въ которомъ, послѣ одного изъ дней, полныхъ борьбы, ему явился Христосъ и сказалъ ему: „дерзай, Павелъ; ибо какъ ты свидѣтельствовалъ о Мнѣ въ Іерусалимѣ, такъ надлежитъ тебѣ свидѣтельствовать и въ Римѣ“.

Какъ только плѣнники приблизились къ стѣнамъ Вѣчнаго Города, центуріонъ Іулій повелъ ихъ къ castra praetoriana, построеннымъ Сеяномъ близъ Номентанской дороги, и передалъ ихъ префекту преторіанцевъ. Апеллирующіе къ императору, какъ только они вступали въ Римъ, считались заключенными, числящимися за императоромъ, и въ качествѣ таковыхъ передавались императорской гвардіи. Префектовъ преторіанцевъ было обыкновенно двое, но въ данный моментъ былъ только одинъ. Эта важная должность съ 51 года была занята благороднымъ Афраніемъ Бурромъ, которому годъ спустя суждено было искупить печальной смертью вину, состоявшую въ томъ, что онъ хотѣлъ дѣлать добро, не разрывая со зломъ. Павелъ, конечно, не былъ съ нимъ ни въ какихъ непосредственныхъ сношеніяхъ. Возможно, тѣмъ не менѣе, что апостолъ обязанъ тѣмъ гуманнымъ обращеніемъ, которое, повидимому, примѣнялось къ нему, именно вліянію этого справедливаго и добродѣтельнаго человѣка на окружающихъ. Павелъ былъ поставленъ въ распоряженіе custodia militaris, т. е. былъ довѣренъ преторіанцу-фрументарію, но не подъ неудобный для него тѣсный и постоянный надзоръ.

Ему разрѣшили жить въ помѣщеніи, нанятомъ на его собственный счетъ, быть можетъ, въ оградѣ *преторіанскихъ казармъ*, гдѣ всѣ могли навѣщать его. Въ этомъ положеніи онъ провелъ два года въ ожиданіи разсмотрѣнія его дѣла въ апелляціонной инстанціи. Въ мартѣ 62 г. умеръ Бурръ; онъ былъ замѣненъ Феніемъ Руфомъ и гнуснымъ Тигеллиномъ, товарищемъ Нерона по распутству и орудіемъ его преступленій. Съ этого момента Сенека удаляется отъ дѣлъ. Единственными совѣтницами Нерона становится фуріи.

Сношенія Павла съ римскими вѣрными начались, какъ мы видѣли [1]), во время послѣдняго посѣщенія апостоломъ Коринфа. Черезъ три дня послѣ прибытія онъ пожелалъ, по всегдашнему своему обыкновенію, вступить въ сношенія съ главными хакамимами. Римское христіанство создалось не въ лонѣ синагоги; первую Церковь столицы міра образовали объединившіеся между собой вѣрующіе, прибывшіе въ Остію или Пуццоли; и Церковь эта не имѣла почти никакихъ связей съ различными синагогами того же города. Огромные размѣры Рима и толпы находившихся тамъ иностранцевъ были причиной того, что тамъ мало знали другъ друга и что противоположные взгляды могли высказываться тамъ на ряду другъ съ другомъ, не сталкиваясь между собою. Въ виду этого Павлу пришлось повести себя согласно тому правилу, которое онъ принялъ во время перваго и второго своего странствія, для тѣхъ городовъ, куда онъ приносилъ зачатки вѣры. Онъ обратился къ нѣкоторымъ изъ главъ синагоги съ просьбой посѣтить его. Положеніе свое онъ представилъ имъ въ самомъ благопріятномъ видѣ, увѣрилъ ихъ, что онъ ничѣмъ не провинился и не намѣренъ провиниться противъ своего народа, что дѣло идетъ о надеждахъ Израиля, т. е. о вѣрѣ въ воскресеніе. Евреи отвѣчали ему, что никогда о немъ не слыхали, не получали никакого относящагося къ нему письма изъ Іудеи, и выразили пожеланія, чтобы онъ самъ изложилъ свои убѣжденія. „Ибо мы,—добавили они,—слыхали, будто секта, о которой ты говоришь, повсюду служитъ предметомъ живѣйшихъ споровъ“.

Назначенъ былъ часъ для преній и довольно много евреевъ собрались въ маленькой комнатѣ апостола съ цѣлью выслушать его. Совѣщаніе продолжалось почти весь день; Па-

1) См. *Апостолъ Павелъ*.

велъ перечислилъ всѣ тексты изъ Моисея и Пророковъ, доказывающіе, по его мнѣнію, что Іисусъ былъ Мессіей. Иные увѣровали; большинство отнеслось недовѣрчиво. Римскіе евреи щеголяли очень строгимъ соблюденіемъ Закона. Среди нихъ Павлу немыслимо было имѣть большой успѣхъ. Собраніе разошлось въ большомъ разладѣ. Павелъ съ неудовольствіемъ привелъ текстъ изъ Исаіи, весьма распространенный среди христіанскихъ проповѣдниковъ и касающійся добровольнаго ослѣпленія огрубѣлыхъ сердецъ, закрывающихъ глаза и затыкающихъ уши, чтобы не видѣть и не слышать истины. Закончилъ онъ, будто бы, обычной своей угрозой принести царство Божіе, которое евреи отъ себя оттолкнули, язычникамъ, которые примутъ его лучше.

Проповѣдь его среди язычниковъ дѣйствительно увѣнчалась гораздо большимъ успѣхомъ. Темница его стала очагомъ горячаго вѣроученія. Въ продолженіе тѣхъ двухъ лѣтъ, которыя онъ провелъ тамъ, его ни разу не стѣсняли въ такой проповѣднической дѣятельности. Около него находились нѣкоторые изъ его учениковъ, по крайней мѣрѣ Тимофей и Аристархъ. Повидимому, друзья его поочередно жили съ нимъ и раздѣляли его заключеніе. Успѣхи Евангелія были поразительны. Апостолъ творилъ чудеса, и ходили слухи, что ему подвластны духи и что онъ располагаетъ небеснымъ могуществомъ. Тюремное заключеніе Павла принесло, такимъ образомъ, больше плодовъ, чѣмъ до того его дѣятельность на свободѣ. Его цѣпи, которыя онъ влачилъ по преторіи и всюду показывалъ съ извѣстной гордостью, сами по себѣ являлись средствомъ проповѣди. Слѣдуя его примѣру и воодушевленные тѣмъ, какъ онъ переносилъ свой плѣнъ, ученики его и другіе римскіе христіане также смѣло проповѣдывали.

Сначала они не встрѣчали никакихъ препятствій. Сама Кампанья и города, расположенные у подножія Везувія, получили, быть можетъ отъ Пуццольской Церкви, первыя поученія христіанства, нашедшаго здѣсь тѣ условія, въ которыхъ обыкновенно происходило его развитіе, т. е. первоначальную еврейскую почву. Произошли любопытные случаи обращенія. Цѣломудріе вѣрныхъ было могущественной приманкой; именно эта добродѣтель привлекла къ христіанству нѣкоторыхъ римскихъ дамъ; въ хорошихъ семьяхъ, дѣйствительно, все еще сохранялись древніе взгляды на необходимость для женщинъ скромности и честности. Новая секта завербовала себѣ приверженцевъ даже

въ самомъ дворцѣ Нерона, быть можетъ среди евреевъ, которыхъ было много среди низшихъ прислужниковъ, среди всѣхъ рабовъ и вольноотпущенниковъ, положеніе которыхъ находилось на границѣ нижайшаго и высочайшаго, самаго блестящаго и самаго жалкаго. Нѣкоторые туманные признаки даютъ намъ основаніе полагать, что Павелъ находился въ сношеніи съ членами или вольноотпущенниками семьи *Аппаеа*. Внѣ всякаго сомнѣнія, съ этого времени хорошо освѣдомленные люди ясно различали въ Римѣ евреевъ отъ христіанъ. Христіанство считалось особымъ «суевѣріемъ», произошедшимъ отъ іудейства, но враждовавшимъ съ этой своей матерью и являвшимся предметомъ ненависти послѣдней. Неронъ въ особенности довольно хорошо зналъ все, что происходило, и съ нѣкоторымъ любопытствомъ требовалъ отчета объ этомъ. Быть можетъ, нѣкоторые изъ окружающихъ его интригановъ-евреевъ уже зажгли въ его воображеніи ту мысль о Востокѣ и обѣщали ему то Іерусалимское царство, о которомъ онъ мечталъ передъ смертью, и которое явилось послѣдней его галлюцинаціей.

Мы не можемъ съ достовѣрностью назвать ни одного изъ членовъ этой Римской Церкви времени Нерона. Одинъ памятникъ сомнительной цѣнности перечисляетъ, какъ друзей Павла и Тимофея, Евбула, Пуденса, Клавдію и того Линнея, изъ котораго церковное преданіе позднѣе сдѣлаетъ преемника Петра на римскомъ епископствѣ. Не хватаетъ намъ также свѣдѣній для опредѣленія числа вѣрныхъ, хотя бы въ приблизительномъ видѣ.

Повидимому, все шло великолѣпно; но та школа, которая поставила себѣ цѣлью яростно бороться до конца съ проповѣдью Павла, не дремала. Мы видѣли, что посланцы этихъ страстныхъ консерваторовъ слѣдовали за нимъ, такъ сказать, по пятамъ, и что апостолъ язычниковъ оставилъ за собою на моряхъ, по которымъ онъ плавалъ, длинный слѣдъ ненависти. Павелъ, изображаемый зловѣщей личностью, которая учитъ вкушать мясо животныхъ, принесенныхъ въ жертву идоламъ, и предаваться блуду съ язычницами, заранѣе всѣмъ указывается и отдается въ жертву всеобщей ярости. Трудно повѣрить этому, но сомнѣній быть не можетъ, потому что самъ Павелъ сообщаетъ намъ это свѣдѣніе. Даже въ этотъ торжественный, рѣшительный моментъ ему пришлось опять столк-
ъ мелкими страстями. Противники его, приверженцы

той же христіано-іудейской школы, съ каковыми ему приходилось въ продолженіе послѣднихъ десяти лѣтъ встрѣчаться на каждомъ шагу, задумали, чтобы сыграть съ нимъ штуку, начать какъ бы анти-проповѣдь Евангелія. Завистливые, спорщики, сварливые, они искали случая надосадить ему, ухудшить положеніе заключеннаго, возбудить противъ него евреевъ и унизить его заслуги закованнаго плѣнника. Добрыя отношенія, любовь, уваженіе, которое показывали ему другіе, ихъ громко высказываемыя убѣжденія, что цѣпи апостола являются славой и лучшимъ доводомъ за Евангеліе, служили ему утѣшеніемъ во всѣхъ этихъ огорченіяхъ. „Но что до того?“ писалъ онъ около этого времени... (Фил. I, 18 и сл.).

«Какъ бы ни проповѣдывали Христа, притворно или искренно, я и тому радуюсь и буду радоваться, при увѣренности и надеждѣ моей, что я ни въ чемъ посрамленъ не буду, но при всякомъ дерзновеніи, и нынѣ, какъ и всегда, возвеличится Христосъ въ тѣлѣ моемъ, жизнью ли то, или смертью. Ибо для меня жизнь—Христосъ, и смерть—пріобрѣтеніе. Если же жизнь во плоти доставляетъ плодъ моему дѣлу, то не знаю, что и брать. Влечетъ меня то и другое: имѣю желаніе разрѣшиться и быть со Христомъ, потомучто это несравненно лучше; а оставаться во плоти нужнѣе для васъ».

Это величіе душевное придавало ему увѣренность, веселое настроеніе, поразительную крѣпость. „Но если я, пишетъ онъ одной изъ своихъ Церквей, и содѣлываюсь жертвою за жертву и служеніе вѣры вашей, то радуюсь и сорадуюсь всѣмъ вамъ; о семъ самомъ и вы радуйтесь и сорадуйтесь мнѣ“. Онъ, однако, съ большой охотой думалъ объ освобожденіи, и даже о скоромъ освобожденіи; онъ видѣлъ въ послѣднемъ торжество Евангелья и отъ этой мысли переходилъ къ новымъ проэктамъ. Правда, что, повидимому, думы его не устремлялись больше къ западу. Въ Филиппы, въ Колоссы думаетъ онъ удалиться, чтобы жить тамъ до дня пришествія Господня. Быть можетъ, онъ за время своего заключенія лучше познакомился съ латинскимъ міромъ и убѣдился, что внѣ Рима и Кампаньи, странъ ставшихъ благодаря сирійской иммиграціи весьма схожими съ Греціей и Малой Азіей, онъ натолкнется на крупныя препятствія, хотя бы изъ за языка. Возможно, что онъ немного зналъ по латыни; но недостаточно для плодотворной проповѣди. Іудейскій и христіанскій прозелитизмъ имѣли въ I-мъ вѣкѣ мало распространенія въ настоящихъ латинскихъ городахъ;

онъ сосредоточился въ такихъ центрахъ, какъ Римъ, Пуццоли, гдѣ вслѣдствіе постояннаго притока уроженцевъ Востока греческій языкъ былъ очень распространенъ. Программа Павла была исполнена въ достаточной степени; онъ проповѣдывалъ Евангелье въ обѣихъ частяхъ свѣта; Онъ оправдалъ свое смѣлое пророчество дойдя до края земли, обойдя всѣ народы, живущіе на землѣ. Теперь Павелъ мечталъ о томъ, чтобы свободно проповѣдывать въ Римѣ, потомъ вернуться къ своимъ Церквамъ въ Македонію и Азію и вмѣстѣ съ нимъ въ молитвенномъ восторгѣ терпѣливо ждать пришествія Христова.

Въ общемъ, это было самое счастливое время жизни апостола. Отъ времени до времени у него оказывались великія утѣшенія; бояться недоброжелательности евреевъ ему было нечего. Бѣдное жилище заключеннаго было центромъ удивительной дѣятельности. Безумства языческаго Рима, его зрѣлища, его скандалы, его преступленія, гнусности Тигеллина, мужество Тразеи Пета, ужасная участь добродѣтельной Октавіи, смерть Палласа, все это мало затрагивало нашихъ благочестивыхъ фанатиковъ вѣры. Свѣтская суета преходяща, говорили они. Великій образъ божественнаго будущаго заставлялъ ихъ закрывать глаза и не видѣть той смѣшанной съ кровью грязи, въ которую погружены были ихъ ноги. По истинѣ, пророчество Іисусово исполнилось. Среди наружнаго мрака, гдѣ царитъ сатана, среди плача и скрежета зубовнаго, основался маленькій рай избранныхъ. Они здѣсь, въ своемъ замкнутомъ міркѣ, изнутри одѣянномъ свѣтомъ и лазурью, въ царствѣ Бога, ихъ отца. Но снаружи,—какой адъ!... Боже, какъ ужасно жить въ этомъ царствѣ Звѣря, гдѣ не издыхаетъ червь и не гаснетъ огонь!

Одну изъ величайшихъ радостей, которую испыталъ Павелъ въ это время его жизни, было Посланіе отъ его милой Филиппійской Церкви, первой, которую онъ основалъ въ Европѣ и гдѣ онъ оставилъ столько преданныхъ и любящихъ людей. Богатая Лидія, та изъ Церквей Малой Азіи, которую онъ называлъ своей „истинной супругой", тоже не забыла его. Епафродитъ, посланецъ Церкви, привезъ собой извѣстную сумму денегъ, въ которыхъ Апостолъ, по всей вѣроятности, сильно нуждался, въ виду расходовъ, которыхъ требовало его новое положеніе. Павелъ, который всегда дѣлалъ для Филиппійской [illegible] исключеніе, принимая отъ нея то, въ чемъ ни за что [illegible]ъ одолжиться у какой бы то ни было другой, и въ

этотъ разъ принялъ деньги съ радостью. Новости о Церкви были прекрасныя. Только кое какіе незначительные ссоры между обѣими дьякониссами, Еводіей и Синтихіей, нарушали миръ ея. Передряги, вызванныя недоброжелателями и имѣвшія слѣдствіемъ нѣсколько арестовъ, только оказались случаемъ для доказательства терпѣнія вѣрныхъ. Ересь христіано-іудеевъ, провозглашаемая ими необходимость обрѣзанія, витала вокругъ членовъ Церкви, не заражая ихъ. Тѣ немногіе дурные примѣры свѣтскихъ и преданныхъ чувственности христіанъ, о которыхъ апостолъ говоритъ со слезами, исходили, повидимому, не изъ той Церкви, о которой идетъ рѣчь. Эпафродитъ остался нѣкоторое время съ Павломъ и пережилъ болѣзнь, явившуюся слѣдствіемъ его самопожертвованія и чуть-чуть не причинившую ему смерти. Живѣйшее желаніе вновь увидѣть Филиппы овладѣло этимъ прекраснымъ человѣкомъ. Онъ стремился лично успокоить своихъ тревожившихся друзей. Павелъ со своей стороны хотѣлъ какъ можно скорѣе положить конецъ опасеніямъ обѣихъ благочестивыхъ дьякониссъ и поспѣшилъ отпустить его, поручивъ ему передать Филиппійцамъ письмо, исполненное нѣжности и написанное рукой Тимофея. Никогда прежде не находилъ онъ такихъ любовныхъ выраженій, чтобы передать любовь свою къ этимъ Церквамъ, такимъ благимъ и чистымъ, любовь, которую онъ питалъ къ нимъ въ глубинѣ своего сердца. Онъ одобряетъ ихъ не только за то, что они вѣрятъ въ Христа, но и за то, что они за послѣдняго пострадали. Тѣ изъ нихъ, которые сидятъ въ тюрьмѣ должны гордиться, что они подвергаются тому же обращенію, которое, какъ они видѣли, пришлось нѣкогда претерпѣть ихъ Апостолу и которое, какъ имъ извѣстно, онъ терпитъ и въ данное время. Они являются какъ бы маленькой избранной кучкой дѣтей Божьихъ среди развратнаго и совращеннаго народа, подобные факеламъ среди міра тьмы. Онъ предостерегаетъ ихъ отъ примѣра менѣе совершенныхъ христіанъ, т. е. отъ тѣхъ, кто не освободился отъ всѣхъ еврейскихъ предразсудковъ. О приверженцахъ обрѣзанія онъ говоритъ нобыкновенно сурово. (Фил. III, 2—15):

«Берегитесь псовъ, берегитесь злыхъ дѣлателей, берегитесь обрѣзанія, потому что обрѣзаніе—мы, служащіе Богу духомъ и хвалящіеся Христомъ Іисусомъ, и не на плоть надѣющіеся; хотя я могу надѣяться и на плоть. Если кто другой думаетъ надѣяться на плоть, то болѣе я, обрѣзанный въ восьмый день;

изъ рода Израелева, колѣна Веніаминова, Еврей отъ Евреевъ, по ученію фарисей, по ревности гонитель Церкви Божіей, по правдѣ законной—непорочный. Но что для меня было преимуществомъ, то ради Христа я почелъ тщетою. Да и все почитаю тщетою ради превосходства познанія Христа Іисуса, Господа моего: для Него я отъ всего отказался. и все почитаю за соръ, чтобы пріобрѣсть Христа и найтись въ Немъ не со своею праведностью, которая отъ закона, но съ тою, которая чрезъ вѣру во Христа, съ праведностью отъ Бога по вѣрѣ; чтобы познать Его, и силу воскресенія Его, и участіе въ страданіяхъ Его, сообразуясь смерти Его, чтобы достигнуть воскресенія мертвыхъ. Говорю такъ не потому, чтобы я уже достигъ, или усовершился; но стремлюсь, не достигну ли и я, какъ достигъ меня Христосъ Іисусъ. Братія, я не почитаю себя достигшимъ; а только, забывая заднее и простираясь впередъ, стремлюсь къ цѣли, къ почести вышняго званія Божія во Христѣ Іисусѣ. Итакъ. кто изъ насъ совершенъ, такъ долженъ мыслить». И дальше (Фил. III, 20—21; IV, 1).

«Наше же жительство—на небесахъ, откуда мы ожидаемъ и Спасителя, Господа нашего Іисуса Христа, Который уничиженное тѣло наше преобразитъ такъ, что оно будетъ сообразно славному тѣлу Его, силою, которою Онъ дѣйствуетъ и покоряетъ Себѣ все. Итакъ, братія мои возлюбленные и вожделѣнные, радость и вѣнецъ мой, стойте такъ въ Господѣ, возлюбленные».

Особенно усердно онъ ихъ призываетъ къ согласію и послушанію. Образъ жизни, который онъ имъ указалъ, и видѣнный ими примѣръ того, какъ онъ исполняетъ ученіе христіанское, хороши; но тѣмъ не менѣе у каждаго вѣрующаго имѣется свое собственное откровеніе, свое личное внушеніе, также исходящее отъ Бога. Онъ проситъ „свою истинную супругу“ (Лидію) помирить Евдокію и Синтихію, прійти имъ на помощь, споспѣшествовать имъ при исполненіи ими обязанностей по служенію бѣднымъ. Онъ настаиваетъ на томъ, чтобы всѣ радовались: „*Спаситель близокъ*“. Благодарность его за посылку денегъ богатыми филлипійскими дамами является образцомъ благородства и живого благочестія (Фил. IV, 10—14, 18).

«Я весьма возрадовался въ Господѣ, что вы уже вновь начинали заботиться о мнѣ; вы и прежде заботились, но вамъ не благопріятствовали обстоятельства. Говорю это не потому,

что нуждаюсь; ибо я научился быть довольнымъ тѣмъ, что у меня есть: умѣю жить и въ скудности, умѣю жить и въ изобиліи; научился всему и во всемъ, насыщаться и терпѣть голодъ, быть и въ обиліи и въ недостаткѣ; все могу въ укрѣпляющемъ меня Іисусѣ Христѣ. Впрочемъ вы хорошо поступили, принявши участіе въ моей скорби. Я получилъ все и избыточествую; я доволенъ, получивъ отъ Епафродита посланное вами, какъ благовоное куреніе, жертву пріятную, благоугодную Богу».

Онъ совѣтуетъ смиреніе, заставляющее насъ взирать на другихъ, какъ на стоящихъ выше васъ. Милосердіе, побуждающее насъ думать о другихъ больше, чѣмъ о себѣ самихъ, по примѣру Іисуса. Іисусъ совмѣщалъ въ себѣ всю божественность власти; онъ могъ-бы въ теченіе своей земной жизни показать себя въ небесномъ великолѣпіи; но тогда уничтожилось-бы все значеніе искупленія. Потому-то онъ и отложилъ въ сторону весь присущій ему блескъ и принялъ внѣшность раба. Міръ видѣлъ его подобнымъ человѣку, если смотрѣть на одну только внѣшность, его могли бы принять за человѣка. «Онъ смирилъ себя, бывъ послушнымъ даже до смерти, и смерти крестной; посему и Богъ превознесъ его и далъ ему имя выше всякаго имени, дабы предъ именемъ Іисуса преклонилось всякое колѣно небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ и всякій языкъ исповѣдалъ, что Господь Іисусъ Христосъ во славу Бога Отца».

Іисусъ, какъ видно, съ каждымъ часомъ росъ въ представленіи Павла. Если Павелъ еще не допускаетъ его полнаго равенства съ Богомъ Отцомъ, то онъ вѣритъ въ его божественность и всю его земную жизнь изображаетъ, какъ осуществленіе небеснаго предначертанія, приведеннаго въ исполненіе путемъ воплощенія. Тюрьма имѣла на него то дѣйствіе, которое она обыкновенно имѣетъ на сильныхъ духомъ. Она возбуждала въ немъ экзальтацію и вызвала въ его мысляхъ рѣзкій и коренной переворотъ. Немного времени послѣ того, какъ онъ послалъ Филиппійцамъ письмо, онъ отправилъ къ нимъ Тимофея, чтобы справиться о ихъ положеніи и преподать имъ новыя наставленія. Тимофей, должно быть, вернулся довольно скоро. Лука, повидимому, около этого времени тоже находился въ кратковременной отлучкѣ.

ГЛАВА II.

Петръ въ Римѣ.

Оковы Павла, его вступленіе въ Римъ, такое побѣдное, согласно христіанскимъ воззрѣніямъ, и тѣ преимущества, которыя давало ему его пребываніе въ столицѣ міра, не давали покоя іерусалимской партіи. Павелъ былъ для этой партіи нѣкотораго рода возбуждающимъ средствомъ, дѣятельнымъ соперникомъ, на котораго роптали, по которому тѣмъ не менѣе старались подражать. Въ особенности Петръ, въ которомъ постоянно боролись между собою живѣйшее личное восхищеніе своимъ смѣлымъ собратомъ и сообщаемая ему окружающими роль, всю жизнь свою, тоже усѣянную многочисленными испытаніями, подражалъ Павлу, слѣдилъ издали за его странствіями и искалъ по его слѣдамъ сильныхъ позицій, которыя въ состояніи были обезпечить успѣхъ общему дѣлу. Въ Антіохіи онъ поселился около 54-го года, вѣроятно, также по примѣру Павла. Точно также распространившійся во второй половинѣ 61-го года въ Іудеѣ и въ Сиріи слухъ о прибытіи Павла въ Римъ могъ внушить ему мысль о поѣздкѣ на Западъ.

Пришелъ онъ, повидимому, въ сопровожденіи цѣлаго кружка апостоловъ. Въ 1-хъ его обыкновенно сопровождалъ Іоаннъ Маркъ, котораго онъ называлъ «сыномъ». Апостолъ Іоаннъ, какъ мы не разъ замѣчали, тоже, повидимому, обыкновенно сопровождалъ Петра. Нѣкоторыя указанія заставляютъ насъ думать даже, что и Варнава участвовалъ въ поѣздкѣ. Наконецъ, вполнѣ возможно, что и Симонъ Гитонскій со своей стороны переселился въ столицу міра, привлеченный тѣмъ родомъ очарованія, которое этотъ городъ имѣлъ на всѣхъ главъ сектъ, на шарлатановъ, маговъ и чудотворцевъ. Для евреевъ не было ничего проще путешествія въ Италію. Историкъ Іосифъ Флавій прибылъ въ Римъ въ 62-мъ или 63-мъ году съ намѣреніемъ выхлопотать освобожденіе еврейскихъ священниковъ, очень набожныхъ людей, которые, опасаясь, какъ бы не вкусить чего-нибудь нечистаго, питались въ чужой странѣ одними орѣхами, да винными ягодами, и которыхъ Феликсъ послалъ къ Императору оправдаться въ какомъ-то проступкѣ, сущность котораго намъ неизвѣстна. Кто были

эти священники? Не было ли связи между ихъ дѣломъ и дѣломъ Петра и Павла? Недостатокъ историческихъ данныхъ оставляетъ насъ относительно всего этого въ большомъ сомнѣніи. Самый фактъ, на которомъ современные католики основываютъ все построеніе своего вѣроученія, далеко не достовѣренъ. Мы полагаемъ, однако, что «Дѣянія Петра» въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ передавали эбіониты, были баснословными лишь въ подробностяхъ. Основное представленіе этихъ дѣяній о Петрѣ, по всему свѣту преслѣдующемъ Симона Волхва съ цѣлью посрамить его и всюду приносящемъ съ собою истинное Евангелье, которое должно ниспровергнуть Евангелье самозванца, «идущимъ вслѣдъ за послѣднимъ, какъ свѣтъ за тьмою, какъ наука за невѣжествомъ, какъ выздоровленіе послѣ болѣзни», представленіе это правильно, если замѣнить имя Симона именемъ Павла и если вмѣсто свирѣпой ненависти, которую эбіониты всегда показывали по отношенію къ проповѣднику язычниковъ, представить себѣ, что между обоими апостолами существовало просто разногласіе въ принципахъ, не исключающее ни дружескихъ отношеній, ни единомыслія относительно основного пункта любви къ Іисусу. Въ дѣлѣ этого путешествія, предпринятаго старымъ галилейскимъ апостоломъ по слѣдамъ Павла, мы охотно допускаемъ даже, что Петръ слѣдуя за Павломъ въ недалекомъ разстояніи, заѣхалъ въ Коринфъ, гдѣ и до прибытія у него была значительная партія, и что онъ тамъ сообщилъ много силы христіанс-іудеямъ. Такъ что позднѣе Коринфская Церковь могла считать, что она была основана обоими Апостолами и утверждать, слегка ошибаясь въ датѣ, что Петръ и Павелъ были у нея одновременно и вмѣстѣ отправились оттуда, чтобы въ Римѣ встрѣтить смерть.

Каковы были въ Римѣ отношенія между обоими апостолами? Судя по нѣкоторымъ признакамъ мы имѣемъ основаніе думать, что онѣ были довольно дружескими. Мы вскорѣ увидимъ, что Маркъ, секретарь Петра, получивъ порученіе отъ своего учителя, отправился въ Азію съ наставленіемъ отъ Павла; сверхъ того посланіе, приписываемое Петру, — произведеніе, подлинность котораго вполнѣ вѣроятна, — содержитъ много заимствованій изъ посланій Павла. Во всей этой исторіи необходимо имѣть въ виду двѣ истины: во 1-хъ, что основателей христіанства раздѣлялъ очень глубокій расколъ (гораздо болѣе глубокій, чѣмъ тѣ, которые позднѣе, въ послѣдующе

исторіи Церкви, были предметомъ той или иной схизмы) и что полемика между ними, сообразно привычкамъ людей изъ народа, была чрезвычайно рѣзкой; во 2-хъ, что единая мысль высшаго порядка и при жизни соединяла этихъ братьевъ-враговъ, въ ожиданіи Великаго примиренія, которое Церковь обязательно должна была совершить между ними по смерти ихъ. Это часто можно наблюдать въ религіозныхъ движеніяхъ. При оцѣнкѣ ихъ споровъ слѣдуетъ также очень сильно считаться съ еврейскимъ характеромъ, живымъ и вспыльчивымъ, склоннымъ къ рѣзкимъ рѣчамъ. Въ этихъ мелкихъ группахъ благочестивыхъ людей происходили постоянныя ссоры и примиренія; высказывались ѣдкія слова, и все-таки другъ друга любили. Будь то партія Петра или партія Павла, весь этотъ расколъ имѣлъ не многимъ большее значеніе, чѣмъ тѣ разногласія, которыя въ настоящее время раздѣляютъ на нѣсколько фракцій Церковь позитивизма. Павелъ по этому поводу очень хорошо сказалъ: „да остаются всѣ послушными тому образу ученія, которому предали себя“; прекрасное правило, котораго римская Церковь позднѣе исполнять не станетъ. Достаточно было того, что они были приверженцами Іисуса; исповѣдныя, такъ сказать, раздѣленія были только вопросомъ происхожденія, независящимъ отъ личныхъ заслугъ вѣрующаго.

Есть однако одинъ важный фактъ, который наводитъ на мысль, что хорошія отношенія между апостолами не возстановились, а именно то явленіе, что въ памяти слѣдующаго поколѣнія Петръ и Павелъ являются главами партій, въ лонѣ церкви противоположныхъ; то явленіе, что авторъ Апокалипсиса, чуть не на слѣдующій день послѣ смерти Апостоловъ, по крайней мѣрѣ послѣ смерти Петра, изъ всѣхъ христіано-іудеевъ съ наибольшей ненавстью относятся къ Павлу. Павелъ считалъ себя главой обращенныхъ язычниковъ, гдѣбы послѣдніе не жили; таково было его толкованіе Антіохійскаго собора. Христіано-іудеи же понимали дѣло, очевидно, нѣсколько иначе. Возможно, что эта послѣдняя партія, которая всегда была въ Римѣ очень сильной, извлекла большое преимущество изъ прибытія Петра. Петръ сталъ ея главою и главою Римской Церкви, а ни съ чѣмъ не сравнимый престижъ Рима придавалъ такому званію величайшее значеніе. Въ роли этого необыкновеннаго города видѣли нѣчто, ниспосланное Провидѣніемъ. Вслѣдствіе произошедшей реакціи противъ [illegible], Петръ въ качествѣ нѣкотораго рода оппозиціи стано-

вился все болѣе и болѣе главой апостоловъ. Дальнѣйшее развитіе мысли не потребовало долгаго времени для умовъ, которыхъ все безъ труда поражало. Глава апостоловъ въ столицѣ міра! Можетъ-ли что нибудь быть многозначительнѣе? Создалась великая ассоціація идей, которой суждено было господствовать надъ судьбами человѣчества въ продолженіи тысячелѣтій. Петръ и Римъ стали неразлучными; Римъ какъ-бы предназначенъ заранѣе къ роли столицы латинскаго христіанства. Легенда Петра, перваго папы, заранѣе написана; но чтобы все это выяснилось, понадобится четыре или пять вѣковъ. Во всякомъ случаѣ въ тотъ день, когда Петръ вступилъ въ Римъ, послѣднему и въ голову не приходило, что этотъ день рѣшаетъ его будущее и что бѣдный сиріецъ, только что вступившій въ его стѣны, на много вѣковъ овладѣлъ имъ.

Нравственное, общественное и политическое положеніе съ каждымъ днемъ становилось серьезнѣе. Повсюду говорили только о чудесахъ и бѣдствіяхъ. Христіане больше всѣхъ были огорчены послѣдними. У нихъ все болѣе и болѣе укоренялась мысль, что богъ міра сего — Сатана. Зрѣлища казались имъ дьявольскими. Они никогда не ходили на нихъ, но слыхали разсказы людей изъ народа. Нѣкій Икаръ, который въ деревянномъ амфитеатрѣ на Марсовомъ полѣ пожелалъ удержаться на воздухѣ и свалился въ самую ложу Нерона, обрызгавъ послѣдняго кровью, сильно поразилъ ихъ и сталъ главнымъ героемъ одной изъ ихъ легендъ. Преступленія Рима дошли до послѣдней степени адскаго величія; въ сектѣ уже вошло въ обычай иначе не называть этотъ городъ, какъ Вавилономъ, либо изъ страха полиціи, либо изъ склонности къ таинственному. Евреи часто прилагали такимъ образомъ къ современнымъ вещамъ символическія собственныя имена изъ своей древней, священной литературы.

Это плохо скрываемое отвращеніе къ свѣту, къ міру, котораго они не понимали, стало характерной чертой христіанъ, „Ненависть къ роду человѣческому" сходила за выраженіе всего ихъ ученія. Ихъ наружная печаль была оскорбленіемъ „благополучію вѣка"; ихъ вѣра въ свѣтопреставленіе, причиняла неудовольствіе оффиціальному оптимизму, согласно которому все возраждается; знаки отвращенія, которые дѣлались ими, когда они проходили мимо храмовъ, порождали подозрѣніе, что они только о томъ и думаютъ, чтобы сжечь ихъ. Эти старыя святилища римской религіи были чрезвы-

чайно дороги патріотамъ; оскорблять ихъ, значило оскорблять Эвандра, Нуму, предковъ римскаго народа и его побѣдные трофеи. Христіанъ обвиняли во всевозможныхъ преступленіяхъ. Культъ ихъ по общему утвержденію былъ мрачнымъ суевѣріемъ, гибельнымъ для Имперіи. О нихъ ходили тысячи ужасныхъ или гнусныхъ разсказовъ; самые просвѣщенные люди вѣрили, что тѣ, на кого такимъ образомъ указывали, какъ на людей, достойныхъ ненависти, способны на всякія преступленія.

Приверженцы новой секты вербовали себѣ неофитовъ исключительно среди низшихъ классовъ; благовоспитанные люди старались не произносить даже имени ихъ и когда бывали принуждены къ тому, почти что извинялись въ этомъ; но въ народѣ успѣхъ ихъ былъ поразительный; онъ походилъ на наводненіе, нѣкоторое время сдерживавшееся плотиной и вдругъ прорвавшееся черезъ нее. Римская церковь была уже цѣлымъ народомъ. Во дворцѣ и въ городѣ начинали уже серьезно поговаривать о ней; успѣхъ ея нѣкоторое время былъ злобой дня. Консерваторы съ нѣкоторымъ страхомъ думали о той клоакѣ гнусности, которую, какъ они воображали себѣ представляли подонки Рима; они съ гнѣвомъ говорили объ этихъ извѣстнаго рода неискоренимыхъ сорныхъ травахъ, которыя безпрестанно вырываютъ и которыя упорно выростаютъ снова.

Что касается до недоброжелательной черни, то она выдумывала невѣроятныя преступленія, чтобы приписать ихъ христіанамъ. На нихъ взваливали отвѣтственность на всѣ общественныя бѣдствія. Ихъ обвиняли въ проповѣди бунта противъ императора и въ стараніяхъ произвести возмущеніе среди рабовъ. Христіанинъ начиналъ становиться въ общественномъ мнѣніи тѣмъ, чѣмъ былъ временами еврей въ средніе вѣка, т. е., козломъ отпущенія всѣхъ несчастій, человѣкомъ, думающимъ только обо злѣ, отравителемъ источниковъ, людоѣдомъ, поджигателемъ. Какъ только совершалось преступленіе, самаго легкаго указанія было достаточно для того, чтобы арестовать христіанина и подвергнуть его пыткѣ. Одного имени христіанина часто было достаточно, чтобы повести къ аресту. Когда римляне видѣли, какъ они удаляются отъ языческихъ жертвоприношеній они осыпали ихъ оскорбленіями. Эра гоненій, на дѣлѣ, началась; съ краткими перерывами ей суждено было продлжиться до Константина. Въ теченіе 30 лѣтъ, протекшихъ

со времени первой христіанской проповѣди только евреи преслѣдовали дѣло Іисуса; Римляне защищали христіанъ отъ евреевъ; а теперь римляне въ свою очередь становятся гонителями. Изъ столицы эти страхи и эти чувства ненависти распространялись по провинціи и порождали самыя вопіющія несправедливости. Сюда примѣшивались отвратительныя насмѣшки; стѣны помѣщеній, гдѣ собирались христіане, покрывались каррикатурами или непристойными надписями, направленными противъ братьевъ и сестеръ. Обычай изображать Іисуса подъ видомъ человѣка съ ослиной головой, быть можетъ, уже установился. Въ настоящее время никто не сомнѣвается, что эти обвиненія въ преступленіяхъ и гнусностяхъ были клеветой. Тысячи фактовъ заставляютъ даже думать, что руководители христіанской Церкви не подавали ни малѣйшаго повода къ той недоброжелательности, которая вскорѣ должна была привести къ столь жестокимъ насильственнымъ противъ нихъ дѣйствіямъ. Всѣ главы партій, на которыя дѣлилось христіанское общество, были согласны между собой относительно того, какъ слѣдуетъ держаться съ римскими чиновниками. Въ сущности, конечно, можно было считать этихъ должностныхъ лицъ оплотами сатаны, ибо они покровительствовали идолопоклонничеству и были столпами предавшагося сатанѣ міра, но на практикѣ братья были преисполнены уваженія къ нимъ. Только эбіонитская фракція раздѣляла экзальтированные взгляды зелотовъ и другихъ фанатиковъ Іудеи. Апостолы въ политикѣ представляются намъ большими консерваторами и законниками. Не только они не возбуждаютъ раба къ бунту, но наоборотъ, требуютъ, чтобы рабъ былъ покоренъ господину, хотя бы самому несправедливому и жостокому; чтобы онъ былъ такъ же покоренъ ему, какъ еслибы онъ служилъ самому Іисусу Христу; это по необходимости; не для того, чтобы избѣжать наказанія, а по совѣсти, потому, что такъ хочетъ Богъ. За хозяина стоитъ самъ Богъ. Христіане были такъ далеки отъ того, чтобы рабство казалось имъ учрежденіемъ противоестественнымъ, что у нихъ самихъ были рабы и рабы христіане. Мы видѣли, что Павелъ подавляетъ стремленіе къ политическимъ возмущеніямъ, появившееся около 57-го года, проповѣдуетъ вѣрнымъ Рима, а также несомнѣнно многихъ другихъ Церквей, покорность властямъ, каково бы ни было происхожденіе послѣднихъ, установляетъ въ принципѣ, что жандармъ — служитель Божій, и что боятся его только злые.

Петръ, со своей стороны, былъ самымъ миролюбивымъ изъ людей. Мы скоро увидимъ, что ученіе о покорности властямъ преподается подъ его именемъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, что у Павла.

Школа, впослѣдствіи связавшая себя съ Іоанномъ, раздѣляла тѣ же взгляды на божественное происхожденіе власти. Однимъ изъ величайшихъ опасеній руководителей Церкви было, какъ бы вѣрные не оказались замѣшанными въ какія нибудь скверныя дѣла, тѣнь которыхъ упала бы на всю Церковь. Рѣчи апостоловъ въ это великое время отличались чрезвычайной осторожностью. Нѣкоторые несчастные, подвергнутые пыткѣ, нѣкоторые бичуемые рабы позволили себѣ произносить ругательства, называя своихъ хозяевъ идолопоклонниками и угрожая имъ гнѣвомъ Божіимъ. Другіе, по избытку усердія громко говорили противъ язычниковъ и упрекали ихъ въ присущихъ имъ порокахъ. Наиболѣе здравомыслящіе собратія остроумно называли ихъ «епископами» или «надсмотрщиками за тѣми, кто живетъ снаружи». Съ ними происходили жестокія непріятности; мудрые же руководители общины не только далеко не разжигали ихъ, но довольно ясно давали имъ понять, что они вполнѣ заслужили свою участь. Положеніе христіанъ еще ухудшилось вслѣдствіе всякаго рода интригъ, въ которыхъ мы вслѣдствіе недостка источниковъ не въ состояніи разобраться. Евреи были въ большей силѣ у императора и Поппеи. „Математики", т. е. колдуны, между ними нѣкій Балбиллъ Эфесскій, окружали, императора и подъ предлогомъ примѣненія той части ихъ искусства, которая состояла въ отвращеніи бѣдствій и дурныхъ предзнаменованій, давали ему возмутительные совѣты. Не имѣетъ ли легенда, примѣшивающая къ этой толпѣ колдуновъ имя Симона Волхва, нѣкоторое основаніе? Это, конечно, возможно; но возможно и обратное. Авторъ Апокалипсиса сильно озабоченъ нѣкіимъ „лжепророкомъ", котораго онъ изображаетъ приспѣшникомъ Нерона, чудотворцемъ, низводящимъ на землю огонь небесный, сообщающимъ даръ слова и жизнь статуямъ, отмѣчающимъ людей печатью звѣря. Быть можетъ, тутъ идетъ рѣчь о Балбиллѣ; надо, однако, признать, что чудеса, приписываемые Лжепророку Апокалипсисомъ, очень похожи на тѣ фокусы, которые преданіе приписываетъ Симону. Эмблема агнца-дракона, подъ которой изображается въ той-же книгѣ Лжепророкъ, также скорѣе соотвѣтствуютъ Лже-Мессіи, каковымъ

являлся Симонъ Гиттонскій, нежели обыкновенному колдуну. Съ другой стороны легенда о низверженіи Симона съ небесъ очень напоминаетъ одинъ несчастный случай, имѣвшій мѣсто въ амфитеатрѣ въ Нероново время съ нѣкіимъ актеромъ, исполнявшимъ роль Икара. Неизмѣнное свойство автора Апокалипсиса выражаться загадками окутываетъ всѣ эти событія непроницаемымъ туманомъ; но нельзя ошибиться, отыскивая за каждой строчкой этой странной книги намеки на самыя мелкія анекдотическія происшествія царствованія Нерона.

Къ тому же никогда духъ христіанства не былъ болѣе подавленнымъ и взволнованнымъ, чѣмъ въ это время. Всѣ считали себя живущими въ состояніи переходномъ и весьма непродолжительномъ. Торжественнаго появленія ждали ежедневно. „Грядетъ!... Еще часъ!.... Близокъ!....", таковы были слова, произносимыя ежеминутно. Духъ мученичества, мысль, что мученикъ своею смертью прославляетъ Христа, и что эта смерть есть торжество, уже получила повсемѣстное распространеніе. Для язычника, съ другой стороны, Христіанинъ уже сталъ представляться предметомъ, самой природой предназначеннымъ къ казни. Одна драма имѣла около этого времени большой успѣхъ. Она называлась *Лавреоломъ*, и главное дѣйствующее лицо ея, извѣстный видъ мошенника-Тартюфа, пригвождалось на сценѣ ко кресту и при громкихъ рукоплесканіяхъ присутствующихъ его пожиралъ медвѣдь. Драма эта появилась раньше, чѣмъ въ Римѣ зародилось христіанство; мы знаемъ, что она была представлена уже въ 41 году; но кажется, что и къ христіанскимъ мученикамъ ее примѣняли; поводомъ къ такому предположенію можетъ послужить уменьшительное имя *Лавреола*, соотвѣтствующее *Стефану*.

ГЛАВА III.

Положеніе Церквей въ Іудеѣ.— Смерть Іакова.

Недоброжелательность, предметомъ которой христіанская Церковь была въ Римѣ, а можетъ быть даже и въ Малой Азіи и въ Греціи, давала себя чувствовать и въ Іудеѣ; но здѣсь гоненія объяснялись совсѣмъ иными причинами. Здѣсь ярость противъ добрыхъ бѣдняковъ выказывали богатые саддукеи, аристократія храма, проклинавшая имя «христіанина». Около описываемаго времени получило распространеніе письмо Іакова, «раба Бога и Господа Іисуса Христа», обращенное къ «двѣнадцати колѣнамъ, находящимся въ разсѣяніи». Это — одно изъ прекраснѣйшихъ произведеній христіанской литературы первыхъ временъ, напоминающее гдѣ Евангеліе, гдѣ любовную и спокойную мудрость Екклезіаста. Подлинность такихъ писаній, въ виду огромнаго числа находившихся въ обращеніи подложныхъ апостольскихъ посланій, не можетъ не представляться сомнительной. Весьма возможно, что христіано-іудейская партія, часто пользовавшаяся въ своихъ цѣляхъ авторитетомъ Іакова, приписала ему этотъ манифестъ, гдѣ ясно проглядываетъ стремленіе опровергнуть новаторовъ. Несомнѣнно, что если Іаковъ и принималъ какое-нибудь участіе въ его составленіи, то редактировалъ посланіе во всякомъ случаѣ не онъ. Сомнительно, чтобы Іаковъ зналъ по-гречески; его роднымъ языкомъ былъ сирійскій; между тѣмъ, Посланіе Іакова представляетъ произведеніе, написанное много лучшимъ языкомъ, нежели всѣ остальныя писанія Новаго Завѣта; греческій языкъ въ немъ чистый и почти классическій. Если имѣть это въ виду, то произведеніе это совершенно соотвѣтствуетъ характеру Іакова. Авторъ его — навѣрное еврейскій раввинъ; онъ крѣпко стоитъ за Законъ; для обозначенія собранія вѣрныхъ онъ употребляетъ слово «синагога»; онъ—противникъ Павла; тонъ его посланія напоминаетъ синоптическія Евангелія, которыя, какъ мы ниже увидимъ, вышли изъ христіанской семьи, главой которой былъ Іаковъ. Тѣмъ не менѣе имя Христа упоминается въ немъ не

болѣе двухъ или трехъ разъ, причемъ онъ называется просто Мессіей, и во всемъ произведеніи не замѣчается ни одного изъ тщеславныхъ преувеличеній, которыя нагромождало уже пылкое воображеніе Павла.

Іаковъ, или тотъ еврейскій моралистъ, который пожелалъ прикрыть себя его авторитетомъ, вводитъ насъ сперва въ маленькое содружество гонимыхъ. Испытанія составляютъ радость, ибо они суть горнило вѣры и научаютъ терпѣнію, а терпѣніе есть совершенство добродѣтели; человѣкъ, прошедшій черезъ испытанія, получитъ вѣнецъ жизни. Но что главнымъ образомъ озабочиваетъ нашего ученаго, это пропасть между богатымъ и бѣднымъ. Въ Іерусалимской общинѣ, по всей вѣроятности, проявилось какое нибудь соперничество между братьями, облагодѣтельствованными судьбой, и другими, обдѣленными ею; послѣдніе жаловались на жесткость богатыхъ, на ихъ гордость и сокрушались между собою.

«Да хвалится братъ униженный высотою своею, а богатый — униженіемъ своимъ, потому что онъ прейдетъ, какъ цвѣтъ на травѣ: Братія мои! имѣйте вѣру въ Іисуса Христа нашего Господа славы, не взирая на лица. Ибо, если въ собраніе ваше войдетъ человѣкъ съ золотымъ перстнемъ, въ богатой одеждѣ, войдетъ же и бѣдный въ скудной одеждѣ, и вы, смотря на одѣтаго въ богатую одежду, скажете ему: «тебѣ хорошо сѣсть здѣсь», а бѣдному скажете: «ты стань тамъ», или «садись здѣсь, у ногъ моихъ», то не пересуживаете ли вы въ себѣ и не становитесь ли судьями съ худыми мыслями? Послушайте, братія мои возлюбленные: не бѣдныхъ ли міра избралъ Богъ быть богатыми вѣрою и наслѣдниками Царствія, которое Онъ обѣщалъ любящимъ Его? а вы презрѣли бѣднаго. Не богатые ли притѣсняютъ васъ, и не они ли влекутъ васъ въ суды? не они ли безславятъ доброе имя, которымъ вы называетесь?» (Іак., I, 9—10, II, 1 и сл.)

И дѣйствительно, гордость, распущенность, грубость и роскошество у богатыхъ саддукеевъ дошли до необычайныхъ размѣровъ. Женщины цѣною золота покупали у Агриппы II для своихъ мужей званіе священника. Когда Марфа, дочь Боэфа, одна изъ этихъ покупательницъ должностей, шла смотрѣть на то, какъ служитъ ея мужъ, она приказывала развертывать коверъ отъ двери своего дома до самаго святилища. Священническое сословіе чрезвычайно упало. Эти свѣтскіе священники стыдились того, что въ ихъ обязанно-

стяхъ было самаго святого. Для этихъ утонченныхъ людей жертвоприношеніе казалось отталкивающимъ. Имъ противны были ихъ обязанности, осуждавшія ихъ на ремесло мясника и живодера. Иные дѣлали себѣ шелковыя перчатки, чтобы не испортить прикосновеніемъ къ жертвамъ кожу на своихъ рукахъ. Все талмудическое преданіе, согласное въ этомъ съ Евангеліями и съ Посланіемъ Іакова, изображаетъ священниковъ послѣднихъ лѣтъ, предшествовавшихъ разрушенію храма, людьми, любящими полакомиться, погрязшими въ роскоши и жестокими по отношенію къ бѣднымъ. Талмудъ содержитъ баснословный списокъ того, что нужно было на содержаніе кухни первосвященника; списокъ этотъ превышаетъ всякое вѣроятіе, но служитъ указаніемъ на господствовавшее мнѣніе. „Изъ преддверія храма раздаются четыре клика, гласитъ одно преданіе; вотъ первый изъ нихъ: „изыдите отселѣ, потомки Иліи; вы оскверняете храмъ Предвѣчнаго"; второй: „изыди отселѣ, Иссахаръ изъ Кафаръ-Бархая, ты, который никого не уважаешь кромѣ самого себя и оскверняешь жертвы, посвященныя небу". (Это и былъ тотъ, который оборачивалъ себѣ руки въ шелкъ во время служенія); третій: „отверзитесь, двери; впустите Измаила, сына Фаби, ученика Пинеха, дабы онъ исполнилъ обязанности священнослужителя"; четвертый: „отверзитесь, двери; впустите Іоанна, сына Небедеева, ученика лакомокъ, дабы онъ пресытился жертвами". Извѣстнаго рода пѣсня или скорѣе проклятіе священнослужительскихъ семействъ, распространенное около того времени на Іерусалимскихъ улицахъ, сохранилось до нашего времени и гласитъ такъ:

Проклятіе дому Боэфа!
Проклятье имъ за ихъ палки!
Проклятіе дому Анны!
Проклятье имъ за ихъ заговоры!
Проклятіе дому Канферы!
Проклятье имъ за ихъ халамы!
Проклятіе семьѣ Измаила сына Фабія!
Проклятье имъ за ихъ кулаки!

„Они первосвященники; сыновья ихъ казначеи; зятья ихъ надзиратели, а слуги ихъ избиваютъ насъ палками".

Между этими богатыми священниками, друзьями римлянъ, захватывавшими выгодныя должности себѣ и своимъ родственникамъ, и бѣдными священниками, которыхъ поддерживалъ

народъ, происходила открытая война. Каждый день имѣли мѣсто кровопролитныя свалки. Безстыдство и смѣлость священническихъ семей дошли до того, что они стали посылать своихъ людей на площадь собирать подати, причитавшіяся высшему духовенству. Люди эти избивали тѣхъ, кто отказывался платить; а бѣдные священники погружены были въ нищету. Представимъ себѣ только, что долженъ былъ чувствовать благочестивый человѣкъ, еврейскій демократъ, которому такъ много обѣщали всѣ пророки, и котораго подвергали избіенію въ храмѣ (въ его домѣ!) дерзкіе лакеи благодушествующихъ и невѣрующихъ священниковъ. Христіане, группировавшіеся вокругъ Іакова, стояли за одно съ этими угнетенными, которые, вѣроятно, какъ и они, были святыми людьми (hasidim), и которыхъ народъ очень любилъ. Нищета, повидимому, стала добродѣтелью и признакомъ патріотизма. Богатые классы были друзьями Римлянъ, и правда, наживаніе богатствъ находилось въ полной зависимости отъ римлянъ, и поэтому цѣли этой нельзя было достигнуть иначе, какъ посредствомъ извѣстнаго рода отступничества и предательства. Ненависть къ богатымъ въ виду этого представлялась признакомъ благочестія. Принужденные, чтобы не умереть съ голоду, работать надъ постройками Иродовъ, въ которыхъ они видѣли лишь пышное проявленіе тщеславія, хазидимы (святые люди) считали себя жертвами невѣрныхъ. Бѣднякъ сталъ синонимомъ „святого".

«Послушайте вы, богатые: плачьте и рыдайте о бѣдствіяхъ вашихъ, находящихъ на васъ. Богатство ваше сгнило, и одежды ваши изъѣдены молью. Золото ваше и серебро изоржавѣло, и ржавчина ихъ будетъ свидѣтельствомъ противъ васъ и съѣстъ плоть вашу, какъ огонь: вы собрали себѣ сокровище на послѣдніе дни. Вотъ, плата, удержанная вами у работниковъ, пожавшихъ поля ваши, вопіетъ, и вопли жнецовъ дошли до слуха Господа Саваоѳа. Вы роскошествовали на землѣ и наслаждались; напитали сердца ваши, какъ бы на день закланія. Вы осудили, убили праведника; онъ не противился вамъ (Іак., V, 1—6)».

Въ этихъ любопытныхъ строкахъ уже слышатся зачатки стремленій къ той соціальной революціи, которой черезъ нѣсколько лѣтъ суждено было залить кровью Іерусалимъ. Нигдѣ съ такой силой не проявляется чувство отвращенія къ свѣту, которое представляло существо и душу хри-

стіанства первыхъ вѣковъ. „Сохранить себя неоскверненнымъ отъ міра“ было величайшимъ изъ правилъ. „Кто хочетъ быть другомъ міру, тотъ становится врагомъ Богу“. Всякое вожделѣніе есть грѣхъ и обольщеніе. Вѣдь конецъ такъ близокъ! Зачѣмъ однимъ жаловаться на другихъ, зачѣмъ вызывать другъ друга на судъ? Истинный судія грядетъ; онъ уже стоитъ у дверей.

«Теперь послушайте вы, говорящіе: „сегодня или завтра отправимся въ такой-то городъ, и проживемъ тамъ одинъ годъ, и будемъ торговать и получать прибыль“; вы, которые не знаете, что случится завтра: ибо что такое жизнь ваша? паръ, являющійся на малое время, а потомъ исчезающій. Вмѣсто того, что-бы вамъ говорить: „если угодно будетъ Господу и живы будемъ, то сдѣлаемъ то или другое“ (Іак., IV, 13—15)».

Когда Іаковъ говоритъ о смиреніи, терпѣніи, милосердіи, о возвышеніи ничтожныхъ, о радости, кроющейся въ слезахъ, онъ, какъ кажется, хранитъ въ памяти своей собственныя слова Іисуса. Тутъ чувствуется, тѣмъ не менѣе, что онъ крѣпко стоитъ за Законъ. Цѣлый отдѣлъ его посланій посвященъ тому, чтобы предостеречь вѣрныхъ отъ ученія Павла о ненужности дѣлъ и о спасеніи вѣрой. Одна изъ фразъ Іакова (II, 24) является прямымъ отрицаніемъ одной изъ фразъ Посланія къ Римлянамъ (III, 28). Противорѣча апостолу язычниковъ (Римл., IV, 1 и сл.), Іерусалимскій апостолъ утверждаетъ (II, 21 и сл.), что Авраамъ былъ спасенъ своими дѣлами и что вѣра безъ дѣлъ мертва есть. И у демоновъ есть вѣра, и все-таки же они, очевидно, не спасаются. Покидая тутъ свою обычную умѣренность, Іаковъ называетъ своего противника „человѣкомъ неосновательнымъ“. Кое-гдѣ и въ другихъ мѣстахъ можно видѣть скрытый намекъ на споры, уже въ то время раздѣлявшіе Церковь, которымъ суждено наполнить исторію христіанскаго богословія черезъ нѣсколько вѣковъ.

Эту Церковь праведниковъ одушевлялъ духъ высокаго благочестія и трогательнаго милосердія. „Чистое и непорочное благочестіе передъ Богомъ и Отцомъ, — говорилъ Іаковъ,— есть то, чтобы призирать сиротъ и вдовъ въ ихъ скорбяхъ“. Способность исцѣлять больныхъ, въ особенности при помощи помазанія елеемъ, считалась весьма обыкновенной вещью среди вѣрныхъ; даже невѣрующіе почитали это врачеваніе особымъ

даромъ, присущимъ христіанамъ. Старѣйшины, по всеобщему убѣжденію, обладали этимъ даромъ въ высокой степени и въ виду этого стали извѣстнаго рода духовными врачами. Іаковъ приписываетъ этимъ занятіямъ сверхъестественной медициной очень большое значеніе. Появился уже зародышъ почти всѣхъ католическихъ таинствъ. Исповѣданіе грѣховъ, которое уже съ давнихъ временъ было въ обычаѣ у евреевъ, почиталось превосходнымъ средствомъ очищенія и исцѣленія, — двухъ идей, согласно вѣрованіямъ того времени, нераздѣльныхъ.

„Кто-нибудь изъ васъ, быть можетъ, въ горести? пусть „молится. Другой радуется? — пусть воспѣваетъ. Иной „боленъ?—да призоветъ онъ старѣйшинъ Церкви, и послѣдніе „будутъ молиться надъ нимъ, умащая его елеемъ во имя „Господне, и молитва вѣры спасетъ болящаго, и Господь „исцѣлитъ его, и если онъ согрѣшилъ, то грѣхи отпустятся „ему. И такъ, исповѣдуйте же свои грѣхи, и молитесь другъ „за друга, дабы вы исцѣлились. Ибо сильна молитва правед„ника, когда она прилагается къ опредѣленному предмету“.

Апокрифическія откровенія, въ которыхъ съ такой силой выражались религіозныя страсти народа, повидимому, жадно воспринимались въ этой небольшой группѣ восторженныхъ евреевъ, или, скорѣе, нарождались около нея, почти въ ея лонѣ, такъ что часто трудно отдѣлить ткань этихъ любопытныхъ произведеній отъ ткани новозавѣтныхъ писаній. Эти подложныя произведенія, появленіе которыхъ относилось чуть-ли не ко вчерашнему дню, принимались за настоящія слова Еноха, Варуха, Моисея. Распространялись самыя странныя вѣрованія объ адѣ, о возставшихъ ангелахъ, о преступныхъ великанахъ, которые виновны въ томъ, что изъ-за нихъ Богъ наслалъ на землю потопъ; главнымъ источникомъ этихъ вѣрованій служили книги Еноха. Всѣ эти баснословные разсказы содержали явные намеки на современныя событія. Провидецъ Ной, благочестивый Енохъ, безпрестанно предсказывающій потопъ безумцамъ, которые въ это время ѣдятъ, пьютъ, вступаютъ въ бракъ, обогащаются, очевидно, представляютъ не что иное, какъ ясновидящихъ послѣднихъ дней міра, всуе предостерегающихъ легкомысленное поколѣніе, которое не хочетъ и допустить близости свѣтопреставленія. Къ легендѣ Іисуса прибавилась цѣлая новая отрасль,—періодъ подземной жизни. Люди спрашивали себя, что дѣлалъ онъ въ продолженіе трехъ дней, проведенныхъ имъ въ могилѣ?

И вотъ ему приписали, будто за это время онъ, сражаясь со Смертью, спустился въ подземныя темницы, гдѣ были заключены строптивыя и невѣрующія души; будто тамъ онъ проповѣдывалъ тѣнямъ и діаволамъ и подготовилъ ихъ избавленіе. Подобное представленіе необходимо было, чтобы Іисусъ былъ Спасителемъ міра въ полномъ смыслѣ этого слова; поэтому и апостолъ Павелъ въ своихъ послѣднихъ твореніяхъ принималъ на вѣру этотъ разсказъ. Тѣмъ не менѣе тѣ созданія воображенія, о которыхъ идетъ рѣчь, не нашли мѣста въ рамкахъ синоптическихъ Евангелій, безъ сомнѣнія потому, что рамки эти были уже опредѣлены въ то время, когда выдумки эти появились на свѣтъ. Онѣ остались витать внѣ евангельскихъ текстовъ и вылились въ опредѣленную форму лишь много позднѣе, въ апокрифическомъ твореніи, носящемъ имя „Никодимова Евангелія".

Между тѣмъ, въ Іудеѣ и въ сосѣднихъ съ нею странахъ исполнялась въ тишинѣ работа христіанской мысли по преимуществу. Синоптическія Евангелія мало по малу создавались, подобно тому, какъ живой организмъ постепенно развивается и, подъ дѣйствіемъ таинственныхъ внутреннихъ причинъ, достигаетъ, наконецъ, полнаго единства. Существовало ли уже въ описываемое время какое-нибудь письменное твореніе, говорящее о дѣйствіяхъ и словахъ Іисуса? Описалъ ли уже по еврейски апостолъ Матѳей, если только рѣчь идетъ дѣйствительно о немъ, рѣчи Господни? Довѣрилъ ли уже бумагѣ Маркъ, или тотъ, кто принялъ его имя, свои замѣтки о жизни Іисуса? Въ этомъ позволительно сомнѣваться. Въ частности, у Павла навѣрно не было въ рукахъ никакого писанія, содержаніе словъ Іисуса. Было ли въ его распоряженіи, по крайней мѣрѣ, хотя бы устное, какъ бы мнемоническое, преданіе объ этихъ словахъ? Такое преданіе замѣчается у него въ разсказѣ о Тайной Вечерѣ, быть можетъ также въ разсказѣ о Страстяхъ и до извѣстной степени въ разсказѣ о Воскресеніи; но къ притчамъ и изрѣченіямъ это не относится, и Іисусъ въ его глазахъ является искупительной жертвой, сверхъчеловѣческимъ существомъ, воскресшимъ, — но не моралистомъ. Его цитаты словъ Іисуса неопредѣленны и не согласны съ рѣчами, которыя вкладываютъ въ уста Іисусу синоптическія Евангелія. Имѣющіяся у насъ апостольскія посланія, за исключеніемъ Павловыхъ, также не заставляютъ насъ предполагать существованіе какой бы то ни было редакціи этого рода.

Изъ этого, повидимому, слѣдуетъ заключить, что нѣкоторые разсказы, какъ, напримѣръ, разсказъ о Вечери, о Страстяхъ и о Воскресеніи были извѣстны наизусть и въ такой формѣ, которая допускала лишь немного варіантовъ. Планъ синоптическихъ Евангелій былъ тогда, по всей вѣроятности, уже опредѣленъ, но при жизни Апостоловъ никто не согласился бы принять книгъ, которыя заявляли бы претензію на приданіе неизмѣнной формы тѣмъ воспоминаніямъ, которыхъ апостолы считали себя единственными хранителями. Да и зачѣмъ писать жизнь Іисуса? Вѣдь онъ возвратится. Міръ, находящійся наканунѣ своей кончины, не нуждается въ новыхъ книгахъ. Только когда умрутъ очевидцы, только тогда важно будетъ увѣковѣчить на письмѣ образъ, который безъ того съ каждымъ днемъ терялъ бы ясность. Въ этомъ отношеніи Церкви Іудеи и сосѣднихъ съ ней странъ обладали крупнымъ преимуществомъ. Тамъ точнѣе и подробнѣе знали рѣчи Іисуса. Въ этомъ отношеніи замѣчается нѣкоторая разница между посланіемъ Іакова и Посланіями Павла. Небольшое твореніе Іакова цѣликомъ проникнуто какимъ то Евангельскимъ благоуханіемъ. Въ немъ иной разъ слышится какъ бы непосредственный отзвукъ словъ Іисусовыхъ; и окраска жизни въ Галилеѣ проглядываетъ въ немъ еще съ необычайной яркостью.

Намъ неизвѣстно ничего исторически-точнаго относительно миссій, посланныхъ непосредственно Іерусалимской Церковью. Эта Церковь по самымъ своимъ принципамъ не должна была испытывать особой склонности къ пропагандѣ. Да и вообще говоря, эбіонитскихъ и христіано-іудейскихъ миссій было мало. Ограниченныя воззрѣнія *эбіонитовъ* не допускали никакихъ миссіонеровъ, кромѣ обрѣзанныхъ. Согласно картинѣ, начертанной намъ произведеніями II вѣка, которыя, впрочемъ, можно подозрѣвать въ преувеличеніи, но безусловно вѣрныя Іерусалимскому духу, христіано-іудейскій проповѣдникъ содержался въ нѣкотораго рода подозрѣніи; въ качествахъ его считалось необходимымъ удостовѣриться, отъ него требовали, чтобы онъ прошелъ черезъ извѣстныя испытанія, черезъ шестилѣтнее послушничество; онъ долженъ былъ имѣть свои бумаги въ полномъ порядкѣ, долженъ былъ обладать нѣкотораго рода письменнымъ исповѣданіемъ вѣры, согласнымъ съ исповѣданіемъ Іерусалимскихъ Апостоловъ. Такія затрудненія были безусловно страшнымъ препятствіемъ для благотворнаго проповѣдыванія, и въ подобныхъ условіяхъ

христіанство ни въ коемъ случаѣ не могло бы распространиться; потому то посланцы Іакова, какъ намъ кажется, гораздо болѣе заботятся объ опроверженіи основныхъ положеній Павла, чѣмъ о созданіи своихъ собственныхъ. Церкви Виѳинская, Понтская, Каппадокейская, которыя около этого времени появляются наряду съ Церквами Азійской и Галатской, по правдѣ сказать, не происходили отъ Павла; но не болѣе того вѣроятно, чтобы онѣ были дѣломъ Іакова или Петра. Всего вѣроятнѣе, что онѣ обязаны своимъ основаніемъ той анонимной проповѣди вѣрныхъ, которая оказалась плодотворнѣе всѣхъ остальныхъ. Мы, наоборотъ, полагаемъ, что Батанея, Гауранъ, Декаполисъ и вообще вся мѣстность на востокъ отъ Іордана, мѣстность, которая въ скоромъ времени станетъ очагомъ и крѣпостью христіано-іудейства, были просвѣщены свѣтомъ Евангелія черезъ посредство членовъ Іерусалимской церкви. Въ этихъ мѣстахъ не трудно было отыскать границу римскаго могущества. А арабскія страны совершенно не поддавались проповѣди новаго ученія, и земли, подвластныя Арзакидамъ, были не очень открыты для стараній, исходящихъ изъ римскихъ странъ. Согласно Апостольской біографіи земля чрезвычайно мала. Первые христіане никогда не думаютъ ни о варварскомъ, ни о персидскомъ мірѣ. Даже арабскій міръ едва существовалъ для нихъ. Странствія Апостола Ѳомы въ странѣ парфянъ, Апостола Андрея у скиѳовъ, святого Варфоломея въ Индіи относятся къ области легенды. Умственный взоръ христіанъ первыхъ вѣковъ рѣдко обращается на Востокъ. Цѣлью ея апостольскихъ странствій былъ крайній Западъ и можно сказать, что на взглядъ миссіонеровъ предѣлъ Востока уже былъ достигнутъ.

Услышала-ли Эдесса имя Іисусово уже въ первомъ вѣкѣ? Существовало-ли уже въ это время въ направленіи Осроена христіанство, говорящее по-сирійски? Баснословные разсказы, которыми эта Церковь окутала свою колыбель, не даютъ возможности высказаться по этому предмету съ достовѣрностью. Очень возможно, однако, что сильныя связи, которыя были у іудейства въ этихъ странахъ, содѣйствовали распространенію христіанства. Въ Самосатѣ и Комагенѣ очень рано появляются образованные люди, принадлежащіе къ Церкви или по меньшей мѣрѣ очень благосклонно относящіеся къ Іисусу. Какъ бы то ни было, но во всякомъ случаѣ эта область Евфрата получила сѣмена вѣры изъ Антіохіи.

Тучи, собиравшіяся на Востокѣ, нарушили спокойное теченіе этой мирной проповѣди. Хорошее управленіе Феста ничего не могло подѣлать со зломъ, которое Іудея носила въ своемъ лонѣ. Разбойники, зелоты, убійцы, всевозможные самозванцы наводняли страну. Явился волшебникъ, вслѣдъ за двадцатью другими, обѣщая народу спасеніе и конецъ бѣдствіямъ, если только онъ послѣдуетъ за нимъ въ пустыню. Тѣ, кто пошли за нимъ, были перебиты римскими солдатами, но но никто не потерялъ вѣры въ лжепророковъ. Фестъ умеръ въ Іудеѣ приблизительно въ началѣ 62 года; въ преемники ему Неронъ далъ Альбина. Около того же времени Иродъ Агриппа II отнялъ первосвященническое званіе у Іосифа Каби, чтобы отдать это званіе Аннѣ, сыну знаменитаго Анны, который болѣе чѣмъ кто либо другой содѣйствовалъ смерти Іисуса. Онъ сталъ пятымъ изъ сыновей Анны, имѣвшихъ это достоинство.

Анна младшій былъ человѣкомъ высокомѣрнымъ, жесткимъ, нахальнымъ. Это былъ цвѣтъ саддукейства, совершеннѣйшій образецъ этой жестокой и безчеловѣчной секты, всегда стремившійся сдѣлать примѣненіе власти невыносимымъ и ненавистнымъ. Іаковъ, братъ Господень, во всемъ Іерусалимѣ былъ извѣстенъ, какъ горячій защитникъ бѣдныхъ, какъ пророкъ по образцу древнихъ, метающій громы на богатыхъ и могущественныхъ. Анна рѣшилъ, что онъ долженъ умереть. Воспользовавшись отсутствіемъ Агриппы и тѣмъ, что Альбинъ еще не прибылъ въ Іудею, онъ собралъ судебный синедріонъ и вызвалъ на этотъ судъ Іакова и нѣкоторыхъ другихъ праведниковъ. Ихъ обвинили въ нарушеніи Закона и приговорили къ каменованію. Разрѣшеніе Агриппы было необходимо, чтобы собрать синедріонъ, а разрѣшеніе Альбина требовалось, по закону, для приведенія приговора въ исполненіе; но рѣзкій Анна не обращалъ вниманія ни на какія правила. И Яковъ дѣйствительно былъ каменованъ возлѣ храма. Его оказалось трудно прикончить, и какой то сукновалъ проломилъ ему голову той палкой, которая служила ему для изготовленія матерій. Въ то время ему было, какъ говорятъ, 96 лѣтъ.

Смерть этого праведника произвела въ городѣ самое дурное впечатлѣніе. Даже ханжи-фарисеи, строгіе блюстители Закона, высказывали недовольство. Іаковъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ; его считали человѣкомъ, молитвы котораго обладаютъ особенною силою. Говорятъ, будто бы одинъ

рехабитъ (по всей вѣроятности, ессеніецъ) или, по другимъ источникамъ, Симеонъ, сынъ Клеопы, племянникъ Іакова, воскликнулъ во время его каменованія: „Остановитесь; что вы дѣлаете? Какъ? Вы убиваете праведника, который за васъ молится?“ Къ нему прилагали текстъ изъ Исайи (III, 10), въ томъ смыслѣ, какъ его тогда понимали: „Устранимъ, говорили они, праведника, ибо онъ намъ не угоденъ; и вотъ отчего плоды трудовъ ихъ уничтожены“. На его смерть были написаны еврейскія элегіи, переполненныя ссылками на библейскіе тексты и намеками на его имя Обліама. Почти всѣ единогласно призывали царя Ирода Агриппу II положить предѣлъ нахальству первосвященниковъ. Альбинъ былъ извѣщенъ о посягательствѣ Анны въ то время, когда онъ уже отбылъ въ Іудею изъ Александріи. Онъ написалъ Аннѣ грозное письмо и затѣмъ смѣстилъ его. Такимъ образомъ, Анна былъ первосвященникомъ только впродолженіе трехъ мѣсяцевъ. Бѣдствія, въ непродолжительномъ времени обрушившіяся на страну, были многими сочтены за послѣдствія убійства Іакова. Что касается до христіанъ, то они узрѣли въ этой казни знаменіе времени, доказательство того, что приближается конечная катастрофа.

И дѣйствительно, возбужденіе принимало въ Іерусалимѣ необычайные размѣры: царствовала полная анархія; зелоты, хотя число ихъ посредствомъ казней удалось сильно сократить, чувствовали себя полными хозяевами. Альбинъ ничуть не походилъ на Феста; онъ думалъ только о томъ, чтобы извлекать денежныя выгоды изъ потворства разбойникамъ. Со всѣхъ сторонъ наблюдались предзнаменованія чего-то необыкновеннаго. Въ концѣ 62 года нѣкій Іисусъ, сынъ Анны, нѣчто въ родѣ воскресшаго Іереміи, сталъ днемъ и ночью бѣгать по улицамъ Іерусалима съ крикомъ: „Голосъ съ востока! Голосъ съ запада! Голосъ съ 4 сторонъ свѣта! Голосъ противъ Іерусалима и Храма! Голосъ противъ жениховъ и невѣстъ! Голосъ противъ всего народа!“ Его высѣкли: онъ продолжалъ повторять тотъ же возгласъ. Его стегали бичами до тѣхъ поръ, пока обнажились кости; но при каждомъ ударѣ онъ повторялъ жалобнымъ голосомъ: „Горе! Горе Іерусалиму“! Никогда не видѣли, чтобы онъ съ кѣмъ-нибудь бесѣдовалъ. Онъ все ходилъ и повторялъ: „Горе! Горе Іерусалиму!“, не браня тѣхъ, кто его билъ, не благодаря тѣхъ, кто подавалъ ему милостыню; онъ продолжалъ вести себя такъ до самой осады, и голосъ его ни разу не ослабѣлъ.

Если этотъ Іисусъ, сынъ Анны, и не былъ ученикомъ Іисуса, то его вѣщій возгласъ, во всякомъ случаѣ, былъ вѣрнымъ выраженіемъ того, что таилось въ глубинѣ христіанской мысли. Іерусалимъ преисполнилъ мѣру. Этотъ городъ, убивающій пророковъ, каменующій тѣхъ, кто къ нему посланъ, бичующій однихъ, распинающій другихъ, съ этихъ поръ будетъ проклятымъ. Около того времени, до котораго мы дошли въ нашемъ разсказѣ, создались тѣ маленькія откровенія, которыя одними приписывались Еноху, другими — Іисусу, и которыя представляютъ сильное сходство съ восклицаніями Іисуса, сына Анны. Эти отрывки впослѣдствіи вошли въ рамки синоптическихъ Евангелій; ихъ представили въ видѣ рѣчей, произнесенныхъ Іисусомъ въ послѣдніе дни его жизни. Быть можетъ, и тогда уже былъ данъ пароль оставлять Іудею и бѣжать въ горы. Во всякомъ случаѣ, синоптическія Евангелія носятъ глубокій отпечатокъ этихъ тревогъ; они сохранили на себѣ ихъ, какъ родимое пятно, какъ неизгладимую печать. Къ спокойнымъ истинамъ Іисусовымъ примѣшалась окраска мрачнаго откровенія; предчувствія возникали въ безпокойномъ и тревожномъ воображеніи, но кротость христіанъ оградила ихъ отъ всѣхъ неистовствъ, которыя волновали другія части народа,—тѣ части, которыми, подобно имъ, овладѣли мессіаническія идеи. Для нихъ Мессія уже пришелъ; онъ пребывалъ въ пустынѣ; онъ взошелъ на небо уже 30 лѣтъ тому назадъ. Самозванцы и фанатики, старавшіеся увлечь за собою народъ, были лже-христами и лже-пророками. Къ тому же казнь Іакова, а можетъ быть и нѣкоторыхъ другихъ братьевъ, склоняла ихъ все къ большему и большему отдѣленію отъ іудейства. Являясь предметомъ всеобщей ненависти, они утѣшались тѣмъ, что думали о наставленіяхъ Іисуса. По словамъ нѣкоторыхъ, Іисусъ предсказалъ, что среди этихъ испытаній не упадетъ ни одинъ волосъ съ ихъ головы.

Положеніе было такимъ напряженнымъ, всѣ такъ ясно чувствовали, что находятся наканунѣ катастрофы, что Іерусалимская Церковь даже не назначила непосредственнаго преемника Іакову въ званіи главы ея. Остальные „братья Господни", какъ Іуда, Симеонъ, сынъ Клеопы, продолжали быть главными авторитетами въ общинѣ. Мы увидимъ ниже, что послѣ войны имъ суждено было послужить центрами, вокругъ которыхъ объединились всѣ вѣрные Іудеи. Іерусалиму остается всего лишь 8 лѣтъ жизни, и даже гораздо раньше рокового

часа изверженіе грознаго вулкана далеко забросить маленькую кучку благочестивыхъ евреевъ, которыхъ связывала другъ съ другомъ память объ Іисусѣ.

ГЛАВА IV.

Послѣдній періодъ дѣятельности Павла.

Между тѣмъ, Павлу приходилось въ своей темницѣ терпѣть проволочки администраціи, сильно распустившейся вслѣдствіе странностей государя и окружавшихъ его дурныхъ людей. Съ нимъ былъ Тимоѳей, Лука, Аристархъ, а согласно нѣкоторымъ свѣдѣніямъ также и Титъ. Присоединился къ нему снова и Тихикъ. Нѣкій Іисусъ, прозванный *Справедливымъ,* обрѣзанный; нѣкій Деметрій или Демасъ, необрѣзанный неофитъ, который повидимому происходилъ изъ Ѳессалоники, и сомнительная личность, по имени Кресцентъ, также фигурируютъ около него и служатъ ему помощниками. Маркъ, который, согласно нашей гипотезѣ, прибылъ въ Римъ вмѣстѣ съ Петромъ, повидимому примирился съ тѣмъ человѣкомъ, вмѣстѣ съ которымъ онъ началъ свою апостольскую дѣятельность и съ которымъ онъ такъ рѣзко разстался; по всей вѣроятности, онъ служилъ посредникомъ между Петромъ и апостоломъ язычниковъ. Во всякомъ случаѣ, Павелъ въ эту эпоху былъ очень недоволенъ христіанами-сторонниками обрѣзанія; онъ находилъ, что они непривѣтливы съ нимъ, и заявлялъ, что не находитъ между ними хорошихъ сотрудниковъ.

Въ мысляхъ Павла около описываемаго времени происходятъ важныя перемѣны, вызванныя, быть можетъ, новыми связями, которыя онъ пріобрѣлъ въ столицѣ имперіи—центрѣ и сборномъ пунктѣ всякихъ идей; и въ виду этихъ перемѣнъ творенія, созданныя имъ въ эту эпоху его жизни, значительно отличаются отъ тѣхъ, которыя онъ написалъ во время второго и третьяго апостольскихъ странствій. Происходило быстрое

развитіе содержанія христіанскаго ученія. Въ это плодотворное время богословіе въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ двигалось впередъ гораздо быстрѣе и сдѣлало неизмѣримо больше успѣховъ, нежели впослѣдствіи ему суждено было сдѣлать въ теченіи долгихъ вѣковъ. Новое ученіе отыскивало свое равновѣсіе и со всѣхъ сторонъ для поддержки своихъ слабыхъ частей создавало себѣ дополненія и опоры. Его можно было бы сравнить съ животнымъ во время періода зарожденія, тамъ выращивающимъ себѣ членъ, тутъ перемѣняющимъ органъ, лишающимъ себя того или другого отростка, чтобы достичь гармоніи жизни, т. е. того состоянія, при которомъ все въ живомъ существѣ согласуется, оказываетъ взаимное содѣйствіе и одно за другое держится.

Всепожирающая страсть къ дѣятельности до сихъ поръ никогда не оставляла Павлу свободнаго времени для того, чтобы подумать о срокахъ, чтобы ему пришло въ голову, что Іисусъ очень уже медлитъ появиться снова: но эти долгіе мѣсяцы тюрьмы заставили его бросить взглядъ на прошлое. Къ тому-же и старость начала давать себя чувствовать: пылкія страсти начинали уступать мѣсто нѣкотораго рода печальной зрѣлости. Душа его стала склоняться къ размышленію, это заставило его пополнять пробѣлы въ его мысляхъ и создать изъ нихъ послѣдовательную теорію. Онъ становился мистикомъ, богословомъ, наблюдателемъ, и уже не былъ тѣмъ практикомъ, что прежде. Порывы слѣпой вѣры, совершенно неспособной оглядываться назадъ, не въ состояніи были помѣшать ему изрѣдка удивляться тому, что небо такъ долго не открывается, что звукъ трубы, возвѣщающій конецъ, такъ долго не раздается. Вѣра Павла не была этимъ поколеблена, но она искала другихъ точекъ опоры. Его взглядъ на Христа видоизмѣнился. Съ тѣхъ поръ въ его мечтахъ является уже не столько Сынъ Человѣческій, появляющійся въ облакахъ и предстоящій всеобщему Воскресенію, сколько Христосъ, занявшій мѣсто въ Божествѣ, составляющій часть послѣдняго, дѣйствующій съ Божествомъ и въ Божествѣ. Воскресеніе для него не представляется чѣмъ-то будущимъ; оно, какъ будто, уже въ данное время происходитъ.—Когда человѣкъ измѣнился одинъ разъ, онъ уже продолжаетъ мѣняться; можно быть въ одно и тоже время и самымъ увлекающимся, и самымъ непостояннымъ изъ людей. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что великіе образы конечнаго откровенія и воскресенія, нѣ-

когда столь близкіе Павлу, появляющіеся, можно сказать, на каждой страницѣ посланій, написанныхъ во время 2-го и 3-го апостольскихъ странствій, и даже посланія къ Филиппійцамъ, занимаютъ послѣднее мѣсто въ твореніяхъ послѣдняго періода его пребыванія въ заключеніи. Ихъ замѣняетъ въ этихъ посланіяхъ теорія Христа, понимаемаго какъ нѣкотораго рода Божественное Лицо, теорія, весьма сходная съ теоріей Logos'a, которая позднѣе выльется въ окончательную свою форму въ твореніяхъ, приписываемыхъ Іоанну.

Такая же точно перемѣна замѣчается и въ стилѣ. Языкъ посланій, написанныхъ во время заключенія, болѣе гибокъ; но за то онъ немного потерялъ въ силѣ. Мысль не проводится уже съ такой настойчивостью; употребляемыя имъ слова значительно отличаются отъ тѣхъ, которыя примѣнялись имъ въ началѣ его дѣятельности. Господствующее значеніе пріобрѣтаютъ любимыя выраженія іоаннической школы: „свѣтъ", „тьма", „жизнь", „любовь", и т. д. Синкретическая философія гностицизма уже даетъ себя чувствовать. Вопросъ объ очищеніи Іисусомъ отъ грѣховъ уже не такъ сильно занимаетъ его. Война между вѣрой и дѣлами повидимому успокоилась въ лонѣ единой христіанской жизни, сложившейся изъ знанія и благодати. Христосъ, сдѣлавшись центральнымъ существомъ вселенной, своей обожествленной личностью примиряетъ борьбу двухъ направленій христіанства. Конечно, есть нѣкоторыя основанія подозрѣвать подлинность подобныхъ сочиненій. За нихъ, однако, говорятъ такіе вѣскіе доводы, что мы предпочли бы приписать различія въ слогѣ и въ идеяхъ, о которыхъ мы только что говорили, естественной эволюціи въ мысляхъ Павла. Предыдущія писанія Павла, безъ сомнѣнія подлинныя, уже содержатъ въ себѣ зародыши этого новаго образа рѣчи. Въ этихъ писаніяхъ „Христосъ" и „Богъ" смѣняютъ другъ друга почти въ качествѣ синонима; Христосъ исполняетъ въ нихъ функціи Божества; къ нему обращаются, какъ къ Богу; онъ является необходимымъ посредникомъ у Бога. Пылкость, съ которой люди привязывались къ Іисусу, имѣла слѣдствіемъ то, что съ его личностью связывались всѣ теоріи, бывшія въ модѣ въ той или другой части еврейскаго міра. Предположимъ, что въ наши дни народится человѣкъ, отвѣчающій всѣмъ довольно разнообразнымъ стремленіямъ демократіи. Его сторонники стали бы говорить однимъ: „Вы стоите за организацію труда; онъ и

воплощаетъ въ себѣ организацію труда;“ другимъ: „вы стоите за независимость нравственныхъ убѣжденій: но вѣдь онъ и представляетъ собою независимость нравственныхъ убѣжденій“ третьимъ: „вы стоите за кооперацію; онъ и есть кооперація“; четвертымъ: „вы стоите за солидарность: онъ и есть солидарность“.

Новая теорія Павла можетъ быть сведена приблизительно къ слѣдующему:

Настоящій міръ есть царство тьмы, т. е. Сатаны и его адской іерархіи, которая наполняетъ собою атмосферу. Царство праведныхъ, наоборотъ, будетъ царствомъ свѣта. А праведники являются таковыми не за свои собственныя заслуги (до Христа всѣ были врагами Божьими), но вслѣдствіе того, что Богъ переложилъ на нихъ заслуги Іисуса Христа, своего возлюбленнаго Сына. Именно кровь этого Сына, пролитая на крестѣ, смываетъ грѣхи, примиряетъ все живущее съ Богомъ и призываетъ царство мира на небеса и на землю. Сынъ является образомъ невидимаго Бога, перворожденнымъ изъ всѣхъ твореній; все создалось въ немъ, имъ и ради него, все—и небесное, и земное, и видимое, и невидимое, престолы, господства и власти. Онъ существовалъ раньше всего другого и все существуетъ въ немъ. Церковь и онъ составляютъ одно тѣло, котораго онъ есть глава. Какъ и во всемъ онъ всегда стоялъ на первомъ мѣстѣ, такъ и въ воскресеніи онъ будетъ занимать то же мѣсто. Его воскресеніе есть начало всеобщаго. Вся полнота божественнаго начала тѣлесно живетъ въ немъ. Такимъ образомъ Іисусъ является Богомъ человѣческимъ, нѣкотораго рода премьеръ-министромъ бытія, стоящимъ между Богомъ и человѣкомъ. Все, что монотеизмъ говоритъ объ отношеніяхъ человѣка къ Богу, можетъ быть, по данной теоріи Павла, повторено объ отношеніяхъ человѣка къ Іисусу. Почитаніе Іисуса, которое у Іакова не превышаетъ культа поклоненія святымъ и Богородицѣ, достигаетъ у Павла размѣровъ настоящаго культа единаго Бога,—такого, какимъ никогда до сихъ поръ ни одинъ еврей не служилъ ни одному сыну женщины.

Тайна эта, которую Богъ готовилъ съ предвѣчныхъ временъ, была Имъ открыта праведникамъ послѣднихъ дней міра, такъ какъ время къ тому созрѣло. Наступилъ моментъ, когда каждый со своей стороны долженъ дополнить дѣло Христово; а дополняется дѣло Христово страданіемъ; стало быть стра-

данiе есть благо, которому нужно радоваться и которымъ слѣдуетъ гордиться. Христіанинъ, участвуя во Іисусѣ, подобно ему преисполняется всей полнотой божественной благодати. Воскресшій Іисусъ, оживая, сообщилъ всему жизнь. То средостѣніе, которое законъ создалъ между племенемъ Божіимъ и язычниками, разрушено Іисусомъ; изъ двухъ частей примирившагося человѣчества онъ создалъ обновленное человѣчество; своими крестными муками онъ стеръ всѣ прежнія чувства ненависти. Текстъ Закона былъ какъ-бы векселемъ, по которому человѣчество никакъ не могло расплатиться: Іисусъ обезцѣнилъ вексель, пригвоздивъ его къ своему кресту. Созданный Іисусомъ міръ является, слѣдовательно, міромъ совершенно новымъ; Іисусъ есть краеугольный камень храма, который строитъ себѣ Богъ. Христіанинъ умеръ на землѣ, вмѣстѣ съ Іисусомъ былъ погребенъ въ гробницѣ; жизнь его вмѣстѣ со Христомъ покоится въ Богѣ. Въ ожиданіи времени, когда Христосъ появится и дастъ ему участіе въ славѣ своей, онъ умерщвляетъ свою плоть, угашая въ себѣ всѣ естественныя похоти, во всемъ борясь съ природой, отбрасывая далеко отъ себя образъ „стараго человѣка“ и облачаясь въ „новый, обновленный по образу Творца“. Съ этой точки зрѣнія нѣтъ больше ни Грека ни Іудея, ни обрѣзаннаго, ни необрѣзаннаго, ни варвара, ни скиѳа, ни раба, ни свободнаго; Христосъ есть все, Христосъ—во всѣхъ. Праведники суть тѣ, которымъ Богъ оказалъ безвозмездную милость, примѣнивъ къ нимъ заслуги Христа, тѣ, которыхъ онъ такимъ образомъ предназначилъ къ принятію въ лоно Божества еще раньше, чѣмъ былъ созданъ міръ. Церковь едина, точно также какъ самъ Богъ единъ; дѣло ея—строеніе тѣла Христова; конечная цѣль всего есть реализація совершеннаго человѣка, полное сліяніе Христа со всѣми его членами, такое состояніе, когда Христосъ дѣйствительно будетъ главою человѣчества, возродившагося по его собственному образцу, человѣчества, воспринимающаго отъ него движеніе и жизнь черезъ посредство ряда членовъ, связанныхъ между собою и подчиненныхъ одни другимъ. Темныя власти воздуха борются въ намѣреніи воспрепятствовать этому воцаренію. Между ними и праведниками произойдетъ страшная борьба. Это будетъ ужасный день, но съ помощію даровъ Христовыхъ праведники восторжествуютъ.

Ученіе это не было совсѣмъ новымъ. Отчасти его исповѣдывала іудейская школа въ Египтѣ, въ особенности

Филонъ. Этотъ Христосъ, ставшій божественной vпостасью, есть тотъ же *логосъ* еврейской александрійской философіи, *мемера* халдейскихъ парафразъ, первообразъ всего, кѣмъ все было создано. Воздушныя власти, которымъ даровано было владычество надъ міромъ, странная іерархія, небесная и адская, все это какъ-будто взято изъ іудейской каббалы и у гностиковъ. Таинственная *плерома*, конечная цѣль дѣла Христова, очень походитъ на божественную *плерому*, которую гностицизмъ ставитъ на вершинѣ лѣстницы вселенной. Гностическая и каббалистическая теософія, которую можно назвать миѳологіей, монотеизма, и которую мы считая созданіемъ Симона Гиттонскаго, уже въ первомъ вѣкѣ представляется намъ со всей полнотой своихъ главныхъ отличительныхъ чертъ. Систематически относить ко II вѣку всѣ памятники, гдѣ только можно найти слѣды подобнаго духа, представляется весьма смѣлымъ. Духъ этотъ зародился у Филона и въ христіанствѣ первыхъ вѣковъ. Теософическое представленіе о Христѣ неизбѣжно должно было выйти изъ мессіаническаго представленія о Сынѣ человѣческомъ, какъ только послѣ долгаго ожиданія было вполнѣ установлено, что Сынъ человѣческій не приходитъ. Въ посланіяхъ Павла, подлинность которыхъ находится внѣ всякаго сомнѣнія, содержатся нѣкоторыя черты, мало отличающіеся отъ преувеличеній, находящихся въ тѣхъ посланіяхъ, которыя были написаны въ заключеніи. Посланіе къ Евреямъ, созданное ранѣе 70-го года, отличается тѣмъ же стремленіемъ перенести Іисуса въ міръ метафизическихъ отвлеченностей. Все это станетъ въ высшей степени очевиднымъ, когда мы будемъ говорить о іоанническихъ посланіяхъ. У Павла, который не зналъ Іисуса, это превращеніе идеи Христа было въ извѣстномъ смыслѣ неизбѣжнымъ. Въ то время какъ школа, обладавшая живымъ преданіемъ объ учителѣ, создавала Іисуса синоптическихъ Евангелій, восторженный человѣкъ, видавшій основателя христіанства только въ мечтахъ, все болѣе и болѣе превращалъ его въ сверхчеловѣческое существо, въ метафизическое начало жизни, которое будто никогда и не жило.

Это превращеніе, впрочемъ, происходило не только въ мысляхъ Павла. Установленныя имъ Церкви шли по тому-же пути. Въ особенности малоазіатскія путемъ нѣкой скрытой работы, стремились къ самымъ преувеличеннымъ взглядамъ на божественность Христа. Это вполнѣ понятно. Для этой части

христіанства, которое возникло изъ дружескихъ бесѣдъ у Тиверіадскаго Озера, Іисусъ всегда долженъ былъ оставаться обаятельнымъ сыномъ Божіимъ, котораго видѣли проходящимъ среди людей съ очаровательной простотой и съ кроткой улыбкой; но когда Іисуса проповѣдывали жителямъ какого-нибудь уголка, затеряннаго въ глубинѣ Фригіи, когда проповѣдникъ объявлялъ, что онъ никогда его не видѣлъ и. будто-бы, ничего почти не зналъ о его земной жизни, то что тогда могли думать добрые и наивные слушатели о томъ, о комъ имъ проповѣдывали? Какъ могли они представлять себѣ его.—Какъ мудреца? Какъ полнаго очарованія учителя? Совсѣмъ не такъ изображалъ роль Іисуса Павелъ. Онъ не зналъ или дѣлалъ видъ, что не знаетъ историческаго Іисуса.—Какъ Мессію, какъ Сына человѣческаго, долженствующаго явиться среди облаковъ въ великій день Господень? Эти представленія были чужды язычникамъ и предполагали знакомство съ еврейскими книгами.— Очевидно, что чаще всего этимъ добрымъ провинціаламъ долженъ былъ представляться образъ воплощенія Бога, облекающагося въ человѣческій видъ и ходящаго по землѣ. Такое представленіе было очень распространено въ Малой Азіи; Аполлоній Тіанскій вскорѣ долженъ былъ использовать его въ своихъ выгодахъ. Чтобы примирить такой взглядъ съ монотеизмомъ, оставался только одинъ способъ: представлять себѣ Іисуса, какъ воплощеніе божественной ѵпостаси, какъ извѣстнаго рода раздвоеніе единаго Бога, принявшаго человѣческій видъ для осуществленія божественнаго намѣренія. Не надо забывать, что дѣло происходитъ уже не въ Сиріи. Христіанство изъ земли семитовъ перешло къ народностямъ, опьянѣвшимъ отъ фантазій и миѳологіи. Пророкъ Магометъ, легенда котораго у арабовъ такая чисто человѣческая, превратился такимъ-же точно образомъ у шіитовъ въ Персіи и въ Индіи въ совершенно сверхъестественное существо, въ своего рода Вишну или Будду.

Тѣ связи, которыя были у апостола съ его Церквами въ Малой Азіи, какъ разъ около этого времени доставили ему случай изложить новую форму, которую онъ сталъ придавать своимъ мыслямъ. Благочестивый Эпафродитъ или Эпафразъ, ученый и основатель Колосской Церкви и глава Церквей на берегахъ Лика, прибылъ къ нему по порученію вышеназванныхъ Церквей. Павелъ никогда не бывалъ въ этой долинѣ; но и тамъ принимался его авторитетъ. Его считали

тамъ даже мѣстнымъ апостоломъ страны и каждый считалъ себя относящимся къ вѣрѣ такъ-же, какъ и онъ. Узнавъ о его плѣнѣ, Церкви въ Колоссахъ, въ Лаодекеѣ на Ликѣ и Гіераполисѣ послали Эпафраса раздѣлить съ нимъ заключеніе, утѣшить его, увѣрить его въ дружбѣ вѣрныхъ, и, по всей вѣроятности, предложить ему денежную помощь, въ которой онъ могъ нуждаться. То, что доносилъ Эпафрасъ о рвеніи неофитовъ, преисполнило Павла удовлетворенія; вѣра, милосердіе, гостепріимство были тамъ поразительныя; но христіанство принимало въ этихъ фригійскихъ Церквахъ любопытное направленіе. Находясь далеко отъ соприкосновенія съ великими апостолами, лишенныя всякаго еврейскаго вліянія, состоящія почти исключительно изъ язычниковъ, Церкви эти склонялись къ извѣстнаго рода смѣси христіанства, греческой философіи и мѣстныхъ культовъ. Въ этомъ маленькомъ городкѣ, Колоссахъ, при рокотѣ водопадовъ, среди пѣнящейся пучины противъ Гіераполиса и его ослѣпительно прекрасной горы съ каждымъ днемъ росла вѣра въ неограниченную божественность Іисуса Христа. Напомнимъ, что Фригія была одной изъ странъ, свойствомъ которыхъ была особая религіозная оригинальность. Таинства ея заключали въ себѣ или претендовали, будто заключаютъ, нѣкій возвышенный символизмъ. Нѣкоторые изъ практиковавшихся тамъ обрядовъ были довольно похожими на обряды новаго культа. Для христіанъ, не обладавшихъ никакими преданіями о прошломъ, не пережившихъ такихъ первыхъ опытовъ монотеизма, какъ евреи, было, должно быть, очень соблазнительнымъ слить христіанское ученіе со старинными символами, которые представлялись здѣсь наслѣдствомъ, полученнымъ отцами почтенной древности. Передъ принятіемъ идей, вышедшихъ изъ Сиріи, христіане эти были набожными язычниками; весьма возможно, что и принимая ихъ они не думали, что тѣмъ самымъ торжественно порываютъ всѣ связи со своимъ прошлымъ. Да и какой истинно-религіозный человѣкъ согласится совершенно отречься отъ стараго ученія, подъ сѣнью котораго онъ впервые позналъ идеалъ, и не станетъ искать сближенія, часто невозможнаго, между своей прежней вѣрой и той, до которой онъ дошелъ путемъ прогресса мышленія?

Во второмъ вѣкѣ этой потребности въ сліяніи ученій суждено было пріобрѣсти необычайное значеніе и повлечь за собою пышный расцвѣтъ гностическихъ сектъ. Мы уви-

димъ ниже, что въ концѣ перваго вѣка такія же точно стремленія наполнили Эфесскую церковь волненіемъ и тревогой. Керинөъ и авторъ четвертаго Евангелія исходили, въ сущности, изъ однороднаго принципа, изъ того представленія, что духъ Іисусовъ былъ существомъ божественнымъ, небеснымъ, отличнымъ отъ его земного наружнаго вида. Колоссы уже въ 60-мъ году были заражены той же болѣзнью. Тамъ уже въ это время находила себѣ искусныхъ толкователей теософія, смѣшанная съ туземными вѣрованіями, съ эбіонимическимъ іудействомъ, съ философіей и съ данными, заимствованными изъ новаго вѣроученія. Культъ несозданныхъ *эоновъ* (существъ), весьма развитая теорія ангеловъ и демоновъ, наконецъ, гностицизмъ, съ его произвольными обрядами, съ его принимаемыми за дѣйствительность отвлеченіями, — все это уже начинало появляться и своей обманчивой мягкостью подкапывалось подъ христіанское вѣроученіе въ наиболѣе живыхъ и существенныхъ частяхъ послѣдняго. Сюда примѣшивались противоестественное воздержаніе, ложная склонность къ смиренію, показная суровость, лишающая плоть принадлежащихъ послѣдней правъ, словомъ, всѣ тѣ заблужденія нравственнаго чувства, которымъ суждено было произвести на свѣтъ фригійскія ереси второго вѣка (монтанисты, пепузійцы, катафригійцы), каковыя въ свою очередь находились въ связи съ древней мистической закваской галліевъ, корибантовъ, и послѣдними пережитками которыхъ являются въ наши дни дервиши. Такимъ образомъ, разница между христіанами языческаго происхожденія и христіанами еврейскаго происхожденія съ каждымъ днемъ обозначалась все яснѣе и яснѣе. Въ Церквахъ Павла нарождались христіанскія миөологія и метафизика. Происходя изъ племенъ, гдѣ существовало многобожіе, обращенные язычники не видѣли ничего необычайнаго въ представленіи о Богѣ, принявшемъ образъ человѣка, тогда какъ евреямъ воплощеніе божества казалось какимъ-то богохульствомъ, чѣмъ-то возмутительнымъ.

Павелъ, желая оставить у себя Эпафраса, дѣятельность котораго ему хотѣлось использовать, рѣшилъ отвѣтить депутаціи Колоссеянъ, пославши къ нимъ Тихика Эфесскаго, которому онъ въ то же время далъ нѣкоторыя порученія къ азійскимъ Церквамъ. Тихикъ долженъ былъ совершить поѣздку по долинѣ Меандра, посѣтить общины, сообщить имъ новости о Павлѣ, изустно передать имъ подробности о по-

ложенiи апостола, которыя онъ считалъ неосторожнымъ довѣрить бумагѣ изъ-за римскихъ властей, наконецъ, передать каждой изъ Церквей отдѣльныя посланiя, съ которыми обращался къ нимъ Павелъ. Тѣмъ изъ этихъ Церквей, которыя находились по сосѣдству другъ отъ друга, предписано было взаимно сообщить другъ другу присланныя имъ письма и поочередно читать ихъ на собранiяхъ. Сверхъ того возможно, что Тихику была передана извѣстнаго рода энциклика, написанная по образцу посланiя къ Колоссеянамъ и предназначенная спецiально тѣмъ Церквамъ, которымъ Павелъ не имѣлъ сказать ничего особеннаго. Заботу о составленiи этого циркуляра Павелъ, повидимому, предоставилъ своимъ ученикамъ или секретарямъ, давши имъ только планъ ея или показавши имъ образецъ.

Посланiе, съ которымъ онъ обратился при этомъ случаѣ къ Колоссеянамъ, дошло до насъ. Павелъ продиктовалъ его Тимофею, подписалъ его и собственноручно приписалъ: «*Помните мои узы*». Что касается до циркулярнаго посланiя, которое Тихикъ по дорогѣ передалъ Церквамъ, не имѣвшимъ именныхъ писемъ, то, повидимому, это то самое, что дошло до насъ подъ названiемъ Посланiя къ Ефесянамъ. Несомнѣнно, что предназначалось это посланiе не Ефесянамъ, такъ какъ въ немъ апостолъ обращается исключительно къ неофитамъ изъ язычниковъ, къ Церкви, которой онъ никогда не видалъ и къ которой онъ не находилъ нужнымъ обратиться ни съ какими особыми наставленiями. Въ древнихъ рукописяхъ такъ называемаго Посланiя къ Ефесянамъ былъ пробѣлъ на мѣстѣ надписи, гдѣ должна была быть указана Церковь, которой предназначалось посланiе; Ватиканская рукопись и codex sinaïticus представляютъ такую же точно особенность. Высказывалось предположенiе, что это мнимое посланiе къ эфесянамъ въ дѣйствительности представляетъ письмо къ Лаодикеянамъ, написанное одновременно съ посланiемъ къ Колоссеянамъ. Въ другомъ мѣстѣ мы показали, по какимъ основанiямъ мы не можемъ согласиться съ этимъ мнѣнiемъ и какiе доводы заставляютъ насъ видѣть въ произведенiи' о которомъ идетъ рѣчь, скорѣе всего письмо съ изложенiемъ ученiя, каковое письмо апостолъ Павелъ распорядился воспроизвести въ нѣсколькихъ экземплярахъ съ цѣлью распространить его въ Азiи. Тихикъ, проѣзжая черезъ Ефесъ свою родину, могъ показать одинъ изъ этихъ экземпля-

ровъ старѣйшинамъ; послѣдніе могли сохранить его какъ поучительный документъ, и вполнѣ возможно допустить, что именно эта копія и послужила при составленіи собранія твореній Павла; этимъ и объясняется то заглавіе, которое носитъ посланіе въ настоящее время. Что несомнѣнно, такъ это то, что мнимое посланіе къ Ефесянамъ представляетъ не что иное, какъ подражаніе, передѣлку посланія къ Колоссеянамъ, съ добавленіемъ нѣкоторыхъ отрывковъ изъ другихъ посланій Павла и, можетъ быть, изъ утерянныхъ посланій.

Это мнимое посланіе къ Ефесянамъ является, вмѣстѣ съ посланіемъ къ Колоссеянамъ, лучшимъ изложеніемъ теорій Павла, относящихся къ концу его дѣятельности. Посланія къ Колоссеянамъ и къ Ефесянамъ представляютъ ту-же цѣнность для изученія послѣдняго періода жизни апостола, какую посланіе къ Римлянамъ представляетъ для изученія времени его великаго апостольскаго служенія. Взгляды основателя христіанскаго богословія достигаютъ тутъ высшей степени чистоты. Чувствуется та великая переработка духа, которой великія души при приближеніи конца подвергаютъ свои мысли и вслѣдъ за которой не можетъ имѣть мѣста ничто, кромѣ смерти.

Конечно, Павелъ стоялъ на правильномъ пути, когда боролся съ опаснымъ заблужденіемъ, каковое представляетъ гностицизмъ, которому суждено было вскорѣ стать серьезной угрозой разуму человѣческому, и когда онъ боролся съ той химерической вѣрой въ ангеловъ, которой онъ противопоставилъ своего Христа, стоящаго выше всего, что не есть Богъ. До сихъ поръ за нимъ остается заслуга послѣднихъ нападокъ, которыя были имъ сдѣланы на обрѣзаніе, на пустые обряды, на еврейскіе предразсудки. Мораль, которую онъ извлекаетъ изъ своего высокаго пониманія Христа, достойна удивленія во многихъ отношеніяхъ. Но сколько преувеличеній, Боже мой! Сколько это смѣлое презрѣніе всякаго разума, эта блестящая похвала безумству, этотъ пылкій потокъ парадоксовъ, представляютъ огорченій для совершенной мудрости, избѣгающей всякихъ крайностей! Этотъ «ветхій человѣкъ», на котораго Павелъ такъ рѣзко нападаетъ, окажетъ сопротивленіе; онъ покажетъ, что совсѣмъ онъ не заслуживаетъ такихъ проклятій. Все это прошлое, пораженное несправедливымъ приговоромъ, снова станетъ началомъ «воз-

рожденія» для міра, который христіанство довело до послѣдней степени истощенія. Павель съ этой точки зрѣнія окажется однимъ изъ опаснѣйшихъ враговъ цивилизаціи. Новыя проявленія Павловыхъ взглядовъ окажутся пораженіями человѣческаго ума. День торжества послѣдняго будетъ днемъ смерти Павла. То, что представитъ собой торжество Іисуса, будетъ равносильно пораженію Павла.

Заканчивая свое посланіе къ Колоссеянамъ, апостолъ передавалъ послѣднимъ привѣтъ и пожеланія ихъ праведнаго и самоотверженнаго законоучителя Эпафраса. Въ то же время онъ просилъ ихъ обмѣняться письмами съ Лаодикейской Церковью. Тихику, который долженъ былъ везти съ собой корреспонденцію, онъ далъ въ качествѣ посланца нѣкоего Онисима, котораго онъ называетъ «вѣрнымъ и возлюбленнымъ» братомъ. Нѣтъ ничего поразительнѣе исторіи этого Онисима. Онъ былъ рабомъ Филимона, одного изъ главныхъ членовъ Колосской Церкви; отъ своего хозяина онъ убѣжалъ, предварительно обокравъ его, и отправился въ Римъ скрываться. Тутъ онъ познакомился съ Павломъ, быть можетъ черезъ посредство Эпафраса, своего земляка. Павелъ обратилъ его, убѣдилъ вернуться къ хозяину и отправилъ въ Азію вмѣстѣ съ Тихикомъ. Чтобы успокоить опасенія, которыя могли еще оставаться у бѣднаго Онисима, Павелъ продиктовалъ Тимофею записку къ Филимону, настоящее маленькое образцовое произведеніе эпистолярнаго искусства, которое онъ передалъ изъ рукъ въ руки провинившемуся:

„*Павелъ, узникъ Іисуса Христа, и Тимофей братъ, Филимону возлюбленному и сотруднику нашему, и Апфіи сестрѣ возлюбленной, и Архиппу, сподвижнику нашему, и домашней твоей церкви:*

„Благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца нашего и Господа Іисуса Христа.

„Благодарю Бога моего, всегда вспоминая о тебѣ въ молитвахъ моихъ, слыша о твоей любви и вѣрѣ, которую имѣешь къ Господу Іисусу и ко всѣмъ святымъ, дабы общеніе вѣры твоей оказалось дѣятельнымъ въ познаніи всякаго у васъ добра во Христѣ Іисусѣ. Ибо мы имѣемъ великую радость и утѣшеніе въ любви твоей, потому что тобою, братъ, успокоены сердца святыхъ. Посему, имѣя великое во Христѣ дерзновеніе приказывать тебѣ, что должно, по любви лучше прошу, не иной кто, какъ я, Павелъ старецъ, а теперь и узникъ Іисуса Христа.

„Прошу тебя о сынѣ моемъ, Онисимѣ, котораго родилъ я въ узахъ моихъ: онъ былъ нѣкогда негоденъ для тебя, а теперь годенъ тебѣ и мнѣ; я возвращаю его, ты же прими его, какъ мое сердце. Я хотѣлъ при себѣ удержать его, дабы онъ вмѣсто тебя послужилъ мнѣ въ узахъ за благовѣствованіе; но безъ твоего согласія ничего не хотѣлъ сдѣлать, чтобы доброе дѣло твое было не вынужденно, а добровольно. Ибо, можетъ быть, онъ для того на время отлучился, чтобы тебѣ принять его навсегда, уже не какъ раба, но выше раба, брата возлюбленнаго, особенно мнѣ, а тѣмъ больше тебѣ, и по плоти и въ Господѣ. Итакъ, если ты имѣешь общеніе со мною, то прими его, какъ меня. Если же онъ чѣмъ обидѣлъ тебя, или долженъ, считай это на мнѣ.“

На этомъ мѣстѣ Павелъ взялъ въ руки перо и, чтобы придать своему письму значеніе настоящей довѣренности, приписалъ слѣдующее:

„Я Павелъ написалъ моею рукою: я заплачу; не говорю тебѣ о томъ, что ты и самимъ собою мнѣ долженъ. Такъ, братъ, дай мнѣ воспользоваться отъ тебя въ Господѣ; успокой мое сердце въ Господѣ.“

И затѣмъ снова сталъ диктовать:

„Надѣясь на покушеніе твое, я написалъ къ тебѣ, зная, что ты сдѣлаешь и болѣе, нежели говорю. А вмѣстѣ приготовь для меня и помѣщеніе; ибо надѣюсь, что по молитвамъ вашимъ я буду дарованъ вамъ. Привѣтствуетъ тебя Епафрасъ, узникъ вмѣстѣ со мною ради Христа Іисуса, Маркъ, Аристархъ, Димасъ, Лука, сотрудники мои. Благодать Господа нашего Іисуса Христа со духомъ вашимъ. Аминь.“

Отсюда видно, что у Павла были весьма странныя иллюзіи. Онъ считалъ себя наканунѣ освобожденія, строилъ планы новыхъ странствій, и снова видѣлъ себя въ глубинѣ Малой Азіи, въ средѣ Церквей, которыя уважали его какъ своего апостола, никогда не слыхавъ его. Іоаннъ—Маркъ тоже собирался посѣтить Азію, безъ сомнѣнія отъ имени Петра. Уже Фригійскія Церкви были извѣщены о близкомъ прибытіи этого брата. Въ письмо къ Колоссеянамъ Павелъ снова включилъ наставленіе относительно него. Обороты этого наставленія довольно холодны. Павелъ опасался, чтобы его бывшія недоразумѣнія съ Іоанномъ Маркомъ, а еще больше того связи Марка съ Іерусалимской партіей, не поставили его друзей въ Азіи въ затруднительное положеніе, чтобы они не стали ко-

лебаться принять къ себѣ человѣка, которому они до сихъ поръ привыкли не довѣрять. Павелъ пошелъ на встрѣчу этимъ недоразумѣніямъ и приказалъ своимъ Церквамъ причаститься съ Маркомъ въ томъ случаѣ, если онъ будетъ проѣзжать черезъ ихъ страну. Маркъ былъ двоюроднымъ братомъ Варнавы, имя котораго, столь милое Галатамъ, не должно было быть неизвѣстнымъ и жителямъ Фригіи. Что произошло потомъ—неизвѣстно. Страшное землетрясеніе какъ разъ только что потрясло всю долину Лика. Богатая Лаодикея вновь обстроилась на свои собственныя средства; но Колоссы не были въ состояніи оправиться; они почти исчезли изъ числа Церквей; Апокалипсисъ въ 69-мъ году ихъ не упоминаетъ. Лаодекея и Гиераполисъ унаслѣдовали все ея значеніе въ исторіи христіанства.

Павелъ утѣшался въ скорбяхъ, отовсюду находившихъ на него, своей апостольской дѣятельностью. Онъ говорилъ, что страдаетъ за свои дорогія Церкви; онъ считалъ себя жертвой, открывавшей язычникамъ двери въ семью Израилеву. Во время послѣднихъ мѣсяцевъ его пребыванія въ тюрьмѣ ему пришлось, однако, познакомиться съ упадкомъ духа и одиночествомъ. Уже въ письмѣ къ Филиппійцамъ писалъ онъ, противупоставляя поведеніе своего вѣрнаго и возлюбленнаго Тимофея поведенію нѣкоторыхъ другихъ: „всѣ ищутъ своего, а не того, что угодно Іисусу Христу“. Только Тимофей, повидимому, никогда не подавалъ повода къ жалобамъ этому строгому учителю, раздраженному и нелегко высказывавшему свое удовольствіе. Невозможно допустить, чтобы Аристархъ, Эпафрасъ и Іисусъ, прозванный *справедливымъ*, оставили его; но нѣсколько изъ нихъ могли одновременно оказаться отсутствующими; Титъ находился въ странствіяхъ для пропаганды; другіе, обязанные ему всѣмъ, въ особенности уроженцы Азіи, среди которыхъ называютъ Фигелла и Гермогена, перестали посѣщать его. Онъ, окруженный нѣкогда столь многочисленными учениками узрѣлъ, себя въ одиночествѣ. Христіане— приверженцы обрѣзанія избѣгали его. Временами Лука оказывался съ нимъ въ одиночествѣ. Характеръ его, всегда бывшій нѣсколько угрюмымъ, становился, все хуже и хуже; съ нимъ становилось почти невозможно жить вмѣстѣ. Такимъ образомъ Павлу пришлось жестоко испытать на себѣ неблагодарность людскую. Каждое изъ словъ, приписываемыхъ ему около этого времени, дышетъ неудовольствіемъ и раздра-

женіемъ. Церковь Римская, находившаяся въ близкихъ отношеніяхъ къ Іерусалимской, большей частью состояла изъ христіано-іудеевъ. Правовѣрное іудейство, очень сильное въ Римѣ, должно быть, вело съ нимъ жестокую войну. Старый Апостолъ съ разбитымъ сердцемъ призывалъ смерть.

Если бы рѣчь шла объ иной натурѣ и объ иной народности, мы постарались бы представить себѣ Павла въ послѣдніе дни его жизни признающимъ, наконецъ, что онъ всю свою жизнь положилъ на мечту, отрекающимся отъ всѣхъ святыхъ пророковъ въ пользу произведенія, котораго онъ до тѣхъ поръ не читалъ, *экклезіаста* (прекрасной книги, единственной и привлекательной, напечатанной когда-либо до сихъ поръ евреемъ), и провозглашающимъ, что тотъ человѣкъ счастливъ, который, проведя въ радости жизнь свою до самой старости съ женой своихъ юныхъ дней умираетъ, не испытавъ потери сына. Черта, характерная для великихъ людей, европейцевъ, состоитъ въ томъ, что они въ извѣстные періоды соглашаются съ эпикуромъ, что ими овладѣваетъ отвращеніе, хотя они продолжаютъ усердно работать, и что, достигнувъ цѣли, они сомнѣваются, стоило-ли столькихъ жертвъ дѣло, которому они служили. Многіе рѣшаются сказать себѣ во время высшаго напряженія дѣятельности, что человѣкъ постигаетъ тайну мудрости тогда, когда, избавившись отъ всякихъ заботъ, онъ любуется природой и наслаждается ею. Во всякомъ случаѣ, очень не многіе умѣютъ избѣжать запоздалаго сожалѣнія. Нѣтъ того самоотверженнаго человѣка,—священника, монахини,—которые въ 50 лѣтъ не оплакиваютъ своего обѣта,—и не продолжаютъ все-таки исполнять его. Мы не постигаемъ порядочнаго человѣка безъ крупицы скептицизма; намъ нравится, чтобы добродѣтельный человѣкъ отъ времени до времени говорилъ: „Добродѣтель—ты пустое слово“, ибо тотъ, кто слишкомъ увѣренъ, что добродѣтель его будетъ вознаграждена, у того послѣдняя не представляетъ большой заслуги; добрыя дѣла его имѣютъ только видъ выгоднаго помѣщенія капитала. Іисусу не было чуждо это прекрасное ощущеніе; кажется, что его божественная роль неоднократно тяготила его. Съ апостоломъ Павломъ такое явленіе навѣрное не имѣло мѣста; ему не пришлось испытать никакой агоніи въ геѳсиманскихъ садахъ и вотъ почему, между прочимъ, онъ намъ менѣе симпатиченъ. Въ то время какъ Іисусъ обладалъ высшей степенью того, что мы считаемъ неотъемлемымъ качествомъ человѣка, сто-

ящаго выше толпы, т. е., я хочу сказать, способностью улыбаться надъ своимъ дѣломъ, умѣньемъ стать выше него, не давать ему власти надъ собой, Павелъ не сумѣлъ избѣжать недостатка, который непріятно поражаетъ насъ въ сектантахъ; вѣра у него была тяжеловѣсна. Намъ хотѣлось бы видѣть, какъ онъ, подобно намъ самимъ, одолѣваемый усталостью, опускается на краю дороги; намъ хотѣлось-бы, чтобы для него не осталась скрытой суетность предвзятыхъ мнѣній. Маркъ Аврелій, самый славный представитель нашей расы, никому не уступаетъ въ добродѣтели; однако-же фанатизмъ былъ ему незнакомъ. Это никогда не было видано на Востокѣ; только одна наша раса способна постичь добродѣтель безъ вѣры, соединить сомнѣніе съ надеждой. Отданныя во власть страшному увлеченію ихъ темперамента, не причастныя къ нѣжнымъ и тонкимъ порокамъ греческой и римской цивилизаціи, эти сильныя еврейскія души походили на мощныя пружины, которыя никогда не теряли своей напряженности. Павелъ, очевидно, до самаго конца видѣлъ передъ собою уготованный ему неувядающій вѣнецъ и, подобно состязающемуся въ бѣгѣ, удваивалъ свои усилія по мѣрѣ приближенія къ цѣли. Къ тому же у него были и минуты утѣшенія. Онисифоръ Ефесскій по прибытіи своемъ въ Римъ отыскалъ его и не стыдясь его цѣпей служилъ ему и освѣжилъ его душу. Демасу, напротивъ, не понравились прямолинейныя убѣжденія апостола, и онъ оставилъ его. Павелъ, повидимому, всегда относился къ нему съ извѣстной холодностью.

Предсталъ ли Павелъ передъ Нерономъ, или лучше сказать передъ тѣмъ совѣтомъ, въ вѣдѣніи котораго находилась апелляція къ императору? Это почти достовѣрно. Правда, намъ сообщаютъ свѣдѣнія сомнительной цѣнности о „предварительной защитѣ“, на которой никто не оказывалъ ему поддержки и изъ которой онъ, благодаря осѣнявшей его благодати, вышелъ побѣдителемъ, такъ что онъ сравнилъ себя съ человѣкомъ, спасеннымъ изъ когтей разъяреннаго льва. Весьма вѣроятно, что дѣло его, послѣ двухлѣтняго тюремнаго заключенія въ Римѣ (начало 63 года), закончилось оправданіемъ. Нельзя понять, съ какой стати римскія власти приговорили бы его за сектантскіе раздоры, которые не могли интересовать ихъ. Къ тому же вѣскіе доводы доказываютъ, что Павелъ передъ смертью совершилъ еще цѣлый рядъ апостольскихъ странствій въ цѣляхъ пропаганды, но

уже не въ тѣ страны Греціи и Азіи, которыя онъ уже обратилъ въ христіанство.

За пять лѣтъ до того, незадолго до своего ареста, Павелъ, въ письмѣ, посланномъ изъ Коринѳа римскимъ вѣрнымъ, сообщалъ имъ свое намѣреніе отправиться въ Испанію. Онъ, по словамъ его, не имѣлъ въ виду исполнять у нихъ свою миссію; онъ разсчитывалъ только мимоходомъ повидать ихъ и нѣсколько времени порадоваться на нихъ; а затѣмъ они проводили бы его и облегчили бы ему дальнѣйшее путешествіе. Такимъ образомъ, пребываніе апостола въ Римѣ имѣло въ виду проповѣдь въ далекихъ странахъ и эта то проповѣдь и была главной его цѣлью.—Въ продолженіи пребыванія Павла въ Римѣ, въ тюрьмѣ, онъ, повидимому, временами измѣнялъ свое намѣреніе относительно странствій на Западъ. Онъ выражаетъ Филиппійцамъ и Колосянину Филимону надежду на то, что вскорѣ навѣститъ ихъ. Но этого намѣренія онъ безусловно не исполнилъ. Что сталъ онъ дѣлать по выходѣ изъ тюрьмы? Естественнымъ является предположеніе, что онъ поступилъ согласно своимъ первоначальнымъ планамъ и, какъ только у него появилась къ тому возможность, отправился въ дорогу. Есть серіозныя основанія предполагать, что онъ осуществилъ свой проектъ путешествія въ Испанію. Это путешествіе имѣло въ его представленіи великое догматическое значеніе; онъ придавалъ ему большую важность. Дѣло шло о томъ чтобы имѣть право сказать, что хорошая новость проникла вплоть до крайняго Запада, доказать что Евангеліе получило все свое значеніе, такъ какъ стало извѣстнымъ міру отъ края до края. Такая привычка немного преувеличивать размѣры своихъ путешествій вообще наблюдалась у Павла. По общему всѣмъ вѣрнымъ воззрѣнію, царство Божіе должно было быть проповѣдано повсемѣстно ранѣе пришествія Христова. По взглядамъ Апостоловъ, достаточно было проповѣдать Евангеліе въ одномъ городѣ для того, чтобы считать его извѣстнымъ всей странѣ, и достаточно было проповѣдать его десяти человѣкамъ, чтобы о немъ услышалъ весь городъ,

Если Павелъ дѣйствительно совершилъ это путешествіе, то, безъ сомнѣнія, морскимъ путемъ. Не исключена возможность того, что какая нибудь изъ гаваней южной Галліи была осчастливлена слѣдами стопы апостольской. Во всякомъ случаѣ это проблематичное странствіе на Востокъ не дало никакихъ сколько нибудь цѣнныхъ плодовъ.

ГЛАВА V.

Приближеніе кризиса.

Къ концу Павлова заключенія у насъ одновремено прекращаются свѣдѣнія о немъ какъ въ *Дѣяніяхъ Апостоловъ*, такъ и въ посланіяхъ. Мы оказываемся среди полнаго мрака, который представляетъ странный контрастъ съ исторической ясностью предыдущихъ 10-ти лѣтъ. Безъ сомнѣнія, авторъ *Дѣяній*, не желая оказаться въ необходимости излагать факты, въ которыхъ римскія власти, (авторъ всегда оказываетъ этимъ властямъ полное уваженіе и старается доказать, что онѣ много разъ благопріятствовали христіанамъ) играли возмутительную роль, вдругъ умолкаетъ. Это роковое молчаніе порождаетъ большія сомнѣнія относительно тѣхъ событій, которыя намъ такъ хотѣлось бы знать въ подробностяхъ. Къ счастью, Тацитъ и Апокалипсисъ внесутъ въ эту глубокую ночь лучъ яркаго свѣта. Наступилъ моментъ, когда христіанству, до сихъ поръ скрывавшемуся въ тайнѣ тѣми маленькими людьми, которые были ему обязаны своими радостями, предстоитъ прогремѣть въ исторіи подобно удару грома, который долго будетъ отдаваться въ мірѣ.

Мы видѣли, что апостолы не жалѣли никакихъ усилій, чттбы убѣдить братьевъ, раздраженныхъ причиняемыми имъ несправедливостями, оставаться сдержанными. Но это имъ не всегда удавалось. Судъ не разъ присуждалъ христіанъ къ наказаніямъ, и приговоры эти могли быть представлены въ видѣ репрессій на преступленія или проступки. Апостолы съ удивительной прямолинейностью начертали кодексъ мученичества. Быть осужденнымъ за имя христіанина есть радость. Христіанамъ казалось, что они вспоминаютъ слова Іисуса: „и будете ненавидимы всѣми за имя Мое“. Но чтобы имѣть право гордиться этой ненавистью, надо самому стоять внѣ всякихъ упрековъ. Петръ около этого времени счелъ нужнымъ, по примѣру Павла, написать Церквамъ Малой Азіи, не дѣлая никакого различія между евреями и обращенными язычниками, циркулярное поучительное письмо, отчасти съ той цѣлью, чтобы успокоить неумѣстное раздраженіе, предупредить случаи неповиновенія государственной власти, а также и для того,

чтобы установить за собой право обращаться ко всѣмъ Церквамъ. Посланія были въ модѣ; изъ простого вида переписки посланіе стало литературной формой, внѣшнимъ видомъ, служившимъ рамкой для небольшихъ религіозныхъ трактатовъ. Мы видѣли, что Апостолъ Павелъ подъ конецъ жизни сталъ пользоваться этой формой. Каждому изъ апостоловъ, отчасти по его примѣру, хотѣлось написать свое посланіе, служащее образцомъ его стиля и свойственной ему манеры поученія, и содержащее его любимыя изреченія; а если кто нибудь изъ нихъ не написалъ такого посланія, то ему таковое приписали. Эти новѣйшія посланія, которыя позднѣе получили названіе „каѳолическихъ“, не предполагали непремѣнно той мысли, что авторъ имѣетъ что нибудь сообщить адресату. Это были личныя произведенія Апостола, его проповѣдь, изложеніе занимавшихъ его мыслей, его собственное маленькое богословіе на восьми или десяти страницахъ. Сюда примѣшивались отрывки фразъ, извлеченные изъ общаго хранилища гомилетики, которыя столько разъ повторялись, что стали совершенно анонимными и уже никому болѣе не принадлежали.

Маркъ только что возвратился въ Малую Азію изъ предпринятаго имъ по приказанію Петра и по порученію Павла путешествія, которое, быть можетъ, являлось знакомъ примиренія между обоими апостолами. Благодаря этому путешествію Петръ завязалъ сношенія съ Церквами Азіи и получилъ право обратиться къ нимъ съ догматическимъ поученіемъ. Маркъ, по обыкновенію, послужилъ Петру секретаремъ и посредникомъ для составленія этого посланія. Сомнительно, чтобы Петръ умѣлъ говорить по гречески и по латыни; его языкомъ былъ сирійскій. Маркъ былъ одновременно въ сношеніяхъ и съ Петромъ, и съ Павломъ, и этимъ-то, можетъ быть и объясняется одинъ странный фактъ, который представляетъ намъ посланіе Петра: я говорю о заимствованіяхъ, которыя авторъ даннаго посланія дѣлаетъ изъ писаній Апостола Павла. Не можетъ быть сомнѣнія, что Петръ, или его секретарь (или поддѣлыватель, укравшій его имя), имѣлъ въ своемъ распоряженіи посланіе къ Римлянамъ и такъ называемое посланіе къ Ефесянамъ, т. е. именно оба „каѳолическихъ“ посланія Павла, представляющія настоящіе общіе трактаты и пользовавшіяся повсемѣстнымъ распространеніемъ. Римская Церковь могла обладать экземпляромъ такъ называемаго посланія къ Ефесянамъ, произведенія новаго, представлявшаго нѣчто въ родѣ

общаго изложенія послѣднихъ вѣрованій Павла, которое было циркулярно обращено къ нѣсколькимъ Церквамъ; съ тѣмъ большимъ основаніемъ можно предположить, что было у нея посланіе къ Римлянамъ. Другихъ твореній Павла, гораздо больше этихъ носящихъ характеръ частныхъ писемъ, по всей вѣроятности, въ Римѣ не имѣлось. Нѣкоторые менѣе характерные тексты въ Посланіяхъ Павла повидимому заимствованы у Іакова. Петръ, который, какъ мы видѣли, въ апостольскихъ преніяхъ всегда занималъ довольно колеблющееся положеніе, быть можетъ пожелалъ показать, заставивъ, если можно такъ выразиться, Іакова и Павла говорить одними устами, что разница во взглядахъ была у этихъ Апостоловъ только внѣшняя. Стремился ли онъ, въ залогъ примиренія, изложить воззрѣнія Павла, правда смягченныя и лишенныя своего главнаго вѣнца, — спасенія вѣрою? Болѣе вѣроятно, что Петръ, не привыкшій писать и не обманывавшій себя относительно своего литературнаго безплодія, не остановился передъ присвоеніемъ себѣ благочестивыхъ фразъ, постоянно повторявшихся его окружающими и внѣшнимъ образомъ другъ другу не противорѣчившихъ, несмотря на то, что онѣ составляли части различныхъ построеній. Къ счастью для самого Петра, онъ, повидимому, всю жизнь свою оставался весьма посредственнымъ богословомъ, строгой послѣдовательности въ построеніи твореній его искать нечего.

Различіе точекъ зрѣнія, на которыхъ обыкновенно стояли Петръ и Павелъ, выясняется, впрочемъ, съ первой же строки этого произведенія: „Петръ, Апостолъ Іисуса Христа, пришельцамъ, разсѣяннымъ въ Понтѣ, Галатіи и т. д.“. Выраженія эти совсѣмъ еврейскія. Семья Израиля, согласно палестинскимъ воззрѣніямъ, состояла изъ двухъ частей: съ одной стороны евреевъ, обитавшихъ въ святой землѣ; съ другой,—тѣхъ, что жили внѣ ея, причемъ послѣдніе всѣ объединялись подъ общимъ именемъ „находящихся въ разсѣяніи“. А въ глазахъ Петра и Іакова христіане, даже язычники по происхожденію, настолько являются частью народа Израилева, что вся христіанская Церковь внѣ Іерусалима, согласно ихъ убѣжденію, входитъ въ разрядъ „находящихся въ разсѣяніи“. Іерусалимъ все еще остается единственнымъ мѣстомъ во вселенной, гдѣ, по ихъ мнѣнію, христіанинъ не является пришельцемъ.

Посланіе Петра, несмотря на невысокія качества его стиля, гораздо болѣе похожаго на слогъ Павла, чѣмъ на слогъ Іакова

и Іуды, представляетъ трогательный отрывокъ, гдѣ ясно отражается состояніе ума христіанъ къ концу царствованія Нерона; оно исполнено кроткой печали и довѣрчивой покорности. Приближаются послѣднія времена. Имъ должны предшествовать испытанія, изъ которыхъ избранники выйдутъ очищенными, какъ изъ огня. Іисусъ, котораго вѣрные любятъ, никогда его не видавъ, въ котораго они вѣрятъ, не видя его, скоро появится, чтобы преисполнить ихъ радостью. Тайна искупленія, предвѣчно предуказанная Богомъ и предвозвѣщенная пророками, осуществилась путемъ смерти и воскресенія Іисуса. Избранники, призванные къ возрожденію въ крови Іисусовой, составляютъ націю праведниковъ, духовный храмъ, царственное сословіе жрецовъ, приносящихъ духовныя жертвы.

„Возлюбленные! прошу васъ, какъ пришельцевъ и странниковъ, удаляться отъ плотскихъ похотей, возстающихъ на душу, и провождать добродѣтельную жизнь между язычниками, дабы они за то, за что злословятъ васъ, какъ злодѣевъ, увидя добрыя дѣла ваши, прославили Бога въ день посѣщенія. Итакъ будьте покорны всякому человѣческому начальству, для Господа: царю ли, какъ верховной власти, правителямъ ли, какъ отъ него посылаемымъ для наказанія преступниковъ и для поощренія дѣлающихъ добро,—ибо такова есть воля Божія, чтобы мы, дѣлая добро, заграждали уста невѣжеству безумныхъ людей, какъ свободные, не какъ употребляющіе свободу для прикрытія зла, но какъ рабы Божіи. Всѣхъ почитайте, братство любите, Бога бойтесь, царя чтите. Слуги, со всякимъ страхомъ повинуйтесь господамъ, не только добрымъ и кроткимъ, но и суровымъ. Ибо то угодно Богу, если кто, помышляя о Богѣ, переноситъ скорби, страдая несправедливо. Ибо что за похвала, если вы терпите, когда васъ бьютъ за проступки? Но если, дѣлая добро и страдая, терпите, это угодно Богу, ибо вы къ тому призваны; потому что и Христосъ пострадалъ за насъ, оставивъ намъ примѣръ, дабы мы шли по слѣдамъ Его: Онъ не сдѣлалъ никакого грѣха, и не было лести въ устахъ Его (Исаія 53, 9); будучи злословимъ, Онъ не злословилъ взаимно; страдая, не угрожалъ; но предавалъ то судіи праведному“. (Первое посланіе Петра, II, 11 и сл.).

Идеалъ Страстей Господнихъ, этотъ трогательный образъ Іисуса, страдающаго въ нѣмомъ молчаніи, какъ мы видимъ, уже имѣлъ рѣшительное вліяніе на христіанскую мысль. Можно усомниться въ томъ, что разсказъ о нихъ уже былъ напи-

санъ. Разсказъ этотъ съ каждымъ днемъ дополнялся новыми фактами; но существенныя черты его, запечатлѣвшіяся въ памяти вѣрныхъ, были для нихъ непрестаннымъ увѣщеваніемъ быть терпѣливыми. Однимъ изъ главныхъ тезисовъ христіанства было то, что Мессіи надлежало пострадать. Іисусъ и истинные христіане все болѣе и болѣе стали представляться воображенію подъ видомъ молчаливаго агнца въ рукахъ мясника. Его лобзали въ душѣ, этого кроткаго агнца, въ юности своей убитаго злыми людьми; каждый старался превзойти другого въ любовномъ состраданіи, въ ласковой нѣжности, какую показала Магдалина у Гроба. Невинная жертва, съ погруженнымъ въ рану ножемъ, исторгала слезы у всѣхъ, знавшихъ его. Выраженіе „Агнецъ Божій“ уже стало примѣняться для обозначенія Іисуса; къ этому выраженію примѣшивалась идея пасхальнаго агнца; и въ этихъ образахъ зарождался одинъ изъ главныхъ символовъ христіанскаго искусства. Этотъ образъ, такъ сильно поражавшій Франциска Ассизскаго и исторгавшій у него слезы, имѣлъ своимъ источникомъ то мѣсто, гдѣ второй Исаія, описывая идеалъ пророка Израиля (страждущаго человѣка), изображаетъ его овцой, которую ведутъ на смерть и которая не раскрываетъ рта передъ тѣмъ, кто ее стрижетъ.

Этотъ образецъ покорности и смиренія Петръ выставляетъ, какъ законъ для всѣхъ слоевъ христіанскаго общества. Старѣйшины должны править своей паствой съ достоинствомъ, стараясь не приказывать; младшіе должны быть покорны старѣйшинамъ; женщина въ особенности должна, благодаря скромному очарованію ея благочестія, быть великой носительницей вѣры, не принимая, однако, вида проповѣдницы.

„Также и вы, жены, повинуйтесь своимъ мужьямъ, чтобы тѣ изъ нихъ, которые не покоряются слову, житіемъ женъ своихъ безъ слова пріобрѣтаемы были, когда увидятъ ваше чистое, богобоязненное житіе. Да будетъ украшеніемъ вашимъ не внѣшнее плетеніе волосъ, не золотые уборы или нарядность въ одеждѣ, но сокровенный сердца человѣкъ въ нетлѣнной красотѣ кроткаго и молчаливаго духа, что драгоцѣнно предъ Богомъ. Такъ нѣкогда и святыя жены, уповавшія на Бога, украшали себя, повинуясь своимъ мужьямъ: такъ Сарра повиновалась Аврааму, называя его господиномъ; вы—дѣти ея. Также и вы мужья, обращайтесь благоразумно съ женами, какъ съ немощнѣйшимъ сосудомъ, оказывая имъ честь, какъ сонаслѣдницамъ благодатной жизни, дабы не было вамъ препятствія въ молитвахъ. Наконецъ будьте всѣ единомысленны

сострадательны, братолюбивы, милосердны, дружелюбны, смиренномудры; не воздавайте зломъ за зло, или ругательствомъ за ругательство; напротивъ, благословляйте. Кто любитъ жизнь и хочетъ видѣть добрые дни, тотъ удерживай языкъ свой отъ зла и уста свои отъ лукавыхъ рѣчей, уклоняйся отъ зла и дѣлай добро, ищи мира и стремись къ нему; потому что очи Господа обращены къ праведнымъ и уши Его къ молитвѣ ихъ, но лице Господне противъ дѣлающихъ зло, чтобы истребить ихъ съ земли. И кто сдѣлаетъ вамъ зло, если вы будете ревнителями добраго? Но если и страдаете за правду, то вы блаженны". (Первое посланіе Петра, III, 1 и сл.).

Надежды на царствіе Божіе, выражаемыя христіанами, порождали нѣкоторыя недоразумѣнія. Язычники воображали себѣ, что рѣчь идетъ о политической революціи, которую предполагается вскорѣ произвести.

„Будте всегда готовы всякому, требующему у васъ отчета въ вашемъ упованіи, дать отвѣтъ съ кротостью и благоговѣніемъ; имѣйте добрую совѣсть, дабы тѣмъ, за что злословятъ васъ, какъ злодѣевъ, были постыжены порицающіе ваше доброе житіе во Христѣ. Ибо, если угодно волѣ Божіей, лучше пострадать за добрыя дѣла, нежели за злыя". (Первое посланіе Петра, III, 15 и сл.).

„Довольно, что вы въ прошедшее время жизни поступали по волѣ языческой, предаваясь нечистотамъ, похотямъ, мужеложству, скотоложству, помысламъ, пьянству, излишеству въ пищѣ и питіи и нелѣпому идолослуженію; почему они и дивятся, что вы не участвуете съ ними въ томъ же распутствѣ, и злословятъ васъ; они дадутъ отвѣтъ Имѣющему вскорѣ судить живыхъ и мертвыхъ... впрочемъ близокъ всему конецъ..." (тамъ-же, IV, 3 и сл.).

„Возлюбленные! огненнаго искушенія, для испытанія вамъ посылаемаго, не чуждайтесь, какъ приключенія для васъ страннаго; но какъ вы участвуете въ Христовыхъ страданіяхъ, радуйтесь, да и въ явленіе славы Его возрадуетесь и восторжествуете. Если злословятъ васъ за имя Христово, то вы блаженны, ибо Духъ славы, Духъ Божій почиваетъ на васъ: тѣми Онъ хулится, а вами прославляется. Только бы не пострадалъ кто изъ васъ, какъ убійца, или воръ, или злодѣй, или какъ посягающій на чужое; а если какъ Христіанинъ, то не стыдись, но прославляй Бога за такую участь. Ибо время начаться суду съ дома Божія; если же прежде съ насъ начнется,

то какой конецъ непокоряющимся Евангелію Божію? И если праведникъ едва спасается, то нечестивый и грѣшный гдѣ явится? Итакъ страждущіе по волѣ Божіей да предадутъ Ему, какъ вѣрному Создателю, души свои, дѣлая добро", (тамъ же, IV, 12 и сл.).

„Итакъ смиритесь подъ крѣпкую руку Божію, да вознесетъ васъ въ свое время; всѣ заботы ваши возложите на Него, ибо Онъ печется о васъ. Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противникъ вашъ діаволъ ходитъ, какъ рыкающій левъ, ища кого поглотить; противостойте ему твердою вѣрою, зная, что такія же страданія случаются и съ братьями вашими въ мірѣ. Богъ же всякой благодати, призвавшій насъ въ вѣчную славу Свою во Христѣ Іисусѣ, Самъ, по кратковременномъ страданіи вашемъ, да совершитъ васъ, да утвердитъ, да укрѣпитъ, да содѣлаетъ непоколебимыми. Ему слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь" (тамъ-же V, 6 и сл.).

Если это посланіе, какъ мы и предполагаемъ, дѣйствительно представляетъ сочиненіе Петра, то оно дѣлаетъ много чести его здравому смыслу, прямотѣ и простотѣ. Онъ не приписываетъ себѣ въ немъ никакого авторитета; обращаясь къ старѣйшинамъ, онъ говоритъ съ ними въ качествѣ одного изъ нихъ. Онъ возвышаетъ себя только потому, что онъ былъ очевидцемъ страданій Христа и надѣется получить долю участія во славѣ, которой предстоитъ вскорѣ проявиться. Письмо это было отвезено въ Азію нѣкіимъ Сильваномъ, который, быть можетъ, представляетъ одно и тоже лицо съ тѣмъ Сильваномъ или Силой, что былъ товарищемъ Павла. Въ этомъ случаѣ Петръ, значитъ, выбралъ его потому, что онъ былъ уже извѣстенъ вѣрнымъ Малой Азіи вслѣдствіе путешествія, совершеннаго имъ туда вмѣстѣ съ Павломъ. Петръ посылаетъ этимъ далекимъ Церквамъ привѣтъ Марка въ такомъ видѣ, который заставляетъ предполагать, что и Маркъ также не былъ имъ совершенно неизвѣстенъ. Письмо заканчивалось обычными пожеланіями. Римская Церковь называется въ немъ: „Избранницей, находящейся въ Вавилонѣ". За сектой былъ установленъ тѣсный надзоръ; слишкомъ ясное письмо, будь оно перехвачено, могло бы повести за собой страшныя несчастія. Чтобы сбить съ толку подозрительную полицію, Петръ для обозначенія Рима избралъ имя древней столицы Азіатскаго нечестія, имя, символическое значеніе котораго ни

отъ кого не ускользало и которое вскорѣ должно было послужить основной мыслью цѣлой поэмѣ.

ГЛАВА VI.

Пожаръ Рима.

Безуміе Нерона обострилось до бѣшеннаго пароксизма. Наступила самая ужасная пора, какую когда-либо переживелъ міръ. Необходимыя условія эпохи предали все въ руки одного— въ руки наслѣдника великаго, легендарнаго имени Цезаря. Измѣнить образъ правленія было невозможно, провинціи же въ общемъ были довольны и настоящимъ; но за нимъ скрывалась страшная опасность. Когда цезарь терялъ разсудокъ, когда всѣ артеріи его бѣдной головы, отуманенной неслыханнымъ могуществомъ, напрягались, готовыя лопнуть, тогда совершались безумства, которымъ имени нѣтъ. Всѣ чувствовали себя во власти чудовища. Свергнуть его было немыслимо; для его гвардіи, сформированной изъ германцевъ, допустить паденіе его—значило потерять все и она ревностно служила ему; звѣрь укрылся въ берлогу, и яростно скалилъ изъ нея зубы. Самъ Неронъ представлялъ собой въ одно и тоже время нѣчто и чудовищное, и смѣшное, и грандіозное, и нелѣпое. Такъ какъ Цезарь былъ человѣкъ весьма образованный, то и сумасшествіе его оказалось преимущественно литературнымъ. Грезы всѣхъ вѣковъ, всѣ поэмы, всѣ легенды, Вакхъ и Сарданапалъ, Нинъ и Пріамъ, Троя и Вавилонъ, Гомеръ и современная поэтическая безвкусица, витали въ дикомъ хаосѣ въ бѣдномъ мозгу артиста, посредственаго, но съ убѣжденіемъ преданнаго искусству, одареннаго по прихоти случая полной властью осуществить всѣ свои химеры. Представимъ себѣ человѣка, едва-ль не столь же сумасшедшаго, какъ герои Виктора Гюго, масленичную фигуру, смѣсь сумасшедшаго, простяка и актера,—облеченнымъ неограниченной властью, правителемъ всего міра. Въ немъ не было мрачной злостности Домиціана, т. е. любви зла ради зла; онъ не былъ также сумасбродомъ

въ родѣ Калигулы; это былъ сознательный романтикъ, оперный императоръ меломанъ, дрожащій передъ партеромъ,— и заставляющій партеръ дрожать передъ собою,—нѣчто подобное тому, что получилось бы въ наши дни изъ буржуа, здравый смыслъ котораго улетучился бы подъ вліяніемъ чтенія современныхъ поэтовъ и который счелъ бы себя обязаннымъ подражать поведенію Гана Исландца и Бургграфовъ. Править государствомъ—способность главнымъ образомъ практическая, и романтизмъ тутъ совершенно неумѣстенъ. Романтизмъ у себя дома въ области искусства; дѣятельность же прямо противоположна искусству. Поэтому въ воспитаніи наслѣдника престола романтизмъ является особенно пагубнымъ. Съ этой точки зрѣнія Сенека принесъ своему ученику гораздо больше зла своимъ дурнымъ литературнымъ вкусомъ, чѣмъ добра—своей прекрасной философіей. При большомъ умѣ и выдающемся талантѣ, Сенека и какъ человѣкъ, въ сущности былъ личностью весьма почтенной, несмотря на многія темныя пятна; но дипломатія и литературное тщеславіе портили его и дѣлали неспособнымъ чувствовать и разсуждать безъ позировки. Упражняя своего ученика въ искусствѣ выражать мысли, какихъ въ головѣ его никогда не бывало, заранѣе подбирать напыщенныя фразы, онъ сдѣлалъ изъ него комедіанта, завистливаго и ревниваго, злобнаго ритора, который, однако, высказывалъ самыя человѣколюбивыя убѣжденія, если только онъ навѣрное зналъ, что имѣетъ слушателей. Старый педагогъ глубоко сознавалъ все зло своего времени, пороки своего ученика и свои собственные, въ ту минуту когда съ глубокою искренностью воскликнулъ: „Litterarum intemperantia laboramus“.

Сначала причуды Нерона проявились въ довольно безобидной формѣ; обезьяна озиралась нѣкоторое время и пыталась удержаться въ позѣ, которой ее научили. Свирѣпость обнаружилась въ немъ только по смерти Агриппины; и вскорѣ она овладѣла имъ цѣликомъ. Съ этихъ поръ каждый годъ ознаменованъ его преступленіями. Не стало Бурра, и общій голосъ обвинилъ въ его смерти Нерона. Октавія, оклеветанная и опозоренная, покинула этотъ міръ; Сенека въ опалѣ и ежечасно ждетъ приговора, бредитъ пытками, пытается укрѣпить свое мужество размышленіями о казняхъ, старается укрѣпить свое сознаніе въ идеѣ, что смерть есть избавленіе. Тигеллинъ—хозяинъ всего. Сатурналія полная, Неронъ ежедневно провозглашаетъ, что только искусство слѣдуетъ по

читать серьезнымъ дѣломъ, что всякая добродѣтель—ложь, что порядочный человѣкъ тотъ, кто искрененъ и признаетъ свое полное распутство, что великій человѣкъ—тотъ, кто умѣетъ всѣмъ злоупотреблять, все губить, все растрачивать. Добродѣтельный человѣкъ для него лицемѣръ, заговорщикъ, опасная личность, а главное—соперникъ; когда онъ открываетъ какую-нибудь ужасающую низость, которая подходитъ къ его теоріи, онъ испытываетъ приливъ восторга. Въ немъ уже сказывались политическія опасности тщеславія, напыщенности и лживаго подражательнаго направленія, что изстари, какъ червь, подтачивало латинскую культуру. Фигляръ достигъ права располагать жизнью и смертью своихъ зрителей; диллетантъ угрожалъ людямъ пытками, если они не восхищались его стихами. Мономанъ, опьяненный литературной славой, обращающій въ шутку прекрасное правило, которое ему внушили, и при этомъ въ шутку, достойную людоѣда, жестокій мальчишка, стремящійся заслужить аплодисменты уличныхъ зѣвакъ,—вотъ кого имѣлъ тогда міръ своимъ владыкой. Никогда еще не видно было подобнаго сумасбродства. Восточные деспоты, ужасные, но величавые, никогда не позволяли себѣ столь безумнаго издѣвательства, столь наглаго распутства, возведеннаго до значенія какой-то извращенной эстетики. Сумасшествіе Калигулы было кратковременно. Это былъ припадокъ, притомъ же Калигула былъ главнымъ образомъ шутомъ; онъ бывалъ и остроумнымъ; наоборотъ, сумасшествіе Нерона, въ общемъ глуповатое, иной разъ возвышалось до ужасающей трагичности. Всего ужаснѣе было видѣть, когда въ декламаціонныхъ припадкахъ своихъ онъ забавлялся, играя своими угрызеніями совѣсти и дѣлая изъ нихъ тему для своихъ стиховъ. Со своимъ, одному ему свойственнымъ, мелодраматическимъ видомъ, разсказывалъ онъ, какъ мучатъ его фуріи, и приводилъ греческіе стихи объ отцеубійцахъ. Казалось, что его создалъ какой-то насмѣшливый богъ, когда ему захотѣлось устроить изъ человѣческой натуры ужасающій кошачій концертъ, полный лязга и скрипа всѣхъ душевныхъ пружинъ,—зрѣлище какой-то непристойной эпилепсіи, каковой должна быть сарабанда обезьянъ въ Конго или кровавая оргія какого-нибудь Дагомейскаго короля.

По примѣру его всѣ жили точно въ вѣчномъ головокруженіи; образовалась компанія отвратительныхъ шалуновъ, которыхъ называли „всадниками Августа"; въ обязанности ихъ

входило рукоплескать безумствамъ цезаря и придумывать для него выходки, достойныя ночного гуляки. Впослѣдствіи, какъ мы увидимъ, эта школа дастъ императора. Выдумки дурного вкуса, плоскости, словечки съ претензіей на комизмъ, тошнотворный жаргонъ, подобный болтовнѣ нашихъ распивочныхъ газетъ—вся эта пустельга, подобно потопу, залила Римъ и вошла въ моду. Калигула уже создалъ роковой типъ императора-комедіанта. Неронъ взялъ его за высокій образецъ. Ему мало было править колесницами въ циркѣ, хрипнуть отъ завыванія передъ публикой, ѣздить на гастроли въ провинцію въ качествѣ пѣвца; онъ показывался, ловя рыбу золотыми неводами, которые онъ тянулъ канатами изъ пурпура; онъ самъ училъ своихъ клакеровъ, устраивалъ себѣ фальшивые тріумфы, присуждалъ себѣ всѣ вѣнки древней Греціи, устраивалъ неслыханныя празднества, игралъ въ театрѣ роли, которыя стыдно назвать.

Причина этой безалаберщины крылась въ дурномъ вкусѣ вѣка и неумѣстной важности, которую придавали искусству, по преимуществу декламаторскому, которое стремилось къ аффектировкѣ и бредило только чудовищнымъ. Во всемъ, что тогда господствовало, чувствовалось отсутствіе искренности, пустозвонная шумиха, какъ въ трагедіяхъ Сенеки, умѣнье передавать чувства непрочувственныя, искусство говорить добродѣтельныя слова, не будучи добродѣтельнымъ человѣкомъ. Раздутое выдавалось за великое; эстетика пошла по совершенно ложному пути; это было время коллосальныхъ статуй, матеріализма въ искусствѣ, матеріализма театральнаго и ложно-патетическаго, лучшимъ созданіемъ котораго является *Лаокоонъ*, статуя, дѣйствительно, удивительная, хотя поза героя слишкомъ похожа на перваго тенора, поющаго свое canticum, и вся эмоція Лаокоона представляетъ плодъ совершенно внѣшняго физическаго страданія. Ніобиды своей исто нравственной скорбью уже никого не удовлетворяли, хотя скорбь эта сіяла красотой. Нужны были изображенія физическихъ пытокъ; ими любовались точно также, какъ въ XVII вѣкѣ любовались мраморной группой Пюже. Чувства износились: грубыя средства, къ которымъ греки колебались прибѣгать даже въ зрѣлищахъ для черни, стали существеннымъ элементомъ искусства. Народъ буквально безъ ума былъ отъ зрѣлищъ, но не отъ серьезныхъ зрѣлищъ, не отъ возвышающихъ душу трагедій, а отъ грубыхъ эффектовъ, фантасмагорій.

Распространилась грязная мода на „живыя картины". Никто ужъ не удовлетворялся наслажденіемъ умственно превосходными произведеніями. Подавай миѳы, облеченные въ образъ, въ плоть и кровъ, во всемъ, что было въ этихъ миѳахъ самаго свирѣпаго и непристойнаго. Люди приходили въ восторгъ отъ группъ и позъ актеровъ; отъ нихъ добивались скульптурныхъ эффектовъ. Аплодисменты 50.000 человѣкъ, скученныхъ въ огромномъ вмѣстилищѣ, разгоряченныхъ взаимной близостью, такъ опьяняли толпу, что самъ монархъ начиналъ завидовать возницѣ, пѣвцу, актеру; театральная слава стала считаться высшей изъ всѣхъ. Ни одинъ изъ тѣхъ императоровъ, у которыхъ не хватало въ головѣ винтика, не устоялъ противъ соблазна срывать вѣнки на этихъ недостойныхъ играхъ. Калигула оставилъ въ нихъ послѣдніе остатки умишка, доставшагося ему на долю; онъ проводилъ цѣлые дни въ театрѣ, забавляясь съ толпой праздношатающихся; позднѣе Коммодъ, Каракалла оспаривали у Нерона пальму первенства въ этомъ безуміи. Пришлось издать законы, воспрещающіе сенаторамъ и всадникамъ сражаться въ качествѣ гладіаторовъ, выходить на сцену или бороться съ дикими звѣрями. Циркъ сдѣлался центромъ жизни. Весь остальной міръ казался созданнымъ только для удовольствія Рима. Безъ конца шли однѣ за другими все новыя и новыя сумасбродныя выдумки, изобрѣтенныя и поставленныя на сцену режиссеромъ-цезаремъ. Народъ переходилъ съ праздника на праздникъ, ни о чемъ не говорилъ, кромѣ вчерашняго дня, въ ожиданіи обѣщаннаго ему на завтра,—и въ концѣ концовъ былъ душой и тѣломъ преданъ государю, который такъ просто превращалъ его жизнь въ безконечную вакханалію. Популярность, какую пріобрѣлъ Неронъ этими постыдными средствами, не подлежитъ никакому сомнѣнію; ея было достаточно для того, чтобы по смерти его Оттону удалось достигнуть престола ничѣмъ инымъ, какъ воскрешая память Нерона, подражая ему, напоминая о томъ, что и самъ онъ, Оттонъ, былъ однимъ изъ любимыхъ распутниковъ его шайки.

Нельзя говорить съ увѣренностью, чтобы у несчастнаго не было сердца, чтобы онъ лишенъ былъ чувства добра и красоты. Далеко не неспособный къ дружбѣ, онъ часто показывалъ себя хорошимъ товарищемъ, и порою тутъ то и надо было искать причину его жестокости; онъ хотѣлъ, чтобы его

чтобы имъ восхищались ради него самого, и раз-

дражался противъ всѣхъ, кто не умѣлъ питать къ нему этихъ чувствъ. Натура у него была ревнивая, подозрительная, и мелочныя измѣны выводили его изъ себя. Мщеніе Нерона почти всегда обращалось на лицъ его интимнаго кружка (Луканъ, Вестиній), обыкновенно за то, что они злоупотребили фамильярностью, которую въ общемъ онъ поощрялъ до того, что позволялъ себѣ издѣваться надъ нимъ самимъ: онъ чувствовалъ свои смѣшныя стороны и боялся, чтобы ихъ не замѣтили. Тразею Пета онъ возненавидѣлъ главнымъ образомъ за то, что отчаялся пріобрѣсти его расположеніе. Дерзкая цитата злого полустишія

Sub terris tonuisse putes

погубила Лукана. Никогда не отказывая себѣ въ услугахъ какой нибудь Кальвіи Криспиниллы, онъ любилъ нѣсколькихъ женщинъ серьезно, и эти женщины, Поппея, Актея любили его. По смерти Поппеи, причиненной его же собственнымъ скотствомъ, Неронъ почувствовалъ нѣчто въ родѣ отчаянія, расчувствовался почти до трогательности; онъ долгое время жилъ съ этимъ нѣжнымъ настроеніемъ, искалъ повсюду сходства съ женой и придумывалъ для нея чудовищныя замѣщенія. Поппея, съ своей стороны, питала къ нему чувства, какихъ не могло явиться у столь изящной женщины по отношенію къ человѣку заурядному. Куртизанка самаго большого свѣта, опытная мастерица въ кокетствѣ,—она умѣла хитро расчитанною скромностью и таинственностью увеличивать приманки своей рѣдкой красоты и тончайшаго изящества, и при этомъ несмотря на свою преступность, сохраняла въ сердцѣ инстинктивное богопочтеніе, — ее влекло къ іудейству. Неронъ, кажется, былъ очень неравнодушенъ къ женщинамъ, у которыхъ очарованіе слагается изъ благочестія пополамъ съ кокетствомъ. Эти переходы отъ распущенности къ надменности, эта женщина, никогда не выходившая на улицу съ непокрытымъ лицомъ, этотъ милый разговоръ и въ особенности этотъ трогательный культъ своей собственной красоты доходившій до того, что когда однажды зеркало показало ей нѣсколько веснушекъ, она, въ приливѣ чисто женскаго отчаянія, захотѣла умереть,—все это живо захватывало пылкое воображеніе молодого повѣсы, на котораго внѣшнія примѣты непорочности производили могущественное впечатлѣніе. Мы увидимъ скоро,

какъ Неронъ въ своей роли антихриста создалъ въ нѣкоторомъ родѣ новую чувственную эстетику и впервые насытилъ свои очи зрѣлищемъ обнаженныхъ христіанскихъ дѣвственницъ. Набожная и сладострастная Поппея управляла имъ последовательно смѣною тѣхъ же двухъ настроеній. Брачная ссора, повлекшая за собою ея смерть, заставляетъ предположить, что въ своихъ самыхъ интимныхъ отношеніяхъ къ Нерону она никогда не покидала той гордости, въ которую она облеклась съ самаго начала ихъ связи. Что касается до Актеи, то если она и не была христіанкой, какъ предполагаютъ иные, то врядъ ли многаго недоставало до того. Эта рабыня была родомъ изъ Азіи, т. е. изъ страны, съ которой римскіе христіане имѣли чуть ли не ежедневныя сношенія. Часто случалось, что прекрасныя вольноотпущенницы, которыя наиболѣе были окружены поклониками, всей душой предавались восточнымъ культамъ. Актея навсегда сохранила простые вкусы и никогда не удалилась совершенно отъ своего маленькаго мірка рабовъ. Нѣкогда Актея принадлежала фамиліи Annaea, вокругъ которой, какъ мы видѣли, христіане усиленно агитировали и группировались. По наущенію Сенеки Актея сыграла, при обстановкѣ самой чудовищной и трагической, важную роль, и, принимая въ соображеніе ея приниженное положеніе рабыни, надо признать, что она сыграла ее съ благородствомъ. Эта бѣдная дѣвушка, кроткая, тихая, которую многочисленные надгробные памятники показываютъ намъ въ сопровожденіи цѣлаго ряда людей, носящихъ почти христіанскія имена (Claudia, Felicula, Stephanus, Crescens, Phoebe, Onesimus, Thallus, Artemas, Helpis) была первой юношеской любовью Нерона. Она осталась вѣрна ему до самой смерти; мы увидимъ впослѣдствіи, какъ на виллѣ Фаона она отдала ему послѣдній долгъ, долгъ трупу, отъ котораго съ отвращеніемъ отшатнулся весь міръ.

Итакъ, признаемъ слѣдующее: какъ бы это ни было странно, на зло всему, женщины любили Нерона. Онъ былъ чудовищемъ, скверно сложеннымъ, несообразнымъ произведеніемъ природы, но чудовище это было не изъ обыденныхъ. Можно сказать, что судьба, по странному капризу, вздумала воплотить въ немъ „рогатый силлогизмъ" древнихъ логиковъ и сочинила какого-то ублюдка, странное, несуразное, чаще всего противное существо, хотя минутами невозможно было ... себѣ пожалѣть его. Женская нѣжность находитъ

себѣ пищу не столько въ строгой нравственной оцѣнкѣ сколько въ симпатіи и въ личномъ вкусѣ, и ей довольно даже самой микроскопической дозы нравственной красоты, одной искорки добра, хотя бы даже грубо нарушаемаго, чтобы негодованіе уже погасло въ состраданіи. Въ особенности онѣ снисходительны къ артисту, заблудшему въ опьяненіи своимъ искусствомъ, къ Байрону, жертвѣ собственной химеры, въ поэтической наивности своей доходившему до того, что превращалъ свои безобидные вымыслы въ дѣйствія. Въ тотъ день, когда Актея положила окровавленный трупъ Нерона въ гробницу Домиціевъ, она, навѣрное, оплакала гибель богато одаренной натуры, которую только она одна понимала; въ тотъ же самый день, я увѣренъ, за Нерона молились не мало христіанокъ.

Будучи талантомъ посредственнымъ, Неронъ обладалъ, однако, нѣкоторыми артистическими свойствами: онъ хорошо рисовалъ, хорошо лѣпилъ, хороши были его стихи, не взирая на нѣкоторый ученическій паѳосъ, и, что-бы ни говорили о немъ, онъ писалъ ихъ самъ; Светоній видѣлъ собственноручныя его черновыя, покрытыя помарками. Онъ первый оцѣнилъ удивительный пейзажъ Субіако и устроилъ себѣ тамъ очаровательную лѣтнюю резиденцію. Въ оцѣнкѣ природы умъ его работалъ правильно и пытливо; его тянуло къ открытіямъ, изобрѣтеніямъ, ко всему остроумному, онъ любилъ добираться до причинъ и очень удачно разоблачилъ мошенничество наукъ, якобы магическихъ, равно какъ обличилъ ничтожество всѣхъ религій своего времени.

Біографъ, котораго мы немного выше называли, оставилъ намъ разсказъ о томъ, какъ пробудилось въ Неронѣ призваніе пѣвца. Онъ обязанъ своимъ посвященіемъ самому знаменитому киѳаристу того времени, Терпносу. Онъ просиживалъ ночи напролетъ подлѣ музыканта, изучая его игру, погрузившись въ звуки, ловя каждый изъ нихъ, тяжело дыша, какъ въ опьяненіи, жадно впивая въ себя воздухъ другого міра, раскрытаго передъ нимъ близостью великаго артиста. Отсюда пошло также и отвращеніе его къ римлянамъ, въ общемъ, слабымъ знатокамъ искусства, и предпочтеніе, которое оказывалъ онъ, какъ грекамъ, единственному, по его мнѣнію, народу, способному оцѣнить его, такъ и уроженцамъ Востока, тоже рукоплескавшимъ ему, не жалѣя рукъ. Съ тѣхъ поръ онъ уже не признавалъ иной славы, кромѣ какъ худо-

жественной; новая жизнь открылась для него; императоръ забылъ, кто онъ; отрицать въ немъ талантъ стало важнѣйшимъ государственнымъ преступленіемъ; врагами Рима стали теперь тѣ, кто не приходилъ отъ него въ восторгъ.

Страсть его быть во всемъ главою моды была несомнѣнно комична. Однако, надо сказать, что въ этомъ онъ былъ политикомъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ то можетъ показаться. Въ виду низкаго уровня нравовъ эпохи первою обязанностью Цезаря было занимать народъ. Императоръ являлся прежде всего главнымъ организаторомъ празднествъ; оберъ-увеселитель принужденъ былъ расплачиваться своей личностью. Многія излишества, въ которыхъ упрекаютъ Нерона, представлялись такими важными только съ точки зрѣнія римскихъ нравовъ и суроваго образа жизна, обычнаго до его эпохи. Этотъ мужественный міръ возмущался, видя, что императоръ принимаетъ сенатъ въ вышитомъ халатѣ, дѣлаетъ смотры въ невозможно небрежномъ костюмѣ, безъ пояса, съ какимъ-то фуляромъ на шеѣ, чтобы оберечь голосъ. Истые римляне справедливо негодовали на введеніе восточныхъ обычаевъ. Тѣмъ не менѣе было неизбѣжно, чтобы цивилизація самая старая, самая изношенная, своей испорченностью побѣдила цивилизацію болѣе молодую. Уже Клеопатра и Антоній мечтали о восточномъ царствѣ; о власти такого типа напѣли въ уши и Нерону: въ послѣдней крайности онъ подумаетъ о томъ, чтобы испросить себѣ префектуру въ Египтѣ. Начиная съ Августа и до Константина каждый годъ является свидѣтелемъ побѣдъ той части имперіи, которая говорила по гречески, надъ тою, гдѣ царила латинская рѣчь.

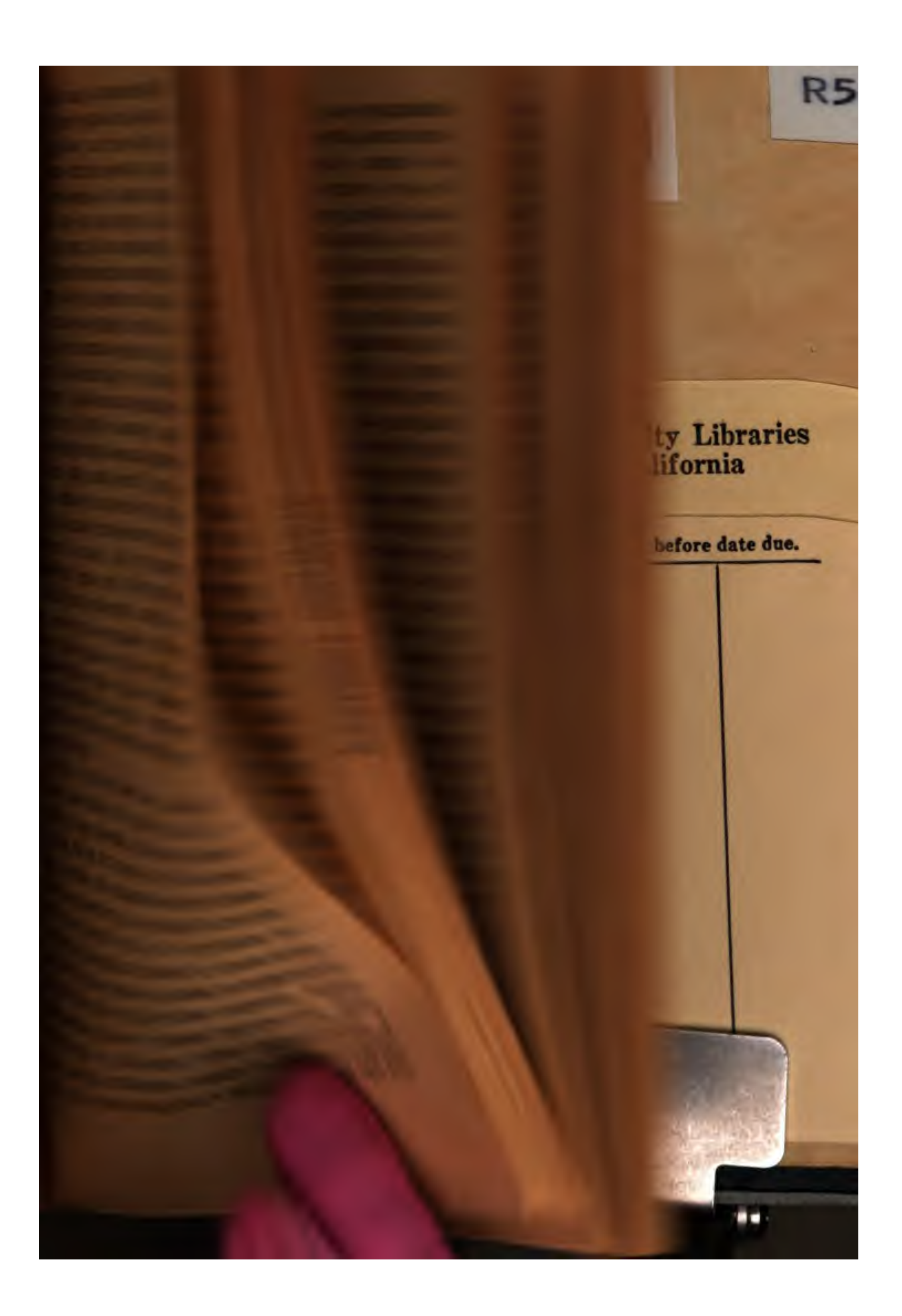
Надо, сверхъ того, принять въ соображеніе, что легкомысліе носилось въ воздухѣ. За исключеніемъ великолѣпнаго ядра высшей аристократіи, достигшей въ послѣдствіи верховной власти въ лицахъ Нервы и Траяна, общій недостатокъ серіозности доводилъ даже самыхъ достойныхъ людей до того, что они какъ бы играли жизнью. Типическимъ олицетвореніемъ, какъ бы эссенціей этой эпохи, „порядочнымъ человѣкомъ этого царства сверхестественной безнравственности“ былъ Петроній. Днемъ онъ спалъ, а ночь отдавалъ занятіямъ и удовольствіямъ. Онъ не былъ однимъ изъ тѣхъ мотовъ, которые раззоряются на грубый развратъ; это былъ сластолюбецъ, посвященный во всѣ тайны науки наслажденія. Его разговоръ и жесты, нося на себѣ характеръ простоты и пренебреженія, придавали ему очаровательно-непринужденный

видъ. Будучи проконсуломъ Виѳиніи и потомъ консуломъ, онъ даже показалъ себя способнымъ на великія дѣла. Затѣмъ, предавшись пороку, по крайней мѣрѣ показному, онъ былъ допущенъ въ число самыхъ приближенныхъ къ Нерону придворныхъ и сталъ верховнымъ судьею во всемъ, что касалось изящества; ничто не признавалось пріятнымъ, привлекательнымъ, если Петроній не одобрилъ этого. Страшный Тигеллинъ, царствовавшій посредствомъ низости своей и злости, сталъ опасаться соперника, превосходившаго его въ знаніи науки удовольствій; и ему удалось погубить его. Петроній слишкомъ уважалъ себя, чтобы бороться съ этимъ негодяемъ, но не хотѣлъ, однако, и спѣшить покончить жизнь. Онъ открылъ себѣ вены, потомъ снова перевязалъ ихъ, опять открылъ, болтая съ друзьями, слушая ихъ разговоръ, но при этомъ не хотѣлъ разсужденій о безсмертіи души и о взглядахъ философовъ, а предпочелъ разговоры о пѣсняхъ и легкихъ стихахъ. Этотъ же моментъ онъ выбралъ для того, чтобы наградить однихъ рабовъ и наказать другихъ. Сѣлъ за столъ, выспался. Этотъ скептикъ-Мериме, съ его холоднымъ и изысканнымъ тономъ, оставилъ намъ романъ необычайнаго остроумія и тонкости, но въ то же время и самой утонченной развращенности; этотъ романъ—вѣрное зеркало Нероновыхъ временъ. Въ концѣ концовъ, не всякій, кто захочетъ, можетъ стать царемъ моды. Изящество жизни тоже имѣетъ свою цѣнность, хотя и стоитъ ниже науки и морали. Праздникъ міра былъ бы не полонъ, если бы онъ былъ населенъ только одними фанатиками-иконоборцами, да добродѣтельными истуканами.

Нельзя не признать, что живой интересъ людей того времени къ искусству былъ дѣйствительно вполнѣ искрененъ. Прекраснаго уже не создавали, но за то жадно отыскивали его въ прошлыхъ вѣкахъ. Тотъ же Петроній за часъ до смерти велѣлъ разбить свою мирринскую вазу, чтобы она не досталась Нерону. Предметы искусства достигали баснословныхъ цѣнъ. Неронъ страстно увлекался ими. Полный идеей великаго, но соединяя эту идею съ невѣроятно малымъ количествомъ здраваго смысла, онъ мечталъ о химерическихъ дворцахъ, о городахъ вродѣ Вавилона, Ѳивъ и Мемфиса. Императорскій дворецъ на Палатинскомъ холмѣ (прежній домъ Тиверія) былъ довольно скроменъ и до царствованія Калигулы носилъ характеръ совершенно частнаго жилища. Калигула,

котораго вообще н
школы управленія,
думаютъ, что Нерон
увеличилъ домъ Ти
тѣсно въ этомъ двор
ками своихъ предш
малымъ. Онъ постро
теріаловъ резиденці
дворецъ онъ называл
превратить его въ п
тиками въ три мили
укромными уголкам
перспективами фант
съ лѣсами, дворецъ
чѣмъ Лувръ, Тюилл
простирался отъ Па
расположенныхъ на
феерія; инженеры Се
Неронъ хотѣлъ выст
имени „золотого дом
ектами, которые мог
особенности, предста
совершенно перестро

Римъ въ теченіе
величиною онъ равнял
были красивы, выстроен
лись тогдашнимъ модн
росло увлеченіе банальны
имъ нравились тѣ общіе
чатлѣніе на уличныхъ рото
отыскивались разныя вольност
Неронъ стоялъ во главѣ движ
въ своемъ воображеніи, былъ
шихъ дней, одного изъ тѣхъ
ставляя планъ которыхъ, расчиты
та, чтобы вызывать удивленіе въ
цахъ. Молодой безумецъ увлекался
тѣями. Въ то же время онъ давно уже
нибудь необычайное, какой нибудь
стойный ...; ему хотѣлось, чтобы
бытіе отмѣтило эпоху его царствованія


R5
ty Libraries
lifornia
before date due.

котораго вообще надо считать во всемъ создателемъ той школы управленія, относительно которой слишкомъ охотно думаютъ, что Неронъ былъ ея первоучителемъ, значительно увеличилъ домъ Тиверія. Неронъ любилъ показывать, что ему тѣсно въ этомъ дворцѣ, и осыпалъ безчисленными насмѣшками своихъ предшественниковъ, довольствовавшихся столь малымъ. Онъ построилъ на скорую руку изъ временныхъ матеріаловъ резиденцію, равную дворцамъ Китая и Ассиріи. Этотъ дворецъ онъ называлъ „временнымъ“ и расчитывалъ вскорѣ превратить его въ постоянный; то былъ цѣлый міръ. Съ портиками въ три мили длиной, съ парками, гдѣ паслись стада, съ укромными уголками внутри его, съ прудами, окруженными перспективами фантастическихъ городовъ, съ виноградниками, съ лѣсами, дворецъ этотъ занималъ большее пространство чѣмъ Лувръ, Тюилльери и Елисейскія поля, вмѣстѣ взятыя: онъ простирался отъ Палатинскаго холма до садовъ Мецената, расположенныхъ на высотахъ Эсквилина. Это была настоящая феерія; инженеры Северъ и Целеръ превзошли самихъ себя. Неронъ хотѣлъ выстроить его такъ, чтобы онъ достоинъ былъ имени „золотого дома“. Ему туманили голову безумными проектами, которые могли бы увѣковѣчить его имя. Римъ, въ особенности, представлялъ предметъ его заботъ. Онъ хотѣлъ совершенно перестроить его и назвать *Нерополисомъ*.

Римъ въ теченіе цѣлаго вѣка уже былъ чудомъ свѣта; величиною онъ равнялся древнимъ столицамъ Азіи. Зданія его были красивы, выстроены прочно и солидно, но улицы казались тогдашнимъ модникамъ жалкими, ибо съ каждымъ днемъ росло увлеченіе банальными и декоративными постройками; имъ нравились тѣ общіе эффекты, которые производятъ впечатлѣніе на уличныхъ ротозѣевъ, и мода дошла до того, что отыскивались разныя вольности, незнакомыя древнимъ грекамъ. Неронъ стоялъ во главѣ движенія; Римъ, который онъ строилъ въ своемъ воображеніи, былъ чѣмъ то вродѣ Парижа нашихъ дней, одного изъ тѣхъ искусственныхъ городовъ, составляя планъ которыхъ, расчитывали главнымъ образомъ на то, чтобы вызывать удивленіе въ провинціалахъ и иностранцахъ. Молодой безумецъ упивался этими болѣзненными затѣями. Въ то же время онъ давно уже жаждалъ узрѣть что нибудь необычайное, какой нибудь грандіозный спектакль, достойный художника; ему хотѣлось, чтобы какое нибудь событіе отмѣтило эпоху его царствованія. „До меня, говорилъ

онъ, никто не зналъ, какъ безгранична власть государя". Всѣ эти самовнушенія разнузданной фантазіи, повидимому, сыграли не послѣднюю роль въ странномъ событіи, которое имѣло важныя послѣдствія для занимающаго насъ предмета.

Пироманія заразительна и часто осложняется галлюцинаціями, и поэтому очень опасно разбудить ее въ слабомъ мозгу, гдѣ она кроется. Одной изъ характерныхъ чертъ Нерона была неспособность противостоять настойчивымъ мыслямъ преступнаго свойства. Еще ребенкомъ игралъ онъ въ пожаръ Трои, и мысль о немъ преслѣдовала его страшно. Одна изъ пьесъ, которую онъ поставилъ во время одного изъ своихъ празднествъ, была Incendium Афранія, гдѣ на сценѣ изображался пожаръ. Въ одномъ изъ своихъ припадковъ бѣшеннаго эгоизма, злости на судьбу, онъ воскликнулъ: „счастливый Пріамъ; ему дано было видѣть своими глазами одновременную гибель своего царства и своего отечества". Въ другомъ случаѣ онъ, услышавъ стихъ изъ греческой трагедіи Эврипида, *Беллерофонта*, гласившій: „послѣ моей смерти пусть сольются земля и огонь!", онъ сказалъ, „О нѣтъ, пусть это свершится при моей жизни!" Преданіе о томъ, что Неронъ сжегъ Римъ исключительно для того, чтобы повторить пожаръ Трои, конечно, преувеличено, такъ какъ мы докажемъ, что Нерона не было въ городѣ, когда появился огонь. Однако, эта версія не лишена нѣкоторой доли правды; злой демонъ извращеннаго актерства, овладѣвшій имъ, оказался, какъ у преступниковъ другихъ эпохъ, однимъ изъ существенныхъ факторовъ ужаснаго посягательства.

19-го іюля 64-го года огонь охватилъ Римъ съ необычайной силой. Пожаръ возникъ близъ Капуанскихъ воротъ въ части большого цирка, граничащей съ Палатинскимъ холмомъ и съ Целіемъ. Кварталъ этотъ заключалъ въ себѣ множество лавокъ, наполненныхъ легко воспламеняющимися матеріалами, и пожаръ распространился оттуда съ ужасающей быстротой. Оттуда, обогнувъ Палатинскій холмъ, онъ опустошилъ Велабръ, Форумъ, Карины, забрался на высоты, и, сильно повредивъ Палатину, спустился обратно въ долины, въ продолженіе шести дней и семи ночей пожирая тѣсные кварталы, прорѣзанные извилистыми улицами. Огромное пространство, занятое прежде домами, въ настоящее время разрушенными, у подножія Эсквилина, остановило пожаръ на нѣкоторое время; но затѣмъ онъ снова возгорѣлся и продолжался еще три дня.

Число погибшихъ было значительно; изъ четырнадцати кварталовъ, составлявшихъ городъ, три были разрушены совершенно, отъ семи остались однѣ лишь почернѣвшія стѣны. Римъ былъ городомъ на рѣдкость тѣснымъ, съ очень густымъ населеніемъ. Несчастіе получилось ужасающее, до тѣхъ поръ еще никогда невиданное.

Когда вспыхнулъ пожаръ, Неронъ былъ въ Анціумѣ. Онъ возвратился въ городъ къ моменту, когда огонь приблизился къ его „временному" дому. Невозможно было спасти изъ пламени хоть что нибудь. Императорскіе дворцы на Палатинѣ, самый „временный" дворецъ со всѣми службами, весь прилежащій кварталъ, были попорчены огнемъ. Неронъ, очевидно, не особенно стоялъ за то, чтобы спасли его резиденцію. Величественный ужасъ зрѣлища приводилъ его въ восторгъ. Позже говорили, будто онъ, поднявшись на высокую башню, любовался пожаромъ, и тамъ, въ театральномъ костюмѣ, съ лирой въ рукахъ, воспѣвалъ съ трогательнымъ складомъ античныхъ элегій гибель Иліона.

Это была легенда, плодъ времени и послѣдовательныхъ преувеличеній, но съ первыхъ же дней общественное мнѣніе высказалось въ томъ, что пожаръ произошелъ по приказу Нерона, или, по меньшей мѣрѣ, былъ снова подожженъ имъ въ ту минуту, когда огонь уже угасалъ. Разсказывали, что нѣкоторыхъ лицъ изъ его челяди видѣли поджигающими городъ въ разныхъ мѣстахъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ огонь, по слухамъ, начался по винѣ людй, дѣлавшихъ видъ, что они пьяны. Дѣйствительно пожаръ, казалось, вспыхнулъ одновременно въ нѣсколькихъ пунктахъ. Разсказывали, что во время пожара видѣли, какъ солдаты и сторожа, которымъ было поручено тушить огонь, вмѣсто того разжигали его и мѣшали производившимся усиліямъ остановить пламя, имѣя при этомъ угрожающій видъ, какъ бы дѣйствуя по оффиціальному приказу. Огромныя каменныя сооруженія по сосѣдству съ жилищемъ императора, мѣсто которыхъ Нерону хотѣлось имѣть въ своемъ распоряженіи, были разрушены, какъ при осадѣ. Когда пожаръ возстановился, пламя показалось въ строеніяхъ, принадлежавшихъ Тигеллину. Особенно утвердило всеобщія подозрѣнія то обстоятельство, что Неронъ послѣ пожара, подъ предлогомъ очистки развалинъ на свои средства, яко-бы съ цѣлью освободить мѣсто домовладѣльцамъ, взялъ на себя обязанность убрать обломки, такъ что никому не было поз-

волено приближаться къ пожарищу. Еще худшіе разговоры начались, когда люди увидѣли, какъ онъ извлекаетъ выгоду изъ отечественнаго бѣдствія, когда узрѣли новый дворецъ Нерона, тотъ самый «Золотой Домъ,» который такъ долго составлялъ игрушку его болѣзненнаго воображенія и теперь сталъ воздвигаться на мѣсто прежней временной резиденціи, увеличенной пространствами, очищенными пожаромъ. Рѣшили, что Неронъ хотѣлъ приготовить почву для этого новаго дворца, оправдать перестройку, давно имъ задуманную, добыть себѣ денегъ на постройку, присвоивая себѣ обгорѣлые обломки, и удовлетворить свое безумное тщеславіе, заставлявшее его желать перестроить Римъ, чтобы послѣдній остался въ памяти людей связаннымъ съ его царствованіемъ и чтобы онъ могъ дать ему свое имя.

Все заставляетъ думать, что это не было клеветой. Истина, когда дѣло идетъ о Неронѣ, не обязана быть правдоподобной. Пусть не возражаютъ, что съ его властью онъ обладалъ возможностью найти болѣе простыя средства, чѣмъ пожаръ, чтобы добыть желаемые участки. Власть императора, въ извѣстномъ смыслѣ неограниченная, съ другой стороны находила себѣ весьма быстро предѣлъ въ обычаяхъ и предразсудкахъ народа, строгаго блюстителя своихъ религіозныхъ памятниковъ. Римъ былъ переполненъ святилищами, священными мѣстами, ареями, зданіями, которыхъ не могъ заставить исчезнуть никакой законъ объ отчужденіи. Цезарь и нѣсколько другихъ императоровъ встрѣчали для своихъ заботъ объ общественномъ благоустройствѣ, въ особенности для работъ по исправленію русла Тибра, постоянныя препятствія именно въ этомъ обстоятельствѣ. Чтобы выполнить свои безумные планы, Нерону дѣйствительно оставалось только одно средство: пожаръ. Дѣло обстояло точно также, какъ въ Константинополѣ и большихъ мусульманскихъ городахъ, гдѣ перестройки затруднены мечетями и *уакуфами*. На Востокѣ пожары являются плохимъ средствомъ; ибо послѣ пожара мѣсто послѣдняго считается нѣкотораго рода не отчуждаемымъ наслѣдственнымъ достояніемъ всѣхъ правовѣрныхъ, остается священнымъ. Въ Римѣ, религія котораго была связана со зданіемъ болѣе, чѣмъ съ земельнымъ участкомъ подъ нимъ, мѣра оказалась дѣйствительной. Новый Римъ, съ широкими и прямыми улицами, обстроился доводьно скоро по планамъ императора и благодаря назначеннымъ имъ преміямъ.

Всѣ порядочные люди въ городѣ были возмущены. Исчезли самыя драгоцѣнныя римскія древности, дома историческихъ полководцевъ, украшенные еще трофеями бѣлыхъ побѣдъ, самые священные предметы, трофеи, старинные ex-voto, наиболѣе почитаемые храмы,—все, что составляло предметъ исконнаго культа римлянъ. Насталъ трауръ по воспоминаніямъ и легендамъ отечества. Напрасно Неронъ бралъ на себя расходы по поддержкѣ нищеты, вина въ которой падала на него; напрасно старались внушить народу, что въ общемъ все свелось къ очисткѣ и оздоровленію города, что новый городъ будетъ несравненно лучше прежняго; ни одинъ истый римлянинъ не хотѣлъ знать этого; всѣ, для кого городъ представляетъ нѣчто иное, а не простую груду камней, были уязвлены въ самое сердце; общественная совѣсть была возмущена. Этотъ храмъ былъ выстроенъ Эвандромъ, тотъ — Сервіемъ Тулліемъ; священная ограда Юпитера Статора, дворецъ Нумы, пенаты римскаго народа, всѣ эти памятники столькихъ побѣдъ, эти чудеса греческаго искусства, — чѣмъ замѣнить ихъ потерю? Что стоили рядомъ съ этимъ прошлымъ всѣ эти великолѣпныя проявленія парадной казенщины, обширные проспекты монументальныхъ зданій, безконечныя прямыя линіи? Устраивались очистительные обряды, справлялись съ книгами Сивиллы; дамы въ особенности усердно справляли различныя piacula. Но въ населеніи оставалось внутреннее ощущеніе преступленія, безчестія. Неронъ начиналъ чувствовать, что онъ зашелъ слишкомъ далеко.

ГЛАВА VII.

Избіеніе христіанъ.—Эстетика Нерона.

Тогда его осѣнила адская мысль. Онъ сталъ выискивать, нѣтъ ли на свѣтѣ какихъ либо отщепенцевъ, ненавистныхъ Римскому гражданству еще сильнѣе, чѣмъ даже онъ самъ, чтобы обрушить на нихъ злобу за сожженіе Рима. Ему ᵔло въ голову: а христіане? Ихъ явное отвращеніе къ

наиболѣе почитаемымъ римлянами храмамъ и зданіямъ дѣлало достаточно правдоподобнымъ предположеніе, будто именно они то и зажгли пожаръ, конечнымъ результатомъ котораго явилось истребленіе этихъ святилищъ. Угрюмое отношеніе ихъ къ памятникамъ казалось оскорбленіемъ отечества. Римляне были очень религіозными, и противниковъ господствующей вѣры легко было распознать. Не надо забывать, что иные ригористы изъ іудеевъ доходили до того, что отказывались даже дотронуться до монеты съ изображеніемъ лица, а смотрѣть на таковое, или носить его на себѣ, считали неменьшимъ беззаконіемъ, нежели изваять его. Другіе избѣгали проходить черезъ городскія ворота, если на нихъ возвышалась статуя. Все это вызывало въ народѣ насмѣшки и недоброжелательство. Весьма можетъ быть, что толки христіанъ о концѣ въ гееннѣ огненной, ихъ зловѣщія предсказанія, ихъ настойчивая проповѣдь близкой кончины міра, - и кончины, именно, въ пламени,—содѣйствовали плану выдать ихъ за поджигателей. Можно даже допустить, что и нѣкоторые изъ вѣрующихъ не соблюли должнаго благоразумія и дали поводъ подозрѣвать себя, что, желая во что бы то ни стало оправдать свои пророчества, они предпослали Риму земной огонь въ ожиданіи небеснаго. Во всякомъ случаѣ, какая умилостивительная жертва могла оказаться дѣйствительнѣе, чѣмъ казни этихъ безбожниковъ? Зрѣлище ихъ жестокихъ мученій должно было заставить народъ сказать: „Ага, понятно, вотъ гдѣ виновники!“ Не надо упускать изъ виду, что общественное мнѣніе за вѣрное приписывало христіанамъ самое гнусное преступленіе.

Отъ насъ, конечно, должна быть далека мысль, будто благочестивые ученики Христовы были хоть сколько нибудь причастны къ преступленію, въ которомъ ихъ обвиняли; скажемъ только, что многое могло ввести общественное мнѣніе въ заблужденіе. Конечно, они не поджигали города, зато навѣрное радовались пожару, Христіане желали кончины міра и предсказывали ее; въ Апокалипсисѣ сказано, что это по тайнымъ молитвамъ святыхъ воспламенилась земля и потряслась въ своихъ основахъ. Поведеніе христіанъ во время бѣдствія представлялось двусмысленнымъ; безъ сомнѣнія, многіе изъ нихъ при видѣ обгорѣлыхъ храмовъ не только не выказывали ни горести, ни почтенія, но не могли даже скрыть извѣстной доли удовлетворенія. На тайныхъ сходбищахъ въ глубинѣ

кварталовъ за Тибромъ, вѣроятно, не разъ говорилось: „не то ли мы предсказывали?“. Но черезчуръ удачно пророчествовать—иной разъ дѣло опасное. „Намъ, гласитъ Тартуліанъ, если бы мы захотѣли мстить, довольно одной темной ночи, да нѣсколькихъ факеловъ“. Противъ евреевъ,—чему причиной была обособленность ихъ быта,—весьма часто возбуждались обвиненія въ поджигательствѣ. Тоже преступленіе вошло и въ число flagitia cohaerentia nomini, входившихъ въ опредѣленіе христіанина.

Хотя христіане ничѣмъ не содѣйствовали катастрофѣ 19-го іюля, тѣмъ не менѣе было основаніе считать ихъ, если позволено будетъ такъ выразиться, поджигателями въ душѣ. Четыре съ половиною года спустя является на свѣтъ Апокалипсисъ, воспѣвая пожаръ Рима въ разсказѣ, многіе черты котораго заимствованы, по всей вѣроятности, изъ событія 64 года. Гибель Рима въ пламени не разъ грезилась іудеямъ и христіанамъ, но только въ мечтахъ; на дѣлѣ благочестивые сектанты несомнѣнно довольствовались мысленнымъ утѣшеніемъ, что ангелы и святые на небѣ привѣтствуютъ то, что они считаютъ заслуженнымъ возмездіемъ.

Трудно повѣрить, чтобы идея обвинить христіанъ въ поджогѣ Рима, имѣвшемъ мѣсто въ іюлѣ, пришла Нерону сама собою. Конечно, знай Цезарь добрыхъ братьевъ ближе, онъ ненавидѣлъ бы ихъ страшно. Не христіанамъ, разумѣется, было уважать его заслуги, сводившіяся къ ломанію на сценѣ, въ качествѣ перваго сюжета своего времени; а если что приводило Нерона въ бѣшенство, такъ это именно непризнаніе въ немъ талантливаго актера, въ совершенствѣ владѣющаго своими ролями. Но Неронъ, безъ сомнѣнія, о христіанахъ только слышалъ и никогда не имѣлъ съ ними личныхъ сношеній. Кто же внушилъ ему отвратительную уловку, о которой идетъ у насъ рѣчь? Возможно, во первыхъ, что тамъ и сямъ въ городѣ высказывались подозрѣнія. Секта христіанъ въ то время была извѣстна многимъ въ оффиціальныхъ кругахъ. О ней много говорили. Мы видѣли, что у Апостола Павла были знакомства съ лицами, прикосновенными ко дворцу императора. Странная вещь: въ числѣ обѣщаній, полученныхъ Нерономъ отъ разныхъ лицъ на случай, если бы ему суждено было [illegible] трона, былъ проектъ воцаренія на Востокѣ и въ [illegible]ъ Іерусалимскомъ королевствѣ. Ожиданіе Мессіи [illegible]скихъ іудеевъ весьма часто принимало характеръ

смутныхъ надеждъ на возникновеніе восточной Римской Имперіи; позднѣе эти грезы оказались на руку Веспасіану. Съ восшествіемъ на престолъ Калигулы и до смерти Нерона въ Римѣ не переводились еврейскія интриги. Іудеи много способствовали возвышенію и благополучію семьи Германика. Черезъ Producedовъ или черезъ другихъ интригановъ они осаждали дворецъ, — и слишкомъ часто ради погибели своихъ враговъ. Агрипа II былъ въ большой силѣ при Калигулѣ и Клавдіи; въ бытность свою въ Римѣ онъ разыгрывалъ роль очень вліятельнаго лица. Тиверій-Александръ, со своей стороны, занималъ самыя высшія должности. Іосифъ, наконецъ, относится довольно благопріятно къ Нерону; онъ находитъ, будто цезарь—жертва клеветы, а всѣ его преступленія сваливаетъ на окружавшихъ его дурныхъ людей. Что касается Поппеи, Іосифъ изображаетъ ее женщиной благочестивой, ибо она благоволила къ евреямъ, поддерживала ихъ ходатайства, а, можетъ быть, также и потому, что она отчасти приняла ихъ ритуалъ. Іосифъ познакомился съ ней въ 62 или 63 году, выхлопоталъ черезъ нее помилованіе арестованнымъ еврейскимъ священникамъ и сохранилъ о ней самое благодарное воспоминаніе. У насъ сохранилась трогательная эпитафія одной еврейки, по имени Эсфири, уроженки Іерусалима, отпущенной на волю Клавдіемъ или Нерономъ, который поручилъ своему приближенному Арескусу наблюсти, чтобы на ея надгробномъ камнѣ не была сдѣлана какая-нибудь надпись, несогласная съ Закономъ, какъ напримѣръ буквы *D. M.* Въ Римѣ были актеры и актрисы іудейскаго происхожденія; при Неронѣ это былъ естественный способъ приблизиться къ императору. Въ частности указываютъ на нѣкоего Алитира, еврея-Мима, весьма любимаго Нерономъ и Поппеей; онъ и ввелъ Іосифа къ императрицѣ. Неронъ, полный ненависти ко всему римскому, любилъ обращаться къ Востоку, окружалъ себя его уроженцами и интриговалъ на Востокѣ.

Достаточно-ли всего этого для построенія правдоподобной гипотезы? Позволительно-ли приписать ненависти евреевъ къ христіанамъ звѣрскій капризъ, отдавшій самыхъ безобидныхъ людей въ жертву чудовищнѣйшимъ казнямъ? То обстоятельство, что евреи имѣли тайные ходы къ Нерону и Поппеѣ въ то самое время, какъ императору пришла въ голову гнусная мысль противъ учениковъ Іисусовыхъ, конечно, прискорбно для евреевъ. Тиверій Александръ, въ особенности, былъ тогда

въ полномъ фаворѣ, а такой человѣкъ не могъ не ненавидѣт праведниковъ. Римляне обыкновенно смѣшивали христіанъ с іудеями. Почему же на этотъ разъ различіе выступило съ тако рѣзкой опредѣленностью? Почему евреи, противъ которых римляне чувствовали ту же нравственную антипатію и тѣ ж религіозныя предубѣжденія, что и противъ христіанъ, на этот разъ не пострадали? Казни евреевъ могли бы явиться тож хорошимъ piaculum, вполнѣ достаточной силы. Климентъ Римскій или авторъ посланія, ему приписываемаго (несомнѣнн римлянинъ), упоминая объ избіеніи христіанъ при Неронѣ объясняетъ его мотивами, для насъ очень туманными, н весьма характерными. Всѣ эти несчастія были, будто бь „слѣдствіями зависти", и это слово „зависть" означаетъ здѣсь, повидимому, врутренній разладъ, ссоры членовъ общины между собою. Отсюда рождается подозрѣніе, подкрѣпляемое еще тѣмъ неоспоримымъ фактомъ, что до разрушенія Іерусалима евреи являлись настоящими гонителями христіанъ и не пренебрегали ничѣмъ для ихъ истребленія. Очень распространено было въ IV вѣкѣ преданіе, будто казнь апостола Павла и Петра, которая не отдѣлялась отъ гоненія 64 года, была вызвана обращеніемъ въ христіанство одной изъ любовницъ и одного изъ фаворитовъ Нерона. По другому преданію, она явилась слѣдствіемъ посрамленія Симона Волхва. Имѣя дѣло съ такимъ взбалмошнымъ человѣкомъ, какъ Неронъ, рисковано дѣлать какое бы то ни было предположеніе. Быть можетъ, выборъ христіанъ въ жертву звѣрскому избіенію совершился исключительно по капризу самого Нерона или Тигеллина. Неронъ не нуждался ни въ комъ, чтобы сочинить планъ, способный совершенно выбить своей чудовищностью изъ колеи всѣ обычныя правила исторической логики.

Сначала было арестовано нѣсколько лицъ, заподозрѣнныхъ въ принадлежности къ новой сектѣ, и ихъ ввергли въ темницу, которая уже сама по себѣ представляла пытку. Они громко исповѣдывали свою вѣру, что могло быть сочтено за сознаніе въ преступленіи, которое считалось нераздѣльнымъ съ этой вѣрой. Первые аресты повели за собою множество другихъ. Большую часть обвиняемыхъ составляли, повидимому, вѣрные изъ числа пріемлющихъ правила и условія Іерусалимскаго собора. Нельзя допустить, чтобы истинные христіане донесли на своихъ братьевъ; могли не выдержать пытокъ ...колько неофитовъ, допущенныхъ въ общину недавно.

Большое количество послѣдователей таинственнаго ученія возбудило удивленіе; о немъ говорили не безъ ужаса. Всѣ разсудительные люди находили обвиненіе въ поджигательствѣ чрезвычайно слабымъ. „Ихъ настоящее преступленіе, говорили они, это ненависть къ роду человѣческому“. Несмотря на внутреннее убѣжденіе, что пожаръ былъ дѣломъ рукъ Нерона, многіе римляне серіозно видѣли въ этомъ полицейскомъ подлогѣ способъ избавить городъ отъ весьма пагубной заразы. Того же мнѣнія держится и Тацитъ, несмотря на испытываемую имъ нѣкоторую жалость. Светоній же прямо ставитъ число заслугъ Нерона казни, которымъ онъ подвергъ послѣдователей „зловреднаго суевѣрія.“

Казни эти были ужасны. Никогда еще жестокость не доходила до подобной утонченности. Почти всѣ арестованные христіане принадлежали къ низшему классу, къ humiliores. Когда такихъ несчастныхъ обвиняли въ богохульствѣ или оскорбленіи величества, наказаніемъ имъ слѣдовала травля дикими звѣрями или сожженіе живьемъ въ амфитеарѣ по жестокомъ бичеваніи. Одной изъ наиболѣе ужасныхъ чертъ римскихъ нравовъ было то, что изъ казней дѣлали празднества, а изъ зрѣлища убійствъ—общественную забаву. Персія, въ свое время пережившая моменты фанатизма и террора, знала много отвратительныхъ усовершенствованій въ дѣлѣ пытокъ; не разъ предавалась она этому виду мрачнаго сладострастія; но никогда до римскаго владычества ужасы эти не возводились въ предметъ общественной забавы, въ предметъ смѣха и рукоплесканій. Амфитеатры стали эшафотами; суды сдѣлались поставщиками арены. Со всего міра препровождались осужденные преступники въ циркъ для потѣхи народной. Присоединимъ сюда страшныя преувеличенія уголовнаго закона и судопроизводства, по которымъ малѣйшіе проступки наказывались смертью, многочисленныя судебныя ошибки,— результатъ дурной постановки уголовнаго процесса, — и тогда мы увидимъ, что за кавардакъ понятій управлялъ Римомъ. Въ казнимыхъ видѣли скорѣе несчастныхъ, чѣмъ преступниковъ; въ общей массѣ ихъ считали почти невинными, innoxia corpora.

На этотъ разъ къ варварству казней присоединили еще глумленіе. Жертвъ приберегли къ празднеству, которому несомнѣнно придали характеръ очистительнаго. Не много такихъ необычайныхъ дней насчитываетъ исторія Рима. Процессія

осужденныхъ на борьбу со звѣрями въ ludus matutinus приняла неслыханные размѣры. Осужденныхъ, зашитыхъ въ звѣриныя шкуры, бросали на арену, гдѣ ихъ разрывали на части собаки; другіе были распяты; третьихъ, наконецъ, облекли въ туники, пропитанныя масломъ, смолой и камедью, и прикрутили къ шестамъ въ ожиданіи ночныхъ празднествъ, для освѣщенія которыхъ они предназначались. Съ наступленіемъ вечера эти живые факелы запылали. Неронъ открылъ для этого зрѣлища великолѣпные сады свои по ту сторону Тибра, находившіеся на мѣстѣ нынѣшняго Борго, площади и собора Св. Петра. Тамъ находился циркъ, начатый Калигулой и продолженный Клавдіемъ, въ которомъ отправнымъ пунктомъ бѣга служилъ обелискъ изъ Геліополиса (тотъ самый, который въ наши дни стоитъ въ серединѣ площади Св. Петра. Для этого мѣста убійства при свѣтѣ факеловъ были уже не новостью. Калигула, гуляя тамъ, смотрѣлъ, какъ при свѣтѣ факеловъ рубили головы многочисленнымъ консулярамъ, сенаторамъ и римскимъ матронамъ. Мысль замѣнить факелы человѣческими существами, пропитанными горючими веществами, могла показаться остроумной. Какъ наказаніе, такое сжиганіе живьемъ было не ново; это была обыкновенная казнь для поджигателей, то самое, что носило названіе tunica molesta; но никогда еще изъ нея не дѣлали средства иллюминаціи. При свѣтѣ этихъ ужасныхъ свѣточей, Неронъ, который ввелъ въ моду вечернія скачки, появился на аренѣ въ одеждѣ жокея; то онъ въ этомъ платьѣ вмѣшивался въ народъ, то правилъ своей колесницей и срывалъ рукоплесканія. Не обошлось, однако, безъ нѣкоторыхъ проявленій жалости. Даже тѣ, кто считалъ христіанъ виновными и признавалъ, что они заслужили самую ужасную казнь, и тѣхъ эти жестокія забавы привели въ содраганіе. Разумнымъ людямъ хотѣлось бы, чтобы было сдѣлано только то, чего требовала общественная польза, т. е. чтобы городъ былъ очищенъ отъ опаснаго элемента, но они вовсе не хотѣли, чтобы это было похоже на желаніе принести преступниковъ въ жертву звѣрскимъ инстинктамъ какого нибудь одного человѣка.

Къ этимъ отвратительнымъ играмъ были привлечены и женщины и дѣвушки. Невообразимыя надруганія надъ ними превратились въ забаву. При Неронѣ установился обычай заставлять осужденныхъ на смерть въ амфитеатрѣ играть миѳо-
кія роли, которыя влекли за собой смерть актера. Эти

отвратительныя пьесы, въ которыхъ машинное искусство достигало удивительнаго совершенства, были вещью новой; Греція была бы изумлена, если-бы ей предложили сдѣлать подобную попытку приложенія звѣрства къ эстетикѣ, превратить пытку въ искусство. Несчастный выходилъ на сцену въ богатомъ костюмѣ бога или героя, обреченнаго на смерть, и казнью своею изображалъ какую нибудь трагическую сцену изъ легендъ, освященныхъ скульпторами и поэтами. То это былъ Геркулесъ, сжигаемый на горѣ Этѣ, въ бѣшеномъ отчаяніи срывающій съ себя кожу вмѣстѣ съ туникой, пропитанной пылающей смолой; то Орфей, терзаемый медвѣдемъ, Дедалъ, низверженный съ небесъ и разорванный на части дикими звѣрями; то Пасифая въ объятіяхъ быка, оскопленіе Аттиса; иногда показывались отвратительные маскарады, гдѣ мужчинъ одѣвали жрецами Сатурна, въ красныя мантіи, а женщинъ жрицами Цереры съ повязкой на головѣ. Иногда же, наконецъ, представлялись драматическія пьесы, во время которыхъ герой дѣйствительно подвергался казни, какъ напримѣръ Лавреолъ; или же такіе трагическіе факты, какъ исторія Муція Сцеволы. Въ концѣ спектакля Меркурій дотрагивался до каждаго трупа раскаленнымъ до красна жезломъ, чтобы убѣдиться, не шевелится ли еще кто; служители, замаскированные Плутономъ или Оркомъ, вытаскивали убитыхъ за ноги и добивали палицами всѣхъ, въ комъ еще трепетала искра жизни.

Самымъ уважаемымъ христіанкамъ суждено было испытать эти неистовства. Однимъ пришлось изображать Данаидъ, другимъ Диркею. Трудно сказать, какую кровавую картину можно было извлечь изъ разсказа о Данаидахъ. Кара, назначенная этимъ преступнымъ женщинамъ всѣми мифологическими преданіями и въ связи съ которой ихъ обыкновенно изображали, была недостаточно жестокой, чтобы удовлетворить жажду удовольствій Нерона и завсегдатаевъ его амфитеатра. Быть можетъ, онѣ проходили шествіемъ съ урнами въ рукахъ и падали подъ роковыми ударами актера, изображавшаго Линкея. Можетъ быть также, что изображалась лишь одна изъ Данаидъ, Амимона, именно преслѣдованіе ея сатиромъ и изнасилованіе ея Нептуномъ. Можетъ быть, наконецъ, что эти несчастные послѣдовательно проходили передъ зрителями весь рядъ мученій тартара и умирали послѣ долгихъ мученій. Представлять адъ на сценѣ было въ модѣ. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ (въ 41 году) въ Римъ пріѣхали нѣкіе египтя

и нубійцы и пользовались большимъ успѣхомъ за свои ночныя представленія, въ которыхъ изображались послѣдовательно всѣ ужасы подземнаго міра, согласно съ рисунками на Ѳивскихъ надгробныхъ памятникахъ, въ частности на могилѣ Сети I.

Что касается до казней Диркеи, то тутъ сомнѣваться не въ чемъ. Всѣмъ извѣстна колосальная группа *Фарнесскаго быка*, находящаяся въ настоящее время въ Неаполитанскомъ музеѣ. Амфіонъ и Зетъ привязываютъ Диркею къ рогамъ дикаго быка, который долженъ размыкать ее по скаламъ и зарослямъ Киѳерона. Эта довольно посредственная группа родосскаго мрамора, перевезенная въ Римъ въ эпоху Августа, была предметомъ всеобщаго восхищенія. Можно ли было найти сюжетъ, болѣе подходящій для того отвратительнаго искусства убійствъ, которое ввела въ моду жестокость того вѣка, чѣмъ копировка въ живыхъ картинахъ наиболѣе знаменитыхъ статуй? Одна надпись и одна фреска въ Помпеѣ, повидимому, свидѣтельствуютъ, что эта ужасная сцена часто воспроизводилась на аренѣ, когда надо было казнить женщину. Привязанныя за волосы къ рогамъ разъяреннаго быка, эти несчастныя потѣшали своей наготой сладострастные взоры свирѣпой толпы. Иныя изъ христіанокъ, постигнутыя этой участью, были слабы тѣломъ; но мужество ихъ оказалось сверхчеловѣческимъ, безобразная же толпа интересовалась только ихъ выпущенными внутренн стями и растерзаннымъ лономъ.

Неронъ, конечно, присутствовалъ на этихъ зрѣлищахъ. Будучи близорукимъ, онъ, когда слѣдилъ за боями гладіаторовъ, обыкновенно носилъ въ глазу вогнутый изумрудъ, служившій ему моноклемъ. Онъ любилъ щеголять своими свѣдѣніями по скульптурѣ; разсказываютъ, что онъ дѣлалъ гнусныя замѣчанія надъ трупомъ матери, хваля одно, порицая другое. Плоть, трепещущая въ пасти дикаго звѣря, бѣдная, робкая дѣвушка, старающаяся стыдливымъ движеніемъ прикрыть свою наготу, потомъ подхваченная быкомъ и разнесенная на куски по щебню арены,—это зрѣлище, разумѣется, содержало довольно пластическихъ формъ и цвѣтовъ, достойныхъ такого знатока, какъ онъ. Онъ былъ тутъ, въ первомъ ряду, на *подіумѣ*, среди весталокъ и курульныхъ сановниковъ, со своимъ дурнымъ сложеніемъ, близорукими, голубыми глазами, русыми, лѣсенкою завитыми волосами, отталкивающими гу-

бами, со своимъ, одновременно и свирѣпымъ, и глуповатымъ, видомъ толстаго мальчишки, неразумнаго блаженнаго, полнаго тщеславія, а кругомъ гремѣли мѣдные инструменты, потрясая воздухъ, напитанный запахомъ крови. Онъ, навѣрное, въ качествѣ артиста, разсуждалъ о стыдливости этихъ новыхъ Диркей и находилъ, я полагаю, что выраженіе покорности придавало этимъ чистымъ женщинамъ, обреченнымъ на растерзаніе, особую прелесть, до сихъ поръ ему невѣдомую.

Эта отвратительная сцена на долго осталась памятной, и еще при Домиціанѣ, когда актера казнили въ какой нибудь роли, особенно въ Лавреоловой, т. е. когда снова изображалось распятіе, тогда вспоминали о piacula 64 года, намекая, что это тоже поджигатель Рима. Происхожденіе именъ Sarmentitii или Sarmentarii (людей съ запахомъ факела) Semaxii (полѣнья на растопку), народный кликъ: «христіанъ львамъ», повидимому, относится къ тому же времени. Неронъ съ извѣстнымъ родомъ научной искусности запечатлѣлъ нарождающееся христіанство неизгладимой печатью. Наложенное на чело мученицы Церкви кровавое родимое пятно никогда уже не сотрется.

Тѣ изъ братьевъ, что избѣжали пытокъ, все же, однако, имѣли свою долю въ мукахъ своихъ единовѣрцевъ, въ виду сочувствія, которое они имъ выражали, и той заботливости, съ которой они посѣщали ихъ во время пребыванія въ тѣхъ оковахъ. Часто покупали они это мрачное преимущество цѣною всего состоянія. Пережившіе кризисъ оказались разоренными въ конецъ. Но они даже почти не думали объ этомъ; они видѣли передъ собой только вѣчныя блага небесныя и постоянно повторяли другъ другу: „потерпимъ немного, и тотъ, кто долженъ прийти, придетъ“.

Такъ началась эта необычайная поэма христіанскаго мученичества, эта эпопея амфитеатра, которая будетъ продолжаться 250 лѣтъ и слѣдствіемъ которой будетъ облагороженіе женщины, возстановленіе достоинства раба, благодаря эпизодамъ, подобнымъ слѣдующимъ: Бландина, умирающая на крестѣ, ослѣпляя взоры собратьевъ своимъ мягкимъ и блѣднымъ образомъ, напоминающимъ распятаго Іисуса; Потаміэна, которую ведущій ее на казнь молодой офицеръ защищаетъ отъ оскорбленій; содроганіе толпы, узрѣвшей окровавленное лоно святой Фелицитаты; Перепетуя, убирающая въ аренѣ свои волосы, приведенные въ безпорядокъ дикими звѣрями, не

нимъ. Сто пятьдесятъ лѣтъ спустя Тертулліанъ восклицаетъ: „да, мы гордимся тѣмъ, что были поставлены впервые внѣ закона такимъ человѣкомъ. Когда хорошо познакомишься съ нимъ, то станетъ несомнѣннымъ, что все осужденное имъ на гибель не могло не быть великимъ“. Уже тогда была распространена мысль, что приходу истиннаго Христа будетъ предшествовать Христосъ дьявольскій, который во всемъ будетъ представлять противоположность Іисуса. Сомнѣній больше не могло быть; *Антихристъ*, Христосъ зла, народился; *Антихристъ*, это и было то чудовище съ человѣческой наружностью, смѣсь жестокости, лицемѣрія, безстыдства, надменности, которое пробѣгало свѣтъ въ видѣ шута-героя, освѣщало свои кучерскія побѣды факелами изъ человѣческихъ тѣлъ, упивалось кровью святыхъ, быть можетъ дѣлало еще худшія вещи. Дѣйствительно, есть основаніе полагать, что именно къ христіанамъ относится одно мѣсто Светонія, описывающее изобрѣтенную Нерономъ чудовищную забаву. Къ столбамъ арены привязывали обнаженныхъ юношей, мужчинъ, женщинъ и дѣвушекъ. Изъ сана выходилъ звѣрь и потѣшался надъ каждымъ изъ этихъ тѣлъ. Вольноотпущенникъ Дорифоръ дѣлалъ видъ, что убиваетъ звѣря, а роль звѣря изображалъ Неронъ, одѣтый въ шкуру дикаго звѣря. Дорифоръ былъ негодяемъ, за котораго Неронъ вышелъ за-мужъ, испуская при этомъ крики насилуемой дѣвственницы.... Отнынѣ имя Нерона найдено: онъ будетъ Звѣремъ. Калигула былъ Анти-Богомъ, Неронъ будетъ Анти-Христомъ. Апокалипсисъ начинается. Христіанская дѣвственница, привязанная къ столбу и претерпѣвшая отвратительныя объятія Звѣря, унесетъ съ собою этотъ ужасный образъ въ вѣчность.

По странной противоположности, въ этотъ день родилось то двусмысленное очарованіе, которымъ человѣчество жило въ теченіе вѣковъ и отчасти живетъ до сихъ поръ. На небесахъ отмѣченъ былъ тотъ день, когда христіанская чистота, до сихъ поръ такъ заботливо оберегаемая, была выставлена на свѣтъ передъ 50.000 зрителей, обнаженная, подобно модели въ мастерской ваятеля, въ позѣ дѣвственницы, идущей на смерть. Открыта тайна, неизвѣстная древности, громогласно провозглашенъ тотъ принципъ, что цѣломудріе имѣетъ свою прелесть, что она уже само по себѣ есть красота. Мы уже видѣли, что великій волшебникъ, котораго называютъ воо[illegible]ъ и который съ каждымъ вѣкомъ измѣняетъ идеалъ

женщины, непрестанно работаетъ въ томъ прогрессивномъ направленіи, чтобы возвысить надъ поклоненіемъ совершенству формъ притягательную силу скромности (Поппея царила надъ Нерономъ только благодаря умѣнію придавать себѣ ея подобіе) и покорнаго смиренія (въ немъ скрывался секретъ торжества доброй Актеи). По привычкѣ идти всегда во главѣ своего вѣка по неизвѣстнымъ путямъ, Неронъ, повидимому, первый испыталъ это чувство и первый въ своемъ артистическомъ развратѣ отвѣдалъ любовнаго напитка христіанской эстетики. Страсть его къ Актеѣ и къ Поппеѣ доказываетъ, что онъ былъ способенъ понимать нѣжныя ощущенія, а такъ какъ элементъ чудовищнаго примѣшивался ко всему, чего онъ ни касался, то онъ и захотѣлъ доставить себѣ зрѣлище, о которомъ до сихъ поръ онъ только грезилъ. Въ фокусѣ его изумруда отразился образъ прабабки Кимодокеи, похожей на героиню съ античной камеи. Заслуживъ рукоплесканія такого тонкаго цѣнителя, друга Петронія, который, можетъ быть, привѣтствовалъ morituras одной изъ тѣхъ цитатъ изъ классическихъ поэтовъ, которыя онъ такъ любилъ, робкая пластика юной мученицы стала соперницей самоувѣренной пластики греческой Венеры. Когда грубая рука этого пресыщеннаго міра, искавшаго себѣ наслажденій въ мукахъ бѣдной дѣвушки, сорвалъ покровы съ христіанской стыдливости, послѣдняя могла сказать: „Смотри! и я прекрасна!" Это стало принципомъ новаго искусства. Эстетика учениковъ Христовыхъ, цвѣтокъ которой распустился подъ взоромъ Нерона,—красота, которая до сихъ поръ сама себя не понимала,—узрѣла свое обаяніе благодаря преступленію, которое, растерзавъ ея одежды, похитило у нея дѣвственность.

ГЛАВА VIII.

Кончина Апостоловъ Петра и Павла.

Мы не знаемъ въ точности ни одного изъ христіанъ, погибшихъ въ Римѣ во время ужаснаго событія въ августѣ 64 го года. Арестованные были обращены въ христіанство недавно и очень мало знали другъ друга. Усопшихъ святыхъ, удиви-

ужасномъ положеніи. У Сенеки упоминаются случаи, когда тираны приказывали поворачивать распятыхъ внизъ головой, а затѣмъ и христіанское благочестіе могло усмотрѣть мистическую утонченность въ такомъ фактѣ, который въ сущности объясняется просто страннымъ капризомъ палачей. Быть можетъ, намекъ четвертаго Евангелія: „ты прострешь руки и другой опояшетъ и поведетъ тебя, куда ты не хочешь" относится къ какой-нибудь особенности въ казни Петра. Павелъ — въ качествѣ honestior былъ казненъ черезъ усѣченіе главы. Весьма возможно, впрочемъ, что онъ былъ приговоренъ правильнымъ судомъ, и не былъ включенъ въ массовый приговоръ жертвъ Нероновыхъ празднествъ. Тимофей, повидимому, былъ арестованъ вмѣстѣ со своимъ учителемъ и заключенъ въ темницу.

Уже въ началѣ третьяго вѣка можно было видѣть близъ Рима два памятника, съ которыми связывались имена апостоловъ Петра и Павла. Одинъ стоялъ у подножья Ватиканскаго холма. Это былъ Петровъ; другой—на Остійской дорогѣ: этотъ принадлежалъ Павлу. На ораторскомъ языкѣ они назывались „трофеями апостоловъ". Вѣроятно это были *cellae* или *memoriae*, посвященныя обоимъ апостоламъ. Такіе памятники открыто существовали и до Константина; впрочемъ, есть основаніе предполагать, что эти „трофеи" были извѣстны только вѣрнымъ. Возможно даже, что они представляли собой не что иное, какъ то же самое ватиканское терпентинное дерево, съ которымъ въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ соединялась память о Петрѣ, та же самая сосна сальвійскихъ водъ, которая, согласно нѣкоторымъ преданіямъ, служила средоточіемъ воспоминаній о Павлѣ. Впослѣдствіи эти трофеи превратились въ гробницы апостоловъ Петра и Павла. Въ серединѣ третьяго вѣка, дѣйствительно, появляются два тѣла, которыя всеобщее почитаніе принимаетъ за тѣла апостоловъ и которые повидимому происходятъ изъ катакомбъ на Аппійской дорогѣ, на которой въ самомъ дѣлѣ находилось нѣсколько еврейскихъ кладбищъ. Въ четвертомъ вѣкѣ тѣла эти оказываются покоющимися подъ обѣими «трофеями». Въ это время [illegible] „трофеями" воздвигаются двѣ базилики, изъ которыхъ [illegible] превратилась въ современный намъ соборъ св. Петра, другая, церковь св. Павла за стѣнами сохранила свои существенныя части вплоть до нашего времени. Указывали-ли дѣйствительно тѣ „трофеи", которые христіане чтили около [illegible] мѣста, на которыхъ пострадали оба апостола?

Это весьма возможно. Очень вѣроятно, что Павелъ подъ конецъ жизни жилъ въ пригородѣ, лежавшемъ за Лавернальскими воротами, по дорогѣ въ Осатію. Съ другой стороны тѣнь Петра по христіанской легендѣ постоянно витаетъ у подножья Ватикана. садовъ и цирка Нерона и въ особенности вокругъ обелиска. Это можно объяснить тѣмъ, что съ названнымъ циркомъ связана была память о мученикахъ 64-го года, къ которымъ христіанское преданіе за недостаткомъ точныхъ свѣдѣній могло присоединить и Петра; мы, однако, скорѣе склонны думать, что во всемъ этомъ не обошлось безъ какого-нибудь указанія и что мѣсто, гдѣ прежде былъ обелискъ, въ ризницѣ собора св. Петра, обозначенное въ настоящее время особой надписью, съ большей или меньшей точностью указываетъ намъ, что приблизительно здѣсь распятый Петръ насытилъ своей страшной агоніей взоры черни, жаждавшей вида страданій.

Являются ли дѣйствительно тѣ тѣла, которыя обычай съ третьяго вѣка окружаетъ непрерывнымъ почитаніемъ, тѣлами обоихъ апостоловъ? Этому намъ трудно повѣрить. Конечно, обычай сохранять въ памяти мѣста погребенія мучениковъ есть обычай, въ Церкви очень древній. Но около 100-го 120-го годовъ Римъ былъ театромъ чрезвычайнаго развитія легендъ, относившихся главнымъ образомъ къ обоимъ апостолами Петру и Павлу, развитія, которому сильно способствовала набожность. Трудно повѣрить, чтобы въ дни, послѣдовавшіе за страшной бойней, произошедшей въ августѣ 64-го года, удалось добыть тѣла казненныхъ. Среди отвратительной кучи человѣческаго мяса, въ клочьяхъ, полусгорѣвшаго, растоптаннаго ногами,—кучи, которую въ эти дни тащили крючьями въ *поліарій*, а потомъ бросали въ puticuli, было несомнѣнно очень трудно удостовѣрить участь каждаго отдѣльнаго мученика. Конечно, нерѣдко удавалось выхлопотать разрѣшеніе получить изъ рукъ палачей останки казненныхъ; но если даже предположить (что вполнѣ допустимо), что братья, отбросивъ страхъ смерти, отправлялись просить о возвращеніи имъ драгоцѣнныхъ реликвій, то по всей вѣроятности вмѣсто того, чтобы выдать имъ послѣднія, ихъ самихъ отправили увеличить кучу тѣлъ. Въ эти дни вѣдь самое имя христіанина было равносильно смертному приговору. Это впрочемъ, вопросъ совершенно второстепенный. Если Ватиканскій соборъ въ дѣйствительности и не стоитъ на мѣстѣ

упокоенія апостола Павла, то это ничуть не измѣняетъ того факта, что онъ указываетъ нашей памяти на одно изъ самыхъ священныхъ для христіанства мѣстъ. То мѣсто, гдѣ лишенные вкуса люди въ 17-мъ вѣкѣ построили циркъ театральной архитектуры, несомнѣнно было второй Голгофой, и даже если предположить, что Павелъ былъ распятъ не здѣсь, то Данаиды и Диркеи навѣрное пострадали именно тутъ.

Если Іоаннъ, какъ то позволительно думать, сопровождалъ Петра въ Римъ, то намъ легко опредѣлить основу древняго преданія, согласно которому Іоаннъ былъ ввергнутъ въ кипящее масло вблизи отъ того мѣста, гдѣ впослѣдствіи находились Латинскія ворота. Іоаннъ, повидимому, пострадалъ во имя Іисуса. Мы склонны думать, что онъ былъ свидѣтелемъ и въ извѣстномъ смыслѣ жертвой кроваваго событія, которому обязанъ своимъ происхожденіемъ Апокалипсисъ. Послѣдній представляется намъ крикомъ ужаса очевидца, который жилъ въ Вавилонѣ, зналъ Звѣря, видѣлъ окровавленныя тѣла своихъ братьевъ-мучениковъ и самъ испыталъ на себѣ дуновеніе смерти. Несчастныхъ, приговоренныхъ къ роли живыхъ факеловъ, первоначально погружали въ масло или въ другое горючее вещество, (правда, не кипящее). Возможно, что Іоаннъ предназначался къ той-же казни, что и братья его, въ ночь празднества долженъ былъ освѣщать предмѣстья Латинской дороги; случай, капризъ судьбы спасъ его. И въ самомъ дѣлѣ Латинская дорога расположена въ той части города, гдѣ произошли событія этихъ ужасающихъ дней. Южная часть Рима (Капенскія ворота, дорога въ Остію, Аппійская дорога, Латинская дорога) представляетъ ту мѣстность, въ которой, повидимому, сосредоточилась во время Нерона исторія нарождающейся Церкви.

Завистливый рокъ не захотѣлъ дать намъ возможность относительно всѣхъ этихъ пунктовъ, которые возбуждаютъ въ насъ такое живое любопытство, выйти когда-нибудь изъ тумана легенды. Повторяемъ: вопросъ о смерти апостоловъ Петра и Павла можетъ быть разрѣшенъ только путемъ правдоподобныхъ гипотезъ. Въ особенности смерть Павла окутана большой таинственностью. Нѣкоторыя выраженія Апокалипсиса, написаннаго въ концѣ 68-го или въ началѣ 69-го года, склоняютъ насъ къ мысли, что авторъ этой книги, когда писалъ ее, считалъ Павла находящимся въ живыхъ. Вполнѣ возможно, что кончина великаго Апостола

осталась совсѣмъ неизвѣстной. Въ теченіи приписываемаго ему нѣкоторыми текстами путешествія на Западъ его могли унести кораблекрушеніе, болѣзнь, какой-нибудь несчастный случай. А такъ какъ его въ этотъ періодъ не окружалъ обычный блестящій кругъ учениковъ, то и подробности его смерти могли остаться неизвѣстными; позднѣе-же легенда могла пополнить пробѣлы, принимая во вниманіе, съ одной стороны, даваемое ему *Дѣяніями* званіе римскаго гражданина, а съ другой стороны желаніе христіанской мысли произвести примиреніе между нимъ и Петромъ. Безусловно, окутанная туманомъ смерть пылкаго апостола представляетъ для насъ образъ привлекательный. Намъ нравится представлять себѣ скептика — Павла потерпѣвшимъ кораблекрушеніе, оставленнымъ, преданнымъ своими близкими, одинокимъ, постигнутымъ разочарованіемъ старости; намъ нравится мысль о томъ, чтобы пелена вторично спала съ его глазъ и нашему кроткому невѣрію доставило-бы маленькое удовлетвореніе свѣдѣніе о томъ, что самый большой догматикъ изъ всѣхъ когда-либо жившихъ людей умеръ печальнымъ, отчаявшимся, (скажемъ болѣе: спокойнымъ) на какомъ-нибудь побережьи, или на какой-нибудь дорогѣ въ Испаніи, и повторяя тѣ-же слова: *ergo erravi!* Но допустить такія мысли значило-бы слишкомъ ужъ отдаваться догадкамъ. Несомнѣнно, что оба апостола въ 70-мъ году были мертвыми; они не узрѣли гибели Іерусалима, которая произвела-бы на Павла такое глубокое впечатлѣніе. Въ виду этого мы будемъ считать вѣроятнымъ, занимаясь дальше настоящей исторіей, что оба борца за идею христіанства погибли въ Римѣ во время страшной грозы 64-го года. Іаковъ умеръ немного болѣе двухъ лѣтъ до того. Изъ „апостоловъ-столповъ" оставался въ живыхъ, стало быть, одинъ Іоаннъ. Въ Іерусалимѣ, безъ сомнѣнія, жили еще другіе друзья Іисуса, но они жили въ забвеніи и какъ-бы затерянные въ мрачномъ вихрѣ, въ который Іудеѣ предстояло погрузиться на нѣсколько лѣтъ.

Въ слѣдующей книгѣ мы покажемъ, какимъ образомъ Церковь увѣнчала и дополнила то примиреніе между Петромъ и Павломъ, которому смерть, быть можетъ, положила начало. Отъ этого примиренья зависѣлъ успѣхъ. Христіано-іудаизмъ Петра и эллинизмъ Павла, казавшіеся несоединимыми, были одинаково необходимы для успѣха общаго дѣла. Христіано-іудаизмъ представлялъ консервативное направленіе, безъ ко-

тораго не можетъ быть ничего прочнаго. Эллинизмъ—движеніе впередъ и прогрессъ, безъ каковаго ничто не живетъ настоящей жизнью. Послѣдняя есть результатъ столкновенія противуположныхъ силъ. Отсутствіе какого-бы то ни было революціоннаго элемента точно также является причиной смерти, какъ слишкомъ сильный революціонный духъ.

ГЛАВА IX.

Послѣ катастрофы.

Мысль собранія людей совершенно сходна съ мыслью отдѣльнаго человѣка. Всякое впечатлѣніе, превосходящее извѣстную степень силы, оставляетъ въ сензоріумѣ данной личности слѣдъ, равносильный ранѣ, и на долго отдаетъ его во власть галлюцинацій и настойчиво преслѣдующихъ его мыслей. Кровавый эпизодъ августа 64-го года по ужасу своему сравнился съ самымъ отвратительнымъ бредомъ, какой только могъ появиться въ больномъ мозгу. Впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, христіанство останется удрученнымъ этимъ бредомъ. Оно—жертва нѣкотораго рода лихорадки; его мучаютъ чудовищныя грезы; жестокая смерть кажется удѣломъ всѣхъ вѣрныхъ Іисусовыхъ. Но не представляетъ-ли именно это самое явленіе вѣрнѣйшаго признака того, что приближается великій день?... Христіане вѣрили, что души жертвъ Звѣря ожидаютъ священнаго часа у престола Всевышняго и вопіютъ о мщеніи. Ангелъ Божій успокаиваетъ ихъ, уговариваетъ ихъ не волноваться, подождать еще немного; недалекъ ужъ тотъ часъ, когда и братья ихъ, предназначенные въ жертву, въ свою очередь будутъ умерщвлены. Неронъ позаботится объ этомъ. Неронъ—это и есть та діавольская личность, которой Богъ на короткое время предоставитъ свое могущество наканунѣ катастрофы; онъ и есть то чудовище ада, которое должно появиться, подобно грозному знаменію, на сумрачномъ горизонтѣ послѣднихъ временъ.

Воздухъ былъ повсюду какъ бы насыщенъ духомъ мученичества. Приближенные Нерона какъ будто питали къ мо-

рали какую-то безкорыстную ненависть; съ одного края Средиземнаго моря до другого происходила борьба добра со зломъ. Суровое римское общество объявило войну благочестію во всѣхъ его видахъ; и благочестію приходилось бѣжать изъ міра, преданнаго коварству, жестокости, разврату; всѣ порядочные люди подвергались опасности. Ненависть Нерона къ добродѣтели дошла до высшей своей точки. Философія какъ будто только о томъ и думаетъ, чтобы приготовлять своихъ служителей къ пыткамъ; Сенека, Тразея Петъ, Барея Соранъ, Музоній, Корнутъ потерпѣли за свой благородный протестъ, или близки къ тому, чтобы потерпѣть за него. Мученія кажутся естественнымъ удѣломъ добродѣтели, даже скептикъ Петроній не можетъ жить въ мірѣ, гдѣ царствуетъ Тигеллинъ, потому что онъ принадлежитъ къ порядочному обществу. Трогательное эхо мучениковъ этого террора дошло до насъ въ видѣ надписей съ того острова религіозной ссылки, откуда не было возврата. Въ погребальномъ гротѣ, который можно видѣть около Кальяри, находится завѣщанная намъ семьей какого-то изгнанника, быть можетъ преданной культу Изиды, трогательная, почти христіанская жалоба. Какъ только несчастные прибыли въ Сардинію, мужъ заболѣлъ вслѣдствіе необычайно нездороваго климата острова; жена его Бенедикта дала обѣтъ, умоливъ боговъ взять ее вмѣсто ея мужа; мольба ея была исполнена.

Къ тому же на этомъ фактѣ выяснилась вся безполезность избіеній. Аристократическое движеніе, имѣющее представителями небольшое число людей, можетъ быть остановлено при помощи нѣсколькихъ казней; но совсѣмъ не то съ движеніемъ народнымъ; такое движеніе не нуждается ни въ главахъ, ни въ ученыхъ учителяхъ. Садъ, гдѣ цвѣты снимаются со стеблемъ, прекращаетъ существованіе, но скошенный лугъ заростаетъ еще лучше, чѣмъ прежде. Такъ и христіанство не только не было пріостановлено въ своемъ развитіи мрачной выдумкой Нерона, но наоборотъ стало распространяться съ большей силой, чѣмъ когда бы то ни было; сердца оставшихся въ живыхъ переполнились еще большимъ гнѣвомъ; всѣми овладѣла одна мечта: стать хозяевами язычниковъ, чтобы управлять ими такъ, какъ слѣдовало, съ помощью желѣзныхъ прутьевъ. Другой пожаръ, не похожій на тотъ, въ поджогѣ котораго ихъ обвиняютъ, поглотитъ этотъ нечестивый городъ, превратившійся въ храмъ Сатаны. Ученіе

о конечномъ пожарѣ міра съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе укоренялось. Только огонь будетъ въ состояніи очистить землю отъ гнусностей, оскверняющихъ ее. Огонь начинаетъ казаться единственнымъ способомъ покончить съ подобной кучей ужасовъ.

Большинство римскихъ христіанъ, избѣжавшихъ звѣрствъ Нерона, повидимому, покинуло городъ. Въ продолженіи десяти или двѣнадцати лѣтъ римская Церковь находилась въ полномъ разстройствѣ; это открыло широкій просторъ легендѣ. Однако, жизнь общины не совсѣмъ была прервана. Ясновидецъ Апокалипсиса въ декабрѣ 68-го или въ январѣ 60-го года приказываетъ своему народу покинуть Римъ. Даже удѣливъ въ этомъ текстѣ мѣсто пророческой фикціи, нельзя изъ него не заключить, что римская Церковь вскорѣ возвратила себѣ все свое значеніе. Только главы покинули окончательно городъ, гдѣ проповѣдь ихъ въ данное время не могла быть плодотворной.

Мѣстомъ, гдѣ жизнь для евреевъ въ римскомъ мірѣ была наиболѣе выносимой, была провинція Азія. Между іудействомъ Рима и Эфеса были постоянныя сношенія; сюда и направились бѣглецы. Эфесу предстоитъ сдѣлаться тѣмъ пунктомъ, на которомъ наиболѣе отразились событія 64-го года. Все, что ненавидитъ Римъ, сосредоточится тамъ; оттуда выйдетъ черезъ четыре года вспышка проклятій, которыми христіанство отвѣтитъ на звѣрства Нерона.

Ничто не мѣшаетъ предположить, что между именитыми христіанами, вышедшими изъ Рима во избѣжаніе преслѣдованій полиціи, находился и тотъ апостолъ, который, какъ мы видѣли, во всемъ слѣдовалъ участи Петра. Если разсказы объ инцидентѣ, мѣстомъ котораго впослѣдствіи были названы Латинскія ворота, заключаютъ въ себѣ нѣкоторую долю правды, то можно предположить, что апостолъ Іоаннъ, какимъ-то чудомъ избѣжавъ казни, немедленно покинулъ городъ; и въ этомъ случаѣ вполнѣ естественно, что онъ бѣжалъ въ Азію. Какъ почти всѣ данныя о жизни апостоловъ, такъ и преданія о пребываніи Іоанна въ Эфесѣ порождаютъ сомнѣнія; однако есть и доводы въ пользу допущенія ихъ, и мы скорѣй склоняемся къ тому, чтобы признать ихъ достовѣрными, чѣмъ къ тому, чтобы отвергнуть ихъ.

Эфесская Церковь была смѣшанной; одна часть ея была обязана просвѣщеніемъ вѣрою Павлу, другая была христіано-

іудейской. Послѣдняя, по всей вѣроятности, получила перевѣсъ благодаря прибытію римской колоніи, въ особенности, если эта колонія привела съ собой приближеннаго Іисуса, Іерусалимскаго ученаго, одного изъ тѣхъ знаменитыхъ учителей, передъ кѣмъ преклонялся самъ Павелъ. Со времени смерти Петра и Іакова, Іоаннъ сталъ единственнымъ перворазряднымъ апостоломъ, остававшимся еще въ живыхъ. Онъ сталъ главою всѣхъ христіано-іудейскихъ Церквей; онъ пользовался глубочайшимъ уваженіемъ; появилось представленіе (и, конечно, апостолъ самъ говорилъ это), что Іисусъ питалъ къ нему особенную привязанность. На этомъ основаніи строилось уже множество разсказовъ. Эфесъ на время сталъ центромъ христіанства, такъ какъ Римъ и Іерусалимъ по силѣ временъ стали мѣстами, гдѣ пребываніе новому культу было почти невозможно.

Вскорѣ возгорѣлась довольно оживленная борьба между христіано-іудейской общиной, во главѣ которой стоялъ близкій другъ Іисуса, и семьями вѣрныхъ, образованными Павломъ. Борьба эта распространилась на всѣ Церкви Азіи. Только и слышались, что ѣдкіе возгласы противъ этого Валаама, осрамившаго сыновей Израиля, учившаго ихъ, что можно, не совершая преступленія, причащаться вмѣстѣ съ язычниками и брать язычницъ въ жены. Іоаннъ, напротивъ, все болѣе и болѣе сталъ пріобрѣтать положеніе еврейскаго первосвященника. Подобно Іакову, онъ носилъ *петалонъ*, т. е. золотыя скрижали на лбу. Онъ былъ по преимуществу ученый, а сверхъ того (можетъ быть, благодаря инциденту съ кипящимъ масломъ) вошло въ привычку называть его мученикомъ.

Повидимому, въ числѣ бѣглецовъ, прибывшихъ въ Эфесъ изъ Рима, находился и Варнава. Тимоѳей въ это время сидѣлъ въ тюрьмѣ, неизвѣстно гдѣ, можетъ быть въ Коринѳѣ. По истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ былъ освобожденъ. Какъ только Варнава узналъ эту пріятную новость, онъ, видя, что наступаетъ успокоеніе, возымѣлъ намѣреніе возвратиться въ Римъ съ Тимоѳеемъ, котораго онъ узналъ въ кружкѣ Павла и котораго онъ полюбилъ. Фаланга апостоловъ, разсѣянная грозой 64-го года, пробовала снова собраться. Слабѣе всего была школа Павла; потерявъ своего главу, она старалась опереться на болѣе крѣпкія части Церкви. Тимоѳей, привыкшій къ руководству, послѣ смерти

Павла, должно быть, не многаго стоилъ. Варнава, наоборот всегда держался какъ бы на границѣ между обѣими партія и, ни разу не согрѣшивши противъ милосердія, сталъ св зующимъ звеномъ между разбросанными обломками, ост вшимися послѣ великаго кораблекрушенія. Этотъ прекрасны человѣкъ, такимъ образомъ, вторично спасъ дѣло Іисусово оказался добрымъ духомъ согласія и мира. Именно къ пере численнымъ обстоятельствамъ, по нашему мнѣнію, и слѣдует отнести произведеніе, носяшее труднообъяснимое заглаві посланія къ Евреямъ. Это посланіе было повидимому написан въ Эфесѣ Варнавой и обращено къ римской Церкви отъ имени небольшой общины итальянскихъ христіанъ, нащед шихъ пріютъ въ столицѣ Азіи. Въ виду положенія посланія къ Евреямъ, нѣкоторымъ образомъ стоящаго посрединѣ, въ точкѣ скрещенія многихъ идей, до тѣхъ поръ никогда не сливавшихся, посланіе это по справедливости слѣдуетъ приписать тому миротворцу, который столько разъ предупреждалъ открытый разрывъ между различными направленіями въ лонѣ юной общины.

Расколъ между Церквами іудейскими и Церквами язычниковъ при чтеніи этого маленькаго трактата кажется вопросомъ рѣшеннымъ или скорѣе затерявшимъ въ широкомъ потокѣ сверхъестественной метафизики и миролюбиваго милосердія. Какъ было указано, обычай писать *мидрашимы*, или маленькіе экзегетическіе трактаты по религіознымъ вопросамъ въ формѣ посланій, сильно распространился. Павелъ всю душу свою положилъ въ посланіи къ Римлянамъ; посланіе къ Ефесянамъ стало впослѣдствіи наиболѣе передовымъ выраженіемъ его ученія. Посланіе къ Евреямъ, повидимому, является манифестомъ того же порядка. Никакая христіанская книга не напоминаетъ въ такой степени трудовъ Александрійской еврейской школы, въ частности мелкихъ произведеній Филона. На тотъ же путь вступилъ и Аполлоній. Павелъ сильно пристрастился къ этой формѣ во время заключенія. Въ душу христіанства все болѣе и болѣе проникалъ элементъ, чуждый Іисусу, александринизмъ. Мы увидимъ ниже, что въ іоанническихъ писаніяхъ это вліяніе проявилось чрезвычайно сильно. Въ посланіи къ Евреямъ христіанское богословіе очень напоминаетъ то, которое мы находимъ въ послѣднихъ посланіяхъ Павла. Теорія *Слова* развивается необычайно быстро. Іисусъ все болѣе и болѣе становится „вторымъ Богомъ“, *ме-*

патрономъ, сотрудникомъ Божества, первенцемъ десницы Божіей, выше котораго одинъ только Богъ. Объ условіяхъ времени, когда онъ пишетъ, авторъ говоритъ только обиняками. Чувствуется, что онъ боится поставить въ опасное положеніе подателя письма и тѣхъ, къ кому оно обращено. Его, какъ будто, что-то тяготитъ; его скрытая тревога проскальзываетъ въ видѣ краткихъ, но глубокихъ чертъ.

Богъ, нѣкогда сообщившій свою волю людямъ черезъ посредство пророковъ, въ послѣднее время воспользовался для этой цѣли устами Сына, черезъ котораго онъ сотворилъ вселенную и который словомъ своимъ поддерживаетъ все сущее. Этотъ Сынъ, въ которомъ отражается слава Отца, который носитъ печать его духа, и который по волѣ Отца получилъ въ наслѣдство вселенную, искупилъ грѣхи своимъ появленіемъ въ этомъ мірѣ, а потомъ возсѣлъ на небѣ одесную Силы, съ чиномъ выше ангельскаго. Моисеевъ законъ былъ возвѣщенъ ангелами; онъ содержалъ лишь тѣнь будущихъ благъ; нашъ законъ сначала былъ возвѣщенъ Господомъ, а потомъ переданъ намъ вполнѣ точно тѣми, кто научился ему отъ Него, при чемъ Богъ подкрѣплялъ ихъ свидѣтельства знаменіями, чудесами и всякаго рода необычайными явленіями, а также дарами Святого Духа. Благодаря Іисусу, всѣ люди стали сыновьями Божіими. Моисей былъ служителемъ Его; Іисусъ былъ его Сыномъ; главнымъ же образомъ Іисусъ былъ первосвященникомъ по чину Мельхиседекову.

Чинъ этотъ гораздо выше священничества левитовъ и совершенно лишилъ значенія послѣднее. Іисусъ сталъ первосвященникомъ на вѣчныя времена.

«Но Христосъ, Первосвященникъ будущихъ благъ, пришедъ съ бо́льшею и совершеннѣйшею скиніею, нерукотворенною, то есть не таковаго устроенія, и не съ кровью козловъ и тельцовъ, но со Своею кровью, однажды вошелъ во святилище и пріобрѣлъ вѣчное искупленіе. Ибо, если кровь тельцовъ и козловъ и пепелъ телицы чрезъ окропленіе освящаетъ оскверненныхъ, дабы чисто было тѣло, то кольми паче кровь Христа, Который Духомъ Святымъ принесъ Себя непорочнаго Богу, очиститъ совѣсть нашу отъ мертвыхъ дѣлъ, для служенія Богу живому и истинному! И потому Онъ есть ходатай новаго завѣта, дабы вслѣдствіе смерти Его, бывшей для искупленія отъ преступленій, сдѣланныхъ въ первомъ завѣтѣ, призванные къ вѣчному наслѣдію получили обѣтованное. Ибо,

гдѣ завѣщаніе, тамъ необходимо, чтобы послѣдовала смерт завѣщателя, потому что завѣщаніе дѣйствительно послѣ умер шихъ; оно не имѣетъ силы, когда завѣщатель живъ. Почему и первый завѣтъ былъ утвержденъ не безъ крови. Да и все почти по закону очищается кровью, и безъ пролитія крови не бываетъ прощенія (Евр. IX, 111 и сл.).

Слѣдовательно мы разъ навсегда освящены для жертвы тѣла Христова, который пріидетъ вторично, чтобы спасти ожидающихъ Его. Прежнія жертвы никогда не достигали цѣли, разъ ихъ приходилось постоянно повторять. Разъ искупительная жертва ежегодно въ опредѣленный день приносилась заново, не доказательство ли это того, что жертвенная кровь была безсильна? Въ замѣну этихъ постоянныхъ жертвоприношеній, Іисусъ принесъ свою единственную жертву, дѣлающую другія не нужными. Такимъ образомъ, о жертвѣ во искупленіе грѣховъ нѣтъ больше и рѣчи.

Авторъ весь поглощенъ тревогой, опасеніемъ за Церковь, окруженную опасностью; онъ видитъ передъ собою будущее, исключительно переполненное казнями; передъ его умственнымъ взоромъ возстаютъ пытки, которыя выстрадали пророкъ и мученики Антіохіи. У нѣкоторыхъ вѣра ослабла. Къ нимъ авторъ относится чрезвычайно строго: «невозможно—однажды просвѣщенныхъ, и вкусившихъ дара небеснаго, и содѣлавшихся причастниками Духа Святаго, и вкусившихъ благаго глагола Божія и силъ будущаго вѣка, и отпадшихъ, опять обновлять покаяніемъ, когда они снова распинаютъ въ себѣ Сына Божія и ругаются Ему. Земля, пившая многократно сходящій на нее дождь и произращающая злакъ, полевный тѣмъ, для которыхъ и воздѣлывается, получаетъ благословеніе отъ Бога; а производящая тернія и волчцы—негодна и близка къ проклятію, котораго конецъ — сожженіе. Впрочемъ о васъ, возлюбленные, мы надѣемся, что вы въ лучшемъ состояніи и держитесь спасенія, хотя и говоримъ такъ. Ибо не неправеденъ Богъ, что забылъ дѣло ваше и трудъ любви, которую вы оказали во имя Его, послуживши и служа святымъ. Желаемъ же, чтобы каждый изъ васъ, для совершенной увѣренности въ надеждѣ, оказывалъ такую же ревность до конца; дабы вы не облѣнились, но подражали тѣмъ, которые вѣрою и долготерпѣніемъ наслѣдуютъ обѣтованія». (Евр. VI, 4 и сл.

Нѣкоторые вѣрные стали даже пренебрегать хожденіемъ въ церковь на собранія. Апостолъ заявляетъ, что эти собра-

нія представляютъ сущность христіанства, что тамъ вѣрные другъ друга ободряютъ, поощряютъ къ упованію, наблюдаютъ другъ за другомъ, и что надо тѣмъ болѣе усердно ходить на нихъ, что приближается день конечнаго пришествія.

Ибо, если мы, получивши познаніе истины, произвольно грѣшимъ, то не остается болѣе жертвы за грѣхи, но нѣкое страшное ожиданіе суда и ярость огня, готоваго пожрать противниковъ. Страшно впасть въ руки Бога живаго! (Евра X, 26 и *сл.*). Вспомните прежніе дни ваши, когда вы, бывши просвѣщены, выдержали великій подвигъ страданій, то сами среди поношеній и скорбей, служа зрѣлищемъ для другихъ, то принимая участіе въ другихъ, находившихся въ такомъ же состояніи; ибо вы и моимъ узамъ сострадали, и расхищеніе имѣнія вашего приняли съ радостью, зная, что есть у васъ на небесахъ имущество лучшее и непреходящее. Итакъ не оставляйте упованія вашего, которому предстоитъ великое воздаяніе. Терпѣніе нужно вамъ, чтобы, исполнивши волю Божію, получить обѣщанное; ибо еще немного, очень немного, и Грядущій пріидетъ и не умедлитъ".

Вѣра заключаетъ въ себѣ все поведеніе христіанина. Вѣра есть осуществленіе ожидаемаго и увѣренность въ невидѣнномъ. Въ *ней* создались великіе люди древняго закона, которые умерли, не обрѣвъ обѣщаннаго, а только увидѣвъ его издали и оказавъ ему почтеніе, и которые признавали, что они странники и пришельцы на землѣ и ищутъ отечества лучшаго, т. е. небеснаго, котораго они не находили. При этомъ случаѣ авторъ приводитъ въ примѣръ Авеля, Еноха, Ноя, Авраама, Сару, Исаака, Іакова, Іосифа, Моисея, Раавь блудницу.

„И что еще скажу? Недостанетъ мнѣ времени, чтобы повѣствовать о Гедеонѣ, о Варакѣ, о Самсонѣ и Іефтаѣ, о Давидѣ, Самуилѣ и другихъ пророкахъ, которые вѣрою побѣждали царства, творили правду, получали обѣтованія, заграждали уста львовъ, угашали силу огня, избѣгали острія меча, укрѣплялись отъ немощи, были крѣпки на войнѣ, прогоняли полки чужихъ; жены получали умершихъ своихъ воскресшими; иные же замучены были, не принявши освобожденія, дабы получить лучшее воскресеніе; другіе испытали поруганія и побои, а также узы и темницу, были побиваемы камнями, перепиливаемы, подвергаемы пыткѣ, умирали отъ меча, скитались въ милотяхъ и козьихъ кожахъ, терпя недостатки, скорби, озлобленія; тѣ, которыхъ весь міръ не былъ достоинъ, скитались

по пустынямъ и горамъ, по пещерамъ и ущельямъ земли все сіи, свидѣтельствованные въ вѣрѣ, не получили обѣщ наго, потому что Богъ предусмотрѣлъ о насъ нѣчто лучш дабы они не безъ насъ достигли совершенства. Посему и имѣя вокругъ себя такое облако свидѣтелей, свергнемъ себя всякое бремя и запинающій насъ грѣхъ, и съ терпѣні будемъ проходить предлежащее намъ поприще, взирая на чальника и совершителя вѣры, Іисуса, Который, вмѣсто пр лежавшей Ему радости, претерпѣлъ крестъ и возсѣлъ од ную престола Божія. Помыслите о Претерпѣвшемъ такое на Собою поруганіе отъ грѣшниковъ, чтобы вамъ не изнемо и не ослабѣть душами вашими. Вы еще не до крови сраж лись, подвизаясь противъ грѣха".

Авторъ объясняетъ затѣмъ исповѣдникамъ, что испыт ваемыя ими муки являются не наказаніями, а должны прин маться какъ отеческое исправленіе, какъ отецъ учитъ сы своего, и что эти муки суть залогъ любви его. Онъ приз ваетъ ихъ остерегаться легкомысленныхъ душъ, которыя, п примѣру Исава, готовы отдать небесныя блага въ обмѣнъ н земную преходящую выгоду. Въ третій разъ авторъ возвра щается къ своей любимой мысли, что изъ паденія, истор нувшаго вѣрующаго изъ христіанства, возврата нѣтъ. И Исав тоже старался возвратить себѣ отеческое благословеніе; н стенанія и сожалѣнія его были безплодны. Отсюда можн заключить, что во время гоненія 64-го года оказалось нѣ сколько малодушныхъ отступниковъ, которые впослѣдстві выразили желаніе возвратиться въ лоно Церкви. Нашъ ученый находитъ, что ихъ слѣдуетъ отвергнуть. Дѣйствительно, что можетъ сравниться съ ослѣпленіемъ христіанина, сомнѣвающагося или отрекающагося, „приступивши къ горѣ Сіону и ко граду Бога живого, къ небесному Іерусалиму и къ тьмамъ ангеловъ, торжествующему собору Церкви первенцевъ, написанныхъ на небесахъ, и къ судіи всѣхъ, Богу, и ко Христу, и къ духамъ праведниковъ, достигшихъ совершенства, и къ ходатаю Новаго Завѣта Іисусу и къ крови кропленія, говорящей лучше, нежели Авелева?"...

Въ заключеніе Апостолъ напоминаетъ читателямъ о членахъ Церкви, сидѣвшихъ еще въ тюрьмахъ римскихъ властей, и въ особенности о наставникахъ ихъ, которыхъ уже нѣтъ въ живыхъ, о великихъ учителяхъ, проповѣдавшихъ имъ слово Божіе и кончина которыхъ была торжествомъ вѣры.

„Взирайте на кончину ихъ“, и тогда вы окрѣпнете духомъ. Пусть они остерегаются ложныхъ ученій, особенно отъ тѣхъ, которые полагаютъ святость въ безполезныхъ обрядахъ, напримѣръ, въ различіяхъ между предметами пищи. Здѣсь мы снова обрѣтаемъ ученика или друга апостола Павла. По правдѣ сказать, все посланіе представляетъ, подобно всѣмъ посланіямъ Павла, длинный рядъ доказательствъ того, что законъ Моисеевъ Іисусомъ совершенно лишенъ силы. Нести поношеніе Іисуса; уйти изъ міра, ибо въ немъ нѣтъ у вѣрныхъ вѣчнаго града, и стремятся они къ будущему царству; повиноваться духовнымъ главамъ, быть исполненными къ нимъ почтенія, дѣлать такъ, чтобы ихъ обязанности были имъ легки и пріятны, такъ какъ они бдятъ надъ душами и должны давать отчетъ въ нихъ: вотъ все, что нужно дѣлать на практикѣ. Никакое твореніе, быть можетъ, не показываетъ такъ хорошо развитіе мистическаго значенія Іисуса, которое мало-по-малу исключительно овладѣваетъ христіанской мыслью. Не только Іисусъ есть *Логосъ*, создавшій міръ, но кровь Его есть всеобщая умилостивительная жертва, печать Новаго Завѣта.

Авторъ такъ увлекается Іисусомъ, что изъ за желанія отыскать его онъ дѣлаетъ ошибки въ чтеніи. Въ его греческой рукописи Псалтири двѣ буквы TI изъ слова Otia въ псалмѣ XL (XXXIX) ст. 6, были немного неясны; ему показалось, что тамъ написано M, а такъ какъ предыдущее слово кончается буквой S, онъ прочелъ это слово Soma, и такимъ образомъ получилъ прекрасный смыслъ въ мессіаническомъ духѣ: «жертвы и приношенія ты не восхотѣлъ, но тѣло уготовалъ мнѣ. Тогда я сказалъ: вотъ иду»...

Странная вещь! смерть Іисуса въ школѣ Павла пріобрѣтала такимъ образомъ больше значенія, чѣмъ его жизнь. Поученія Генисаретскаго озера мало занимали эту школу, да она, повидимому, совсѣмъ и незнакома была съ ними; на первомъ планѣ для нея стояла жертва Сына Божія, приносящаго себя ради искупленія мірового грѣха. Это, безусловно, странный взглядъ, и этотъ взглядъ впослѣдствіи, будучи во всѣхъ подробностяхъ принятъ кальвинистами, долженъ былъ заставить христіанское богословіе значительно отклониться отъ первоначальныхъ евангельскихъ идеаловъ. Синоптическія Евангелія,--дѣйствительно божественная часть христіанскаго ученія,—не принадлежатъ къ твореніямъ школы Павла. Какъ мы вскорѣ убѣдимся, они созрѣли въ той кроткой и тѣсной семьѣ,

которая въ Іудеѣ сохраняла еще вѣрныя воспоминанія о жизн и личности Іисуса.

Но что замѣчательнѣе всего въ исторіи происхождені христіанства, такъ это то, что тѣ, кто наиболѣе упрям препятствовали его развитію, какъ разъ и были тѣми, кто больше всего сдѣлалъ для распространенія его. Въ исторіи религіозной эволюціи человѣчества посланіе къ Евреямъ знаменуетъ окончательное исчезновеніе жертвоприношенія, т. е. того, что до сихъ поръ составляло самую существенную часть религіи. Для первобытнаго человѣка богъ является всемогущимъ существомъ, которое нужно умиротворить или подкупить. Причина жертвоприношенія лежала въ страхѣ или въ выгодѣ. Чтобы привлечь на свою сторону бога, ему предлагался даръ, который можетъ смягчить его: хорошій кусокъ говядины, лучшій жиръ, чашу Soma или вина. Несчастья, болѣзни почитались ударами разгнѣваннаго бога, и люди думали, что замѣнивъ угрожаемыхъ лицъ другими, можно отвлечь отъ нихъ гнѣвъ верховнаго существа; быть можетъ, говорили они себѣ, богъ удовольствуется животнымъ, разъ оно чистое, полезное и здоровое. О богѣ судили, предполагая въ немъ человѣческія свойства; какъ еще въ настоящее время въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Востока и Африки туземецъ надѣется пріобрѣсти благосклонность иностранца тѣмъ, что убьетъ у его ногъ барана такъ, чтобы кровь послѣдняго стекала на его сапоги, мясо же этого барана идетъ въ пищу тому же иностранцу; точно также люди думали, что и сверхъестественное существо не могло остаться нечувствительнымъ къ дару какого нибудь предмета, въ особенности если ради принесенія этого дара человѣкъ, приносившій жертву, лишалъ чего нибудь себя самого. До великаго видоизмѣненія взглядовъ на пророчество въ VIII вѣкѣ до Р. Х. идея жертвоприношенія у евреевъ стояла немного выше, чѣмъ у другихъ народовъ. Новая эпоха начинается съ Исаіей, восклицающимъ во имя Іеговы: „ваши жертвы противны мнѣ! что мнѣ до вашихъ козъ и козловъ!?“. Въ тотъ день, когда Исаія (около 742 г. до Р. Х.) написалъ эти удивительныя слова, онъ сталъ истиннымъ основателемъ христіанства. Въ этотъ день было рѣшено, что изъ двухъ волшебныхъ профессій, оспаривавшихъ другъ у друга почитаніе древнихъ племенъ; изъ наслѣдственныхъ жрецовъ, совершавшихъ жертвоприношенія, и волшебниковъ, независимыхъ, свыше одушевленныхъ людей, которыхъ

почитали хранителями божественныхъ тайнъ, впредь будетъ рѣшать будущія судьбы религіи вторая профессія. Волшебники семитическихъ племенъ, *наби*, превратились въ „пророковъ", въ священныхъ трибуновъ, посвятившихъ себя прогрессу соціальной справедливости, и въ то время, какъ жертвоприноситель—священникъ продолжалъ восхвалять дѣйствительность бойни, которая ему была выгодна, пророкъ осмѣлился провозгласить, что истинный Богъ гораздо больше озабоченъ справедливостью и милосердіемъ, чѣмъ всѣми быками, какіе существуютъ на свѣтѣ. Однако жертвоприношенія, будучи освящены древними обрядами, отъ престижа которыхъ не легко было избавиться, и представляя выгоду для священниковъ, остались закономъ для стараго Израиля. Около того времени, о которомъ идетъ у насъ рѣчь, еще до разрушенія третьяго храма, значеніе этихъ обрядовъ упало. Разсѣяніе евреевъ имѣло слѣдствіемъ то, что функціи, исполнять которые можно было только въ Іерусалимѣ, стали считаться чѣмъ то второстепеннымъ. Филонъ провозгласилъ, что культъ состоитъ прежде всего изъ благочестивыхъ пѣснопѣній, которыя пѣть нужно скорѣе сердцемъ, нежели устами; онъ рѣшился сказать, что такія молитвы имѣютъ больше цѣны, чѣмъ жертвоприношенія. Эссенійцы исповѣдывали то же ученіе. Апостолъ Павелъ въ посланіи къ Римлянамъ заявляетъ, что религія есть культъ чистаго разума. Посланіе къ Евреямъ развивало теорію, по которой Іисусъ является истиннымъ первосвященникомъ, и смерть его была жертвой, отнимающей значеніе у всѣхъ остальныхъ жертвъ; этимъ былъ нанесенъ окончательный ударъ кровавымъ жертвоприношеніямъ. Христіане, даже еврейскаго происхожденія, все болѣе и болѣе переставали считать себя обязанными приносить жертвы по Закону, или если и снисходили къ исполненію послѣдняго, то шли на это, какъ на уступку. Появляется уже, хотя пока еще далеко, въ туманѣ, та идея, которой предстояло вызвать къ существованію обѣдню, то вѣрованіе, что жертва Іисусова возобновляется въ литургіи.

ГЛАВА X.

Возстаніе въ Іудеѣ.

Возбужденное состояніе христіанскихъ умовъ вскорѣ осложнилось событіями въ Іудеѣ. Событія эти, казалось, подтверждали видѣнія самыхъ неуравновѣшенныхъ людей. Всѣмъ еврейскимъ народомъ овладѣлъ лихорадочный припадокъ, который можно сравнить только съ тѣмъ, что овладѣлъ Франціей во время революціи или Парижемъ въ 1871 году. *Эти* „сверхъестественные недуги", отъ которыхъ отказалась древняя медицина, стали, казалось, обычнымъ состояніемъ еврейскаго народа. Наблюдая ихъ, можно было бы заключить, что они пошли на все и хотятъ превзойти все человѣчество неистовствами. Впродолженіи четырехъ лѣтъ странное племя, которое кажется созданнымъ для того, чтобы приводить въ отчаяніе и благославляющихъ, и клянущихъ его, находилось въ состояніи непрерывной конвульсіи, при видѣ которой историку, колеблющемуся между чувствами ужаса и восторга, приходится остановиться съ тѣмъ чувствомъ уваженія, которое вызываетъ все таинственное и непонятное.

Причины этого кризиса крылись въ древности, и онъ былъ неизбѣженъ. Моисеевъ законъ,—произведеніе восторженныхъ мечтателей, погруженныхъ въ мощныя соціалистическія мечты, — мечты, наименѣе годны для человѣческой политики,—подобно Исламу, исключалъ возможность существованія наряду съ религіознымъ гражданскаго общества. Законъ этотъ, настоящая редакція котораго установилась, повидимому, въ VII вѣкѣ до Рожд. Хр., даже и независимо отъ ассирійскаго завоеванія взорвалъ бы на воздухъ маленькое царство потомковъ Давида. Съ тѣхъ поръ, какъ первенствующее значеніе получилъ элементъ пророческій, Іудейское царство, поссорившись со всѣми сосѣдями, питая неугасимую ненависть къ Тиру, въ постоянной враждѣ съ Эдомомъ, Моабомъ и Аммономъ, не было уже жизнеспособно. Всякій народъ, посвящающій себя разрѣшенію религіозныхъ и соціальныхъ задачъ, губитъ себя тѣмъ самымъ политически. Въ тотъ день, когда Израиль сталъ „удѣломъ Божі[illegible]твомъ священниковъ и народомъ святыхъ" (Исходъ-

XIX, 5—6), въ судьбахъ его было начертано, что онъ уже не будетъ походить на другіе народы. Нельзя соединять противоположности; и возвышеніе всегда предшествуетъ паденію.

Владычество Ахеменидовъ дало Іудеѣ немного отдохнуть. Это великое феодальное государство, терпимое ко всѣмъ своимъ разнообразнымъ провинціямъ, весьма схожее съ Багдадскимъ халифатомъ и съ оттоманской имперіей, оказалось тѣмъ, на лонѣ котораго евреямъ стало всего удобнѣе жить. Господство Птоломеевъ въ III вѣкѣ до Рожд. Хр. тоже, повидимому, не было имъ ненавистно. Не то было съ Селевкидами. Антіохія стала центромъ дѣятельной эллинической пропаганды; Антіохъ Эпифанъ считалъ своимъ долгомъ всюду устанавливать, въ знакъ своего владычества, изображеніе Юпитера Олимпійца. Тогда-то вспыхнуло первое еврейское возмущеніе противъ языческой цивилизаціи. Израиль терпѣливо выносилъ прекращеніе своего политическаго существованія съ временъ Навуходоносора. Но когда онъ узрѣлъ въ опасности свои религіозныя учрежденія, онъ потерялъ всякое чувство мѣры. Народностью, вообще говоря, мало склонной къ войнѣ, овладѣлъ припадокъ героизма; безъ регулярныхъ войскъ, безъ полководцевъ, безъ опредѣленнаго плана дѣйствій, она побѣдила Селевкидовъ, отстояла свыше данныя права и положила начало новой эрѣ независимости. Однако, асмонейское царство непрерывно подтачивали крупные скрытые недостатки, и оно не просуществовало болѣе ста лѣтъ. Судьба не судила еврейскому народу образовать отдѣльное государство; народъ этотъ вѣчно мечтаетъ о чемъ-нибудь интернаціональномъ; его идеаломъ было не государство, а синагога, свободная община. То же самое было и съ исламомъ, который создалъ огромное царство, но уничтожилъ всякое національное чувство у народовъ, подпавшихъ подъ его иго, и не оставилъ имъ никакого отечества, кромѣ мечети и *зауіи*.

Часто къ такому общественному строю примѣняютъ названіе теократіи; это правильно, если этимъ хотятъ сказать, что основной идеей семитическихъ религій и созданныхъ послѣдними державъ является Царство Божіе, причемъ Богъ считается единымъ владыкой вселенной и всемірнымъ главой; но теократія у этихъ народовъ не равносильна господству священниковъ. Самое священство играетъ въ исторіи еврейства и магометанства незначительную роль. Власть принадлежитъ

представителю Божіему, тому, котораго Богъ вдохновляетъ, пророку, праведнику, предуказанному съ неба и доказывающимъ это чудесами или успѣхомъ въ предпріятіяхъ. За отсутствіемъ пророковъ власть переходитъ къ составителямъ откровеній и апокрифическихъ книгъ, приписываемыхъ древнимъ пророкамъ, или же къ ученому, толкующему божескій Законъ, къ главѣ синагоги, а еще болѣе того,—къ главѣ семьи, который блюдетъ Законъ и передаетъ его своимъ дѣтямъ. При такомъ общественномъ строѣ на долю свѣтской власти, царя, остается немного. Лучше всего онъ функціонируетъ тогда, когда лица, его принимающія, разсѣяны, на положеніи иноземцевъ, въ большомъ государствѣ, не основанномъ на принципѣ единства. Въ природѣ іудейства лежитъ склонность къ подчиненію, уже по одному тому, что оно неспособно сродниться съ принципомъ военной власти. То-же самое замѣчается въ наши дни у Грековъ; греческія общины въ Тріестѣ, Смирнѣ, Константинополѣ живутъ куда лучше, чѣмъ маленькое Греческое королевство, ибо въ этихъ общинахъ не имѣется необходимости ни въ какой политической агитаціи, въ которой пылкая народность, слишкомъ рано получившая свободу, неминуемо находитъ свою гибель.

Римское владычество, установленное въ Іудеѣ въ 63 году до Рождества Христова войсками Помпея, вначалѣ, казалось, осуществило нѣкоторыя необходимыя условія еврейской жизни. Римъ въ эту эпоху не почиталъ необходимымъ ассимилировать себѣ всѣ страны, которыя онъ послѣдовательно присоединялъ къ своей обширной имперіи. Онъ отнималъ у нихъ право объявленія войны и заключенія мира, и присваивалъ себѣ только направленіе рѣшенія крупныхъ политическихъ вопросовъ. Во время царствованія выродившихся остатковъ асмонейской династіи и Иродовъ еврейскій народъ сохранялъ ту полунезависимость, которая, казалось, должна была-бы удовлетворить его, такъ какъ при ней не затрагивался его религіозный строй. Но внутренній кризисъ народа былъ слишкомъ ужъ силенъ. Человѣкъ, перейдя извѣстную степень религіознаго фанатизма, становится неспособнымъ къ подчиненію власти. Нельзя не замѣтить сверхъ того, что Римъ непрестанно стремился къ болѣе полному осуществленію своей власти на Востокѣ. Маленькія вассальныя царства, которыя прежде ему удавалось удержать подъ собою, съ каждымъ днемъ таяли, переходя обратно къ полной независи-

мости. Съ 6 года по Рожд. Христ. Іудеей управляли прокураторы, подчиненные императорскому легату въ Сиріи, наряду съ властью которыхъ, паралельно дѣйствовала власть Иродовъ. Невозможность сохраненія такого порядка съ каждымъ днемъ становилась яснѣе. На Иродовъ на Востокѣ мало кто смотрѣлъ, какъ на истинныхъ патріотовъ и религіозныхъ людей. Римскіе административные обычаи, даже самые разумные, были Евреямъ ненавистны. Римляне вообще оказывали много снисхожденія щепетильнымъ религіознымъ чувстамъ евреевъ; но этого было мало; дѣло дошло до того, что ничего нельзя было предпринять, не затрагивая какого-нибудь каноническаго вопроса. Такія цѣльныя религіи, какъ еврейство или исламъ, не терпятъ серединки. Если онѣ не царствуютъ, тогда онѣ говорятъ, что терпятъ гоненіе. Если онѣ чувствуютъ, что имъ покровительствуютъ, онѣ становятся требовательными и стараются сдѣлать невозможнымъ существованіе другихъ религій, существующихъ рядомъ съ ними. Это ясно видно на примѣрѣ Алжира, гдѣ евреи, зная, что власти относятся къ нимъ благосклоннѣе, чѣмъ къ мусульманамъ, обращаются съ послѣдними невыносимо и постоянно надоѣдаютъ властямъ своими жалобами.

Конечно, мы охотно вѣримъ, что въ томъ вѣковомъ опытѣ совмѣстной жизни римлянъ и евреевъ, который привелъ къ такой страшной катастрофѣ, вина была обоюдная. Иные прокураторы были людьми нечестными; другіе были, можетъ быть, грубыми и показывали нетерпимость къ религіи, которая ихъ сердила и будущее которой было имъ непонятно. Надо было быть совершенствомъ, чтобы та ограниченность, высокомѣріе, враждебность къ греческой и римской цивилизаціи, недоброжелательность ко всему человѣческому роду,—всѣ эти свойства, которыя поверхностные наблюдатели считали непремѣнными чертами характера евреевъ,—не вызывали-бы раздраженія. Да и что могъ думать администраторъ о населеніи, которое вѣчно жаловалось на него императору и интриговало противъ него даже тогда, когда онъ во всемъ былъ совершенно правъ? На чьей сторонѣ лежитъ первоначальная вина этой страшной ненависти, которая вотъ уже болѣе двухъ тысячъ лѣтъ отдѣляетъ еврейскій народъ отъ остальнаго міра? Такъ вопроса ставить нельзя. Въ такомъ дѣлѣ все является дѣйствіемъ и противодѣйствіемъ, причиной и слѣдствіемъ. Исключеніе евреевъ изъ общества, цѣпи, которыми

пиралось гетто, особый костюмъ,—все это вещи несправедливыя; но кто первый пожелалъ ввести ихъ? Тѣ, кто считалъ, что соприкосновенiе съ язычниками оскверняетъ ихъ, кто искалъ отдѣленiя отъ нихъ, образованiя особой общины. Цѣпи создалъ фанатизмъ и онѣ-же фанатизмъ удвоили. Ненависть порождаетъ ненависгь, и выйти изъ этого заколдованнаго круга можно только одимъ путемъ: искоренить причину ненависти, ту оскорбительную обособленность, которой секты сначала сами желаютъ, и которая впослѣдствiи превращается для нихъ въ позорное клеймо. По отношенiю къ iудейству современная Францiя вопросъ разрѣшила. Уничтоживъ всѣ законодательныя преграды, окружавшiя еврея, она избавила еврейство отъ всего, что было въ немъ узкаго и исключительнаго, т. е. отъ его обособленныхъ быта и жизни, настолько, что еврейская семья, переселившись въ Парижъ, во второмъ и третьемъ поколѣнiи почти совершенно перестаетъ жить еврейской жизнью.

Было бы несправедливо упрекать римлянъ перваго вѣка въ томъ, что они поступали иначе. Между римской имперiей и правовѣрнымъ еврействомъ существовала непримиримая вражда, и чаще всего дерзкими, задорными, нападающими были именно евреи. Идея общаго права народовъ, — идея, которая была существенной чертой римскаго ума,—была антипатична всѣмъ, кто строго соблюдалъ Тору. Нравственныя потребности ихъ совершенно противорѣчили всему, что составляетъ характеръ общества, чисто свѣтскаго, безъ всякой примѣси теократiи, а именно такимъ и было римское общество. Римъ основалъ государство; еврейство основало Церковь. Римъ создалъ языческое и рацiоналистическое правленiе; евреи создали царство Божiе. Борьба между этой узкой, но плодотворной теократiей, и самымъ громкимъ провозглашенiемъ принципа свѣтскости государства, какое только имѣло когда либо мѣсто въ исторiи, была неизбѣжна. У евреевъ было свое право, основанное на совершенно отличныхъ отъ римскаго основанiяхъ и противорѣчащее римскому праву по существу. До того, какъ ихъ жестоко унизили, они не въ состоянiи были довольствоваться одной только терпимостью, считая, что они обладаютъ словомъ Предвѣчнаго, тайнымъ искусствомъ образованiя справедливаго государства. Положенiе у нихъ было такое же, какъ теперь у алжирскихъ мусульманъ. Несмотря на то, что наше общество

стоитъ неизмѣримо выше ихъ, оно внушаетъ имъ одно лишь отвращеніе. Ихъ откровенный законъ, одновременно и свѣтскій и религіозный, преисполняетъ ихъ гордостью и дѣлаетъ ихъ неспособными подчиниться законодательству философскому, основанному на одномъ только знаніи отношеній людей между собой. Къ этому еще надо добавить глубокое невѣжество, мѣшающее фанатичнымъ сектамъ отдавать себѣ ясный отчетъ въ могуществѣ цивилизованнаго міра, и ослѣпленіе относительно исхода войнъ, легкомысленно ими предпринимаемыхъ.

Было еще одно обстоятельство, сильно содѣйствовавшее тому, что Іудея постоянно питала вражду къ имперіи; я говорю о томъ, что евреи не принимали участія въ военной службѣ. Въ другихъ провинціяхъ легіоны повсюду составлялись изъ туземцевъ, и вотъ почему римляне, не смотря на небольшое количество войска, удерживали въ своихъ рукахъ огромное пространство. Римскій солдатъ и населеніе страны оказывались соотечественниками. Въ Іудеѣ этого не было. Занимавшіе страну легіоны набирались по большей части въ Цезареѣ и Себастѣ, городахъ, враждебныхъ еврейству. Отсюда невозможность какого бы то ни было соглашенія между войскомъ и народомъ. Римскія силы въ Іерусалимѣ принуждены были держаться въ своихъ укрѣпленіяхъ и находились постоянно какъ бы въ осадномъ положеніи.

Впрочемъ, слѣдуетъ признать, что не всѣ слои еврейскаго общества питали къ римлянамъ такія чувства. Были исключенія въ видѣ свѣтскихъ людей, подобныхъ Тиверію-Александру, которые стали равнодушными къ своей старой вѣрѣ и которыхъ единовѣрцы считали отступниками; но все остальное еврейское общество относилось къ иноземнымъ властителямъ непріязненно. Однако, далеко не всѣ стремились къ возмущенію. Съ этой точки зрѣнія въ Іерусалимѣ можно было различать четыре или пять партій.

1) Партія саддукеевъ и сторонниковъ Иродовъ, остатки этой династіи и ея приспѣшниковъ, знатныя фамиліи Анны и Боэта, во власти которыхъ было первосвященничество; толпа эпикурейцевъ, невѣрующихъ, думавшихъ лишь объ удовольствіяхъ, которую народъ ненавидѣлъ за ея надменность, за отсутствіе набожности, за богатство; партія эта, по существу своему консервативная, видѣла въ римской оккупаціи гарантію своихъ привилегій и хотя и не любила римлянъ, однако

же рѣшительно противилась какой бы то ни было революціи.

2) Партія фарисейской буржуазіи, состоящая изъ людей честныхъ, разумныхъ, устроенныхъ, спокойныхъ, аккуратныхъ, любящихъ свою религію и строго исполняющихъ ея предписанія, даже набожныхъ, хотя и безъ восторженности, довольно образованныхъ, знакомыхъ съ міромъ чужеземцевъ и отлично понимавшихъ, что революція можетъ привести только къ гибели народа и храма. Представителемъ этого класса населенія, судьба котораго была сходна съ той, которая, кажется, всегда составляетъ участь умѣренныхъ партій въ революціонныя эпохи, т. е. немощность, непостоянство и величайшее огорченіе изъ за того, что большинство считаетъ ихъ предателями, является Іосифъ Флавій.

3) Всякаго рода фанатики, зелоты, убійцы, любопытная толпа восторженныхъ нищихъ, которыхъ несправедливости и насилія саддукеевъ привели въ состояніе крайней нужды, которые смотрѣли на себя, какъ на единственныхъ наслѣдниковъ обѣтованій Израиля, этого „неимущаго", любезнаго Богу; они воспитывались на пророческихъ книгахъ, подобныхъ книгѣ Еноха, на рѣзкихъ откровеніяхъ, увѣрявшихъ, что скоро откроется царство Божіе; люди эти дошли до высшей степени экзальтаціи, о какой только сохранилась въ исторіи память.

4) Разбойники, люди безъ совѣсти, авантюристы, опасная милиція, существованіе которой являлось слѣдствіемъ полной соціальной дезорганизаціи страны; люди эти, по происхожденію большей частью идумейцы и набатеяне, не особенно заботились о религіозныхъ вопросахъ, но охотно помогали всякимъ безпорядкамъ и находились въ естественномъ союзѣ съ партіей фанатиковъ.

5) Благочестивые мечтатели, эссенійцы, христіане, *эбіониты*, спокойно ожидавшіе царства Божія, набожные люди, съ молитвой и слезами группировавшіеся вокругъ храма. Къ ихъ числу принадлежали ученики Іисуса; но въ глазахъ общества значеніе ихъ было такъ мало, что среди факторовъ борьбы Іосифъ Флавій ихъ даже не указываетъ. Сразу видно, что при наступленіи опасности эти праведники способны будутъ только убѣжать. Духъ Іисуса, которому такъ легко было извлечь человѣка изъ свѣта и утѣшить его, не могъ внушить того узкаго патріотизма, который создаетъ убійцъ и героевъ.

Рѣшителями положенія предстояло быть, конечно, фанатикамъ. Демократическая и революціонная сторона іудейства проявлялась въ нихъ необычайнымъ образомъ. Какъ и Іуда Гавлонитъ, они были убѣждены, что всякая власть есть зло, что власть царская есть дѣло Сатаны (теорія, которую властители, подобные Калигулѣ и Нерону, настоящія воплощенія демоновъ, слишкомъ хорошо оправдывали), и готовы были лучше дать изрубить себя въ куски, чѣмъ дать кому нибудь, кромѣ Бога, имя господина. По примѣру Матаѳіи, перваго изъ зелотовъ, увидѣвшаго, какъ еврей приноситъ жертву идоламъ, и убившаго его на мѣстѣ, они мстили за Бога ударами ножа. Имъ достаточно было слышать, что необрѣзанный говоритъ о Богѣ или Законѣ, чтобы они постарались подстеречь его наединѣ, и тогда они предоставляли ему выборъ между обрѣзаніемъ и смертью. Эти исполнители таинственныхъ приговоровъ, которые предавали „въ руки Божіи“, и которые считали своимъ назначеніемъ приводить въ исполненіе грозное наказаніе отлученія отъ Церкви, равносильное постановкѣ внѣ закона и смертному приговору, составляли армію террористовъ, которая кипѣла революціоннымъ пыломъ. Не трудно было заранѣе предвидѣть, что эти люди съ неспокойной совѣстью, неспособные различить своихъ грубыхъ вождѣленій отъ страстей, которыя, по ихъ фанатизму, казались имъ праведными, пойдутъ на всякія крайности и не остановятся ни передъ какимъ безумствомъ.

Въ умахъ царствовала какая то непрекращающаяся галлюцинація; со всѣхъ сторонъ доходили тревожные слухи. Всѣ бредили предзнаменованіями; апокалиптическій оттѣнокъ еврейской фантазіи окрашивалъ все въ цвѣтъ крови. Всѣ со страхомъ разсказывали другъ другу о кометахъ, о мечахъ на небѣ, о сраженіяхъ въ облакахъ, о внезапномъ свѣтѣ, заблиставшемъ ночью въ глубинѣ святилища, о жертвахъ, рождавшихъ во время жертвоприношенія противоестественные плоды. Временами говорили, что огромныя мѣдныя двери храма сами собой открылись и не давали затворить себя. На Пасху, въ 65-мъ году, около трехъ часовъ пополуночи, храмъ въ продолженіе получаса былъ освѣщенъ, какъ днемъ; можно было бы подумать, что онъ горѣлъ изнутри. Въ другой разъ, въ день Пятидесятницы, священники услышали шумъ нѣсколькихъ людей, которые какъ будто дѣлали внутри святилища приготовленія къ переѣзду и говорили другъ другу: „Изыдемъ от-

сюда! Изыдемъ отсюда!“ Все это было поставлено въ связь лишь впослѣдствіи, но сильное броженіе умовъ служило лучшимъ признакомъ того, что готовилось что то необычайное.

Особенно непреодолимую потребность въ волненіяхъ вызывали въ народѣ мессіаническія пророчества. Когда люди присваиваютъ себѣ будущее царство, имъ не легко примириться съ незамѣтной участью. Мессіаническія теоріи сводились для толпы къ пророчеству, которое, какъ говорили, было извлечено изъ Священнаго Писанія и согласно которому около этого времени „долженъ былъ выйти изъ Іудеи царь, которому предстоитъ быть владыкой вселенной“. Съ упорными надеждами спорить нечего; очевидность никоимъ образомъ не можетъ бороться съ химерой, съ которой народъ сроднился всѣми силами своей души.

Около 64-го или начала 65-го года на мѣсто Альбина прокураторомъ Іудеи былъ назначенъ Гессій Флоръ изъ Клазоменъ. Это былъ, повидимому, человѣкъ довольно злой; должностью своей онъ былъ обязанъ вліянію своей жены Клеопатры, подруги Поппеи. Непріязненность между нимъ и евреями достигла скоро высшей степени возбужденности. Евреи стали для него невыносимыми изъ-за ихъ подозрительности, привычки жаловаться на каждый пустякъ и недостатка уваженія, который они показывали гражданскимъ и военнымъ властямъ; но кажется, что и онъ со своей стороны доставлялъ себѣ удовольствіе сердить ихъ и выставлялъ это на показъ. 16-го и 17-го мая 66-го года произошло изъ за довольно пустяшнаго повода столкновеніе между его войсками и Іерусалимлянами. Флоръ удалился въ Цезарею, оставивъ только одну когорту въ башнѣ Антонія. Это былъ крупный промахъ. Вооруженная власть обязана оставить занимаемый ею городъ, въ которомъ разражается народное возстаніе, и предоставить его во властъ неистовствъ революціи, только послѣ того, какъ она истощитъ всѣ средства сопротивленія. Если бы Флоръ остался въ городѣ, то ни мало не вѣроятно, чтобы іерусалимляне одолѣли его, и такимъ образомъ не было бы ни одного изъ послѣдовавшихъ за тѣмъ несчастій. Разъ Флоръ уѣхалъ, то очевидно, что римская армія могла возвратиться въ Іерусалимъ только по путямъ, отмѣченнымъ пожарами и убійствами.

Однако отступленіе Флора далеко не обусловливало открытаго [illegible]я между городомъ и римскими властями. Агриппа

II и Вероника находились въ это время въ Іерусалимѣ. Агриппа добросовѣстно сдѣлалъ все, что могъ, чтобы успокоить умы; къ нему присоединились всѣ умѣренные; для умиротворенія воспользовались даже популярностью Вероники, въ которой воображеніе народное видѣло воскресшую душу прабабки ея, Маріамны Асмонеянки. Въ то время, какъ Агриппа уговаривалъ народъ съ крытой галлереи, принцесса показалась на террассѣ Асмонеевъ, находившейся надъ галлереей. Все было напрасно; разумные люди указывали, что война приведетъ страну къ вѣрной гибели; ихъ объявили маловѣрными. Агриппа, потерявъ энергію или испугавшись, оставилъ городъ и удалился въ свои имѣнія въ Батанеѣ. Сейчасъ же отрядъ изъ наиболѣе горячихъ возстанцевъ выступилъ и овладѣлъ врасплохъ крѣпостью Мазадой, расположенной на берегу Мертваго моря, въ двухъ дняхъ пути отъ Іерусалима и почти неприступной.

Это было уже очевидное враждебное дѣйствіе. Въ Іерусалимѣ возгоралась съ каждымъ днемъ болѣе оживленная борьба между сторонниками мира и сторонниками войны. Партія первыхъ состояла изъ богачей, которые при переворотѣ потеряли бы все; послѣдняя, кромѣ искреннихъ энтузіастовъ, заключала въ себѣ еще ту массу пролетаріевъ, для которыхъ состояніе національнаго кризиса, измѣняя обычныя условія жизни, весьма выгодно. Умѣренные опирались на маленькій римскій гарнизонъ, засѣвшій въ башнѣ Антонія. Первосвященникомъ былъ человѣкъ неизвѣстный, Матіасъ, сынъ Өеоөила. Со времени удаленія Анны младшаго, предавшаго смерти Іакова, была очевидно принята система такого рода, что первосвященника уже не избирали изъ могущественныхъ священническихъ семействъ Анны, Панферы, Боэтовъ. Но истиннымъ главою священнической партіи былъ прежній первосвященникъ Ананія, сынъ Неведеевъ, человѣкъ богатый, энергическій и мало популярный изъ за безжалостной строгости, съ которой онъ осуществлялъ свои права. Въ особенности же его ненавидѣли за дерзость и алчность его слугъ. По одной изъ странныхъ случайностей, какія нерѣдко имѣютъ мѣсто въ революціонныя времена, главою партіи дѣятельныхъ революціонеровъ оказался какъ разъ Еліазаръ, сынъ этого самаго Ананіи. Онъ занималъ важную должность коменданта храма. Его религіозная экзальтація повидимому была искренней. Доведя до крайности принципъ, по которому жертвы

могли приноситься только евреями и для евреевъ, онъ заставилъ упразднить молитвословія за императора и за благоденствіе Рима. Вся молодежь была преисполнена пыломъ. Одной изъ чертъ фанатизма, внушаемаго семитическими религіями, является то, что этотъ фанатизмъ живѣе всего проявляется у молодыхъ людей. Члены старинныхъ священническихъ семействъ, фарисеи, люди разумные и основательные ясно видѣли опасность; были выставлены впередъ пользовавшіеся авторитомъ ученые, устроены были совѣщанія съ раввинами, составлены были выписки изъ каноническихъ законовъ, но все это было напрасно; ибо было уже очевидно, что низшее духовенсто уже стоитъ за-одно съ фанатиками и Еліазаромъ.

Высшее духовенство и аристократія, отчаиваясь въ томъ, что имъ удастся что либо подѣлать съ народными массами, отданными во власть самымъ поверхностнымъ мечтаніямъ, послали ко Флору и къ Агриппѣ просить ихъ какъ можно скорѣе явиться и подавить возстаніе, указывая на то, что въ непродолжительномъ времени будетъ уже поздно. Флору, по мнѣнію Іосифа, желательна была опустошительная война, въ результатѣ которой исчезла бы съ лица земного шара вся еврейская нація; и онъ благоразумно воздержался отъ отвѣта. Агриппа послалъ партіи порядка корпусъ изъ трехъ тысячъ арабскихъ всадниковъ. Съ этими всадниками партія порядка заняла возвышенную часть города (современные армянскій и еврейскій кварталы). Революціонная партія занимала долинную часть города и храмъ (современные мусульманскій, могарибскій и гарамскій кварталы). Между обѣими частями города завязалась настоящая война. 14-го августа революціочеры подъ командой Еліазара и Менахема, сына того Іуды Гавлонита, который шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ впервые взбунтовалъ евреевъ, проповѣдуя имъ, что истинный поклонникъ Бога не долженъ признавать никакого человѣка начальствомъ, ворвались во возвышенную часть города, и сожгли домъ Ананіи и дворцы Агриппы и Вероники. Всадники Агриппы, Ананія, братъ послѣдняго и всѣ именитые граждане, которымъ удалось съ ними соединиться, укрылись въ самой высокой части дворца Асмонеевъ.

На слѣдующій день послѣ этого успѣха бунтовщики напали на башню Антонія; черезъ два дня они взяли ее приступомъ и подожгли ее. Вслѣдъ затѣмъ они осадили высокій дворецъ и заставили его сдаться (6-го сентября), Всадникамъ

Агриппы предоставлено было безпрепятственно удалиться. Что касается до римлянъ, то они заперлись въ трехъ башняхъ, носящихъ имена Гиппика, Фазаэля и Маріамны. Ананія и братъ его были убиты. Какъ и всегда при народныхъ движеніяхъ, въ непродолжительномъ времени между главами партіи побѣдителей поселился раздоръ. Менахемъ сталъ невыносимымъ въ виду своей надменности выскочки-демократа. Еліазаръ, сынъ Ананіинъ, безъ сомнѣнія раздраженный убійствомъ отца, прогналъ и убилъ Менахема; остатки партіи послѣдняго спаслись въ Мазаду, которая съ этого времени и оставалась до конца войны оплотомъ самыхъ ревностныхъ фанатиковъ.

Римляне долго защищались въ своихъ башняхъ. Доведенные до крайности, они стали молить только о сохраненіи имъ жизни. Это было имъ обѣщано; но какъ только они сдали оружіе, Еліазаръ велѣлъ убить всѣхъ ихъ, за исключеніемъ Метилія, начальника когорты, обѣщавшаго дать себя обрѣзать. Такимъ образомъ римляне въ концѣ сентября 66-го года потеряли Іерусалимъ, немногимъ болѣе, чѣмъ черезъ сто лѣтъ послѣ взятія его Помпеемъ. Римскій гарнизонъ Махеронскаго замка, опасаясь, что ему отрѣжутъ отступленіе, сдался. Кипрская крѣпость, расположенная надъ Іерихономъ, вслѣдъ за тѣмъ также перешла въ руки бунтовщиковъ. Весьма возможно, что и Геродіумъ былъ занятъ ими около того же времени. Слабость, которую показали римляне во всѣхъ этихъ столкновеніяхъ, очень удивительна и сообщаетъ нѣкоторое вѣроятіе мнѣнію Іосифа, согласно которому планъ Флора состоялъ въ томъ, чтобы довести положеніе вещей до крайности. Правда и то, что первые порывы революцій всегда сопряжены съ такимъ увлеченіемъ, что удержать ихъ очень трудно, и что благоразумные умы предпочитаютъ оставить ихъ въ покоѣ до тѣхъ поръ, пока они не пройдутъ сами собою.

За пять мѣсяцевъ возстанію удалось укрѣпиться необычайно. Не только въ его рукахъ былъ Іерусалимъ, но черезъ посредство Іудейской пустыни оно находилось въ сношеніи съ областью Мертваго моря, всѣ крѣпости которой находились въ его власти; отсюда она сообщалась съ арабами, съ набатеянами, т. е. болѣе или менѣе съ врагами Рима. Іудея, Идумей, Перей, Галилея стояли за одно съ возстанцами. А въ Римѣ въ это время низкій государь отдавалъ власть управ-

ленія людямъ, самымъ отвратительнымъ и наименѣе къ ней способнымъ. Если-бы евреямъ удалось сплотить вокругъ себя всѣхъ недовольныхъ на Востокѣ, то римскому владычеству въ этихъ странахъ наступилъ бы конецъ; но, къ несчастію для нихъ, результатъ оказался совершенно противоположный; ихъ возмущеніе вызвало со стороны народностей Сиріи удвоенную вѣрность имперіи. Ненависть, которую они внушили своимъ сосѣдямъ, имѣла то слѣдствіе, что во время кажущейся дремы римской мощи передъ ними оказались другіе враги, но не менѣе для нихъ опасные, чѣмъ римскіе легіоны.

ГЛАВА XI.

Избіенія въ Сиріи и Египтѣ.

И въ самомъ дѣлѣ, казалось, что въ это время пронесся по Востоку какой то общій лозунгъ, возбуждая всюду страшныя избіенія евреевъ. Несовмѣстимость еврейской и грекоримской жизни все болѣе и болѣе обострялась. Одна раса хотѣла истребить другую; онѣ, казалось, не хотѣли знать пощады. Чтобы понять эту борьбу, нужно знать, до какой степени іудейство охватило всю восточную часть римской имперіи. „Они захватили всѣ города, говоритъ Страбонъ, и трудно назвать мѣсто на землѣ, гдѣ бы не было этого племени или, лучше сказать, которымъ оно не завладѣло бы. Египетъ, Киренаика, много другихъ странъ переняли ихъ нравы, тщательно соблюдаютъ заповѣди ихъ и извлекаютъ большія выгоды изъ принятія ихъ національныхъ обычаевъ. Въ Египтѣ имъ разрѣшено жить на законномъ основаніи, и имъ предоставлена большая часть города Александріи; тамъ у нихъ свой этнархъ, который управляетъ ихъ дѣлами, творитъ правосудіе, наблюдаетъ за исполненіемъ договоровъ и завѣщаній, какъ будто бы онъ былъ главою независимаго государства". Такое сосѣдство двух[illegible]ъ, столь же противоположныхъ, какъ огонь и вод[illegible] вызвать самаго ужаснаго взрыва.

Нѣтъ основаній подозрѣвать римское правительство въ подстрекательствѣ; такая же рѣзня произошла и у пароянъ, положеніе и интересы которыхъ были совершенно отличными отъ западныхъ. Въ томъ слава Рима, что онъ утвердилъ свою власть на основахъ мира, искорененія мѣстныхъ войнъ, и что онъ никогда не управлялъ тѣми отвратительными способами, которые составляютъ политическій секретъ Турецкой имперіи и состоятъ въ возбужденіи одной части жителей противъ другой въ странахъ со смѣшаннымъ населеніемъ. Что касается до религіозныхъ погромовъ, то римляне были очень далеки отъ мысли о нихъ; чуждый всякаго богословія, римлянинъ не понималъ смысла секты и не допускалъ раскола изъ такой малости, какъ умозрительныя представленія. Недоброжелательство къ евреямъ было, къ тому же, въ древнемъ мірѣ такимъ общимъ явленіемъ, что не было никакой надобности поощрять его. Это недоброжелательство представляетъ одно изъ тѣхъ средостѣній, которыхъ, можетъ быть, никогда не разрушитъ человѣчество. Оно зиждется на чемъ то большемъ, нежели расовыя различія; это—ненависть между различными человѣческими занятіями, между человѣкомъ мирнымъ, довольствующимся своими внутренними радостями, и человѣкомъ воинственнымъ,—между купцомъ и чиновникомъ съ одной стороны, и крестьяниномъ и дворяниномъ съ другой. Навѣрное не даромъ бѣдный Израиль всю жизнь свою провелъ въ погромахъ. Когда народъ преслѣдуютъ въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ всѣ другіе народы, можно быть увѣреннымъ, что на это есть какое нибудь основаніе. До нашихъ дней еврей вкрадывался повсюду, требуя равноправія; но въ дѣйствительности онъ этого равноправія и не хотѣлъ; онъ сохранялъ свои особые уставы; онъ требовалъ тѣхъ же гарантій, которыми пользуются всѣ, и сверхъ того исключительныхъ для него законовъ. Онъ хотѣлъ пользоваться преимуществами націи, не будучи таковой и не принимая участія въ исполненіи національнаго долга; на это ни въ какомъ случаѣ и никогда не могъ пойти никакой народъ. Націи представляютъ собою военныя учрежденія, мечемъ основанныя и мечемъ живущія; онѣ представляютъ созданіе крестьянъ и солдатъ. Евреи ничѣмъ не содѣйствовали ихъ установленію Тутъ именно и кроется крупное недоразумѣніе, лежащее въ основаніи всѣхъ еврейскихъ притязаній. Иностранецъ, котораго терпятъ, можетъ быть полезенъ странѣ, но при томъ условіи, чтобы онъ не завладѣлъ страною. Не-

справедливо требовать себѣ одинаковыхъ правъ съ членами семьи, домъ который не вами выстроенъ, подобно птицамъ, устраивающимися въ чужомъ гнѣздѣ, подобно тѣмъ улиткамъ, которыя забираются въ раковину другой породы.

Еврей оказалъ міру столько услугъ и причинилъ ему столько зла, что справедливо отнестись къ нему невозможно. Мы ему слишкомъ многимъ обязаны и въ то же время слишкомъ ясно видимъ его недостатки, чтобы одинъ видъ его не сердилъ насъ. Этотъ вѣчный Іеремія, этотъ «скорбный человѣкъ» вѣчно жалующійся и подставляющій спину подъ удары съ возмущающей насъ покорностью; это существо, чуждое всѣмъ нашимъ понятіямъ о чести, гордости, славѣ, тонкости и искусствѣ; эта натура, въ которой такъ мало военнаго, рыцарскаго, которая не любитъ ни Греціи, ни Рима, ни Германіи, и которой мы все же обязаны своей религіей, такъ что еврей имѣетъ право сказать христіанину: „Ты тоже еврей, только низкопробный“; это существо стало какъ бы всеобщей цѣлью, мишенью споровъ и непріязней;—благотворная непріязнь, которая стала однимъ изъ условій прогресса человѣчества. Въ первый вѣкъ нашей эры, міръ какъ будто смутно сознавалъ значеніе того, что происходило. Въ этомъ неуклюжемъ, обидчивомъ, робкомъ иностранцѣ безъ наружнаго благородства, но честномъ, высоконравственномъ, прилежномъ, прямолинейномъ въ дѣлахъ, со скромными достоинствами, не воинственномъ, но хорошемъ купцѣ и аккуратномъ и бодромъ работникѣ, онъ прозрѣвалъ своего господина. Эта еврейская семья, озаренная свѣтомъ надежды, эта синагога съ ея очаровательной общей жизнью, казалась людямъ чрезвычайно привлекательной, и они завидовали ей. Столько покорности, такое спокойное подчиненіе гоненіямъ и обидамъ, та безропотность, съ которой они утѣшались въ томъ, что не состоятъ частью большого свѣта,—утѣшались тѣмъ, что они вознаграждены своей семьей и своей церковью, тихая радость, подобная той, которая въ наши дни на востокѣ отличаетъ раджу и склоняетъ его находить счастіе въ самомъ своемъ униженіи, въ этомъ маленькомъ міркѣ, въ которомъ онъ чувствуетъ себя тѣмъ счастливѣе, что внѣ его терпитъ гоненія и оскорбленія,—все это внушало аристократической древности порывы дурного настроенія, которое временами приводили къ возмутительнымъ насиліямъ.

Въ Цезареѣ, почти въ то время, когда революція оконча-

тельно шла къ тому, чтобы стать хозяйкою въ Іерусалимѣ, начинала разыгрываться гроза. Изъ всѣхъ городовъ, въ Цезареѣ взаимное положеніе евреевъ и не евреевъ (послѣдніе всѣ вмѣстѣ носили общее имя сирійцевъ) было связано съ особенно сильными недоразумѣніями. Въ сирійскихъ городахъ со смѣшаннымъ населеніемъ евреи составляли наиболѣе богатый классъ; но богатство это, какъ мы указали выше, отчасти имѣло причиной одну несправедливость, именно свободу отъ военной службы. Греки и сирійцы, среди которыхъ набирались легіоны, чувствовали себя уязвленными тѣмъ, что люди, лишенные права исполненія гражданскихъ обязанностей и терпимость къ нимъ принимавшіе за привилегію, стоятъ выше ихъ. Происходили вѣчныя свалки, римскимъ властямъ приносились безконечныя жалобы. Уроженцы востока обыкновенно выбираютъ предлогомъ ссоръ религію; наименѣе религіозные люди становятся необычайно набожны, какъ только это нужно для того, чтобы надосадить сосѣду; въ наши дни турецкимъ чиновникамъ приходится вѣчно разбираться въ жалобахъ подобнаго рода. Приблизительно къ 60 году между обѣими половинами населенія Цезареи происходила непрерывная война. Неронъ рѣшалъ неотложные вопросы всегда не въ пользу евреевъ; ненависть отъ этого стала только лишь еще болѣе сильной. Жалкія шалости, быть можетъ даже оплошности сирійцевъ, въ глазахъ евреевъ выростали въ преступленія и въ кровныя оскорбленія. Молодежь угрожала другъ другу, дралась; степенные люди жаловались римскимъ властямъ, которыя обыкновенно распоряжались выбить палками дурь изъ обѣихъ сторонъ. Гессій Флоръ былъ человѣчнѣе; онъ сперва заставлялъ обѣ стороны заплатить ему, а потомъ глумился надъ просителями. Въ тотъ моментъ, когда Флоръ вступилъ въ Цезарею, взбѣшенный оскорбленіемъ, нанесеннымъ ему жителями Іерусалима, громкимъ дѣломъ въ городѣ была исторія съ синагогой, у которой была общая стѣна, съ кувшиномъ и нѣсколькими убитыми птицами, которыя нашлись у порога синагоги и которыхъ евреи старались выдать за остатки языческаго жертвоприношенія.

Когда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ узнали, что Іерусалимлянамъ удалось окончательно изгнать римлянъ изъ стѣнъ своего города, это произвело очень сильное впечатлѣніе. Между римлянами и еврейскимъ народомъ началась, стало быть, открытая война; изъ этого сирійцы заключили, что они

могутъ безнаказанно рѣзать евреевъ. Въ теченіе одного часа зарѣзано было ихъ двадцать тысячъ; въ Цезареѣ не оставалось ни одного еврея; въ самомъ дѣлѣ, Флоръ распорядился схватить и отправить на галеры тѣхъ изъ нихъ, которымъ удалось спастись бѣгствомъ. Это гнусное преступленіе имѣло послѣдствіемъ ужасную отплату. Евреи образовали отряды и со своей стороны принялись рѣзать сирійцевъ въ Филадельфіи, Гезебонѣ, Герасѣ, Пеллѣ, Скиѳополисѣ; они разграбили Декаполисъ и Гавлотиниду, подожгли Себастъ и Аскалонъ, разорили Анѳедонъ и Газу. Они жгли деревни, убивали всѣхъ не евреевъ. Сирійцы со своей стороны убивали всѣхъ встрѣчавшихся имъ евреевъ. Южная Сирія превратилась въ огромную бойню; всѣ города раздѣлились на двѣ арміи, которыя вели между собою безпощадную войну; ночи всѣ проводили въ страхѣ. Нѣкоторые эпизоды были ужасны. Въ Скиѳополисѣ евреи вмѣстѣ съ языческимъ населеніемъ сразились противъ нападающихъ своихъ единовѣрцевъ; это не помѣшало имъ вслѣдъ за тѣмъ быть перерѣзанными скиѳополитянами.

Въ Аскалонѣ, Акрѣ, Тирѣ, Гиппоссѣ, Гадарѣ избіеніе евреевъ возобновились съ новой силой. Кого не убивали, тѣхъ бросали въ темницу. Безумныя сцены, происходившія въ Іерусалимѣ, заставляли людей во всякомъ евреѣ видѣть нѣкотораго рода опаснаго сумасшедшаго, отъ безумія котораго необходимо было оградить себя.

Эпидемія погромовъ распространилась вплоть до Египта. Здѣсь ненависть между евреями и греками достигла высшаго напряженія. Александрія была городомъ наполовину еврейскимъ; евреи составляли тамъ настоящую независимую республику. Въ Египтѣ какъ разъ въ это время уже въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ префектомъ былъ Тиверій-Александръ, еврей, но еврей ренегатъ, неособенно склонный быть снисходительнымъ къ фанатизму своихъ единовѣрцевъ. Мятежъ начался по поводу одного собранія въ амфитеатрѣ. Первыми начали, повидимому, греки. Евреи отвѣтили имъ ужаснымъ образомъ. Вооружившись факелами, они стали угрожать сжечь грековъ въ амфитеатрѣ всѣхъ до единаго. Напрасно Тиверій Александръ прилагалъ всѣ старанія, чтобы успокоить ихъ; пришлось призвать войска; евреи оказали сопротивленіе; рѣзня произошла страшная. Еврейскій кварталъ въ Александріи, называвшійся *Дельтой*, былъ буквально заваленъ трупами; число убитыхъ доходило до 50-ти тысячъ.

Ужасы эти продолжались около мѣсяца. На сѣверѣ они остановились на широтѣ Тира, ибо сѣвернѣе еврейство не было достаточно значительнымъ, чтобы досаждать туземному населенію. Дѣйствительно, причина зла была скорѣе общественной, чѣмъ религіозной. Всюду, гдѣ еврейство добивалось господства, жизнь язычникамъ становилась невозможной. Нетрудно представить себѣ, что успѣхи еврейской революціи въ теченіе лѣта 66-го года поразили на нѣкоторое время страхомъ всѣ города со смѣшаннымъ населеніемъ, сосѣднія съ Палестиной и Галилеей. Мы нѣсколько разъ уже указывали на ту любопытную черту еврейскаго народа, что въ немъ постоянно проявляются крайности и, если позволительно такъ выразиться, битва между добромъ и зломъ. Никакая жестокость неспособна превзойти еврейскую; и тѣмъ не менѣе іудейство сумѣло извлечь изъ лона своего идеалъ доброты, самопожертвованія, любви. Лучшіе изъ людей были евреями; коварнѣйшими изъ людей тоже были евреи. Странная раса, по истинѣ отмѣченная печатью Божіей,—раса, которая, подобно двумъ почкамъ изъ одного и того же ростка, сумѣла произвести и нарождающуюся Церковь и свирѣпый фанатизмъ Іерусалимскихъ революціонеровъ, и Іисуса, и Іоанна Гискальскаго, и Апостоловъ, и убійцъ-зелотовъ, и Евангеліе, и Талмудъ. Надо ли удивляться тому, что этотъ таинственный актъ сопровождался взрывами, бредомъ и лихорадкой, какихъ до тѣхъ поръ никогда не видывали?

Христіане, несомнѣнно, неоднократно страдали отъ погромовъ въ сентябрѣ 66 года. Весьма возможно, что кротость этихъ добрыхъ сектантовъ и ихъ безобидный нравъ часто защищали ихъ. Большинство христіанъ въ сирійскихъ городахъ принадлежали къ такъ называемымъ „іудействующимъ", т. е. къ уроженцамъ обращенныхъ странъ, но не къ кровнымъ евреямъ. На нихъ смотрѣли съ недовѣріемъ, но истреблять ихъ не рѣшались; ихъ считали какими-то метисами, чужаками въ своемъ отечествѣ. Что касается до нихъ, то они, переживая эти ужасныя времена, обращали взоры свои на небо, прозрѣвая въ каждомъ эпизодѣ страшной грозы знаменіе времени, назначеннаго для конечной катастрофы: „Отъ смоковницы возьмите подобіе: когда вѣтви ея становятся уже мягки и пускаютъ листья, то знаете, что близко лѣто; такъ, когда вы увидите все сіе, знайте, что Онъ близко, при дверяхъ".

Между тѣмъ римскія власти собирались силою вступить въ тотъ городъ, который онѣ такъ неосторожно оставили Императорскій легатъ въ Сиріи, Цестій Галлъ, шелъ изъ Антіохіи на югъ съ значительнымъ войскомъ. Въ качествѣ проводника экспедиціи къ нему присоединился Агриппа; города дали ему вспомогательныя войска, въ которыхъ исконная ненависть къ евреямъ восполняла недостатокъ военныхъ знаній. Цестій безъ большого труда покорилъ Галилею и побережье; двадцать четвертаго онъ прибылъ въ Габаонъ, въ десяти верстахъ отъ Іерусалима.

Съ изумительной храбростью пошли возстанцы на приступъ этой позиціи и нанесли Цестію пораженіе. Этого факта совсѣмъ нельзя было бы понять, если бы представлять себѣ іерусалимскую армію толпой ханжей, нищихъ фанатиковъ и разбойниковъ; но въ ней имѣлись болѣе стойкіе и настоящіе военные элементы: два члена царственной семьи Адіабена, Монобазъ и Ценедей; Силасъ Вавилонскій, адъютантъ Агриппы *II*, присоединившійся къ народной партіи; Нигеръ изъ Переи, опытный воинъ; Симонъ, сынъ Гіоры, уже тогда начинавшій свою карьеру насилій и геройствъ. Агриппа счелъ моментъ удобнымъ для начатія переговоровъ. Двое его посланцевъ пошли къ іерусалимлянамъ, чтобы обѣщать имъ полное прощеніе, если они согласятся покориться. Большая часть населенія склонялась къ тому, чтобы принять предложеніе; но фанатики убили парламентеровъ. Нѣкоторые жители, возмущавшіеся такимъ вѣроломствомъ, подверглись насиліямъ. Этотъ расколъ доставилъ Цестію моментъ преимущества. Онъ оставилъ Габаонъ и расположился лагеремъ въ мѣстности, называемой *Сафа* или *Скопусъ*, важный постъ, расположенный ни сѣверъ отъ Іерусалима, приблизительно въ часѣ ѣзды отъ него, откуда видѣнъ былъ городъ и храмъ. Тамъ онъ оставался три дня въ ожиданіи результата развѣдокъ, которыя онъ распорядился сдѣлать. На четвертый день (30 октября), онъ построилъ свою армію и двинулся впередъ. Партія сопротивленія оставила весь новый городъ и сосредоточилась во внутреннемъ городѣ (высокомъ и низкомъ) и въ храмѣ. Цестій безпрепятственно вошелъ въ городъ, занялъ новую часть его, кварталы Безета, Лѣсной базаръ, который онъ поджегъ, подступилъ къ высокому городу и расположилъ свои войска передъ дворцомъ Асмонея. Іосифъ утверждаетъ, что если бы Цестій Галлъ пожелалъ тогда же пойти на приступъ, война

была бы окончена. Еврейскій историкъ объясняетъ бездѣйствіе римскаго полководца интригами, главнымъ двигателемъ которыхъ были деньги Флора. По словамъ его, на стѣнахъ города видѣли членовъ аристократической партіи съ однимъ изъ представителей рода Анны во главѣ; они призывали Цестія и предлагали ему открыть ворота. Легатъ, вѣроятно, боялся какой-нибудь засады. Въ теченіе пяти дней онъ напрасно старался одолѣть стѣну. На шестой день (5 ноября) онъ наконецъ атаковалъ съ сѣвера ограду храма. Битва подъ портиками была ужасна; возстанцами овладѣло отчаяніе. Партія мира уже собиралась принимать Цестія, когда тотъ вдругъ подалъ знакъ къ отступленію. Если разсказъ Іосифа правдивъ, то поведеніе Цестія необъяснимо. Быть можетъ Іосифъ въ своихъ цѣляхъ преувеличиваетъ выгодное положеніе, въ которомъ Цестій вначалѣ оказался относительно евреевъ, и умаляетъ настоящую силу сопротивленія. Достовѣрно то, что Цестій возвратился въ свой лагерь въ Скопусѣ и на слѣдующій день отправился въ Габаонъ, преслѣдуемый евреями. Черезъ два дня (8 ноября) онъ снялся съ лагеря, продолжая подвергаться преслѣдованію вплоть до Виѳеронскаго склона, бросилъ весь обозъ и не безъ труда спасся въ Антипатрію.

Отсутствіе дарованій, которыя выказалъ Цестій въ этомъ походѣ, поистинѣ поразительно. Должно быть, дурное правленіе Нерона сильно уронило всякую государственную службу, чтобы оказались возможными подобныя событія. Впрочемъ, Цестій не надолго пережилъ свое пораженіе: причиной его смерти многіе считали горе. Что сталось съ Флоромъ, не извѣстно.

ГЛАВА XII.

Веспасіанъ въ Галилеѣ. — Терроръ въ Іерусалимѣ.—Бѣгство христіанъ.

Въ то время, какъ римская имперія на Востокѣ терпѣла такія кровныя оскорбленія, Неронъ, бросаясь изъ одного преступленія въ другое, изъ неистовства въ неистовство, всецѣло поглощенъ былъ своими претенціозными артистическими

грезами. Вмѣстѣ съ Петроніемъ исчезло близъ него все, что можно было бы назвать вкусомъ, тактомъ, изяществомъ. Неизмѣримое самолюбіе вызвало въ немъ неумѣренную жажду пріобрѣсти всемірную славу; ненависть его ко всѣмъ, кто былъ предметомъ народнаго вниманія, была жестокой; имѣть въ чемъ бы то ни было успѣхъ—стало государственнымъ преступленіемъ; говорятъ, будто онъ выражалъ желаніе пріостановить продажу сочиненій Лукана. Онъ стремился стать неслыханной знаменитостью; въ головѣ его витали грандіозные проэкты, какъ, напримѣръ, прорытіе Коринфскаго перешейка, канала изъ Байи въ Остію, открытіе источниковъ Нила. Давнишней его мечтой было путешествіе въ Грецію, не потому, чтобы у него было серіозное желаніе увидѣть образцовыя произведенія несравненнаго искусства, а только вслѣдствіе грубаго честолюбія, которое полагалъ онъ въ томъ, чтобы принять участіе въ состязаніяхъ, устраиваемыхъ различными городами, и получить на нихъ призы. Состязанія эти были буквально безчисленны: основаніе такихъ игръ было однимъ изъ видовъ щедрости у грековъ; всякій маломальски богатый гражданинъ такимъ путемъ могъ навѣрняка передать свое имя потомству, точно также, какъ въ наше время путемъ основанія академическихъ премій. Благородныя упражненія, которыя такъ много способствовали развитію силы и красоты древней расы и послужили школой греческому искусству, стали, какъ впослѣдствіи средневѣковые турниры, достояніемъ ремесленниковъ, создавшихъ себѣ профессію изъ бѣга на *агонахъ* и изъ полученія назначенныхъ за это призовъ. Вмѣсто благородныхъ и прекрасныхъ гражданъ на этихъ состязаніяхъ можно было видѣть однихъ только безполезныхъ, противныхъ воинственныхъ хвастуновъ, или же людей, которые изъ этого сдѣлали себѣ выгодную профессію. Призы эти, изъ которыхъ побѣдители дѣлали какіе-то показные ордена, не давали уснуть тщеславному цезарю; онъ уже видѣлъ себя въ мечтахъ тріумфально вступающимъ въ Римъ, съ чрезвычайно рѣдкимъ титуломъ *періодоника*, т. е. побѣдителя всего цикла торжественныхъ игръ.

Его болѣзненное увлеченіе пѣніемъ превратилось въ настоящее безуміе. Одной изъ причинъ смерти Тразеи было то, что онъ не хотѣлъ курить ѳиміамъ „божественному голосу“ императора. Передъ своимъ гостемъ, царемъ Парфянъ, онъ не
...ъ ничѣмъ похвастаться, кромѣ какъ своимъ талан-
...вить пьесы, въвились лирическія колесницею. Ста

которыхъ ему принадлежала главная роль, и гдѣ боги, богини, герои, героини, всѣ были замаскированы и одѣты по его образу и по образу любимой имъ въ тотъ моментъ женщины. Такимъ образомъ онъ игралъ Эдипа, Тіеста, Геркулеса, Алкмеона, Ореста, Канакея; его можно было видѣть на сценѣ закованнымъ (въ золотыя цѣпи), ведомымъ подобно слѣпцу, изображающимъ безумца или играющимъ роль рожающей женщины. Однимъ изъ послѣднихъ его проектовъ было появиться въ театрѣ нагимъ, въ роли Геркулеса, душащаго въ своихъ объятіяхъ льва, или убивающаго его ударомъ палицы; говорятъ, уже былъ выбранъ и выдресированъ левъ, когда императоръ умеръ. Оставить мѣсто во время его пѣнія было такимъ большимъ преступленіемъ, что всѣ принимали самыя курьезныя предосторожности, чтобы такой поступокъ не былъ бы замѣченъ. На состязаніяхъ онъ унижалъ своихъ соперниковъ, старался смутить ихъ, такъ что несчастные старались скверно пѣть, чтобы ускользнуть отъ опасности подвергнуться сравненію съ нимъ. Судьи поощряли его, хвалили его робость. Если кто нибудь при видѣ этого нелѣпаго зрѣлища краснѣлъ и выказывалъ на лицѣ своемъ печаль, онъ говорилъ, что видитъ людей, безпристрастность которыхъ сомнительна. Впрочемъ онъ, какъ школьникъ, подчинялся правиламъ состязаній, дрожалъ передъ агонотетами и мастигофорами и подкупалъ послѣднихъ, чтобы они не били его при ошибкахъ. Если онъ совершалъ какую нибудь оплошность, изъ-за которой его по настоящему слѣдовало исключить, онъ блѣднѣлъ; приходилось шепотомъ говорить ему, что среди энтузіазма и рукоплесканій народа никто не замѣтилъ его ошибки. Опрокидывались статуи прежнихъ побѣдителей изъ опасенія, что онѣ вызовутъ въ немъ припадокъ бѣшеной зависти. На бѣгахъ всѣ прилагали старанія, чтобы онъ пришелъ первымъ, даже тогда, когда онъ сваливался со своей колесницы; иногда онъ, однако, нарочно давалъ брать верхъ надъ собою, чтобы не подумали, что онъ мошенничаетъ. Въ Италіи, какъ мы уже сказали, онъ чувствовалъ себя оскорбленнымъ тѣмъ, что своими успѣхами былъ обязанъ шайкѣ клакеровъ, остроумно организованныхъ, получавшихъ большія деньги, и повсюду слѣдовавшихъ за нимъ. Римляне становились для него невыносимыми. Онъ называлъ, ихъ деревенщиной, говорилъ, что уважающій себя артистъ долженъ считаться только съ греками.

Столь желанный отъѣздъ произошелъ только въ нояб 66-го года. Неронъ былъ уже въ теченіе нѣсколькихъ дне въ Ахайѣ, когда до него дошло извѣстіе о пораженіи Цесті Онъ понялъ, что эта война требуетъ опытнаго и храбраг полководца; но прежде всего онъ хотѣлъ для этой долж ности найти человѣка, который не былъ бы для него опас нымъ. Повидимому, всѣмъ этимъ условіямъ удовлетворялъ Титъ Флавій Веспасіанъ, серіозный вояка, 60 лѣтъ отъ роду, которому всегда покровительствовало какое то особенное счастіе и который вслѣдствіе своего низкаго происхожденія не могъ стремиться къ великой участи. Веспасіанъ въ это время былъ у Нерона въ опалѣ, такъ какъ недостаточно восхищался его прекраснымъ голосомъ; когда ему сообщили, что ему поручено командованіе Палестинской экспедиціей, онъ сначала понялъ это въ томъ смыслѣ, что ему принесли смертный приговоръ. Вскорѣ къ нему присоединился сынъ его Титъ. Около того же времени на мѣсто имп раторскаго легата въ Сиріи, Цестія, былъ назначенъ Муціанъ. Такимъ образомъ оказались на Востокѣ всѣ три человѣка которымъ два года позднѣе предстояло быть господами судебъ имперіи.

Рѣшительная побѣда возстанцевъ подъ римскими войсками подъ командой императорскаго легата въ высшей степени увеличила ихъ смѣлость. Умнѣйшіе и самые развитые іерусалимляне смотрѣли на положеніе вещей мрачно; они были убѣждены, что въ концѣ концовъ побѣда не можетъ не остаться за римлянами. Гибель храма и народа казалась имъ неизбѣжной; началась эмиграція. Всѣ иродіане, всѣ состоявшіе на службѣ у Агриппы перешли къ римлянамъ. Съ другой стороны, большое число фарисеевъ, заботившихся единственно о соблюденіи Закона и о мирномъ будущемъ, о которомъ они мечтали для Израиля, считали, что слѣдуетъ покориться римлянамъ точно такъ же, какъ уже прежде приходилось покоряться царямъ перскимъ и Птоломеямъ. Они мало заботились о національной независимости; рабби Іоханамъ бенъ Захай, самый знаменитый фарисей того времени, жилъ въ сторонѣ отъ политики. Многіе ученые, по всей вѣроятности, тогда же удалились въ Ямнію и основали тамъ тѣ талмудическія школы, которыя вскорѣ пріобрѣли такую широкую извѣстность.

Между тѣмъ избіенія возобновились и распространились на такія мѣстности въ Сиріи, которыя до сихъ поръ остава-

лись въ сторонѣ отъ кровопролитной эпидеміи. Въ Дамасѣ были перерѣзаны всѣ евреи. Большинство женщинъ въ этомъ городѣ исповѣдывали еврейскую вѣру и нѣтъ сомнѣнія, что въ числѣ ихъ были и христіанки; были приняты предосторожности, чтобы погромъ былъ произведенъ внезапно и подстроенъ въ тайнѣ.

Партія сопротивленія проявляла удивительную дѣятельность. Даже хладнокровные люди увлеклись. Въ храмѣ собрался совѣтъ съ цѣлью образовать національное правительство, составленное изъ лучшихъ элементовъ народа. Умѣренная партія въ это время еще далеко не отступила. Либо вслѣдствіе того, что у нея еще оставалась надежда захватить въ свои руки руководство движеніемъ, либо вслѣдствіе одной изъ тѣхъ скрытыхъ надеждъ, противорѣчащихъ всякимъ доводамъ разсудка, которыми люди такъ часто успокаивають себя во времена кризисовъ, она почти всюду принимала дѣятельное участіе въ дѣлахъ. 'Къ революціи примкнули весьма значительныя личности: нѣсколько членовъ садукейскихъ и священническихъ семействъ, первые изъ фарисеевъ, т. е. высшая буржуазія, съ мудрымъ и честнымъ Симеономъ бенъ Гамаліель во главѣ (это былъ сынъ Гамаліеля, упоминающаго и въ „*Дѣяніяхъ*“, и правнукъ Гиллеля). Всѣ дѣйствовали по-конституціонному; верховенство синедріона было всѣми признано. Городъ и храмъ остались въ рукахъ учрежденныхъ властей, Анны (сына того Анны, который осудилъ Іисуса), самаго стараго изъ первосвященниковъ, Іошуа бенъ Гамала, Симеона бенъ Гамаліель, Іосифа бенъ Горіана. Послѣдній и Анна были назначены Іерусалимскими коммиссарами. Эліазаръ, сынъ Симона, демагогъ, но безъ убѣжденій, личное честолюбіе котораго было тѣмъ опаснѣе, что онъ завладѣлъ несмѣтными богатствами, былъ намѣренно устраненъ. Въ то же время были избраны и коммиссары для провинціи; всѣ они были умѣренные, за исключеніемъ одного, Эліазара, сына Ананіи, который былъ посланъ въ Идумей. Іосифъ, который впослѣдствіи пріобрѣлъ такую блестящую славу въ качествѣ историка, былъ назначенъ префектомъ Галилейскимъ. Среди этихъ избранныхъ было много основательныхъ людей, которые по большей части приняли избраніе съ намѣреніемъ водворить порядокъ и въ надеждѣ пріобрѣсти верхъ надъ анархическими элементами, угрожавшими всему полнымъ разрушеніемъ.

Въ Іерусалимѣ пылъ былъ страшный. Городъ походилъ на ... герь, на оружейный заводъ; со всѣхъ сторонъ слышались кри... молодыхъ людей, упражнявшихся съ оружіемъ. Евреи изъ отд... ленныхъ мѣстностей востока, особенно изъ Парѳянскаго ца... ства, толпами стремились въ священный городъ въ убѣждені... что время Римскаго владычества прошло. Всѣ чувствовали, чт... Нерону приходитъ конецъ и были убѣждены, что вмѣстѣ с... нимъ погибнетъ и Имперія. Послѣдній представитель цезарев... титула, погрязшій въ позорѣ и вызывавшій къ себѣ всеобще... презрѣніе, казался всѣмъ очевиднымъ знаменіемъ. Съ это... точки зрѣнія надо считать возстаніе далеко не такимъ уж... безумнымъ предпріятіемъ, какимъ оно кажется намъ, знаю... щимъ, что Имперія заключала въ себѣ еще достаточно жиз... ненныхъ силъ для того, чтобы впослѣдствіи нѣсколько разъ возродиться. Можно было очень серьезно вѣрить, что твореніе Августа распадается. Ожидали ежеминутно, что Парѳяне кинутся на Римскія земли, и это бы въ самомъ дѣлѣ произошло, если бы вслѣдствіе разнообразныхъ причинъ политика Арзакидовъ въ это время не стала чрезвычайно слабой. Однимъ изъ самыхъ прекрасныхъ образовъ книги Еноха является тотъ, гдѣ пророкъ видитъ мечъ, дарованный овцамъ, и гдѣ овцы такимъ образомъ вооруженныя, въ свою очередь, преслѣдуютъ дикихъ звѣрей, причемъ послѣдніе бѣгутъ отъ нихъ. Именно таково и было общее настроеніе евреевъ. Недостатокъ военныхъ знаній мѣшалъ имъ понять, сколько обманчиваго было въ успѣхахъ ихъ въ сраженіяхъ съ Флоромъ и съ Тестіемъ. Они чеканили деньги по образцу Маккавеевскихъ, съ изображеніемъ храма или какой-нибудь еврейской эмблемы, съ надписями на древне-еврейскомъ языкѣ. Монеты эти, годъ на которыхъ обозначался словами „въ годъ избавленія" или „въ годъ свободы Сіона", сначала выпускались безъ имени или отъ имени *Іерусалима*; впослѣдствіи на нихъ чеканились имена партійныхъ главъ, въ рукахъ которыхъ находилась верховная власть, благодаря той или иной партіи. Возможно даже, что въ первые мѣсяцы возстанія Элеазаръ, сынъ Симона, у котораго имѣлась огромная масса серебра, осмѣлился чеканить деньги, на которыхъ титуловалъ себя „первосвященникомъ". Во всякомъ случаѣ эти денежные выпуски были должно быть довольно значительны; именно это и есть то самое, что впослѣдствіи носило названіе „Іерусалимскихъ денегъ" или „денегъ опасности".

Анна все болѣе и болѣе укрѣплялся въ положенiи главы умѣренной партiи, онъ все еще надѣялся на то, что уговоритъ народныя массы успокоиться; подъ рукою онъ старался замедлить изготовленiе оружiя или парализовать сопротивленiе, дѣлая видъ, что онъ организуетъ его. Это самый опасный образъ дѣйствiй въ революцiонныя времена; и дѣйствительно, Анна былъ именно тѣмъ, что революцiонеры называютъ измѣнникомъ. Въ глазахъ фанатиковъ у него былъ тотъ огромный недостатокъ, что онъ ясно понималъ положенiе. Въ глазахъ исторiи онъ никогда не въ состоянiи будетъ оправдаться въ томъ, что согласился на самое фальшивое изъ всѣхъ возможныхъ положенiй, состоящее въ томъ, чтобы воевать, не вѣря въ успѣхъ войны, исключительно потому, что этого требуютъ невѣжественные фанатики. Въ провинцiи смута была ужасная. Совершенно арабскiя мѣстности на востокъ и на югъ отъ Мертваго моря наводняли Iудею толпами разбойниковъ, жившихъ грабежомъ и убiйствомъ. Поддержать порядокъ при такихъ условiяхъ было немыслимо, ибо для этого пришлось бы искоренить тѣ два элемента, на которыхъ зиждилась революцiя, фанатизмъ и разбойничество. Страшны тѣ положенiя, когда нѣтъ выбора между призывомъ иностранцевъ и анархiей. Въ Акрабатенѣ молодой и храбрый партизанъ Симонъ, сынъ Гiоры, грабилъ и пыталъ богачей. Iосифъ въ Галилеѣ напрасно старался удержать населенiе въ предѣлахъ разсудка. Нѣкто Iоаннъ Гискальскiй, мошенникъ и смѣлый агитаторъ, соединявшiй въ себѣ безпощадность съ горячимъ энтузiазмомъ, сумѣлъ во всемъ помѣшать ему. По исконному обычаю Востока Iосифу пришлось вербовать разбойниковъ и платить имъ регулярное жалованье въ качествѣ выкупа спокойствiя страны.

Веспасiанъ, между тѣмъ, готовился къ трудному походу, ему порученному. Планъ его состоялъ въ томъ, чтобы напасть на возстанцевъ съ сѣвера, сначала подавить возстанiе въ Галилеѣ, потомъ въ Iудеѣ, сосредоточить его нѣкоторымъ образомъ въ Iерусалимѣ и послѣ того, какъ онъ цѣликомъ оттѣснитъ его къ этому центральному пункту, гдѣ скопленiе народа, голодъ и борьба партiй неминуемо должны были привести къ ужаснымъ сценамъ, выжидать или, если это ни къ чему не приведетъ, рѣшиться на окончательный ударъ. Онъ отправился сначала въ Антiохiю, гдѣ присоединился къ нему Агриппа II со своими вооруженными силами. До сихъ поръ

въ Антіохіи еврейскаго погрома не было, по всей вѣроятност потому, что среди ея населенія было множество грековъ, пе решедшихъ въ еврейскую вѣру (чаще всего въ христіанско ея формѣ). И это угашало чувство ненависти. Однако в этотъ моментъ гроза разразилась. Нелѣпое обвиненіе въ желаніи сжечь городъ привело къ бойнѣ, за которою послѣдовало довольно суровое гоненіе, по случаю котораго пострадали безъ сомнѣнія, и многіе изъ учениковъ Христовыхъ, смѣшиваемыхъ съ приверженцами вѣроисповѣданія, которое наполовину перестало быть ихъ собственнымъ.

Походъ начался въ мартѣ 67-го года, прослѣдовалъ по обычному пути, по морскому берегу, и устроилъ свою главную квартиру въ Птолемаидѣ (Акрѣ). Первый ударъ достался на долю Галилеи; населеніе повело себя геройски. Маленькій городъ Іудифатъ или Іотапата, недавно укрѣпленный, оказалъ поразительное сопротивленіе. Ни одинъ изъ защитниковъ его не хотѣлъ пережить пораженія; тѣснимые безвыходнымъ положеніемъ, они перебили другъ друга. Съ тѣхъ поръ „Галилеянинъ" сталъ синонимомъ сектанта, фанатика, стремящагося къ смерти съ какимъ-то упрямымъ предвзятымъ убѣжденіемъ. Тиверіада, Тарихеи, Гамала были взяты лишь послѣ насто щей бойни. Мало въ исторіи примѣровъ подобной рѣзни цѣлой расы. Волны спокойнаго озера, на которомъ Іисусъ грезилъ о Царствѣ Божіемъ, тоже окрасились кровью. Берега его исчезли подъ разлагающимися трупами. Воздухъ былъ какъ бы зачумленъ. Масса евреевъ укрылась на баркахъ; Веспасіанъ всѣхъ ихъ велѣлъ убить или утопить. Остатки здороваго населенія были проданы въ рабство. 6000 плѣнныхъ были посланы Нерономъ въ Ахайю на самыя тяжелыя работы по прорытію Коринѳскаго перешейка. Стариковъ перерѣзали. Перебѣжчикъ оказался только одинъ, котораго природа была неглубокой и который къ тому же всегда пессимистически смотрѣлъ на исходъ войны. Онъ сдался римлянамъ и вскорѣ вошелъ въ милость у Веспасіана и Тита. Несмотря на всю свою писательскую ловкость, ему не удалось смыть со своего поведенія нѣкоторой предательской окраски. Середина 67-го года вся ушла на эту истребительную войну. Галилея уже никогда не оправилась отъ нея. Жившіе тамъ христіане вѣроятно скрылись по ту сторону озера, и впредь въ исторіи христіанства уже не будетъ упоминаться родина Іисуса. Гискала, явшаяся до конца, пала въ ноябрѣ или декабрѣ, Яростно

защищавшій ее Іоаннъ Гискальскій скрылся, и ему удалось добраться до Іудеи. Веспасіанъ и Титъ устроились на зимнихъ квартирахъ въ Цезареѣ, приготовляясь на слѣдующій годъ начать осаду Іерусалима.

Главное слабое мѣсто временныхъ правительствъ, организованныхъ ради національной самозащиты, состоитъ въ томъ, что они неспособны пережить пораженіе. Выдерживая постоянную борьбу съ крайними партіями, они падаютъ въ тотъ день, когда не могутъ дать легкомысленной толпѣ того, для чего они избраны: побѣды. Іоаннъ Гискальскій и галилейскіе бѣглецы, ежедневно прибывая въ Іерусалимъ со скрытой въ душѣ яростью, еще усиливали діапазонъ неистовствъ, среди которыхъ протекала жизнь революціонной партіи. Дыханіе ихъ было горячее и тяжелое: «Мы еще не побѣждены, говорили они; мы только ищемъ лучшихъ позицій; зачѣмъ тратить свои силы въ Гискалѣ и въ какихъ то маленькихъ деревняхъ, когда нуждается въ нашей защитѣ нашъ городъ-мать»?—«Я видѣлъ, говорилъ Іоаннъ Гискальскій, какъ римскія стѣнобитныя машины разлетались въ куски, ударяясь о стѣны галилейскихъ деревень; они не вступятъ въ укрѣпленіе Іерусалима, если только не запасутся заранѣе крыльями». Вся молодежь стояла за борьбу до послѣдней капли крови. Отряды добровольцевъ часто обращаются въ разбойничьи шайки; отряды фанатиковъ, религіозныхъ или политическихъ, всегда походятъ на разбойниковъ. Надо жить, а свободныя группы никакъ не умѣютъ жить иначе, чѣмъ досаждая населенію. Вотъ отчего, во времена народныхъ кризисовъ, слова разбойникъ и герой являются почти однозначущими. Партія, стоящая за войну, всегда деспотична; никогда еще неумѣренность не спасала отечества; ибо первое правило умѣренныхъ,—сообразоваться съ обстоятельствами, а героизмъ обыкновенно стоитъ въ полномъ противорѣчіи съ доводами разума. Іосифъ, по натурѣ своей человѣкъ порядка, по всей вѣроятности правъ, когда разсказываетъ намъ, что рѣшеніе не отступать было принято маленькой кучкой безумцевъ, насильно увлекавшихъ за собой спокойныхъ гражданъ, которыхъ самимъ очень по душѣ было бы покориться. Такъ оно чаще всего и случается; отъ націи, неимѣющей династіи, (которая и сама-то по себѣ является по существу постояннымъ и организованнымъ), можно добиться значительныхъ жертвъ только путемъ террора. Массы по существу своему робки; но во время революціи

робкій человѣкъ въ разсчетъ не идетъ; фанатиковъ всегд немного, но они придаютъ себѣ значеніе, отрѣзывая всякі путь къ примиренію. По общему правилу въ подобныхъ полс женіяхъ власть неминуемо попадаетъ въ руки людей наиболѣ пылкихъ, а политики роковымъ образомъ оказываются бе: сильными.

Въ виду этой страшной лихорадки, ежедневно развива шейся, положеніе умѣренной партіи стало невыносимо. Шайк грабителей, разграбивъ деревни, обратились на Іерусалимъ всѣ, кто бѣжалъ отъ римскаго оружія, въ свою очередь на водняли городъ и содѣйствовали появленію голода. Не был никакихъ вліятельныхъ властей; власть находилась всецѣл въ рукахъ зелотовъ; всѣ, кого подозрѣвали въ „умѣренности" подвергались безпощадному избіенію. До сихъ поръ война с ея неистовствами останавливалась у ограды храма. Тепер зелоты и разбойники безъ разбору наполняютъ священно зданіе; какъ будто забываются всѣ правила законной чистоты пороги залиты кровью; по нимъ ходятъ оскверненными сто пами. Въ глазахъ священниковъ болѣе возмутительнаго пре ступленія не могло и быть. Нѣкоторые набожные люди утвер ждали, что это и есть тѣ ужасы, которые предсказывалъ Даніилъ, говоря, что они должны имѣть мѣсто въ святилищѣ наканунѣ крушенія міра. Зелоты, подобно всѣмъ воинственнымъ фанатикамъ, не особенно обращали вниманіе на обряды и ставили ихъ ниже, чѣмъ по истиннѣ святое дѣло,—борьбу.— Не менѣе тяжкое преступленіе совершили они, измѣнивъ строй священства. Не сообразуясь съ привилегіями семействъ, изъ числа которыхъ обыкновенно избирались первосвященники, они остановились на незначительной отрасли священническаго сословія, и обратились совершенно къ демократическому способу избранія,—къ жребію. Послѣдній, понятно, далъ результаты нелѣпые; онъ указалъ на какого-то мужика, котораго пришлось силою тащить въ Іерусалимъ и противъ воли одѣть священныя одежды; священство было осквернено шутовскими сценами. Всѣ солидные люди, фарисеи, саддукеи, Симеоны бенъ Гамаліела, Іосифы бенъ Горіоны, были уязвлены въ томъ, что было для нихъ самаго дорогого.

Всѣ эти безумства заставили, наконецъ, аристократическую партію саддукеевъ совершить попытку реакціи. Съ большой ловкостью и смѣлостью Анна попробовалъ объединить честныхъ гражданъ и всѣ имѣвшіеся на лицо благоразумные эле-

менты съ цѣлью низложить чудовищный союзъ фанатизма и нечестія. Зелоты оказались въ страшно стѣсненномъ положеніи и принуждены были запереться въ храмѣ, превратившемся въ лазаретъ для раненыхъ. Чтобы спасти революцію, имъ пришлось прибѣгнуть къ крайней мѣрѣ: а именно призвать въ городъ идумеянъ, т. е. шайки разбойниковъ, привыкшихъ ко всевозможнымъ насиліямъ и бродившихъ вокругъ Іерусалима. Вступленіе идумеянъ было отмѣчено рѣзней: всѣ члены священнической касты, какихъ только оказалось возможнымъ отыскать, были убиты. Анна и Іисусъ, сынъ Гамаллы, подверглись возмутительнымъ оскорбленіямъ; трупы ихъ были лишены погребенія,—страшное наказаніе у евреевъ.

Такъ погибъ сынъ главнаго виновника смерти Іисуса. Бени-Анны до конца остались вѣрны своей роли и,—смѣю сказать, своему долгу. Подобно большинству тѣхъ, кто старался пріостановить неистовства сектъ и фанатизма, они погибли; но погибли съ достоинствомъ. Послѣдній Анна былъ, повидимому, человѣкомъ съ большими способностями; съ анархіей онъ боролся около двухъ лѣтъ. Это былъ настоящій аристократъ, иногда жестокій, но основательный, обладавшій здравыми взглядами на государственныя дѣла, пользовавшійся большимъ уваженіемъ, либеральный въ томъ смыслѣ, что онъ хотѣлъ, чтобы народомъ управляли благородныя его элементы, а не увлекающіяся партіи. Іосифъ ничуть не сомнѣвается въ томъ, что не будь онъ убитъ, ему удалось бы добиться почетнаго соглашенія между римлянами и евреями и день его смерти считаетъ моментомъ окончательнаго осужденія на гибель Іерусалима и еврейскаго государства. Во всякомъ случаѣ это былъ конецъ для партіи саддукеевъ, партіи часто надменной, себялюбивой и жестокой, но, въ концѣ концовъ, представительницей единственныхъ разумныхъ воззрѣній и способной спасти страну. Можно было-бы сказать, по обычному выраженію, что смертью Анны былъ отомщенъ Іисусъ. Именно члены семьи Анны въ присутствіи Іисуса сдѣлали слѣдующее замѣчаніе: „изъ всего этого выйдетъ то, что придутъ римляне, разрушатъ храмъ и народъ“ и прибавили при этомъ: „лучше смерть одного человѣка, чѣмъ гибель цѣлаго народа“. Однако остережемся отъ употребленія столь наивно нечестиваго выраженія. Въ исторіи мщеніе представляетъ явленіе такое же невѣроятное, какъ въ природѣ; революцію точно также нельзя называть справедливою, какъ

нельзя назвать таковымъ дѣйствующій вулканъ или катящую лавину. Ришелье не былъ наказанъ 1793-мъ годомъ, Людови XIV и основатели французскаго единства—тоже; но велик революція доказала, что люди эти отличались ограниченност міросозерцанія, не понимали тщеты того, что они творил не понимали легкомыслія ихъ макіавелизма, безполезност ихъ глубокомысленной политики, неразумной жестокости го сударственныхъ приципов. Только Экклезіастъ выразилс мудро въ тотъ день, когда съ разочарованіемъ воскликнулъ „все бренно въ этомъ мірѣ“.

Въ лицѣ Анны погибъ (въ самомъ началѣ 68 года) древні еврейскій священническій санъ, составлявшій привиллегію высшихъ саддукейскихъ родовъ, находившихся въ такой сильной оппозиціи съ нарождающимся христіанствомъ. Глубокое впечатлѣніе произвело зрѣлище того, какъ эти аристократы, пользовавшіяся такимъ высокимъ почетомъ и которыхъ нѣкогда видѣли одѣтыми въ великолѣпную первосвященническую одежду, руководящими пышными церемоніями, окруженными поклоненіемъ многочисленныхъ паломниковъ, со всего свѣта собиравшихся въ Іерусалимъ,—какъ эти самые аристократы были теперь выброшены за стѣны города, нагіе, и были отданы въ жертву голоднымъ собакамъ и шакаламъ. Вмѣстѣ съ ними исчезалъ цѣлый міръ. Учрежденное возстанцами демократическое священство просуществовало очень недолго. Сначала христіане вздумали почтить двухъ или трехъ лицъ, украсивъ имъ чело первосвященническимъ *петалономъ* (золотая пластинка, на которой начертаны десять заповѣдей); все это ни къ чему не привело. Священничество, точно также какъ и храмъ, отъ котораго оно зависѣло, не было предназначено къ роли главной основы іудейства. Въ іудействѣ главнымъ лицомъ всегда былъ энтузіастъ, пророкъ, зелотъ, посланецъ Божій. Пророкъ убилъ царство; энтузіастъ, пылкій сектантъ, убилъ священничество. Послѣ исчезновенія священничества и царства остался фанатикъ, и онъ еще въ продолженіи двухъ съ половиною лѣтъ будетъ продолжать борьбу съ рокомъ. Когда и фанатикъ въ свою очередь будетъ изгнанъ со сцены, останется ученый раввинъ, толкователь *Торы*. Но священникъ и царь уже никогда не воскреснутъ.

И храмъ также. Тѣ зелоты, которые къ великому поношенію священниковъ—друзей римлянъ дѣлали изъ святилища ть и госпиталь, не такъ далеко, какъ кажется съ пер-

ваго взгляда, находились отъ Іисусова пониманія. Какое значеніе имѣютъ камни? значеніе имѣетъ только духъ, и тотъ, кто защищаетъ духъ Израиля, революцію, имѣетъ право осквернять камни. Съ того дня, когда Исаія сказалъ: „Что мнѣ въ вашихъ жертвахъ? Они внушаютъ мнѣ одно лишь отвращеніе; мнѣ нужна только праведность въ сердцѣ",—съ того дня матеріальный культъ сталъ устарѣлой рутиной, которой неминуемо суждено было исчезнуть.

Оппозиція между священническимъ сословіемъ и той частью народа, въ сущности совершенно демократической, которая не допускала другого благородства, другой чести, кромѣ благочестія и соблюденія Закона, наблюдается со временъ Нееміи, который уже является фарисеемъ. Настоящій Ааронъ, по представленію мудрецовъ, это порядочный человѣкъ. Асмонеяне, въ одно и тоже время бывшіе и царями и первосвященниками, людямъ благочестивымъ внушаютъ одно лишь отвращеніе. Саддукейство, съ каждымъ днемъ становившееся все менѣе и менѣе популярнымъ, все болѣе и болѣе мстительнымъ, спаслось только благодаря тому, что народъ отличалъ религію отъ ея служителей. Не надо ни царей, ни священниковъ,—вотъ каковъ былъ, въ сущности, идеалъ фарисеевъ. Іудейство, неспособное основать само по себѣ государство, неминуемо должно было придти къ тому состоянію, въ которомъ мы наблюдаемъ его вотъ уже восемнадцать вѣковъ, т. е. къ жизни паразита въ чужомъ государствѣ. Точно также самой судьбой ему было предназначено стать религіей безъ храма и безъ священника. Храмъ вызывалъ необходимость въ священникѣ; разрушеніе его, въ виду этого, будетъ въ извѣстномъ смыслѣ облегченіемъ. Такимъ образомъ зелоты, убившіе въ 68 году первосвященниковъ и осквернившіе храмъ ради защиты дѣла Божіяго, не такъ ужъ далеко ушли отъ истинныхъ преданій Израиля.

Но ясно, что корабль безъ всякаго консервативнаго балласта, отданный во власть безумствующему экипажу, не могъ не устремиться къ ужасной гибели. Послѣ избіенія саддукеевъ въ Іерусалимѣ воцарился необузданный и ничѣмъ неуравновѣшиваемый терроръ. Давленіе его было такъ велико, что никто не осмѣлился открыто оплакать убитыхъ или предать ихъ погребенію. Состраданіе стало преступленіемъ. Число подозрительныхъ лицъ благороднаго сословія, погибшихъ изъ-за жестокости безумцевъ, дошло, говорятъ, до двѣнадцати

тысячъ. Разумѣется, нужно въ этомъ отношеніи очень осторожно относиться къ оцѣнкѣ, даваемой Іосифомъ. Въ разсказѣ этого историка о господствѣ зелотовъ есть что-то нелѣпое; нечестивцы и негодяи не пошли бы на смерть такъ, какъ пошли эти люди. Это тоже самое, какъ если бы желать объяснить французскую революцію тѣмъ, что съ каторги ушло нѣсколько тысячъ каторжниковъ. Одно злодѣйство само по себѣ никогда еще ничего не сдѣлало. Истина кроется въ томъ, что народныя возстанія, будучи дѣломъ смутнаго сознанія, а не разума, вредятъ себѣ своими же собственными побѣдами. По закону всѣхъ движеній подобного рода, Іерусалимская революція только и дѣлала, что постепенно сама себя убивала. Прекраснѣйшіе патріоты, которые наиболѣе способствовали успѣхамъ 66 года,—Горіонъ, Нигеръ Пераитъ,— были преданы смерти. Погибъ весь достаточный классъ. Особенное впечатлѣніе произвела смерть нѣкоего Захаріи Баруха, самаго честнаго человѣка во всемъ Іерусалимѣ, котораго всѣ порядочные люди любили. Онъ былъ преданъ революціонному суду присяжныхъ, который единогласно оправдалъ его. Тогда зелоты зарѣзали его въ храмѣ. Этотъ Захарія, сынъ Баруха, былъ, быть можетъ, другомъ христіанъ; ибо кажется, что въ пророческихъ словахъ о страхахъ послѣднихъ временъ, которыя приписываются Іисусу евангелистами, содержится намекъ на него.

Необыкновенныя событія, мѣстомъ дѣйствія которыхъ явился Іерусалимъ, производили, въ самомъ дѣлѣ, чрезвычайно сильное впечатлѣніе на христіанъ. Миролюбивые ученики Іисусовы, лишившіеся своего главы, Іакова брата Господня, сначала продолжали вести въ святомъ городѣ свою аскетическую жизнь и, сплотившись вокругъ храма, ждали великаго пришествія. Съ ними были оставшіеся еще въ живыхъ члены семьи Іисусовой, сыновья Клеопы, окруженные глубочайшимъ почетомъ даже со стороны евреевъ. Все, что имъ приходилось переживать, должно было казаться имъ яркимъ подтвержденіемъ словъ Іисусовыхъ. Что такое могли представлять изъ себя всѣ эти конвульсіи, если не начало того, что они называли „болѣзнями Мессіи“, прологомъ рожденія его? Они были убѣждены, что торжественному пришествію Христа будетъ предшествовать появленіе на свѣтъ множества лжепророковъ. На взглядъ старѣйшинъ христіанской общины такими пророками и явились начальники зелотовъ. Грозныя слова,

которыя часто произносилъ Іисусъ для поясненія бѣдствій, долженствовавшихъ возвѣстить приближеніе страшнаго суда, они прилагали къ современности. Быть можетъ, въ лонѣ церкви объявились какія-нибудь иллюминаты, утверждавшіе, что они говорятъ отъ имени Іисуса; старѣйшины оказали имъ живѣйшее сопротивленіе; они подтвердили, что Іисусъ предупредилъ о пришествіи такихъ соблазнителей и предписалъ беречься отъ нихъ. Этого оказалось достаточно; іерархія, пріобрѣвшая въ церкви уже тогда большую силу, привычка къ покорности,—наслѣдіе Христово,—помѣшали дальнѣйшему развитію всякаго самозванства этого рода; христіанство пользовалось, какъ преимуществомъ, тѣмъ умѣніемъ, съ которымъ оно сумѣло въ самый разгаръ народнаго движенія создать надъ собою авторитетъ. Нарождающійся епископатъ (или лучше сказать, пресвитеріатъ) помѣшалъ росту тѣхъ крупныхъ заблужденій, которыхъ никогда не избѣжитъ сознаніе толпы, если ею никто не руководитъ. Уже въ то время чувствуется, что вліяніе церкви на дѣла человѣческія выразится въ нѣкотораго рода среднемъ здравомъ смыслѣ, въ консервативномъ, практическомъ инстинктѣ, въ недовѣріи къ демократическимъ грезамъ, страннымъ образомъ противорѣчащимъ съ восторженностью ея сверхъестественныхъ представленій.

Эта политическая мудрость представителей іерусалимской церкви не осталась безплодной. У зелотовъ и христіанъ были однѣ и тѣ же враги, именно саддукеи, Бени-Анны. Горячая вѣра зелотовъ не могла не произвести глубокаго впечатлѣнія на столь же экзальтированную душу христіано-іудеевъ. Энтузіасты, увлекавшіе толпы въ пустыню, чтобы тамъ открыть имъ тайну царствія Божія, были очень похожи на Іоанна Крестителя и немного—на Іисуса. Нѣкоторые вѣрные, кажется, присоединились къ зелотамъ, дали увлечь себя; но миролюбивое настроеніе, присущее христіанству, взяло верхъ. Главы церкви боролись съ этими опасными стремленіями при помощи словъ, которыя, какъ они утверждали, произнесъ Іисусъ: „Берегитесь, чтобы кто не прельстилъ васъ; ибо многіе придутъ подъ именемъ моимъ и будутъ говорить: „Я Христосъ“, и многихъ прельстятъ...... Тогда, если кто скажетъ вамъ: „вотъ здѣсь Христосъ“, или „тамъ“,—не вѣрьте; ибо возстанутъ лжехристы и лжепророки и дадутъ великія знаменія и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избран-

ныхъ. Вотъ я напередъ сказалъ вамъ. Итакъ, если скажутъ вамъ: „вотъ, онъ въ пустынѣ“,—не выходите; „вотъ, онъ въ потаенныхъ комнатахъ“,—не вѣрьте.....“

Нѣтъ сомнѣнія, что было и нѣсколько случаевъ отступничества и даже предательства братіями своихъ братій; политическія раздѣленія привели къ охладѣнію любви, но большинство хотя и очень живо чувствовало кризисъ Израиля, но ни коимъ образомъ не приняло участія въ анархіи, хотя бы и носящей оттѣнокъ патріотизма. Христіанскимъ манифестомъ этого торжественнаго часа была рѣчь, приписываемая Іисусу, нѣкотораго рода откровеніе, которое, быть можетъ, въ основаніи своемъ имѣло нѣсколько словъ, дѣйствительно произнесенныхъ учителемъ, и объясняло связь конечной катастрофы, которую считали въ это время очень близкой, съ переживаемымъ политическимъ положеніемъ. Лишь много позже послѣ осады этотъ отрывокъ написанъ былъ цѣликомъ, но нѣкоторыя слова, которые въ немъ влагаются въ уста Іисусу, относятся именно къ моменту, до котораго мы дошли въ нашемъ разсказѣ. „Когда увидите мерзость запустѣнія, реченную чрезъ пророка Даніила, стоящую на святомъ мѣстѣ,—читающій да разумѣетъ,—тогда находящіеся въ Іудеѣ да бѣгутъ въ горы; и кто на кровлѣ, тотъ да не сходитъ взять что нибудь изъ дома своего; и кто на полѣ, тотъ да не обращается назадъ взять одежды свои. Горе же беременнымъ и питающимъ сосцами тѣ дни. Молитесь, чтобы не случилось бѣгство ваше зимою, или въ субботу; ибо тогда будетъ великая скорбь, какой не было отъ начала міра донынѣ, и не будетъ“.

Другія апокалипсисы того же рода обращались, какъ кажется, подъ именемъ Еноха, и представляли странное сходство съ этими словами, приписываемыми Іисусу. Въ одномъ изъ нихъ божественная Мудрость, играющая роль пророческой личности, укоряла народъ въ его преступленіяхъ, въ убійствахъ пророковъ, въ жестокосердіи. Отрывки, которые какъ можно предположить дошли до насъ именно отъ этихъ произведеній намекаютъ, кажется, на убійство Захаріи сына Варуха. Шла рѣчь тамъ также и о „страшномъ неподобіи“, которое будетъ величайшимъ ужасомъ, на какой только способно человѣческое коварство, и которое, повидимому, предст[illegible] собой оскверненіе храма зелотами. Всѣ эти чудо-г[illegible]ѣянія доказывали, что пришествіе возлюбленнаго

и отмщеніе праведниковъ не заставитъ себя ждать. Вѣрные христіане Іудеи, въ частности, все еще слишкомъ дорожили храмомъ, чтобы такое кощунство не преисполнило ихъ ужасомъ. Со временъ Навуходоносора не было видано ничего подобнаго.

Вся семья Іисусова сочла, что настало время бѣжать. Убійство Іакова уже сильно ослабило связь Іерусалимскихъ христіанъ съ правовѣрнымъ еврействомъ; разводъ между Церковью и Синагогой подготовлялся день за днемъ. Ненависть евреевъ къ набожнымъ сектантамъ, несдерживаемая больше римской законностью, безъ сомнѣнія привела къ неоднократнымъ насиліямъ. Къ тому же жизнь тѣхъ праведниковъ, которые привыкли оставаться на паперти и творить тамъ свои молитвы, стала очень тревожной съ тѣхъ поръ, какъ зелоты превратили храмъ въ вооруженную позицію и осквернили его убійствами. Иные доходили до того, что говорили, будто такому оскверненному городу уже не подходитъ имя Сіона, а должно его называть Содомомъ, и что положеніе истинныхъ израильтянъ въ этомъ городѣ напоминаетъ положеніе ихъ плѣнныхъ предковъ въ Египтѣ.

Повидимому, рѣшено было назначить отъѣздъ въ началѣ 68 года; чтобы придать этому рѣшенію большую авторитетность, былъ распространенъ слухъ, что главные члены общины имѣли относительно этого пункта откровеніе; по словамъ нѣкоторыхъ откровеніе это было произведено черезъ посредство ангела. Весьма возможно, что всѣ откликнулись на призывъ старѣйшинъ, и что въ городѣ не осталось ни одного изъ братій, которымъ очень вѣрный инстинктъ подсказывалъ, что городъ этотъ осужденъ на гибель.

Нѣкоторыя указанія заставляютъ насъ думать, что бѣгство этого мирнаго отряда не обошлось вполнѣ благополучно. Евреи, повидимому, преслѣдовали его; и дѣйствительно, террористы зорко наблюдали за дорогами и убивали какъ измѣнниковъ всѣхъ, кто старался ускользнуть, если только тѣ не въ состояніи были уплатить имъ крупнаго выкупа. Одно обстоятельство, которое разсказывается очень туманно, спасло бѣглецовъ: „И пустилъ змій изъ пасти своей вслѣдъ жены (Іерусалимской Церкви) воду какъ рѣку, дабы увлечь ее рѣкою. Но земля помогла женѣ. и разверзла земля уста свои и поглотила рѣку, которую пустилъ драконъ на жену", весьма возможно, что зелоты пытались сбросить отрядъ праведниковъ

въ Іордань, но ему удалось перейти рѣку въ бродъ; возможно также, что посланный за нимъ въ погоню патруль заблудился и такимъ образомъ потерялъ слѣдъ тѣхъ, кого преслѣдовалъ.

Мѣстомъ, избраннымъ старѣйшинами общины въ качествѣ центральнаго пріюта бѣжавшей церкви, оказалась Пелла, одинъ изъ городовъ Декаполиса. расположенный на лѣвомъ берегу Іордани, въ удивительно красивомъ мѣстоположеніи, съ одной стороны господствующимъ надъ всей долиной Гхора, съ другой—граничащей съ пропастями, въ глубинѣ которыхъ бушуютъ потоки. Болѣе разумнаго выбора сдѣлать было невозможно. Іудея, Идумей, Перей, Галилея, были охвачены возстаніемъ; въ Самаріи и на побережьи бушевала война; такимъ образомъ Скиѳополисъ и Пелла оказывались ближайшими къ Іерусалиму городами, гдѣ можно было спокойно жить на нейтральной почвѣ. Благодаря положенію Пеллы, за Іорданомъ она должна была доставить бѣглецамъ гораздо больше покоя, чѣмъ Скиѳополисъ, превращенный въ Римскую крѣпость. Пелла была свободнымъ городомъ, подобно всѣмъ мѣстностямъ Декаполиса; но повидимому, она передалась на сторону Агриппы II. Скрыться туда,—значило открыто признаться въ антипатіи къ возстанію. Значеніе свое городъ пріобрѣлъ уже со временъ Македонскаго завоеванія. Тамъ была устроена колонія ветерановъ Александра, и эта колонія измѣнила семитское имя мѣстности на другое, напоминавшее старымъ солдатамъ объ ихъ отечествѣ. Пелла была взята Александромъ Яненеемъ; населявшія ее греки отказались дать себя обрѣзать и много терпѣли отъ еврейскаго фанатизма. Несомнѣнно языческое населеніе снова укоренилось тамъ; ибо въ эпоху погромовъ 66 года Пелла фигурируетъ въ числѣ сирійскихъ городовъ и еще разъ терпитъ еврейскую рѣзню. Въ этомъ антиеврейскомъ городѣ и укрылась Іерусалимская Церковь на время ужасовъ осады. Устроилась она тамъ отлично и стала смотрѣть на это покойное мѣсто, какъ на вѣрный пріютъ, какъ на пустыню уготованную ей Богомъ для спокойнаго ожиданія вдали отъ треволненій мірскихъ часа пришествія Іисуса. Община жила на свои сбереженія; думали, что Самъ Богъ заботится о снабженіи ея пищей, и въ подобной судьбѣ, столь отличной отъ судьбы евреевъ, многіе стали видѣть чудо, предсказанное пророками. Галилейскіе христіане, со своей стороны, вѣроятно перешли на востокъ Іордани и озера, въ Батанею и Гавлетиниду. Особенное зна-

ченіе получило это бѣжавшее христіанство потому, что оно увело съ собою остатки семьи Іисусовой, окруженные глубочайшимъ уваженіемъ и по гречески называвшіеся desposyni, „приближенные Учителя“. Вскорѣ мы дѣйствительно увидимъ, что за-іорданское христіанство явилось продолжателемъ эбіонизма, т. е. самаго преданія словъ Іисусовыхъ. Изъ ея среды предстояло произойти синоптическимъ Евангеліямъ.

ГЛАВА XIII.

Смерть Нерона.

Ранней весною 68 года Веспасіанъ возобновилъ военныя дѣйствія. Задачей его было, какъ сказано, раздавить іудейство шагъ за шагомъ, наступая одновременно съ Сѣвера и Запада на Югъ и на Востокъ, заставить бѣглецовъ запереться въ Іерусалимѣ и тамъ безпощадно перерѣзать этотъ муравейникъ мятежниковъ. Такимъ образомъ онъ дошелъ до Эммауса, въ семи миляхъ отъ Іерусалима, у подошвы предгорья, ведущаго изъ долины Лика къ Святому городу. Штурмовать послѣдній онъ считалъ еще несвоевременнымъ; онъ опустошилъ Идумей, потомъ Самарію, и 3-го Іюня устроилъ свою главную квартиру въ Іерихонѣ, откуда послалъ своихъ людей въ Пирею вырѣзать евреевъ, жившихъ тамъ. Іерусалимъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ; онъ очутился въ смертоносномъ кольцѣ. Веспасіанъ возвратился въ Назарею, чтобы собраться тамъ съ силами. Тамъ онъ узналъ одну новость, которая мгновенно охладила его и имѣла послѣдствіемъ отсрочку еще на два года сопротивленія и гибели Іерусалима.

9 Іюня умеръ Неронъ. Въ то время, какъ въ Іудеѣ происходила та борьба на жизнь и на смерть, о которой мы только что разсказали, онъ продолжалъ въ Греціи вести свою жизнь артиста. Въ Римъ онъ вернулся только къ концу 67 года. Никогда онъ такъ не наслаждался; ради него всѣ игры были соединены и сыграны въ одинъ годъ. Всѣ греческіе города послали ему призы со своихъ состязаній; ежеминутно являлис

къ нему депутаціи съ просьбами пѣть у нихъ. Большой ребенокъ, простофиля (а быть можетъ и насмѣшникъ), какихъ еще свѣтъ не видалъ, былъ въ восторгѣ. „Только одни греки и умѣютъ слушать пѣніе, говорилъ онъ; только одни греки достойны меня и моихъ стараній". Онъ осыпалъ ихъ милостями, на Истмійскихъ играхъ провозгласилъ свободу Греціи, щедро заплатилъ оракуламъ, которые прорицали ему то, что ему хотѣлось, уничтожилъ тѣхъ, которыми остался недовольнымъ, велѣлъ, говорятъ, задушить одного пѣвца за то, что тотъ не хотѣлъ пѣть тише, что было необходимо, чтобы дать превосходство голосу императора. Гелій, одинъ исъ негодяевъ, которымъ онъ уѣзжая передалъ свои полномочія надъ судьбами Рима и Сената, торопилъ Нерона возвратиться; начинали появляться самые тровожные политическіе симптомы. Неронъ отвѣчалъ, что онъ прежде всего долженъ былъ позаботиться о своей репутаціи, т. к. ему необходимо обезпечить себѣ средства къ жизни на то время, когда у него не станетъ Имперіи. Въ самомъ дѣлѣ, онъ постоянно думалъ о томъ, что если когда-нибудь, по волѣ судьбы, онъ превратится въ частное лицо, онъ отлично проживетъ своимъ искусствомъ, а когда ему замѣчали, что онъ слишкомъ утомляетъ себя, онъ возражалъ, что упражненія, которыя въ настоящее время являются для него лишь забавой цезаря, когда нибудь, быть можетъ, станутъ его заработкомъ. Самолюбію свѣтскихъ людей, слегка занимающихся литературой и искусствомъ, больше всего льститъ мысль, что они могли бы будто бы просуществовать своимъ дарованіемъ, еслибы обѣднѣли. Вмѣстѣ съ тѣмъ голосъ у Нерона былъ слабый и глухой, какъ ни старательно соблюдалъ онъ, ради его сохраненія, курьезныя предписанія тогдашней медицины; его врачъ по горловымъ болѣзнямъ никогда не покидалъ его и ежеминутно предписывалъ ему самыя ребяческія предосторожности. Мы краснѣемъ отъ стыда при мысли, что Грецiя была осквернена этимъ гнуснымъ маскарадомъ. Нѣкоторые города, впрочемъ, держались довольно достойно; въ Аѳины злодѣй явиться не посмѣлъ; а пригласить его туда не пригласили.

Извѣстія, между тѣмъ, приходили къ нему все тревожнѣе; уже около года прошло, какъ онъ оставилъ Римъ; онъ отдалъ приказъ о возвращеніи. Возвратный путь стоилъ всего путешествія. Въ каждомъ городѣ ему воздавались тріумфальныя почести: ради его въѣзда разрушались стѣны. Въ Римѣ его

ждало неслыханное бѣснованіе. Онъ возсѣлъ на колесницу, на которой когда-то ѣхалъ, справляя тріумфъ, Августъ; рядомъ съ нимъ находился музыкантъ Діодоръ; на головѣ у него былъ одѣтъ вѣнокъ съ олимпійскихъ игръ, въ правой рукѣ онъ держалъ вѣнокъ пиѳійскій, передъ нимъ несли другіе вѣнки и, на щитахъ надписи съ перечисленіемъ всѣхъ его побѣдъ, именъ побѣжденныхъ имъ, заглавій пьесъ, въ которыхъ онъ игралъ. Клакеры, апплодировавшіе ему на три различные способа, имъ самимъ выдуманные, и всадники Августа (августаны), слѣдовали за нимъ; для его въѣзда пришлось разрушить арку Большого Цирка. Воздухъ потрясали клики: „да здравствуетъ олимпіонникъ! Да здравствуетъ побѣдитель пиѳійскій! Августъ! Августъ! Хвала Нерону Геркулесу! Хвала Нерону Апполону! *Объединитель всѣхъ побѣдъ,* какого еще никогда не было на свѣтѣ! Августъ! Августъ! О, божественный голосъ! Счастливъ тотъ, кто имѣетъ возможность слышать тебя!“ Тысяча восемьсотъ восемь вѣнковъ, полученныхъ Нерономъ, были разложены въ Большомъ Циркѣ и прикрѣплены къ египетскому обелиску, поставленному тамъ Августомъ, чтобы служить въ качествѣ meta (столба, обозначающаго начало бѣга).

Наконецъ въ благородныхъ частяхъ рода человѣческаго заговорила совѣсть. Востокъ за исключеніемъ іудеевъ, не краснѣя переносилъ эту постыдную тиранію, и даже чувствовалъ себя недурно, но на Западѣ не умерло еще чувство чести. Сверженіе Галліей подобнаго тирана навсегда останется для нея славой. Въ то время, какъ германскіе солдаты, полные ненависти къ республиканцамъ, рабы своего принципа вѣрности, исполняли при Неронѣ, какъ и при всѣхъ другихъ императорахъ, роль честныхъ тѣлохранителей и гвардейцевъ, нѣкій аквитанецъ, потомокъ древнихъ царей этой страны, первый кликнулъ кличъ возстанія. Движеніе приняло чисто галльскій характеръ; не раздумывая о послѣдствіяхъ, галлійскіе легіоны кинулись въ революцію. Виндексъ подалъ сигналъ около 15-го Марта 68-го года. Извѣстіе объ этомъ событіи быстро достигло Рима, на стѣнахъ послѣдняго не замедлили появиться оскорбительныя для Нерона надписи углемъ: „онъ такъ громко пѣлъ, говорили злые остряки, что разбудилъ пѣтуховъ (gallos)“. Сперва Неронъ только смѣялся, онъ даже выразилъ удовольствіе, что ему подаютъ предлогъ обобрать Галловъ и такимъ образомъ обогатиться. Онъ продолжалъ пѣть и развлекаться до тѣхъ пока, поръ Виндексъ не изда-

прокламацію, гдѣ называлъ его жалкимъ артистомъ. Тогда фигляръ написалъ изъ Неаполя, гдѣ онъ въ то время находился, письмо въ Сенатъ, требуя правосудія, и отправился лично въ Римъ. Однако онъ, словно на показъ, занимался исключительно извѣстными музыкальными инструментами только что изобрѣтенными, въ особенности водянымъ органомъ, о которомъ онъ серьезно совѣщался съ Сенатомъ и всадниками; но извѣстіе объ измѣнѣ Гальбы (3 Апрѣля) и о присоединеніи къ Галліи испанцевъ, полученное имъ во время обѣда, поразило его какъ громомъ; онъ опрокинулъ обѣденный столъ, порвалъ письмо, разбилъ со злости два рѣзныхъ кубка большой цѣны, изъ которыхъ обыкновенно пилъ. Среди немедленно начатыхъ имъ курьезныхъ приготовленій, главнѣйшая доля его заботъ была направлена на сохраненіе его инструментовъ и театральнаго багажа, а также о женщинахъ, которыхъ онъ одѣлъ амазонками, съ круглыми щитами, топорами, причемъ остригъ ихъ подъ гребенку. То была странная смѣна, непрерывные переходы отъ унынія къ какому то мрачному шутовству, о которыхъ не знаешь, что думать: принимать ли ихъ въ серьезъ, или считать за дурачество, т. к. всѣ дѣйствія Нерона колебались между черной злобою жестокаго глупца и ироніей разочарованнаго человѣка. Ни одна мысль не приходила ему въ голову, чтобы она не была нелѣпостью. Якобы артистическій міръ, въ которомъ онъ жилъ, сдѣлалъ его совершеннымъ глупцомъ. Иногда онъ собирался, вмѣсто того, чтобы сражаться выдти на встрѣчу непріятелямъ безъ оружія, надѣясь растрогать ихъ; онъ даже сочинялъ уже эпиницій, который ему предстояло пѣть вмѣстѣ съ ними на слѣдующій день послѣ примиренія. То онъ вдругъ собирался отдать приказанія, чтобы перерѣзали весь Сенатъ, вторично сжечь Римъ и во время пожара выпустить изъ амфитеатра на городъ дикихъ звѣрей. Галлы составляли предметъ особенной его ненависти; онъ грозилъ зарѣзать всѣхъ тѣхъ изъ нихъ, которые находились тогда въ Римѣ, подъ предлогомъ единомыслія съ соотечественниками и подозрѣнія, что они къ нимъ присоединятся. Временами являлась у него мысль перемѣнить столицу имперіи, удалиться въ Александрію; онъ вспоминалъ, что пророки предсказывали ему владычество на Востокѣ, въ частности, Іерусалимское царство; мечталъ, какъ онъ будетъ жить своимъ музыкальнымъ дарованіемъ, и эта возможность доставляла ему тайную радость, какъ средство

на дѣлѣ доказать свои достоинства. Потомъ онъ искалъ утѣшенія въ литературѣ; подчеркивалъ то, что было въ его положеніи исключительнаго: судьба его неслыханна, никогда ни одинъ государь не терялъ при жизни такого большого царства; даже во дни самаго сильнаго смятенія онъ не измѣнялъ ни въ чемъ своихъ привычекъ: о литературѣ говорилъ больше, чѣмъ о Галлахъ; пѣлъ, острилъ, ходилъ инкогнито въ театръ и подъ рукой писалъ одному понравившемуся ему актеру: „задерживать такого занятого человѣка! какъ это скверно!“

Недостатокъ единодушія въ галльскихъ арміяхъ, смерть Виндекса, слабость Гальбы быть можетъ отсрочили бы избавленіе міра, еслибы римская армія въ свою очередь не заявила себя бунтомъ. Преторіанцы возмутились и вечеромъ 8 Іюля провозгласили императоромъ Гальбу. Неронъ увидѣлъ, что все погибло; его извращенный умъ, однако, продолжалъ подсказывать ему только курьезныя мысли; одѣться въ трауръ, пойти въ этомъ видѣ держать рѣчь народу, употребить всю силу своего артистическаго таланта, чтобы вызвать состраданіе и такимъ путемъ вымолить себѣ прощеніе за прошлое, или, за неимѣніемъ лучшаго, хоть профектуру въ Египтѣ. Онъ написалъ рѣчь; но ему замѣтили, что его разорвутъ на клочки раньше, чѣмъ онъ доберется до Форума. Онъ легъ спать: проснувшись срединѣ ночи, онъ увидѣлъ, что стражи нѣтъ; его комнату уже грабили. Онъ выходитъ, стучится въ разныя двери, никто не откликается, онъ возвращается домой, хочетъ убить себя, зоветъ съ этой цѣлью гладіатора Спикула, блестящаго бойца, одну изъ знаменнитостей амфитеатра; всѣ отъ него уходятъ. Онъ опять выбѣгаетъ на улицы, бродитъ по нимъ въ полномъ одиночествѣ, отправляется съ намѣреніемъ броситься въ Тибръ,—и возвращается домой. Вокругъ него—какъ будто пустыня. Его вольноотпущенникъ Фаонъ предложилъ ему тогда въ качествѣ убѣжища свою виллу, расположенную между дорогами Соларійской и Номентанской, у 4-го верстового столба. Несчастный, полуодѣтый, въ худомъ плащѣ, на жалкой клячѣ, съ покрытымъ лицомъ, дабы не быть узнаннымъ, отправился въ путь въ сопровожденіи трехъ или четырехъ своихъ вольноотпущенниковъ, среди которыхъ находились Фаонъ, Споръ, и секретарь его Эпафродитъ. День еще не занимался. Проѣзжая подъ Коллинскими воротами, онъ услышалъ раздававшіеся въ лагерѣ преторіанцевъ клики солдатъ,

проклинавшихъ его и восхвалявшихъ Гальбу. Скачекъ лошади, испугавшейся вони лежавшаго на дорогѣ трупа, стряхнулъ съ его головы покрывало, и его узнали. Ему удалось, однако, добраться до виллы Фаона, но для этого ему пришлось ползти на животѣ по кустарникамъ, прячась за камышами.

Его глупое настроеніе и мальчишескій жаргонъ не оставили его. Его хотѣли спрятать въ каменоломню для добычи туфа, какихъ много въ той мѣстности. Это дало ему поводъ сострить! „Что за участь, сказалъ онъ, отправляться живымъ подъ землю!“ Впечатлѣнія его отражались въ немъ фейерверкомъ классическихъ цитатъ, смѣшанныхъ съ тяжеловѣсными шутками гибнущаго паяца. На каждый случай у него имѣлось литературное воспоминаніе, холодная антитеза: „тотъ, кто нѣкогда гордился многочисленной свитой, долженъ теперь довольствоваться тремя вольноотпущенниками!“ Минутами ему приходили на память его жертвы, но это приводило лишь къ новой риторической шумихѣ, никогда не вызывая у него въ душѣ чувства раскаянія. Комедіантъ пережилъ въ немъ все. Положеніе его представлялось ему просто лишней драмой, которую онъ и прежде уже репетировалъ. Вспоминая игранныя имъ роли отцеубійцъ или превратившихся въ нищихъ государей, онъ замѣчалъ; что теперь играетъ эту роль для себя самого, и напѣвалъ стихъ, который одинъ изъ трагиковъ вложилъ въ уста Эдипу:

Моя супруга, мать, отецъ
На смерть посылаютъ меня.

Неспособный ни на одну серьезную мысль, онъ приказалъ, чтобы ему вырыли могилу по росту, велѣлъ принести куски мрамора и дрова для своего погребенія и при всемъ этомъ рыдалъ и восклицалъ: „Какой артистъ умираетъ!“.

Вѣстникъ Фаона, между тѣмъ, приноситъ ему депешу; Неронъ вырываетъ ее у него изъ рукъ. Онъ видитъ, что сенатъ объявилъ его врагомъ государства и приговорилъ его къ казни „по древнему обычаю“.—„А что это за обычай?“ спрашиваетъ онъ; ему объясняютъ, что его раздѣнутъ до нага, защемятъ голову вилами, и въ этомъ положеніи будутъ сѣчь розгами, пока не наступитъ смерть, а потомъ тѣло крючьями потащутъ къ Тибру и сбросятъ туда. Онъ содрогнулся, взялъ въ руки два кинжала, попробовалъ ихъ лезвія, снова спряталъ ихъ въ ножны со словами: „Роковой часъ

еще не наступилъ“. Онъ пригласилъ Спора приступить къ погребальному пѣснопѣнію, опять попробовалъ убить себя, но не могъ. Его неуклюжесть, родъ таланта заставлять дрожать въ себѣ всѣ разстроенныя струны души, его смѣхъ, въ одно и то же время и дурацкій и дьявольскій, его претенціозное фанфаронство, превратившее всю его жизнь въ какое-то мяуканіе на шутовскомъ шабашѣ, достигали высшихъ степеней пошлости. Онъ никакъ не могъ покончить съ собой. „Неужели здѣсь некому показать мнѣ примѣръ?“, спрашиваетъ онъ, и снова сыплетъ цитатами, говоритъ съ собой по гречески, произноситъ отрывки стиховъ. Вдругъ послышался топотъ отряда всадниковъ, спѣшившихъ взять его живымъ.

„Тяжкій топотъ копытъ поражаетъ мой слухъ“, говоритъ онъ. Тогда Эпафродитъ налегъ на его руку съ кинжаломъ, и оружіе вошло ему въ горло. Почти въ тотъ же моментъ является центуріонъ, хочетъ остановить кровь, старается увѣрить всѣхъ, что онъ приходитъ для того, чтобы спасти Нерона. „Поздно!“, говоритъ умирающій, глаза котораго выходятъ изъ орбитъ и наводятъ ужасъ. „Вотъ она, ваша вѣрность!“, прибавилъ онъ, испуская духъ. Это самая блестящая выходка изъ всѣхъ комизмовъ, который онъ когда-либо произнесъ. Неронъ выражаетъ грустную жалобу на злобу своихъ временъ, на исчезновеніе чести и добродѣтели!.. Поаплодируемъ ему. Драма кончилась. О, тысячелицая природа, ты сумѣла отыскать актера, вполнѣ достойнаго такой роли!

Неронъ очень просилъ, чтобы его голову не отдавали на посрамленіе, чтобы его сожгли цѣликомъ. Двѣ его кормилицы и Актея, все еще любившая его, тайно похоронили его, въ богатомъ саванѣ, затканномъ золотомъ, со всею роскошью, которую, какъ имъ было извѣстно, онъ такъ любилъ. Пепелъ его положили въ гробницу Домиція,—огромный мавзолей, господствовавшій надъ холмомъ Садовъ (Pincio) и выглядѣвшій очень красиво съ Марсова поля. Отсюда тѣнь его, подобно вампиру, выходила бродить въ средніе вѣка; чтобы положить конецъ этимъ явленіямъ, приводившимъ въ ужасъ весь околотокъ, тамъ выстроили церковь.

Такъ погибъ 31 года отъ рожденія, послѣ 13 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ царствованія, не самый глупый и не самый злой, но самый тщеславный, пустой и смѣшной изъ всѣхъ, кого когда либо выносила игра случая на авансцену исторіи. Неронъ,

прежде всего,—типъ литературнаго извращенія... Онъ далеко не былъ лишенъ ни таланта, ни порядочности, этотъ бѣдный молодой человѣкъ, одурманенный дурной литературой, опьяненный декламаціей, забывавшій свою имперію для звуковъ Тероса; даже получивши роковое извѣстіе о возстаніи Галловъ, онъ не побезпокоился и не ушелъ со спектакля, на которомъ тогда присутствовалъ; выразилъ свое одобреніе атлету и въ теченіе нѣсколькихъ дней подрядъ ни о чемъ не думалъ, какъ о своей лирѣ и своемъ голосѣ. Главнымъ виновникомъ во всемъ этомъ былъ самъ народъ, жадный до удовольствій, требующій прежде всего, чтобы государь его забавлялъ, а также испорченный вкусъ эпохи, перепутавшей всѣ понятія о величіи и придававшій. много, слишкомъ много цѣны славѣ писателя и артиста. Въ литературномъ воспитаніи кроется опасность, въ томъ смыслѣ, что оно внушаетъ неумѣренное желаніе славы, не давая въ то же время человѣку той нравственной серіозности, которая есть основаніе истинной славы. Существо тщеславное, избалованное, стремясь къ безконечному, къ огромному, но не вооруженное никакой способностью къ самоопредѣленію, неминуемо должно было потерпѣть самое плачевное крушеніе. Даже хорошія его качества, напр., отвращеніе къ войнѣ, стали для него роковыми, такъ какъ въ немъ развилась страсть блистать такими свойствами, которыхъ у него не должно было бы быть. Если человѣкъ не Маркъ Аврелій, то не особенно хорошо черезчуръ возноситься надъ предразсудками своей касты и своего положенія. Государь—прежде всего воинъ; государь великій можетъ и долженъ покровительствовать литературѣ, но самому быть литераторомъ ему не слѣдуетъ. Августъ, Людовикъ XIV, покровительствуя блестящему развитію генія, представляютъ послѣ Аѳинъ и Флоренціи, прекраснѣйшее зрѣлище въ исторіи; Неронъ, Хильперикъ, король Людовикъ Баварскій—каррикатуры. Что касается до Нерона, то, благодаря неограниченности императорской власти и жестокости римскихъ нравовъ, эта каррикатура казалась начертанной кровью.

Въ доказательство неизлѣчимой безнравственности народныхъ массъ часто приводятъ фактъ, что Неронъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ былъ популяренъ. Дѣло въ томъ, что въ общественномъ о немъ мнѣніи замѣчалось два теченія. Всѣ люди серіозные и честные его ненавидѣли; чернь его любила, частью наивно, по тому смутному чувству бѣднаго плебея,

благодаря которому онъ обыкновенно обожаетъ своего государя, если у послѣдняго блестящая внѣшность, частью потому, что онъ опьянялъ его своими праздниками. Во время этихъ праздниковъ всѣ видѣли, какъ онъ смѣшивался съ толпой, обѣдалъ, закусывалъ въ театрѣ, среди всякой сволочи. Сверхъ того, развѣ онъ не ненавидѣлъ сената и римской знати, характеръ которыхъ былъ столь суровымъ и потому столь непопулярнымъ? Окружавшіе Нерона прожигатели жизни были, по крайней мѣрѣ, любезны и вѣжливы. Солдаты гвардіи тоже сохраняли къ нему постоянную привязанность. Его могилу много лѣтъ украшалъ кто-то свѣжими цвѣтами, его изображенія [illegible] и дѣло возлагались у ростральной колонны. Оттонъ [illegible] пѣхъ лишь потому, что онъ былъ его приближеннымъ и что онъ подражалъ его привычкамъ. Вителій, чтобы добиться отъ Рима признанія, довольно громко утверждалъ, что онъ беретъ себѣ за образецъ Нерона и будетъ подражать его правиламъ управленія. 30—40 лѣтъ спустя весь свѣтъ желалъ, чтобы Неронъ былъ еще живъ, и чаялъ его возвращенія.

Эта популярность, которой особенно удивляться нечего, дѣйствительно, имѣла странное дѣйствіе. Распространился слухъ, будто предметъ столькихъ сожалѣній на самомъ дѣлѣ не умеръ. Еще при жизни Нерона, даже среди его приближенныхъ чувствовалось нарожденіе идеи, что въ Римѣ онъ будетъ низвергнутъ съ престола, но что тогда начнется для него новое царство, царство восточное, почти мессіаническое. Народу всегда трудно вѣрится, что лица, долго занимавшія вниманіе всего міра, окончательно исчезли. Смерть Нерона на виллѣ Фаона, при весьма немногихъ свидѣтеляхъ, не получила широко публичнаго характера; погребеніе его произошло въ присутствіи лишь трехъ женщинъ, ему преданныхъ. Трупъ его видѣлъ почти одинъ только Ицелъ; отъ его личности не оставалось ничего, почему его можно было признать. Могли повѣрить слуху о подмѣнѣ; одни утверждали, что тѣло его не было найдено; другіе говорили, что будто рану, которую онъ причинилъ себѣ на шеѣ, перевязали и вылѣчили. Почти всѣ утверждали, что, по настоянію Парфянскаго посла въ Римѣ, онъ укрылся къ своимъ союзникамъ Арзакидамъ, исконнымъ врагамъ римлянъ, или къ тому Армянскому царю Тиридату, путешествіе котораго въ 66 году въ Римъ сопровождалось великолѣпными празднествами, произ-

ведшими на народъ глубокое впечатлѣніе. Тамъ онъ, будто бы, обдумывалъ, какъ погубить имперію. Скоро онъ появится во главѣ Восточной конницы, чтобы мучить всѣхъ, кто его предалъ. Его приверженцы жили этой надеждой; они уже возстановляли его статуи и даже распространяли эдикты за его подписью. Наоборотъ, христіане, смотрѣвшіе на него, какъ на чудовище, внимая подобнымъ слухамъ, которымъ они, въ качествѣ людей изъ народа, вѣрили, были поражены ужасомъ. Такія бредни продолжались очень долго, и, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, появилось нѣсколько Лже-Нероновъ. Мы увидимъ вскорѣ, какое противодѣйствіе вызвали въ христіанской церкви эти слухи, и какое мѣсто они получили въ пророческой литературѣ эпохи.

Необычайное зрѣлище, которое представлялось тогда умамъ, нарушило равновѣсіе большинства ихъ. Человѣческую природу довели до предѣловъ невозможнаго; въ мозгахъ чувствовалась пустота, какъ послѣ лихорадки съ бредомъ; повсюду чудились призраки и кровавыя видѣнія. Разсказывали, будто бы при выѣздѣ Нерона изъ Коллинскихъ воротъ, когда онъ бѣжалъ на виллу Фаона, передъ его глазами упала молнія и въ то же время земля задрожала, какъ будто она разверзлась и души всѣхъ убитыхъ имъ встали, чтобы накинуться на него. Воздухъ былъ пропитанъ жаждой мести. Вскорѣ мы будемъ наблюдать одинъ изъ эпизодовъ великой небесной трагедіи, когда души убіенныхъ, тѣснясь передъ престоломъ Божіимъ, громко взываютъ; „Доколѣ, Владыко Святый и истинный, не судишь и не мстишь живущимъ за кровь нашу?“. И даны будуть имъ одежды бѣлыя, чтобы они успокоились еще на малое время.

ГЛАВА XIV.

Бѣдствіе и знаменіе.

Первое впечатлѣніе евреевъ и христіанъ при извѣстіи о [illegible]мущеніи Виндекса выразилось въ пылкомъ восторгѣ. Они [illegible]гали, что вмѣстѣ съ домомъ Цезаря должна погибнуть и [illegible] [illegible]то вожди возстанія, ненавидя Римъ, только и ду-

мали о томъ, чтобы изъ своихъ провинцій создать независимое государство. Галльское движеніе было принято въ Іудеѣ за революцію, имѣющую одинаковое значеніе съ освободительнымъ движеніемъ самихъ евреевъ. Это была крупная ошибка. За исключеніемъ Іудеи, ни одна провинція въ имперіи не стремилась къ распаденію великаго союза государствъ, обезпечившаго міру спокойствіе и матеріальное благоденствіе. Всѣ страны, прилежавшія къ берегамъ Средиземнаго моря, нѣкогда враждебныя между собою, были очень довольны тѣмъ, что уживаются въ согласіи. Сама Галлія, хотя и менѣе умиротворенная, чѣмъ остальныя страны, въ своихъ революціонныхъ вожделѣніяхъ ограничивалась тѣмъ, что свергала дурныхъ императоровъ, добивалась реформъ и требовала болѣе либеральнаго правленія. Но легко понять, что людямъ, привыкшимъ къ эфимернымъ царствамъ Востока имперія, царствующая династія которой угасла, казалась обреченной на гибель, и что они считали, будто различныя народности, въ теченіе одного или двухъ лѣтъ терпѣвшія иго имперіи, образуютъ отдѣльныя государства подъ властью правившихъ ими военачальниковъ. И дѣйствительно, въ теченіе 18 мѣсяцевъ ни одинъ изъ начальниковъ возмутившихся легіоновъ не успѣлъ добиться болѣе или менѣе прочнаго первенства надъ своими соперниками. Никогда свѣтъ не переживалъ такой лихорадки: въ Римѣ,— еле разсѣявшійся кошмаръ Нерона; въ Іерусалимѣ неистовствуетъ цѣлый народъ; христіане все еще подъ впечатлѣніемъ страшнаго избіенія 64 года; даже почва; и та трепещетъ въ ужаснѣйшихъ конвульсіяхъ. Происходило какое-то повсемѣстное головокруженіе. Планета наша, казалось, содрогнулась и не могла больше существовать. Грозныя высоты порока, которыхъ достигло языческое общество, дикія выходки Нерона, его „золотой домъ“, его нелѣпое искусство, его статуи и колоссы, изображенія болѣе 100 футовъ въ высоту, буквально свели вселенную съ ума. Естественныя бѣдствія начинали появляться со всѣхъ сторонъ и держали умы населенія въ нѣкоторомъ видѣ террора.

Если читать Апокалипсисъ, не зная времени его происхожденія и не имѣя ключа къ его пониманію, книга эта должна показаться произведеніемъ самаго капризнаго и самаго своеобразнаго воображенія; но если поставить это странное видѣніе на его мѣсто, въ рамкѣ междуцарствія между Нерономъ и Веспасіаномъ, когда имперія переживала самый серьезный

во всей своей исторіи кризисъ, —тогда произведеніе это оказывается замѣчательно соотвѣтствующимъ современному ему состоянію умовъ; можно даже сказать больше: состоянію всего земного шара, ибо мы увидимъ вскорѣ, что физическая исторія земли въ ту эпоху доставила автору много матеріаловъ. Міръ бредилъ чудесами; никогда люди такъ много не занимались предсказаніями. Казалось, Богъ Отецъ покрылъ ликъ Свой; нечистые демоны, чудовища, вынырнувшія изъ какой-то таинственной тины, казалось, бродили по землѣ. Всѣ вѣрили, что живутъ наканунѣ какихъ-то неслыханныхъ событій. Вѣрованія въ знаменія времени и въ чудеса были распространены повсемѣстно; едва ли сотня другая развитыхъ людей понимала всю тщету ихъ. Шарлатаны, хранители болѣе или менѣе подлинныхъ ветхихъ бредней Вавилона, пользовались въ своихъ цѣляхъ невѣжествомъ народа и хвалились умѣньемъ изъяснять предзнаменованія. Эти ничтожества становились важными особами; время проходило въ томъ, что ихъ то прогоняли, то призывали; Оттонъ и Вителій, въ частности, всецѣло предались имъ. Въ самыхъ высшихъ заботахъ своихъ политика не пренебрегала считаться съ этими ребяческими бреднями.

Одной изъ самыхъ важныхъ отраслей Вавилонской магіи было толкованіе чудовищныхъ рожденій, которыя почитались указаніемъ на будущія событія. Идея эта въ римскомъ обществѣ была распространена властнѣе, чѣмъ какая бы то ни было другая; многоголовые уродцы въ особенности почитались очевидными предзнаменователями, и каждая голова ихъ, будто бы, по символизму, который, какъ мы увидимъ ниже, принятъ и авторомъ Апокалипсиса, изображала одного императора. Такое же значеніе приписывалось страннымъ ублюдкамъ или тому, что за таковые принималось. И въ этомъ отношеніи болѣзненныя видѣнія, безпорядочные образы Апокалипсиса представляютъ ясное отраженіе народныхъ росказней, переполнявшихъ умы. Поросенокъ съ когтями ястреба былъ принятъ за точнѣйшій образъ Нерона, да и самъ Неронъ очень интересовался подобными чудищами.

Сильно занимались также и метеорами, небесными знаменіями. Болиды производили сильнѣйшее впечатлѣніе. Извѣстно, что учащенное паденіе болидовъ представляетъ періодическое явлені[illegible] [illegible]ращающееся приблизительно черезъ каждыя 30 лѣ[illegible] періоды бываютъ ночи, когда звѣзды буквально

производятъ впечатлѣніе дождя, падающаго съ неба; кометы, затмѣнія, ложныя солнца, сѣверныя сіянія, въ которыхъ чудились короны, мечи, потоки крови; знойныя облака, въ пластическихъ формахъ которыхъ рисовались людямъ сраженія, волшебныя животныя,—все это съ жадностью подмѣчалось и, можетъ быть, никогда такъ сильно не вліяло на людей, какъ въ эти трагическія времена. Только и было разговоровъ, что о кровавыхъ дождяхъ, объ удивительныхъ дѣйствіяхъ молніи, о рѣкахъ, потекшихъ противъ теченія, о кровавыхъ ручьяхъ. Тысячамъ мелочей, которымъ въ обычное время не придаютъ никакого значенія, лихорадочное возбужденіе общества сообщало преувеличенную важность. Безстыдный шарлатанъ Балбиллъ пользовался впечатлѣніемъ, которое эти случаи производили иногда на императора, чтобы возбудить его подозрѣніе противъ всего, что было въ Римѣ наиболѣе знаменитаго и чтобы вырывать у него самые жестокіе приказы.

Впрочемъ, до извѣстной степени бѣдствія эпохи оправдывали эти безумства. Кровь повсюду текла ручьями. Смерть Нерона, въ столькихъ отношеніяхъ явившаяся избавленіемъ, явилась начальнымъ пунктомъ многихъ гражданскихъ войнъ. Борьба галльскихъ легіоновъ подъ командой Виндекса и Виргинія была ужасна; Галилея была театромъ безпримѣрнаго истребленія народа. Война Корбулона противъ парфянъ была сопряжена съ неисчислимыми убійствами. Въ будущемъ предчувствовали еще худшія событія: полямъ Бедріака и Кремоны предстояло скоро задымиться кровью. Благодаря казнямъ, амфитеатръ сталъ адомъ. Жестокость военныхъ и гражданскихъ нравовъ стерли съ лица земли всякое милосердіе. Прячась со страхомъ въ глубинѣ своихъ дебрей, вертеповъ, христіане, конечно, уже повторяли между собой слова, приписываемыя Іисусу: „услышите о войнахъ и о военныхъ слухахъ. Смотрите, не ужасайтесь, ибо надлежитъ всему тому быть, но это еще не конецъ: ибо возстанетъ народъ на народъ, и царство на царство и будутъ глады, моры и землетрясенія по мѣстамъ; все это начало болѣзней“. Въ самомъ дѣлѣ, голодъ вступилъ въ союзъ съ избіеніями. Въ 68-мъ году не хватило хлѣбнаго привоза изъ Александріи. Въ началѣ марта 69-го года страшное наводненіе Тибра вызвало много бѣдъ. Нищета была страшная. Внезапный приливъ моря покрылъ трауромъ Ликію. Въ 65-мъ году Римъ страдалъ отъ страшной чумы; въ теченіе осени насчитали до 30.000 умершихъ. Въ томъ же году рас-

пространилась молва о страшномъ пожарѣ въ Ліонѣ, а Кампанью опустошили смерчи и циклоны, слѣды свирѣпости которыхъ дошли до самыхъ воротъ Рима. Казалось, извратился самый строй природы; страшныя грозы распространяли страхъ повсюду. Но что поражало больше всего, такъ это землетрясенія. Земной шаръ содрогался въ конвульсіяхъ, параллельныхъ лихорадкѣ внутренняго міра; казалось, что эта лихорадка охватила одновременно и землю, и ея населеніе. Одно изъ свойствъ великихъ историческихъ движеній составляетъ то, что въ нихъ смѣшивается въ одну кучу все, что въ моментъ ихъ дѣйствія волнуетъ воображеніе толпы. Послѣдняя связываетъ во единое цѣлое и феномены природы, и крупныя преступленія, и множество разныхъ случайностей, не имѣющихъ, казалось бы между собой никакой связи; все это сливается въ великую рапсодію, изъ вѣка въ вѣкъ слагающуюся человѣчествомъ. Именно въ силу этого исторія христіанства воплощаетъ въ себѣ все, что въ различныя времена волновало народъ. Неронъ и Сольфтара имѣли въ ней столько же значенія, сколько богословскія разсужденія; въ ней же слѣдуетъ удѣлить мѣсто и геологіи, и мировымъ катастрофамъ. Къ тому же изъ всѣхъ ужасовъ Нерона землетрясенія наиболѣе побѣждаютъ человѣка смиряться передъ невѣдомыми силами. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ они часты, въ Неаполѣ, въ Центральной Америкѣ, суевѣрія являются эндемическимъ состояніемъ; то же слѣдуетъ сказать и объ вѣкахъ, когда они свирѣпствуютъ съ особой силой. А никогда они не происходили чаще, чѣмъ въ I вѣкъ по Р. Х. Не запомнятъ времени, когда бы кора древняго материка такъ сильно волновалась.

Везувій готовилъ свое страшное изверженіе 79 года. 5-го февраля 63-го года Помпея была почти разрушена землетрясеніемъ; значительная часть жителей не посмѣла возратиться туда. Вулканическій центръ Неаполитанскаго залива въ эпоху нашего разсказа находился между Пудцолями и Кумами. Везувій еще молчалъ; но тотъ рядъ мелкихъ кратеровъ, который составляетъ область, лежащую на востокъ отъ Неаполя, и называвшуюся Флегрейскими полями, всюду являлъ слѣды подземнаго огня, Аверно, Acherusia paris (озеро Фузаро) озеро Аньяно, Сольфатара, маленькіе погасшіе вулканы Астрони, Камальдони, Искіи, Низиды въ настоящее время являются совершенно ничтожествами; путешественникъ выноситъ о[illegible] скорѣе впечатлѣніе изящества, чѣмъ память о чемъ

то грозномъ. Не такія чувства внушали они древнимъ. Эти бани, эти глубокія пещеры, эти горячіе источники, кипѣніе ихъ, міазмы, подземный грохотъ, разверстыя пасти (bocche d'inferno), изрыгающія сѣру, воспламененные газы вдохновили Виргилія; они же теперь стали однимъ изъ существенныхъ факторовъ апокалиптической литературы. Высаживаясь въ Пуццоляхъ, чтобы направиться въ Римъ для торговли или интригъ, еврей, видѣлъ эту землю, дымящуюся всѣми своими парами, въ вѣчномъ колебаніи, подъ которой, какъ его увѣряли, жили гиганты и находился адъ со всѣми его муками; особенно Сольфатара казалась ему кладеземъ бездны, едва прикрытой отдушиной ада. Постоянные клубы сѣрныхъ паровъ, струящіяся изъ его отверстія, не являлись ли въ глазахъ его нагляднымъ доказательствомъ того, что здѣсь существуетъ озеро подземнаго огня, предназначенное, очевидно, подобно озеру Пентаполиса, для наказанія грѣшниковъ? — Нравственное зрѣлище страны удивляли его не въ меньшей степени. Байи были городомъ минеральныхъ водъ и купаній, центромъ роскоши и удовольствій, модной дачной мѣстностью, излюбленнымъ мѣстопребываніемъ легкомысленнаго общества. Цицерону немало повредило среди серьезныхъ людей то, что онъ пріобрѣлъ себѣ виллу среди этого *царства* блестящихъ и распущенныхъ нравовъ. Проперцій не хотѣлъ, чтобы тамъ жила его любовница; Петроній переноситъ туда кутежъ Трimальціона. И дѣйствительно, Байи, Баулы, Кумы, Мизены были очевидцами всѣхъ безумствъ, всѣхъ преступленій. Бассейнъ лазурныхъ водъ, заключенныхъ въ рамки этой прелестной бухты, послужилъ сценой кровавой навмахіи, гдѣ погибли тысячи жертвъ на праздникахъ Калигулы и Клавдія. Какія мысли могли породить въ умѣ благочестиваго іудея, христіанина, страстно призывавшаго конецъ міра во вселенномъ пожарѣ, эти неслыханныя зрѣлища, эти роскошныя постройки среди водъ, эти купанья, предметъ ужаса для пуританъ? Только одну мысль. „Слѣпцы“, должны были говорить они себѣ, „ваше загробное жилище подъ ногами вашими; вы пляшете на адѣ, которому предстоитъ поглотить васъ“. Нигдѣ это впечатлѣніе, касайся оно Пуццоль или другихъ мѣстъ того же характера, не проявляется болѣе поразительно, чѣмъ въ книгѣ Еноха. По словамъ одного изъ авторовъ этого страннаго откровенія, мѣстопребываніемъ падшихъ ангеловъ служитъ подземная долина, располаженная на западѣ, возлѣ го-

ры металловъ. Гора эта наполнена потоками пламени. Отъ нея исходитъ запахъ сѣры; изъ нея брызжутъ кипящіе сѣрные источники (цѣлебные), которые служатъ къ исцѣленію больныхъ, и около которыхъ цари и великіе міра сего собираются, чтобы предаваться всякаго рода наслажденіямъ. Безумцы. они ежедневно видятъ наказаніе, имъ уготовляемое и тѣмъ не менѣе не молятся Богу. Эта пламенная долина можетъ быть долиной Гееннской на востокъ отъ Іерусалима, которая соединяется съ котловиной Мертваго моря долиною Onddi en-nâr (долиной огненной); въ такомъ случаѣ теплые источники суть Каллироэ—увеселительная мѣстность Иродовъ, а также источники по-истинѣ демонической мѣстности Махерона, сосѣдней съ Каллироэ. Но принимая въ соображеніе эластическую растяжимость апокалиптической топографіи, это легко могутъ быть и купанья въ Байяхъ и Кумахъ; а въ Огненной долинѣ можно узнать Сольфатару, видную изъ Пуццоль, или же Флегрейскіе поля; въ горѣ же металловъ — Везувія, какимъ онъ былъ до изверженія 79 го года. Мы вскорѣ увидимъ, какъ эти странныя мѣста вдохновили автора Апокалипсиса, и кладезь бездны открылся ему 10-ю годами раньше, чѣмъ природа, по странному совпаденію, разверзла кратеръ Везувія. Для народа случайныхъ сближеній не существуетъ. Тотъ фактъ, что самая трагическая область міра, та, которая послужила театромъ великой оргіи царствованія Калигулы, Клавдія и Нерона, оказалось въ то же время странею, гдѣ больше, чѣмъ во всякой иной, замѣчалось грозныхъ явленій, которыя почти всѣ на свѣтѣ считали въ то время адскими, не могъ не привести къ важнымъ послѣдствіямъ.

Впрочемъ, не одна только Италія подвергалась землетрясеніямъ; ту же участь терпѣла и вся восточная область Средиземнаго моря. Въ теченіе двухъ столѣтій Малая Азія сотрясалась непрерывно. Городамъ то и дѣло приходилось перестраиваться; въ иныхъ мѣстностяхъ, какъ въ Филадельфіи, подземные удары стали повторяться почти ежедневно; Траль постоянно лежалъ въ развалинахъ. Для домовъ пришлось выдумать тамъ особую систему, основанную на взаимномъ подпираніи одного другимъ. Въ 17-мъ году произошло разрушеніе 14 городовъ въ области Тмола и Мессогиса; то была самая ужасная катастрофа этого рода, о какой только слышали ... эръ. 23-ій, 33, 37, 46 и 53-ій года ознаменовали ... бѣдствіями въ Греціи, Азіи и въ Италіи. Тер-

ра непрестанно работала надъ собою; Антіохея не переставая колебалась. Наконецъ, начиная съ 59-го года, не было почти ни одного года, который не былъ бы отмѣченъ какимъ-нибудь бѣдствіемъ. Въ 60-мъ году была уничтожена долина Ликейская, въ частности расположенныя въ ней христіанскіе города Лаодикея и Колоссы. Если подумать, что здѣсь именно и былъ центръ идей милленаризма, сердце семи церквей, колыбель Апокалипсиса, невольно приходится повѣрить, что между откровеніями съ Патмоса и переворотами земного шара имѣется тѣсная связь, такъ что мы имѣемъ здѣсь одинъ изъ рѣдкихъ примѣровъ взаимодѣйствія между матеріальной исторіей земного шара и исторіей развитія человѣческаго духа. Отраженіе катастрофъ Ликейской долины мы находимъ также и въ Сивиллическихъ поэмахъ. Эти азіатскія землетрясенія повсюду распространили ужасъ; о нихъ говорили во всемъ мірѣ, и число тѣхъ, кто въ этихъ случаяхъ не видѣлъ знаменій разгнѣваннаго Божества, — было весьма незначительно.

Всѣ эти событія сгустили родъ мрачной атмосферы, въ которой разгоряченная фантазія христіанъ находила сильное возбудительное средство. Какъ было вѣрнымъ, при видѣ этого распаденія физическаго и нравственнаго міра, не воскликнуть съ большей, чѣмъ когда бы то ни было увѣренностью: Maran atha! Maran atha! „Грядетъ Спаситель! Грядетъ Господь!“ Имъ грезилось, что рущится земля и казалось, что уже бѣгутъ цари, вельможи, богачи съ крикомъ: „Горы, падите на насъ! холмы, сокройте насъ!“ Древніе пророки имѣли обыкновеніе постоянно избирать предлогомъ къ возвѣщенію близкаго появленія „дня Іеговы“ какое-нибудь бѣдствіе, посланное природой. Одно мѣсто изъ Іоиля, которое прилагалось къ мессіоническимъ временамъ, указывало, какъ на вѣрные признаки этого великаго дня, знаменія въ небѣ и на землѣ, пророковъ, появляющихся повсюду, рѣки крови и огня, столпы дыма.... „солнце превратится въ тьму, и луна въ кровь“. Считали также, что Іисусъ возвѣстилъ заранѣе землетрясенія, гладъ и моръ и назвалъ все это началомъ великихъ бѣдствій; а затѣмъ, предвѣстниками своего пришествія назвалъ затменія, исчезновеніе луны, паденіе звѣздъ со свода небеснаго, небесные перевороты, рокотъ моря, паническое бѣгство народовъ, которымъ невѣдомо будетъ, съ какой стороны ихъ смерть и гдѣ спасеніе. Ужасъ сталъ такимъ образомъ

ходимымъ элементомъ всякаго откровенія. Сюда присоединили идею гоненія: стали думать, что передъ концомъ своимъ зло удвоитъ ярость и проявитъ необычайное искусство, чтобы истребить праведниковъ.

ГЛАВА XV.

Апостолы въ Азіи.

Описанные ужасы больше всего взволновали провинцію Азію. Коллосская Церковь получила отъ катастрофы 60-го года смертельный ударъ. Гіераполисъ, хотя и расположенный въ самомъ центрѣ дикихъ изверженій вулканическаго нарыва, повидимому, не пострадалъ. Быть можетъ, сюда и укрылись вѣрные изъ Колоссъ. По всѣмъ даннымъ, съ этого времени Гіераполисъ становится совсѣмъ особымъ городомъ. Еврейство было тамъ государственной религіей; надписи, еще существующія среди развалинъ этого необычайнаго города, такъ чудесно сохранившихся, напоминаютъ о ежегодныхъ раздачахъ пособій рабочимъ цехамъ въ „праздникъ опрѣсноковъ" и въ „праздникъ Пятидесятницы". Нигдѣ не придавали столько значенія добрымъ дѣламъ, благотворительнымъ учрежденіямъ, обществамъ взаимопомощи ремесленниковъ одного и того же цеха. Нѣчто вродѣ сиротскихъ домовъ, яслей или дѣтскихъ пріютовъ свидѣтельствуетъ о могучемъ развитіи заботъ филантропіи. Такое-же зрѣлище представляла Филадельфія; тутъ цехи послужили фундаментомъ для политическихъ партій. Мирная демократія рабочихъ, объединенныхъ въ союзы, чуждая политики, была общей гражданской формой почти всѣхъ этихъ богатыхъ городовъ Азіи и Фригіи. Добродѣтель не только не считалась тамъ запретной для рабовъ, но признавалась даже особымъ удѣломъ страдальцевъ. Около того времени о которомъ идетъ рѣчь въ этомъ самомъ Гіераполисѣ родился ребенокъ, такой бѣдный, что его продали еще въ колыбели, и никогда уже его не звали иначе, какъ „купленнымъ рабомъ", *Эпиктетомъ* и благодаря ему имя это [...]онимомъ самой добродѣтели. Изъ его поученій впо-

слѣдствіи вышла извѣстная, удивительная книга, руководство для сильныхъ умовъ, которымъ претитъ сверхъестественный элементъ Евангелія и которые считаютъ, что искать въ послѣднемъ иного очарованія, кромѣ строгой суровости, значитъ преступать долгъ.

Съ точки зрѣнія христіанства, Гіераполису принадлежитъ честь, на много превосходящая честь быть родиной Эпиктета. Онъ оказалъ гостреприимство одному изъ немногихъ бывшихъ еще въ живыхъ представителей перваго поколѣнія христіанъ, одному изъ тѣхъ кто видѣлъ самого Іисуса:—апостолу Филиппу. Можно предположить, что Филиппа выселили въ Азію изъ Іерусалима тѣ кризисы, которые сдѣлали этотъ городъ необитаетымъ для мирныхъ людей и изгнали изъ него христіанъ. Въ провинціи Азіи евреямъ жилось всего спокойнѣе, они и стремились туда. Сообщеніе между Римомъ и Гіераполисомъ было также установлено легкое и правильное. Филиппъ былъ мужемъ священническаго рода, старой школы; довольно похожій въ послѣднемъ смыслѣ на Іакова. Говорили, что онъ творитъ чудеса, даже воскрешаетъ мертвыхъ. У него были четыре дочери, всѣ пророчицы. Кажется, одна изъ нихъ умерла раньше, чѣмъ Филиппъ прибылъ въ Азію. Изъ остальныхъ трехъ двѣ состарились въ дѣвствѣ, четвертая вышла замужъ при жизни отца, пророчествовала подобно сестрамъ и умерла въ Эфесѣ. Эти странныя женщины пользовались въ Азіи большой извѣстностью. Папій, бывшій около 130-го года епископомъ въ Гіераполисѣ знавалъ ихъ; но самого Апостола онъ уже не видалъ. Отъ этихъ восторженныхъ дѣвственныхъ старицъ онъ узналъ много удивительнаго о чудесахъ ихъ отца; нѣкоторые факты прямо необычайны. Много знали онѣ также и о другихъ апостолахъ и апостольскихъ мужахъ, особенно о Іосифѣ Варнавѣ, который по ихъ словамъ выпилъ смертельный ядъ; при чемъ послѣдній нисколько не повредилъ ему.

Такимъ образомъ, рядомъ съ Іоанномъ въ Азіи образовался второй центръ апостольской власти и преданій. Іоаннъ и Филиппъ подняли избранную ими своимъ мѣстопребываніемъ страну почти до уровня Іудеи. Эти „два свѣтила Азіи“, какъ ихъ звали, впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ служили маяками Церкви, лишенной другихъ своихъ пастырей. Филиппъ умеръ въ Гіераполисѣ и тамъ былъ погребенъ. Его дѣвственныя дочери дожили до очень преклоннаго возраста и были положены

рядомъ съ нимъ. Замужняя была погребена въ Эфесѣ; всѣ эти гробницы, говорятъ, можно было еще видѣть во второмъ вѣкѣ. Такимъ образомъ и у Гіераполиса тоже были свои Апостольскія гробницы, соперничающія съ Эфесскими. Эти святыя тѣла, которыя мечтали увидѣть возставшими изъ земли тотъ день, когда Господь, исполненный славы и величія, придетъ воскресить избранныхъ своихъ, какъ бы облагородили всю провинцію.

Іудейская революція, разсѣявъ около 68-го года апостоловъ и мужей апостольскихъ, могла привести еще въ Эфесъ и въ долину Меандра и другихъ значительныхъ дѣятелей нарождающей Церкви. Во всякомъ случаѣ, очень большое число учениковъ, видѣвшихъ апостоловъ въ Іерусалимѣ, сошлось въ Азіи, и повидимому вели тамъ ту скитальческую жизнь, съ постоянными переходами изъ города въ городъ, которая до такой степени вошла во вкусъ у евреевъ. Возможно, что въ числѣ эмигрантовъ были и таинственныя личности, именуемыя *Пресвитеромъ Іоанномъ* и Аристіономъ. Эти слушатели Двѣнадцати Апостоловъ распространили въ Азіи преданіе Іерусалимской Церкви, и такимъ образомъ окончательно рѣшили преобладаніе въ ней христіано-іудейства. Ихъ жадно разспрашивали объ изрѣченіяхъ Апостоловъ и о подлинныхъ словахъ Іисусовыхъ. Впослѣдствіи тѣ, кто ихъ видалъ, такъ гордились выпавшей имъ на долю возможностью черпать изъ этого чистаго источника, что пренебрегали маленькими произведеніями, которыя имѣли претензію передать рѣчи Іисуса.

Душевное настроеніе этихъ церквей, затерянныхъ въ глубинѣ страны, спокойный климатъ и глубокое небо, которой какъ будто неудержимо влекутъ къ мистицизму, было совершенно особенное. Нигдѣ мессіаническія идеи не встрѣчали такого интереса. Предавались необычайнымъ разсчетамъ. Распространялись самыя дивныя притчи, происходившія, по преданію отъ Филиппа и Іоанна. Евангеліе, сложенное въ этой мѣстности, имѣло въ себѣ что то мистическое и необычайное. Было повсемѣстно распространено представленіе, что послѣ воскрешенія тѣлеснаго, уже недалекаго, настанетъ царство Христа надъ міромъ во плоти, и продолжится тысячу лѣтъ. Блаженства этого рая описывались совершенно матеріально; уже прикидывали въ умѣ величину виноградныхъ кистей и производительную силу колосьевъ въ этомъ царствѣ Мессіи. Идеализмъ благодаря которому даже самыя простыя слова

Іисуса пріобрѣтали такую очаровательную бархатность, былъ въ большей своей части совершенно потерянъ.

Значеніе Іоанна въ Эфесѣ росло съ каждымъ днемъ. Его первенство было признано во всей провинціи, за исключеніемъ, быть можетъ, Гіераполиса, гдѣ обиталъ Филиппъ. Церкви Смирнская, Пергамская, Ѳіатирская, Сардійская, Филадельфійская, Лаодикейская стали подъ его главенство, почтительно внимали его предостереженіямъ, его совѣтамъ и упрекамъ. Апостолъ, или тѣ, кто бралъ на себя смѣлость говорить за него, держались въ общемъ тона строгаго, и большая рѣзкость, крайняя нетерпимость, языкъ жесткій и гнѣвно заносчивый противъ тѣхъ, кто расходился съ нимъ во мнѣніяхъ, были, повидимому, частью Іоаннова характера. Говорятъ, что именно въ виду такого его характера Іисусъ провозгласилъ правило: „кто не противъ насъ, тотъ за насъ". Рядъ анекдотовъ, которые разсказывали позднѣе, чтобы убѣдить слушателей въ его кротости и снисходительности, былъ, какъ кажется, созданъ впослѣдствіи по даннымъ іоннических посланій, подлинность которыхъ болѣе чѣмъ сомнительна. Совершенно обратныя, черты характера, показывающія много мощи, гораздо болѣе согласуются съ Евангельскими разсказами и Апокалипсисами и показываютъ, что пылкость заслужившая ему прозваніе „сына грома" только усилилась съ возрастомъ. Весьма вѣроятно, впрочемъ, что эти противорѣчащія другъ другу качества и недостатки не такъ ужъ непремѣнно, какъ то можно было бы подумать, исключали другъ друга. Религіозный фанатизмъ часто показываетъ намъ въ одномъ и томъ же человѣкѣ крайности жесткости и доброты; какой нибудь средневѣковой инквизиторъ, сжигавшій тысячу несчастныхъ изъ за какихъ нибудь ничтожныхъ пустяковъ, могъ въ то же время быть самымъ кроткимъ и, въ извѣстномъ смыслѣ, самымъ искреннымъ изъ людей.

Непріязнь Іоанна и окружавшихъ его была повидимому особенно живой и сильной противъ маленькихъ общинъ учениковъ того, кого прозвали новымъ Валаамомъ. Такова была несправедливость, присущая всѣмъ партіямъ, такова была страстность, преисполнявщая эти сильныя еврейскія натуры, что весьма возможно, что исчезновеніе „Разрушителя Закона" было привѣтствуемо криками радости его противниковъ. Для многихъ смерть этого путаника, этого смутителя праздниковъ, была истиннымъ облегченіемъ. Мы видѣли, что Павелъ

Эфесѣ чувствовалъ себя окруженнымъ врагами; послѣднія рѣчи, которыя онъ якобы произносилъ въ Азіи, исполнены печальныхъ предчувствій. Въ началѣ 69-го года мы увидимъ, что ненависть противъ него еще сильна. Потомъ споръ успокоится; память его окружитъ молчаніе. Въ данную минуту никто повидимому его не поддерживалъ и именно это и спасло его впослѣдствіи. Сдержанность или, если угодно слабость его сторонниковъ привела къ примиренію; самыя смѣлыя мысли въ концѣ концовъ принимаются, если только онѣ въ теченіе долгаго времени безъ отвѣта переносятъ возраженія консерваторовъ.

Ярость противъ римской имперіи, злорадство въ виду ея несчастій, надежда увидѣть вскорѣ ея распаденіе были завѣтнѣйшими думами всѣхъ вѣрующихъ. Возмущенію евреевъ сочувствовали, и были убѣждены, что римляне не сумѣютъ совершенно справиться съ нимъ, Далеко отошло то время, когда Павелъ, а быть можетъ и Петръ, проповѣдовали покорность римской власти приписывая послѣдней даже извѣстнаго рода божественный характеръ. Принципы экзальтированныхъ іудеевъ, касавшіеся отказа отъ уплаты податей, сатанинскаго происхожденія всякой языческой власти, идолопоклонства, запечатлѣннаго во всѣхъ дѣйствіяхъ гражданской жизни по римскимъ формамъ, взяли верхъ. Это было естественнымъ слѣдствіемъ гоненія; умѣренные взгляды стали уже не приложимы. Не будучи столь сильнымъ, какъ въ 64-мъ году, гоненіе глухо продолжалось. Изъ всѣхъ провинцій, въ Азіи паденіе Нерона произвело наиболѣе сильное впечатлѣніе. Въ обществѣ господствовало мнѣніе, что чудовище, исцѣленное властью дьявола, гдѣ нибудь спряталось и появится вновь. Легко понять, какое дѣйствіе производили подобные слухи среди христіанъ. Многіе изъ вѣрныхъ Эфеса, начиная быть можетъ съ главы ихъ, были бѣглецами великой бойни 64-го года. Какъ! Ужасный Звѣрь, весь состоящій изъ сладострастія, высокомѣрія, тщеславія, возвратится! Ясное дѣло, подумали, должно быть, тѣ, кто еще сомнѣвался, что Неронъ былъ антихристъ. Вотъ онъ, воплощенное таинство несправедливости, этотъ антиподъ Іисуса, который долженъ появиться, чтобы убивать и мучить свѣтъ наканунѣ свѣтозарнаго пришествія. Неронъ есть тотъ воплощенный сатана, который завершитъ избіеніе святыхъ. Еще немного времени, и торжественный мигъ настанетъ.— Христіане тѣмъ охотнѣе принимали эту идею, что смерть

Нерона была слишкомъ мизерной для такого Антіоха; гонители такого типа обыкновенно гибнутъ съ большимъ блескомъ. Отсюда заключали что врагъ Божій предназначенъ къ болѣе величественной смерти, къ казни, которая поразитъ его на глазахъ всего міра и ангеловъ, собранныхъ Мессіей.

Идея эта, мать Апокалипсиса, съ каждымъ днемъ принимала все болѣе и болѣе прочную форму; христіанское сознаніе дошло до верха экзальтаціи, когда одно происшествіе на сосѣднихъ съ Азіей островахъ дало плоть тому, что до сихъ поръ жило лишь въ воображеніи. Только что появился Лже-Неронъ и внушалъ провинціямъ Азіи и Акайи живое чувство любопытства, надежды или ужаса. Это былъ повидимому понтійскій рабъ; по другимъ свѣдѣніямъ - италіанецъ изъ рабскаго сословія; онъ очень походилъ на покойнаго императора, у него были такіе же глаза на выкатѣ, густые волосы, безсмысленный взглядъ, свирѣпая и театральная голова, подобно ему, онъ умѣлъ играть на киѳарѣ и пѣть. Самозванецъ образовалъ вокругъ себя первое ядро изъ бѣглыхъ солдатъ и бродягъ, рѣшился по морю направиться въ Сирію и Египетъ, и былъ выброшенъ бурей на Киѳносъ, одинъ изъ Цикладскихъ островозъ. Изъ этого острова онъ сдѣлалъ центръ довольно активной пропаганды, увеличилъ свою шайку, завербовавъ нѣсколько возвращавшихся съ Востока солдатъ, совершилъ кровавыя экзекуціи, грабилъ купцовъ, вооружилъ рабовъ. Волненіе онъ вызвалъ сильное, особенно среди черни, склонной, по своему легковѣрію, довѣрять самымъ нелѣпымъ слухамъ. Съ декабря мѣсяца 68-го года въ Греціи и Азіи ни о чемъ другомъ не говорили. Ожиданіе и ужасъ росли съ каждымъ днемъ; имя, славою своею наполнившею міръ, снова кружило головы и заставляло вѣрить, что все ранѣе видѣнное ничто рядомъ съ тѣмъ, что придется увидѣть теперь.

Другія событія, происшедшія въ Азіи или въ Архипелагѣ и которыя мы не можемъ опредѣлить за недостаткомъ точныхъ свѣдѣній, еще болѣе раздули волненіе. Нѣкій пламенный приверженецъ Нерона, который къ славѣ колдуна присоединялъ страстную любовь къ политикѣ, открыто заявилъ себя сторонникомъ не то Киѳноскаго самозванца, не то Нерона, будто бы бѣжавшаго къ Пароянамъ. Онъ повидимому принуждалъ мирныхъ жителей присягать Нерону; постановлялъ его статуи, заставлялъ поклоняться имъ; временами можно было бы даже думать, что выпущена была монета съ надписью

Nero redux. Достовѣрно то, что христіане вообразили, будто ихъ хотятъ заставить поклоняться статуѣ Нерона; монета медаль или печать съ именемъ „Звѣря“, „безъ которой нельзя ни продавать, ни покупать“, причиняли имъ непреодолимыя угрызенія совѣсти. Золото, помѣченное великимъ главою идолослуженія, жгло имъ руки. Повидимому многіе предпочли удалиться изъ Эфеса въ изгнаніе, лишь бы не подвергаться подобнымъ требованіямъ вѣроотступничества; можно предположить, что въ томъ числѣ былъ и Іоаннъ. Инцидентъ этотъ, для насъ темный, играетъ большую роль въ Апокалипсисѣ и, можетъ быть, послужилъ даже первоисточникомъ его: „Здѣсь, говоритъ Ясновидѣцъ, „терпѣніе святыхъ, соблюдающихъ заповѣди Божіи и вѣру въ Іисуса“.

Событія въ Римѣ и въ Италіи оправдывали это лихорадочное ожиданіе. Гальбѣ не удалось утвердиться. До Нерона династическій законъ, созданный Юліемъ Цезаремъ и Августомъ, подавлялъ въ средѣ полководцевъ мысль о соискательствѣ императорскаго титула; но съ тѣхъ поръ, какъ законъ этотъ потерялъ силу, каждому военачальнику открылась возможность стремиться къ наслѣдію Цезаря. Виндексъ умеръ; Вергиній подчинился и присягнулъ на вѣрность; Нимфидій Сабинъ, Мацеръ, Фонтей Капитонъ смертью искупили свои революціонныя затѣи; и всетаки ничего не было сдѣлано. Второго января 69 года легіоны Германіи провозгласили Императоромъ Вителія; 10-го Гальба усыновляетъ Пизона: 15-го въ Римѣ провозглашенъ Оттонъ; впродолженіи нѣсколькихъ часовъ было 3 императора:, къ вечеру Гальба былъ убитъ. Вѣра въ Имперію была глубоко потрясена; не вѣрили, чтобъ Оттону удалось царствовать безраздѣльно; надежды сторонниковъ Лже-Нерона изъ Кифноса и тѣхъ, кто изо дня въ день ждали что вернется изъ за Ефрата императоръ всѣми такъ жалѣемый, уже болѣе нескрывались. Тогда-то (въ концѣ января 69 года) распростанился среди азійскихъ христіанъ символическій манифестъ, представлявшійся какъ бы откровеніемъ самого Іисуса. Зналъ ли авторъ о смерти Гальба или только предвидѣлъ ее? это тѣмъ труднѣе сказать, что одною изъ общихъ чертъ апокаллипсисовъ является то, что писатель часто пользуется для доказательства своего якобы ясновидѣнія какой нибудь свѣжей новостью, которая какъ онъ думаетъ, извѣстна ему одному. Такъ, авторъ книги Даніила, повидимому, кое-что слышалъ о смерти Антіоха

Нашъ ясновидецъ повидимому тоже кое-что слыхалъ, имѣлъ частныя свѣдѣнія о политическомъ положеніи своего времени. Врядъ-ли онъ знавалъ Оттона; онъ думаетъ, что возстановленіе Нерона послѣдуетъ немедленно за паденіемъ Гальбы. Этотъ послѣдній представляется ему какъ бы уже осужденнымъ. Наступилъ, слѣдовательно, канунъ возвращенія Звѣря. Пылкое воображеніе автора развертываетъ передъ нимъ въ виду этого общую картину того, „чему надлежитъ быть вскорѣ", и такимъ образомъ слѣдуютъ одни за другими главы пророческой книги, цѣль которой—просвѣтить вѣрныхъ относительно переживаемаго кризиса, открыть имъ смыслъ политическаго положенія, которое смущало самые твердые умы, и въ особенности успокоить ихъ относительно участи братій ихъ, уже убіенныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, надо вспомнить, что легковѣрные сектанты, чье настроеніе мы теперь стараемся воспроизвести, были далеки отъ идей безсмертія души, которыя сложились на основаніи греческой философіи. Мученичества послѣднихъ лѣтъ были страшнымъ кризисомъ для общества, которое въ наивности своей трепетало, когда умиралъ святой и вопрошало себя, увидитъ ли онъ Царство Божіе. Люди испытывали неопродолимую потребность представить себѣ умершихъ вѣрныхъ въ безопасномъ мѣстѣ и уже счастливыми, хотя бы временнымъ счастіемъ, среди бѣдствій, которымъ предстояло поразить землю. Слышали ихъ вопли объ отомщеніи; понимали ихъ праведное нетерпѣніе; призывали день, когда Богъ, наконецъ, возстанетъ, чтобы отомстить за своихъ избранниковъ.

Принятая авторомъ форма „откровенія" не была нова въ Израилѣ. Уже Езекіилъ положилъ основаніе значительному измѣненію въ древнемъ пророческомъ стилѣ, и его въ извѣстномъ смыслѣ можно считать творцомъ апокалиптическаго письма. На мѣсто горячей проповѣди, сопровождаемой иногда очень простыми аллегорическими дѣйствіями, онъ поставилъ, несомнѣнно, подъ вліяніемъ ассирійскаго искусства, видѣніе, т. е. многообразный символизмъ, гдѣ отвлеченная идея передавалась посредствомъ химерическихъ воплощеній, созданныхъ внѣ всякой дѣйствительности. Захарія продолжалъ идти той же дорогой. Видѣніе стало обязательной рамкой всякаго пророческаго поученія. Авторъ книги Даніила, наконецъ, благодаря необычайному распространенію послѣдней, окончательно утвердилъ правила этой формы

писанія. Книга Еноха, Успеніе Моисеево, нѣкоторыя сивиллическія поэмы явились плодомъ его могучихъ начинаній. Пророческій инстинктъ семитовъ, ихъ склонность къ группировкѣ фактовъ въ видахъ извѣстной исторической философіи и къ представленію своей личной мысли подъ видомъ божественнаго абсолюта, ихъ способность предвидѣть великіе пути будущаго нашли въ этихъ фантастическихъ рамкахъ удивительную легкость примѣненія. Съ этихъ поръ каждому кризису народа Израильскаго соотвѣтствуетъ какое нибудь откровеніе. Гоненіе Антіоха, римская оккупація, свѣтское царство Ирода вызвали на свѣтъ пламенныхъ провидцевъ. Царствованіе Нерона и осада Іерусалима неизбѣжно должны были возымѣть свой Апокалиптическій протестъ, какъ позднѣе таковой вызвали суровыя мѣры Домиціана, Андріана, Септимія Севера, Деція и нашествіе готовъ въ 250-мъ году.

Авторъ этой удивительной рукописи, которой еще болѣе удивительная судьба предназначила быть предметомъ столь разнообразныхъ толкованій, сочинилъ ее втайнѣ, вложилъ въ нее всѣ тяготы христіанской совѣсти, и потомъ направилъ ее подъ видомъ посланія къ семи главнымъ Церквамъ Азіи. Онъ требовалъ, чтобы его произведеніе было прочитано собранію вѣрныхъ, какъ то было въ обычаѣ для всѣхъ Апостольскихъ посланій. Въ этомъ, можетъ быть, заключалось подражаніе Павлу, который предпочиталъ дѣйствовать лучше черезъ посланія, нежели непосредственно. Такія сообщенія во всякомъ случаѣ, не были рѣдкостью, и предметомъ ихъ всегда являлось пришествіе Господа. Апокрифическія откровенія о близости послѣдняго дня вращались подъ именемъ разныхъ Апостоловъ, такъ что Апостолъ Павелъ счелъ необходимымъ предостеречь свои Церкви противъ подлоговъ его почерка, которые могли бы дѣлаться для приданія силы подобнымъ обманамъ. Произведеніе это начиналось заглавіемъ, объяснявшимъ его происхожденіе и его высокое значеніе:

Откровеніе Іисуса Христа, которое далъ ему Богъ, чтобы показать рабамъ Своимъ, чему надлежитъ быть вскорѣ. И Онъ показалъ, пославъ оное чрезъ Ангела Своего рабу Своему Іоанну, который свидѣтельствовалъ слово Божіе и свидѣтельство Іисуса Христа, и что онъ видѣлъ.

Блаженъ читающій и слушающіе слова пророчества и соблюдающіе написанное въ немъ; ибо время близко!

Іоаннъ семи церквамъ, находящимся въ Азіи: благодать вамъ и миръ отъ Того, Который есть и былъ и грядетъ, и отъ семи духовъ, находящихся предъ престоломъ Его, и отъ Іисуса Христа, Который есть свидѣтель вѣрный, первенецъ изъ мертвыхъ и владыка царей земныхъ. Ему, возлюбившему насъ, и омывшему насъ отъ грѣховъ нашихъ кровью Своею, и содѣлавшему насъ царями и священниками Богу и Отцу Своему, слава и держава во вѣки вѣковъ! Аминь.

Се, грядетъ съ облаками, и узритъ Его всякое око, и тѣ, которые пронзили Его; и возрыдаютъ предъ Нимъ всѣ племена земныя. Ей, аминь. Я есьмъ Альфа и Омега, начало и конецъ, говоритъ Господь, Который есть и былъ и грядетъ, Вседержитель.

Я Іоаннъ, братъ вашъ и соучастникъ въ скорби и въ царствіи и въ терпѣніи Іисуса Христа, былъ на островѣ называемомъ Патмосъ, за слово Божіе и за свидѣтельство Іисуса Христа. Я былъ въ духѣ въ день воскресный и слышалъ позади себя громкій голосъ, какъ-бы трубный, который говорилъ: Я есмь Альфа и Омега, первый и послѣдній; то, что видишь, напиши въ книгу и пошли церквамъ, находящимся въ Азіи: въ Ефесъ и въ Смирну, и въ Пергамъ и въ Ѳіатиру, и въ Сардисъ, и въ Филадельфію и въ Лаодикію. Я обратился, чтобы увидѣть, чей голосъ, говорившій со мною; и, обратившись, увидѣлъ семь золотыхъ свѣтильниковъ и, посреди семи свѣтильниковъ, подобнаго Сыну Человѣческому, облеченнаго въ подиръ и по персямъ опоясаннаго золотымъ поясомъ: глава Его и волосы бѣлы, какъ бѣлая волна, какъ снѣгъ; и очи Его—какъ пламень огненный; и ноги Его подобны хакполивану, какъ раскаленныя въ печи; и голосъ Его—какъ шумъ водъ многихъ; Онъ держалъ въ десницѣ Своей семь звѣздъ, и изъ устъ Его выходилъ острый съ обѣихъ сторонъ мечъ; и лицо Его—какъ солнце, сіяющее въ силѣ своей. И когда я увидѣлъ Его, то палъ къ ногамъ Его, какъ мертвый. И Онъ положилъ на меня десницу Свою и сказалъ мнѣ: не бойся; Я есмь первый и послѣдній и живый; и былъ мертвъ, и се, живъ во вѣки вѣковъ, аминь; и имѣю ключи ада и смерти. Итакъ напиши, что ты видѣлъ, и что есть, и что будетъ послѣ сего. Тайна семи звѣздъ, которыя ты видѣлъ въ десницѣ Моей, и семи золотыхъ свѣтильниковъ *есть сія:* семь звѣздъ суть Ангелы семи церквей; а семь свѣтильниковъ, которые ты видѣлъ, суть

семь церквей. По іудейскимъ воззрѣніямъ, на половину гностическимъ, на половину кабалистическимъ, которые въ то время господствовали, каждая личность, и даже каждое нравственное явленіе, какъ смерть или страданіе, имѣли своего ангела хранителя: былъ ангелъ Персіи, ангелъ Греціи, ангелъ водъ, ангелъ огня, ангелъ бездны. Въ виду этого естественно, что и у каждой церкви тоже былъ на небѣ свой представитель и именно къ такимъ то добрымъ геніямъ каждой общины Сынъ человѣческій поочередно и обращаетъ свои предупрежденія: Ангелу Ефесской Церкви: такъ говоритъ держащій семь звѣздъ въ десницѣ Своей, ходящій посреди семи золотыхъ свѣтильниковъ: знаю дѣла твои, и трудъ твой, и терпѣніе твое, и то, что ты не можешь сносить развратныхъ, и испыталъ тѣхъ, которые называютъ себя Апостолами, а они не таковы, и нашелъ что они лжецы; ты много переносилъ и имѣешь терпѣніе, и для имени Моего трудился и не изнемогалъ. Но имѣю противъ тебя то, что ты оставилъ первую любовь твою. Итакъ вспомни, откуда ты ниспалъ, и покайся, и твори прежнія дѣла; а если не такъ, скоро приду къ тебѣ и сдвину свѣтильникъ твой съ мѣста его, если не покаешься. Впрочемъ то въ тебѣ *хорошо*, что ты ненавидишь дѣла Николаитовъ, которыя и Я ненавижу. Имѣющій ухо да слышитъ, что Духъ говоритъ церквамъ: побѣждающему дамъ вкушать отъ древа жизни, которое посреди рая Божія. И Ангелу Смирнской церкви напиши:

Такъ говоритъ Первый и Послѣдній, Который былъ мертвъ, и се, живъ: Знаю твои дѣла, и скорбь, и нищету,—впрочемъ ты богатъ,—и злословіе отъ тѣхъ, которые говорятъ о себѣ, что они Іудеи, а они не таковы, но — сборище сатанинское. Не бойся ничего, что тебѣ надобно будетъ претерпѣть. Вотъ, діаволъ будетъ ввергать изъ среды васъ въ темницу, чтобъ искусить васъ, и будете имѣть скорбь дней десять. Будь вѣренъ до смерти, и дамъ тебѣ вѣнецъ жизни. Имѣющій ухо (слышать) да слышитъ, что Духъ говоритъ церквамъ: побѣждающій не потерпитъ вреда отъ второй смерти. Ангелу Пергамской церкви.

Такъ говоритъ имѣющій острый съ обѣихъ сторонъ мечъ: Знаю твои дѣла, и что ты живешь тамъ, гдѣ престолъ сатаны, и что содержишь имя Мое, и не отрекся отъ вѣры Моей даже въ тѣ дни, въ которые у васъ, гдѣ живетъ са-мерщвленъ вѣрный свидѣтель Мой Антипа. Но имѣю

немного противъ тебя, потому что есть у тебя тамъ держащіеся ученія Валаама, который научилъ Валака ввести въ соблазнъ сыновъ Израилевыхъ, чтобы они ѣли идоложертвенное и любодѣйствовали. Такъ и у тебя есть держащіеся ученія Николаитовъ, которое Я ненавижу. Покайся; а если не такъ, скоро приду къ тебѣ и сражусь съ ними мечемъ устъ Моихъ. Имѣющій ухо (слышать) да слышитъ, что Духъ говоритъ церквамъ: побѣждающему дамъ вкушать сокровенную манну, и дамъ ему бѣлый камень и на камнѣ написанное новое имя, котораго никто не знаетъ, кромѣ того, кто получаетъ. Ангелу Ѳіатирской церкви:

Такъ говоритъ Сынъ Божій, у Котораго очи—какъ пламень огненный, и ноги подобны халколивану: знаю твои дѣла, и любовь, и служеніе, и вѣру, и терпѣніе твое, и то, что послѣднія дѣла твои больше первыхъ. Но имѣю немного противъ тебя, потому что ты попускаешь женѣ Іезавели, называющей себя пророчицею, учить и вводить въ заблужденіе рабовъ Моихъ, любодѣйствовать и ѣсть идоложертвенное. Я далъ ей время покаяться въ любодѣяніи ея, но она не покаялась. Вотъ, Я повергаю ее на одръ и любодѣйствующихъ съ нею въ великую скорбь, если не покаются въ дѣлахъ своихъ. И дѣтей ея поражу смертью, и уразумѣютъ всѣ церкви, что Я есмь испытующій сердца и внутренности; и воздамъ каждому изъ васъ по дѣламъ вашимъ. Вамъ же и прочимъ, находящимся въ Ѳіатирѣ, которые не держатъ сего ученія и которые не знаютъ такъ называемыхъ глубинъ сатанинскихъ, сказываю, что не наложу на васъ инаго бремени; только то, что имѣете, держите, пока приду. Кто побѣждаетъ и соблюдаетъ дѣла Мои до конца, тому дамъ власть надъ язычниками, и будетъ пасти ихъ жезломъ желѣзнымъ; какъ сосуды глиняные, они сокрушатся, какъ и Я получилъ *власть* отъ Отца Моего; и дамъ ему звѣзду утреннюю. Имѣющій ухо (слышать) да слышитъ, что Духъ говоритъ церквамъ. Ангелу Сардійской церкви:

Такъ говоритъ имѣющій семь духовъ Божіихъ и семь звѣздъ:

Знаю твои дѣла; ты носишь имя, будто живъ, но ты мертвъ. Бодрствуй и утверждай прочее близкое къ смерти; ибо Я не нахожу, чтобы дѣла твои были совершенны предъ Богомъ Моимъ. Вспомни, что ты принялъ и слышалъ, и храни и покайся. Если же не будешь бодрствовать, то Я найду на тебя

какъ тать, и ты не узнаешь, въ который часъ найду на тебя. Впрочемъ у тебя въ Сардисѣ есть нѣсколько человѣкъ, которые не осквернили одеждъ своихъ и будутъ ходить со Мною въ бѣлыхъ *одеждахъ,* ибо они достойны. Побѣждающій облечется въ бѣлыя одежды; и не изглажу имени его изъ книги жизни, исповѣдаю имя его предъ Отцомъ Моимъ и предъ Ангелами Его. Имѣющій ухо да слышитъ, что Духъ говоритъ церквамъ. Ангелу Филадельфійской церкви.

Такъ говоритъ Святый, Истинный, имѣющій ключъ Давидовъ, Который отворяетъ—и никто не затворитъ, затворяетъ—и никто не отворитъ: знаю твои дѣла, вотъ, Я отворилъ предъ тобою дверь, и никто не можетъ затворить ее; ты не много имѣешь силы, и сохранилъ слово Мое, и не отрекся имени Моего. Вотъ, Я сдѣлаю, что изъ сатанинскаго сборища, изъ тѣхъ, которые говорятъ о себѣ, что они Іудеи, но не суть таковы, а лгутъ,—вотъ, Я сдѣлаю то, что они придутъ и поклонятся предъ ногами твоими, и познаютъ, что Я возлюбилъ тебя. И какъ ты сохранилъ слово терпѣнія Моего, то и Я сохраню тебя отъ годины искушенія, которая придетъ на всю вселенную, чтобъ испытать живущихъ на землѣ. Се, гряду скоро: держи, что имѣешь дабы кто не восхитилъ вѣнца твоего. Побѣждающаго сдѣлаю столпомъ въ храмѣ Бога Моего, и онъ уже не выйдетъ вонъ; и напишу на немъ имя Бога Моего и имя града Бога Моего, новаго Іерусалима, нисходящаго съ неба отъ Бога Моего, и имя Мое новое. Имѣющій ухо да слышитъ, что Духъ говоритъ церквамъ! Ангелу Лаодикійской церкви.

Такъ говоритъ *Аминь*, свидѣтель вѣрный и истинный, начало созданія Божія: знаю твои дѣла; ты ни холоденъ, ни горячъ; о, если бы ты былъ холоденъ или горячъ! Но какъ ты теплъ, а не горячъ и не холоденъ, то извергну тебя изъ устъ Моихъ. Ибо ты говоришь: „я богатъ, разбогатѣлъ и ни въ чемъ не имѣю нужды“; а не знаешь, что ты несчастенъ и жалокъ, и нищъ и слѣпъ и нагъ. Совѣтую тебѣ купить у Меня золото, огнемъ очищенное, чтобы тебѣ обогатиться, и бѣлую одежду, чтобы одѣться и чтобы не видна была срамота наготы твоей, и глазною мазью помажь глаза твои, чтобы видѣть. Кого Я люблю, тѣхъ обличаю и наказываю. Итакъ будь ревностенъ и покайся. Се, стою у двери и стучу: если кто услышитъ голосъ Мой и отворитъ дверь, войду къ н [illegible] вечерять съ нимъ, и онъ со Мною. Побѣждаю-

щему дамъ сѣсть со Мною на престолѣ Моемъ, какъ и Я побѣдилъ и сѣлъ со Отцемъ Моимъ на престолѣ Его. Имѣющій ухо да слышитъ, что Духъ говоритъ церквамъ.

Кто же этотъ Іоаннъ, дерзающій стать посредникомъ и толкователемъ небесныхъ порученій, говорящій Церквамъ Азіи съ такой властной авторитетностью, похваляющійся, что прошелъ черезъ тѣ же гоненія, что и его читатели? Это либо Апостолъ Іоаннъ, либо тезка его, либо кто нибудь, кто желалъ выдать себя за Апостола Іоанна. Трудно допустить, чтобы въ 69 мъ году, при жизни Апостола Іоанна или недолго послѣ его смерти, кто либо рѣшился присвоить себѣ имя его безъ его согласія для такихъ задушевныхъ совѣтовъ и упрековъ. Изъ тезокъ Апостола тоже никто не рѣшился бы принять на себя такую роль. Единственный такой тезка, котораго въ данномъ случаѣ приводятъ, *Пресвитеръ Іоаннъ*, если только онъ когда нибудь существовалъ въ дѣйствительности, принадлежалъ, кажется, къ позднѣйшему поколѣнію. Не отрицая сомнѣній, лежащихъ на вопросахъ подлинности почти всѣхъ апостольскихъ писаній въ виду того, какъ мало стѣснялись впослѣдствіи приписывать Апостоламъ и святымъ откровенія, которымъ желательно было придать авторитетность, мы считаемъ вѣроятнымъ, что Апокалипсисъ является произведеніемъ Апостола Іоанна или по крайней мѣрѣ трудомъ, имъ принятымъ и разосланнымъ Азійскимъ Церквамъ, стоявшимъ подъ его покровительствомъ. Сильное впечатлѣніе убійствъ 64-го года, чувство, оставшееся отъ опасностей, которымъ подвергался авторъ, отвращеніе къ Риму, все это какъ намъ кажется очень подходитъ къ Апостолу, который, согласно нашему предположенію, бывалъ въ Римѣ, и, говоря объ этихъ трагическихъ событіяхъ, могъ сказать: Quorum pars magna fui. Кровь его душитъ, приливаетъ къ глазамъ, мѣшаетъ его видѣть природу. Неистовства царствованія Нерона преслѣдуютъ его какъ безумная мысль.—Но дѣло критика въ этомъ случаѣ затруднено важными возраженіями. Пристрастіе первыхъ христіанскихъ поколѣній къ таинственности и апокрифамъ покрыло непроницаемымъ мракомъ всѣ вопросы исторіи новозавѣтной литературы. Къ счастью, въ этихъ анонимныхъ или псевдонимныхъ писаніяхъ душа автора свѣтится такъ ярко, что лжи тутъ предположить невозможно. Въ народныхъ движеніяхъ немыслимо точно опредѣлить мѣру участія каждаго истиннымъ творческимъ геніемъ является общее чувство.

Отчего авторъ Апокалипсиса, кто бы онъ ни былъ, избралъ мѣстомъ своего видѣнія Патмосъ? На этотъ вопросъ отвѣтить трудно. Патмосъ или Патносъ—маленькій островъ около четырехъ миль длиною, но очень узкій. Въ Греческой древности островъ процвѣталъ и былъ очень населенъ. Въ римскую эпоху Патмосъ сохранилъ, поскольку то позволяла его маленькая величина, всю свою важность благодаря своему превосходному порту, образованному въ центрѣ острова перешейкомъ, соединяющимъ толщу скалистой сѣверной части съ южной частью. По условіямъ тогдашняго каботажа, Патмосъ былъ первой станціей (или послѣдней) для путешественника, ѣдущаго изъ Эфеса въ Римъ (или изъ Рима въ Эфесъ). Ошибочно представлять его себѣ голымъ утесомъ, пустыней. Патмосъ былъ и, можетъ быть, опять станетъ одной изъ самыхъ важныхъ станцій Архипелага, такъ какъ онъ приходится въ точкѣ пересѣченія нѣсколькихъ путей. Если бы Азія возродилась, Патмосъ сталъ бы для нея тѣмъ же, чѣмъ является Сира для современной Греціи и чѣмъ были въ древности Гелосъ и Рене между Цикладскими островами; нѣкотораго рода складомъ для морской торговли, весьма полезнымъ для путешественниковъ передаточнымъ пунктомъ.

Именно это, по всей вѣроятности, заслужило маленькому острову выборъ, доставившій ему впослѣдствіи столь важную извѣстность въ христіанствѣ, либо потому, что Апостолъ долженъ былъ скрыться туда, чтобы избѣжать какой-нибудь гонительной мѣры Эфесскихъ властей; либо потому, что, возвращаясь изъ путешествія въ Римъ, наканунѣ свиданія со своими вѣрными, онъ въ одной изъ cauponae, окаймлявшихъ, по всей вѣроятности, гавань, приготовилъ манифестъ, который онъ хотѣлъ предпослать себѣ въ Азію; либо потому, что отступая, такъ сказать на нѣкоторое пространство, чтобы нанести сильный ударъ, и считая, что неудобно указать, какъ на мѣсто видѣнія, на самый Эфесъ, онъ избралъ тотъ островъ Архипелага, который, находясь всего въ одномъ днѣ пути отъ метрополіи Азіи, былъ въ то же время связанъ съ нею ежедневнымъ морскимъ сообщеніемъ; либо потому, что онъ сохранилъ въ памяти послѣднюю стоянку полнаго волненія путешествія, совершеннаго имъ въ 64-мъ году; либо, наконецъ, потому, что простой случай на морѣ заставилъ его остано-
р нѣсколько дней въ этой небольшой гавани. Такія
архипелагу полны случайностей; переходы черезъ

океанъ не могутъ дать о нихъ никакого понятія, ибо въ нашихъ моряхъ господствуютъ постоянные вѣтра, которые содѣйствуютъ мореплавателямъ, даже когда они противны. Тамъ же чередуются то полное затишье, то, при входѣ въ узкіе каналы,—упорные вѣтра. Нельзя считать себя своимъ хозяиномъ: пристаешь, куда можешь, а не куда хочешь.

Такіе люди пламенной мысли, какъ эти суровые и фанатическіе потомки древнихъ пророковъ Израиля, внесли съ собой свое воображеніе всюду, куда заносилъ ихъ рокъ. Воображеніе это такъ исключительно было сосредоточено въ рамкахъ древне-еврейской поэзіи, что окружавшая ихъ природа для нихъ не существовала. Патмосъ похожъ на всѣ остальные острова Архипелага. Лазурное море, прозрачный воздухъ, чистое небо, скалы съ зубчатыми вершинами, временами чуть-чуть поддернутыя легкимъ пухомъ чахлой зелени. Зрѣлище наготы и безплодія; но формы и цвѣтъ утесовъ, яркая синева моря, изборожденнаго прекрасными бѣлыми птицами, и рѣзко выдѣляющагося на красноватыхъ оттѣнкахъ скалъ,—восхитительны. Тысячи островов и островковъ самыхъ разнообразныхъ очертаній, подобно пирамидамъ или щитамъ, всплывающихъ надъ волнами и водящихъ постоянные хороводы на горизонтѣ, кажутся волшебнымъ міромъ толпы морскихъ боговъ и Океанидъ, ведущихъ блестящую жизнь, полную любви, молодости и меланхоліи, въ блѣднозеленыхъ гротахъ, на чуждыхъ тайнъ берегахъ, то легкихъ и изящныхъ, то грозныхъ, то полныхъ свѣта, то мрачныхъ. Калипсо и сирены, тритоны и нереиды, опасныя чары моря, его ласки, одновременно и страстныя и зловѣщія, всѣ эти изящныя ощущенія, которыя такъ неподражаемо отразились въ *Одиссеѣ*, не были замѣчены мрачнымъ провидцемъ. Двѣ или три подробности, какъ, напримѣръ, великое смятеніе на морѣ, образъ „горы, пылающей среди моря", который повидимому, заимствованъ у Теры, одни только и носятъ извѣстный мѣстный отпечатокъ. Изъ маленькаго острова созданнаго для того, чтобы служить фономъ для картинокъ прелестнаго романа „Дафниса и Хлои" или для пастушескихъ идиллій, подобныхъ Ѳеокритовымъ и Махіевымъ, онъ сдѣлалъ черный вулканъ, насыщенный пепломъ и огнемъ. А между тѣмъ онъ не разъ долженъ былъ наслаждаться на этихъ волнахъ яснымъ молчаніемъ ночи, когда ухо ничего не можетъ разслышать кромѣ стона зимородка и глухого фырканья дельфина. Цѣлые дни пров-

дилъ онъ противъ горы Микале, не имѣя въ мысляхъ побѣды эллиновъ надъ персами, самой прекрасной, какая когда либо была одержена послѣ Мараѳона и Ѳермопилъ. Въ этомъ средоточіи великихъ греческихъ твореній, за нѣсколько миль отъ Самоса, Коса, Милета, Эфеса онъ размышлялъ объ иныхъ вещахъ;—не объ удивительномъ геніи Пиѳагора, Гиппократа, Ѳалеса, Гераклита; славныя воспоминанія Греціи для него не существовали. Поэмой Патмоса слѣдовало бы стать творенію вродѣ „Геро и Леандра", или пасторали во вкусѣ Лонгуса, пересказывающимъ игры красивыхъ дѣтей на порогѣ любви. Мрачный энтузіастъ, случайно заброшенный на эти іонійскіе берега, не вышелъ изъ круга своихъ библейскихъ воспоминаній. Природа для него была живой колесницей Езекіиля, чудовищнымъ *херувимомъ*, безобразнымъ ниневійскимъ быкомъ, причудливой зоологіей, бросающей вызовъ скульптурѣ и живописи. Этотъ странный недостатокъ зрѣнія, присущій жителямъ Востока, недостатокъ, изъ за котораго всѣ изображенія выходящія изъ ихъ рукъ, представляются фантастическими и лишенными духа живого, у него достигъ высочайшаго развитія. Недугъ, таившійся въ немъ, окрашивалъ все въ свои мрачные цвѣта. Онъ все видѣлъ глазами Езекіиля, автора книги Даніила; вѣрнѣе, онъ видѣлъ только самого себя, свои страданія, свои надежды, свой гнѣвъ. Смутная, сухая миѳологія, уже каббалистическая и гностическая, всецѣло построенная на первоплощеніи отвлеченныхъ идей въ божественныя ипостаси, поставили его внѣ пластическихъ условій искусства. Никогда никто не отрѣшался въ большей мѣрѣ отъ окружающей среды; никогда никто не отрицалъ болѣе открыто чувственнаго міра, чтобы замѣнить гармонію дѣйствительности противорѣчащей ей химерой новой земли и новаго неба.

ГЛАВА XVI.

Апокалипсисъ.

Послѣ предисловія въ видѣ обращенія къ семи Церквамъ начинается описаніе введенія.

Отверзается дверь на небѣ; Ясновидецъ восхищенъ въ ... езъ это отверстіе взоръ его проникаетъ до самой

глубины небеснаго двора; всѣ небеса еврейской каббалы ему открываются. Стоитъ единый престолъ и на этомъ престолѣ, вокругъ котораго радуга, сидитъ самъ Богъ, подобный огромному рубину, испускающему огненные лучи. Вокругъ престола двадцать четыре престола по-ниже, на которыхъ сидятъ двадцать четыре старца, облеченныхъ въ золотыя одежды и имѣющихъ на головахъ своихъ золотые вѣнцы. Это человѣчество, изображенное въ лицѣ избраннаго синклита, образующаго постоянный дворъ Предвѣчнаго. Передъ престоломъ горятъ семь свѣтильниковъ огненныхъ; это семь духовъ Божіихъ (семь даровъ Божественной мудрости). Вокругъ престола четыре животныхъ—чудищъ, образованныхъ изъ чертъ, заимствованныхъ у херувимовъ Іезекіиля и серафимовъ Ісаіи. Первое изъ нихъ подобно льву, второе—тельцу, третье имѣетъ лицо какъ человѣкъ, четвертое — подобно орлу летящему. Эти четыре чудища уже у Іезекіиля изображаютъ атрибуты Божества: премудрость, силу, всезнаніе и творчество. У нихъ по шесть крыльевъ, и они покрыты глазами по всему тѣлу. Ангелы, существа, стоящія ниже великихъ сверхъестественныхъ олицетвореній, которые только что описаны, нѣкотораго рода крылатые слуги окружаютъ престолъ, и число ихъ тьмы темъ и тысячи тысячъ; отъ престола исходитъ непрерывный громъ. На первомъ планѣ передъ нимъ простирается обширная лазурная поверхность, подобная кристаллу (небесная твердь). Все время слышится нѣкое божественное пѣніе. — Четверо чудищъ, жизненные органы вселенной (природа) никогда не спятъ и день и ночь поютъ небесное тройное славословіе: „святъ, святъ, святъ Господь Богъ Вседержитель. Который былъ и есть и грядетъ“. Двадцать четыре старца (человѣчество) присоединяются къ этому пѣснопѣнію, падая ницъ и полагая вѣнцы свои къ подножью престола, гдѣ сидитъ Создатель.

До сихъ поръ Христа при небесномъ дворѣ, видно, не было. Благодаря Ясновидцу намъ предстоитъ присутствовать при возведеніи его на престолъ. Въ десницѣ у сидящаго на престолѣ видна книга въ видѣ свитка, написанная внутри и отвнѣ, запечатанная семью печатями. Это книга тайнъ Божіихъ, великое откровеніе. Никто на небѣ ни на землѣ не оказался достойнымъ раскрыть ее, ни даже посмотрѣть на нее. Тутъ Іоаннъ начинаетъ плакать: значитъ, будущее, единовременное утѣшеніе христіанина, ему открыто не будетъ! Одинъ и-

старцевъ ободряетъ его. И дѣйствительно, тотъ кто можетъ раскрыть книгу скоро отыскивается; нетрудно угадать, что это Іисусъ. По самой серединѣ престола и. четырехъ животныхъ и посреди старцевъ на хрустальной поверхности появляется агнецъ, какъ-бы закланный. Это любимый образъ, подъ которымъ воображенію христіанъ нравилось предоставлять себѣ Іисуса. Закланный агнецъ, превращенный въ пасхальную жертву и всегда съ Богомъ. У него семь роговъ и семь очей, символовъ семи духовъ Божіихъ, полноту которыхъ получилъ и Іисусъ, и которые благодаря ему распространяется по всей землѣ. Агнецъ встаетъ, идетъ прямо къ престору Предвѣчнаго и беретъ у него книгу. Тогда небо преисполняется сильнымъ волненіемъ; четыре животныхъ и двадцать четыре старца падаютъ на колѣни предъ агнцемъ; въ рукахъ каждый изъ нихъ держитъ гусли и золотыя чаши, полныя ѳиміама (молитвы святыхъ) играютъ новую пѣснь: „достоинъ ты взять книгу и снять съ нея печати, ибо ты былъ закланъ и кровью своей искупилъ насъ Богу, изъ всякаго колѣна и языка и народа и племени и содѣлалъ насъ царями и священниками Богу нашему; и мы будемъ царствовать на землѣ“. Многіе ангелы присоединяются къ этой пѣснѣ и присуждаютъ Агнцу семь великихъ свойствъ (силу, богатство, премудрость, крѣпость, честь, славу и благословеніе). Всякое созданіе, находящееся на небѣ, и на землѣ, и подъ землею, и на морѣ присоединяеться къ небесному обряду и восклицаетъ: „Сидящему на престолѣ и Агнцу благословеніе и честь и слава и держава во-вѣки вѣковъ“. Четыре животныхъ, воплощающихъ природу своимъ проникновеннымъ голосомъ говорятъ: „Аминь“; старцы падаютъ ницъ и поклоняются.

И такъ вотъ и Іисусъ возведенъ на высочайшую ступень небесной іерархіи. Не только ангелы но и двадцать четыре старца и четверо животныхъ, стоящихъ выше ангеловъ простерлись передъ нимъ ницъ. Онъ поднялся по ступенямъ престола Божія, взялъ книгу изъ десницы Божіей, ту книгу, на которую никто не могъ даже смотрѣть. Сейчасъ сниметъ онъ съ книги семь печатей; великое представленіе начинается.

Прологъ блестящій. По весьма правильному историческому представленію авторъ относитъ начало мессіонической агитаціи къ тому моменту, когда Римъ распространилъ свое владычество на Іудею. Когда снимается первая печать, выносится конь; всадникъ на немъ держитъ въ рукѣ лукъ; на

голову его возложенъ вѣнецъ; и все онъ побѣждаетъ. Это—Римская Имперія, которой до времени ясновидца ничто не могло противустоять. Но этотъ торжественный прологъ не продолжителенъ; знаменіями, предвѣщающими блестящее появленіе Мессіи будутъ неслыханныя бѣдствія, и божественная трагедія продолжается въ самыхъ грозныхъ образахъ. Мы стоимъ у начала того, что носило названіе „періода страстей Мессіи“. Каждая снимаемая печать будетъ впредь наводить на человѣчество то или другое страшное бѣдствіе.

При снятіи второй печати выносится конь рыжій. Сидящему на немъ дано взять міръ съ земли и сдѣлать такъ, чтобъ люди убивали другъ друга; въ руку ему данъ большой мечъ. Это война. И въ самомъ дѣлѣ, со времени возстанія въ Іудеѣ и особенно возмущенія Виндекса весь свѣтъ представлялъ одну сплошную бойню и миролюбивый человѣкъ не зналъ, куда ему скрыться.

При снятіи третьей печати выносится конь вороной; всадникъ на немъ имѣетъ въ рукѣ своей мѣру (вѣсы). Посреди четырехъ животныхъ голосъ, опредѣляющій на небѣ цѣну товаровъ для бѣдныхъ смертныхъ, говоритъ всаднику: «хиниксъ пшеницы [1]) за динарій; три хиникса ячменя за динарій; елея же и вина не повреждай». Это голодъ. Не говоря уже о страшномъ голодѣ, случившемся въ царствованіе Клавдія, въ 68-мъ году дороговизна была необычайная.

Снимается четвертая печать и кидается конь блѣдный (желтый). Всадникъ его носитъ имя Смерть; и слѣдовалъ за нимъ Scheol (адъ), и дана была ему власть умертвить четвертую часть землю мечомъ и голодомъ, и моромъ, и звѣрями земными.

Таковы великія бѣдствія, возвѣщающія приближеніе пришествія Мессіи. Справедливость требовала бы, чтобъ тотчасъ же воспылалъ гнѣвъ Божій на землю. И въ самомъ дѣлѣ при снятіи пятой печати ясновидецъ присутствуетъ при трогательномъ зрѣлищѣ. Онъ узнаетъ подъ жертвенникомъ души убіенныхъ за вѣру свою и за свидѣтельство, оказанное ими Христу (безъ сомнѣнія это—жертвы 64-го года). Эти праведныя души взываютъ къ Богу, говоря: «доколѣ Владыка святый и истинный не судишь и не мстишь живущимъ на землѣ за кровь нашу»? Но не пришло еще время; не дошло еще число

[1]) Хиниксъ—малая хлѣбная мѣра.

мучениковъ до того, которое переполнитъ чашу гнѣва и каждой изъ жертвъ, стоящихъ подъ жертвенникомъ даются одежды бѣлыя, залогъ будущихъ возмездія и торжества, и сказано имъ, чтобы они успокоились еще на малое время, пока и сотрудники ихъ и братья ихъ, которые будутъ убиты, какъ и они, въ свою очередь окажутъ свидѣтельство.

Послѣ этой прекрасной интермедіи мы возвращаемся уже не въ періодъ бѣдствій—предзнаменованій, а въ среду феноменовъ страшнаго суда. При снятіи шестой печати происходитъ великое землетрясеніе во всей вселенной. Солнце становится мрачнымъ, какъ власяница и луна принимаютъ окраску крови и звѣзды небесныя падаютъ на землю, какъ смоковница, потрясаемая сильнымъ вѣтромъ роняетъ смокви свои; небо скрывается свившись, какъ свитокъ; горы и острова сдвигаются съ мѣстъ своихъ. Цари земные и вельможи и богатые и тысяченачальники и сильные, и рабы и свободные скрываются въ пещеры и въ ущелья горъ говоря горамъ: «подите на насъ и сокройте насъ отъ лица Сидящаго на престолѣ и отъ гнѣва Агнца».

Итакъ пришелъ великій день свершенія—Четверо Ангеловъ вѣтровъ помѣщаются на четыре угла земли; имъ достаточно отпустить узду довѣренныхъ имъ стихій, чтобы послѣднія, послушныя своей бурной природѣ, потрясли вселенную. Этимъ четыремъ исполнителямъ дано всевластіе, Они стоятъ на своемъ посту; но по основной своей идеѣ поэма стремится показать, что великій день Судный постоянно откладывается какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ, казалось, сейчасъ долженъ былъ наступить. Иной Ангелъ, имѣющій въ рукѣ печать Бога живого, (печать, надпись на которой, какъ и на всѣхъ царскихъ печатяхъ содержитъ имя того, которому она принадлежитъ Іеговы) восходитъ отъ востока. Онъ восклицаетъ четыремъ ангеламъ, которымъ даны разрушительные вѣтра удержать еще нѣкоторое время силы находящіяся въ ихъ власти до тѣхъ поръ, пока не будетъ положена печать на чело избранныхъ, живущихъ въ настоящее время на землѣ,—печать, которая, какъ въ былое время въ Египтѣ кровь пасхальнаго агнца, сохранитъ ихъ отъ бичей Божіихъ. Тогда Ангелъ налагаетъ Божественную печать на 144000 человѣкъ изъ двѣнадцати колѣнъ сыновъ Израилевыхъ. Это не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что эти 144000 избранныхъ состоятъ исключительно изъ евреевъ. Израиль здѣсь означаетъ истиннаго ду-

Ховнаго Израиля «Израиля Божія», какъ говоритъ Апостолъ Павелъ, избранное семейство, обнимающее всѣхъ, кто присоединился къ роду Авраамову посредствомъ вѣры въ Іисуса и посредствомъ исполненія необходимыхъ обрядовъ. Но есть одинъ разрядъ вѣрныхъ, который уже введенъ въ мѣсто покойное; это тѣ, кто претерпѣлъ смерть за Іисуса. Пророкъ видитъ ихъ въ образѣ великаго множества людей, котораго никто не можетъ перечесть, изъ всѣхъ племенъ и колѣнъ и народовъ и языковъ, стоящихъ передъ престоломъ и передъ Агнцемъ. Одинъ изъ старцевъ объясняетъ ему, что это за толпа: „Это тѣ, которые пришли отъ великой скорби. Они омыли одежды свои кровью Агнца, за это они пребываютъ нынѣ передъ престоломъ Бога и служатъ Ему день и ночь въ храмѣ Его и Сидящій на престолѣ будетъ вѣчно обитать въ нихъ; они не будутъ уже ни алкать, ни жаждать, ни страдать отъ солнца и зноя, ибо Агнецъ, который среди престола будетъ пасти ихъ и водить ихъ на живые источники водъ и отретъ Богъ всякую слезу съ очей ихъ“.

Снимается седьмая печать. Ожидается великое зрѣлище истребленія вѣковъ. Но и въ поэмѣ, какъ и въ дѣйствительности эта катастрофа постоянно откладывается. Все кажется, что мы подошли къ ней,—и каждый разъ мы видимъ, что это ошибка. Вмѣсто конечной развязки, которая должна бы быть слѣдствіемъ снятія седьмой печати, на небѣ дѣлается безмолвіе, какъ бы на $^1/_2$ часа, указывающее на то, что первый актъ таинства конченъ и сейчасъ начнется другой.

Послѣ торжественнаго безмолвія выступаютъ семь архангеловъ, которые стоятъ передъ престоломъ Бога и о которыхъ до сихъ поръ не упоминалось. Имъ дано семь трубъ, каждой изъ которыхъ предстоитъ послужить для подачи сигнала къ другимъ предзнаменованіямъ. Мрачная фантазія Іоанна не была еще удовлетворена; и теперь его гнѣвъ на языческій міръ обратится за образцами наказаній къ египетскимъ язвамъ. Подобное сближеніе оправдывалось явленіями природы, произшедшими около 68-го года и сильно занимавшими мысли народа. Однако, передъ началомъ гласа трубнаго происходитъ еще нѣмая сцена, производящая глубокое впечатлѣніе. Къ золотому жертвеннику, стоящему напротивъ престола приближается ангелъ съ золотой кадильницей въ рукѣ. Множество ѳиміама возлагается на угли жертвенника и дымъ его возносится къ Богу. Тогда Ангелъ наполняетъ свою кадильницу

огнемъ съ жертвенника и повергаетъ этотъ огонь на землю. Когда онъ достигаетъ поверхности земного шара происходятъ громы и молніи, голоса землетрясенія. Ѳиміамъ, по словамъ самаго автора есть молитвы всѣхъ святыхъ. Вздохи этихъ праведниковъ, въ безмолвіи вздымаясь къ Богу и призывая гибель на римское владычество, превращаются въ горящіе угли для языческаго міра, который они потрясаютъ, терзаютъ, уничтожаютъ, терзаютъ, при чемъ онъ не знаетъ откуда сіе на него.

Тутъ семь ангеловъ приготовляются трубить.

Когда вострубилъ первый ангелъ, на землю падаетъ градъ, смѣшанный съ огнемъ и кровью. Сгораетъ третья часть земли; сгораетъ третья часть деревъ; и вся трава зеленая сгораетъ. Дѣйствительно, въ 63 мъ, 68-мъ и 69-мъ году на всѣхъ навели страхъ грозы, въ которыхъ современники видѣли нѣчто сверхъестественное.

При звукѣ трубы второго ангела большая пылающая огнемъ гора низвергается въ море; третья часть моря превращается въ кровь; третья часть рыбъ умираетъ; третья часть судовъ погибаетъ. Здѣсь содержится намекъ на внѣшній видъ острова Теры, который пророкъ могъ различать на горизонтѣ Патмоса, который похожъ на погруженный въ воду вулканъ. Въ 46-мъ или 47-мъ году изъ его кратера появился новый островъ. Когда вулканъ находится въ дѣйствіи, то въ окрестностяхъ Теры можно видѣть на поверхности моря пламя.

При звукѣ трубы третьяго ангела падаетъ съ неба большая звѣзда, горящая подобно свѣтильнику; она падаетъ на третью часть рѣкъ и источниковъ; имя ей „Полынь". Третья часть водъ превращается въ полынь (т. е. онѣ становятся горькими и ядовитыми); много людей отъ этого умираетъ. Здѣсь приходится предположить намекъ на какой-нибудь болидъ, паденіе котораго было поставлено въ связь съ заразой, которая могла произойти въ какомъ-нибудь водномъ источникѣ и измѣнить свойство послѣдняго. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что нашъ пророкъ смотритъ на природу глазами простодушныхъ разсказовъ, народныхъ болтуновъ Азіи, самой легковѣрной страны въ мірѣ. Флегонтъ Тролльскій черезъ полвѣка, проводилъ всю свою жизнь въ собираніи подобныхъ [illegible] Тацита они занимаютъ на каждой страницѣ его [illegible]

При звукѣ трубы четвертаго ангела, третья часть солнца и третья часть луны и третья часть звѣздъ гаснутъ, такъ что третья часть дня была не свѣтла. Это можетъ относиться либо къ затменіямъ, которыя произвели въ эти года страшное смятеніе, либо къ ужасающей бури происшедшей 10-го января 69 го года.

Но и эти бѣдствія еще незначительны. Орелъ, летящій на небѣ, испускаетъ три зловѣщихъ возгласа, и возвѣщаютъ людямъ неизмѣримыя бѣдствія отъ остальныхъ трубныхъ голосовъ.

При звукѣ пятой трубы съ неба падаетъ звѣзда (т. е. ангелъ); ей дается ключъ отъ кладезя бездны (ада). Ангелъ открываетъ кладезь бездны; изъ него выходитъ дымъ, какъ изъ большой печи; помрачается солнце и воздухъ. Изъ этого дыма выходитъ саранча, покрывающая землю подобно отрядамъ всадниковъ. Саранча эта царемъ надъ собою имѣетъ ангела бездны, имя котораго по еврейски Аваддонъ, а по гречески Аполліонъ, и мучитъ она людей пять мѣсяцевъ (цѣлое лѣто). Возможно, что бичъ саранчи около этого времени въ какой-нибудь провинціи проявился съ особой силой; во всякомъ случаѣ здѣсь ясно проглядываетъ подражаніе язвамъ египетскимъ. Кладязь бездны есть, быть можетъ, Сольфатара въ Пуццоляхъ (такъ называемый *Форумъ Вулкана)* или угасшій кратеръ Сомма, который авторъ представляетъ себѣ отверстой дверью ада. Мы сказали, что въ окрестностяхъ Неаполя происходилъ тогда сильный кризисъ. Авторъ Апокалипсиса, которому ничто не мѣшаетъ приписать путешествіе въ Римъ, а слѣдовательно и въ Пуццоли, легко могъ быть свидѣтелемъ подобныхъ явленій. Онъ связываетъ тучи саранчи съ вулканическими изверженіями, ибо происхожденіе этихъ тучъ было народу непонятно, и потому онъ поневолѣ видѣлъ въ нихъ порожденіе ада. Впрочемъ, и въ настоящее время на Сольфатарѣ происходитъ подобное же явленіе. Послѣ сильныхъ дождей лужи воды, стоящія въ нагрѣтыхъ частяхъ вулкана, извергаютъ чрезвычайно порывисто и обильно массы саранчи и лягушекъ. Тѣмъ естественнѣе было то явленіе, что эти, повидимому, внезапныя зарожденія считались въ народѣ исходящими изъ самой пасти ада, что изверженія, за которыми обыкновенно слѣдовали большіе дожди, превращающіе всю мѣстность въ болота, могли казаться прямой причиной появленія цѣлыхъ тучъ насѣкомыхъ, порожденныхъ этими болотами

При звукѣ 6-й трубы открывается новое бѣдствіе: вторженіе Пареянъ, которое всѣ считали неизбѣжнымъ. Отъ 4-хъ роговъ жертвенника, стоящаго передъ Богомъ, исходитъ голосъ, приказывающій освободить четырехъ ангеловъ, связанныхъ при великой рѣкѣ Евфратѣ. Четыре ангела (быть можетъ Ассирійцы, Вавилоняне, Мидійцы и Персы), приготовленные на часъ и день, и мѣсяцъ и годъ, становятся во главѣ грозной конницы въ 200 милліоновъ человѣкъ. Описаніе коней и всадниковъ уже совершенно фантастично. Лошади, убивающія хвостами своими, являются, вѣроятно, намекомъ на пареянскую кавалерію, которая выпускала стрѣлы при отступленіи. Умираетъ третья часть людей. Однако, прочіе люди, пережившіе это бѣдствіе, не раскаиваются, они продолжаютъ поклоняться бѣсамъ и золотымъ и серебрянымъ идоламъ, которые не могутъ ни видѣть, ни слышать, ни ходить. Они упорствуютъ въ своихъ убійствахъ и въ чародѣйствахъ своихъ, и въ блудодѣяніи своемъ и въ воровствѣ своемъ.

Мы ждемъ седьмого гласа трубнаго; но и здѣсь, какъ въ предыдущемъ актѣ снятія печати, ясновидецъ какъ будто колеблется или, скорѣе, старается продолжить ожиданіе; онъ останавливается передъ торжественнымъ мигомъ. Страшная тайна еще не можетъ быть раскрыта цѣликомъ. Гигантскій ангелъ, надъ головой котораго радуга, правая нога котораго стоитъ на морѣ, а лѣвая — на землѣ, и голосъ котораго повторяютъ семь громовъ, произноситъ таинственныя слова, которыя голосъ съ неба запрещаетъ Іоанну записать. Тогда гигантскій ангелъ поднимаетъ руку свою къ небу и клянется Живущимъ во вѣки вѣковъ, что отсрочки уже не будетъ и что при звукѣ седьмой трубы совершится тайна Божія, о которой было Его благовѣствованіе пророкамъ.

Итакъ, апокалиптическое представленіе скоро закончится. Чтобы продолжить свою книгу, авторъ сообщаетъ себѣ новую пророческую миссію. Повторяя сильную символическую форму, уже употребленную Езекіилемъ, Іоаннъ заставляетъ ангела дать ему вѣщую книгу и съѣдаетъ ее, и голосъ говоритъ ему: „Тебѣ надлежитъ опять пророчествовать о народахъ, и племенахъ, и языкахъ, и царяхъ многихъ". Такимъ образомъ рамки видѣнія, которымъ, казалось, предстояло закрыться по звуку седьмой трубы, расширяются, и авторъ пріуготовляетъ себѣ вторую часть, въ которой онъ откроетъ

свои взгляды на судьбы королей и народовъ своей эпохи. Въ самомъ дѣлѣ, первыя шесть трубъ, какъ и снятіе первыхъ шести печатей, относятся къ фактамъ, которые во время написанія книги принадлежали уже прошлому. Послѣдующее же относится наоборотъ по большей части къ будущему.

Взоры ясновидца сначала обращаются на Іерусалимъ. Посредствомъ довольно прозрачнаго символа онъ даетъ понять, что городу суждено попасть въ руки язычниковъ; чтобы пред видѣть это въ началѣ 69 года, не нужно было имѣть особенно пророческаго духа. Портикъ и дворъ язычниковъ будутъ даже попираемы ногами нечестивыхъ; но такой ретивый еврей не могъ примириться съ тѣмъ, что храмъ будетъ разрушенъ; храмъ былъ единственнымъ мѣстомъ на землѣ, гдѣ можетъ происходить служеніе Богу (то служеніе, точнымъ воспроизведеніемъ котораго является служеніе небесное). Поэтому Іоаннъ не можетъ представить себѣ земли безъ храма. Храмъ, слѣдовательно, будетъ сохраненъ, и вѣрные, запечатлѣнные на челѣ печатью Іеговы, будутъ въ состояніи продолжать поклоняться въ немъ. Храмъ тогда будетъ какъ бы священнымъ пространствомъ, духовнымъ мѣстопребываніемъ всей Церкви; это будетъ продолжаться 42 мѣсяца, т. е. три съ половиною года (половину схемиты или недѣли лѣтъ). Это таинственное число, заимствованное изъ книги Даніила, будетъ много разъ возвращаться ниже. Это то время, которое еще остается міру прожить.

Между тѣмъ Іерусалимъ будетъ мѣстомъ великой религіозной битвы, подобной тѣмъ, которыя во всѣ времена переполняли его исторію. Богъ дастъ порученіе „двумъ свидѣтелямъ своимъ", и они будутъ пророчествовать 1260 дней (т. е. $3^1/_2$ года), будучи облечены во вретище. Эти два пророка сравниваются съ двумя маслинами и двумя свѣтильниками, стоящими передъ Богомъ. У нихъ будетъ власть Моисея и Иліи; они будутъ въ состояніи затворить небо, чтобы не шелъ дождь на землю, превращать воду въ кровь и поражать землю всякой язвою, когда только захотятъ. И если кто захочетъ ихъ обидѣть, то огонь выйдетъ изъ ихъ устъ и пожретъ враговъ ихъ. И когда кончатъ они свидѣтельство свое, звѣрь, выходящій изъ бездны (Римское владычество или, скорѣй, Неронъ, снова облекшійся во внѣшній видъ Антихриста) убьетъ ихъ. Трупы ихъ останутся $3^1/_2$ дня безъ погребенія на улицахъ великаго города, который символически называется „Содомомъ"

и „Египтомъ“, гдѣ и Господь ихъ былъ распятъ. Свѣтскіе люди будутъ радоваться, и поздравлять другъ друга и посылать другъ другу дары, потому что два пророка сіи стали имъ невыносимыми изъ за своихъ суровыхъ предостереженій и грозныхъ чудесъ. Но послѣ 3½ дней духъ живой снова входитъ въ обоихъ праведниковъ; оба они становятся на ноги свои, и великій страхъ нападаетъ на тѣхъ, которые смотрятъ на нихъ. Затѣмъ они всходятъ на небо на облакѣ и враги въ это время смотрятъ на нихъ. Въ тотъ же часъ происходитъ великое землетрясеніе. Десятая часть города падаетъ, погибаетъ 7000 человѣкъ, остальные въ страхѣ воздаютъ славу Богу Небесному.

Мы уже нѣсколько разъ встрѣчались съ той идеей, что торжественному часу будетъ предшествовать появленіе двухъ свидѣтелей, которые чаще всего представляются въ видѣ самихъ Еноха и Ильи. И дѣйствительно, эти два друга Божіи, по господствовавшему убѣжденію, не умерли. Первый, какъ говорили, напрасно пророчествовалъ своимъ современникамъ о потопѣ, но они не захотѣли слушать его. Это былъ образецъ еврея, проповѣдующаго среди язычниковъ покаяніе. Часто свидѣтели принимали также образъ Моисея, смерть котораго также была покрыта мракомъ неизвѣстности, и Іереміи. Нашъ авторъ, повидимому, считаетъ обоихъ свидѣтелей, кромѣ того, еще двумя важными мужами изъ Іерусалимской Церкви, двумя Апостолами выдающейся святости, которые будутъ убиты, а потомъ воскреснутъ и будутъ взяты на небо, подобно Иліи и Іисусу. Вполнѣ возможно, что первая часть видѣнія относится къ прошлому, а именно къ убійству двухъ Іакововъ, особенно къ казни Іакова, брата Господня, которую въ Іерусалимѣ многіе сочли общественнымъ бѣдствіемъ, роковымъ событіемъ и знаменіемъ времени. Возможно также, что одинъ изъ этихъ проповѣдниковъ покаянія Іоаннъ Креститель, а другой—Іисусъ. Что касается до убѣжденія, что конецъ міра не наступитъ ранѣе, чѣмъ евреи будутъ обращены, то оно пользовалось среди христіанъ всеобщимъ распространеніемъ; находимъ мы его также и у Апостола Павла.

Такъ какъ весь Израиль безъ исключенія перешелъ въ истинную вѣру, то ничто уже не задерживаетъ свѣтопреставленія. Седьмой Ангелъ прикладываетъ къ устамъ трубу. При звукѣ этой послѣдней трубы раздаются на небѣ громкіе голоса, восклицающіе: „царство міра сдѣлалось царствомъ Го-

спода нашего и Христа его и будетъ царствовать во вѣки вѣковъ“. Двадцать четыре старца падаютъ на лица свои и поклоняются Богу. И благодарятъ они Бога, что Онъ пріялъ Царствіе Свое, несмотря на безсильную ярость язычниковъ, и возвѣщаетъ, что пришелъ часъ возмездія праведникамъ и погибели губившихъ землю. Тогда отверзаются двери Храма Божьяго на небѣ; и въ глубинѣ этого Храма является ковчегъ Новаго Завѣта. Сцена эта сопровождается землетрясеніями, громами и молніями.

Все кончено; вѣрные получили великое Откровеніе, которое должно утѣшить ихъ. Страшный Судъ близокъ; онъ наступитъ черезъ половину священнаго года, что равносильно $3^1/_2$ годамъ. Но мы уже видѣли выше, что авторъ мало заботится о единствѣ въ своемъ произведеніи и старается устроить себѣ возможность продолжать его, когда оно повидимому должно закончиться. И въ самомъ дѣлѣ, книга написана тутъ еще только на половину; передъ нами сейчасъ откроется новый рядъ видѣній.

Первое изъ нихъ—одно изъ самыхъ прекрасныхъ. Среди неба является жена (Церковь Израиля), облеченная въ солнце, подъ ногами ея луна и на головѣ ея вѣнецъ изъ двѣнадцати звѣздъ (двѣнадцать колѣнъ израилевыхъ). Она кричитъ, какъ будто въ мукахъ рожденія, ибо она имѣетъ во чревѣ мессіаническій идеалъ. Передъ ней воздымается огромный красный драконъ съ семью головами и десятью рогами, и на головахъ его семь діадемъ; хвостъ его мететъ небо и увлекаетъ съ него третью часть звѣздъ, повергая ихъ на землю. Это Сатана въ образѣ самаго мощнаго изъ своихъ воплощеній,—римскаго владычества: красный цвѣтъ изображаетъ императорскій пурпуръ; семь вѣнчанныхъ главъ знаменуютъ семь Цезарей, царствовавшихъ до момента написанія книги: Юлія Цезаря, Августа, Тиверія, Калигулу, Клавдія, Нерона и Гальбу; десять роговъ суть десять проконсуловъ, управляющихъ провинціями. Драконъ стережетъ, когда родится ребенокъ, чтобы пожрать его. Женщина рождаетъ младенца мужескаго пола, которому надлежитъ „пасти народы жезломъ желѣзнымъ“,—характерная черта Мессіи. Младенецъ (Іисусъ) восхищенъ на небо Богомъ. Богъ помѣщаетъ его рядомъ съ собой на своемъ престолѣ. А жена бѣжитъ въ пустыню, гдѣ приготовлено для нея мѣсто отъ Бога, чтобы питали ее тамъ тысячу двѣсти шестьдесятъ дней. Это очевидный намекъ либо на бѣгство

Іерусалимской Церкви и на покой, которымъ она имѣетъ пользоваться въ стѣнахъ Пеллы въ теченіе $3^1/_2$ лѣтъ, остающихся еще до свѣтопреставленія, либо на пріютъ, который нашли христіано-іудеи и нѣкоторые изъ Апостоловъ въ провинціи Азіи. Образъ „пустыни" скорѣй соотвѣтствуетъ первому объясненію, нежели второму. Пелла за Іорданомъ была спокойнымъ мѣстечкомъ, граничащимъ съ пустынями Аравіи, куда слухи о войнѣ почти не доходили.

Тутъ происходитъ на небѣ великая война. До сихъ поръ Сатана, *Катигоръ*, недружелюбный критикъ мірозданія, пользовался правомъ входа къ Божественному Двору. По старой привычкѣ, которую онъ сохранилъ со временъ патріарха Іова, онъ пользовался этимъ для того, чтобы губить благочестивыхъ людей, особенно христіанъ, и призывать на нихъ страшныя несчастія. Гоненія въ Римѣ и въ Эфесѣ были дѣломъ его рукъ. Теперь у него это право отнимется. Архангелъ Михаилъ (ангелъ-хранитель Израиля), и ангелы его сражаются съ сатаной. Сатана побѣжденъ, низверженъ съ неба, сброшенъ на землю вмѣстѣ со своими ангелами; гремитъ побѣдная пѣснь, въ то время, какъ небожители видятъ низверженіе клеветника, губителя всякаго блага, который день и ночь клеветалъ и вредилъ братьямъ ихъ, живущимъ на землѣ. Церковь Небесная и Церковь всего міра братаются другъ съ другомъ по случаю пораженія сатаны. Пораженіе это произошло благодаря крови агнца, а также мужеству мучениковъ, не возлюбившихъ души своей даже до смерти. Но горе живущимъ на землѣ. Драконъ спустился на лоно послѣдней и отъ ярости его можно ждать всякихъ бѣдствій, ибо онъ знаетъ, что дни его сочтены.

Первое, противъ чего низверженный драконъ обращаетъ свою ярость, есть женщина (Церковь Израиля), которая родила на свѣтъ того Божественнаго Младенца, котораго Богъ помѣстилъ одесную Себя. Но женщина пользуется покровительствомъ неба; ей даются два крыла большого орла, чтобы она летѣла въ свое мѣсто, ей указанное, въ пустыню, т. е. въ Пеллу. Тамъ питается она $3^1/_2$ года далеко отъ взоровъ дракона. Ярость послѣдняго достигаетъ высшаго предѣла. Онъ пускаетъ изъ пасти своей вслѣдъ жены рѣку, дабы утопить ее и увлечь; но на помощь женщинѣ является земля; она раз[illegible] уста свои и поглощаетъ рѣку (намекъ на какую-н[illegible]бность бѣгства въ Пеллу, намъ неизвѣстную).

Драконъ, видя свое безсиліе противъ жены, (Церкви Матери Израиля), обращаетъ свою ярость противъ „сѣмени ея“, т. е. противъ Церквей, находящихся въ разсѣяніи, сохраняющихъ заповѣди Божіи и вѣрность свидѣтельству Іисуса. Это очевидный намекъ на преслѣдованія ближайшихъ временъ и особенно на гоненіе 64-го года.

Тутъ пророкъ видитъ, какъ изъ моря выходитъ звѣрь, во многихъ отношеніяхъ очень похожій на дракона. У него десять роговъ, семь головъ, на каждомъ изъ десяти роговъ діадемы, а на каждой изъ головъ—имя богохульное. Въ общемъ онъ подобенъ барсу, ноги у него какъ у медвѣдя, а пасть у него, какъ пасть у льва. Драконъ (Сатана) далъ ему свою силу, свой престолъ и великую власть. Одна изъ головъ его какъ бы смертельно была ранена, но эта смертельная рана исцѣлилась. Вся земля дивилась, слѣдя за звѣремъ и всѣ люди стали поклоняться дракону за то, что онъ далъ власть Звѣрю; поклоняются они также и Звѣрю, говоря: „кто подобенъ Звѣрю сему и кто можетъ сразиться съ нимъ“? И даны звѣрю уста, говорящія рѣчи, полныя гордости и богохульства, а срокъ его всемогущества назначенъ въ размѣрѣ сорока двухъ мѣсяцевъ ($3^1/_4$ лѣтъ). Звѣрь начинаетъ изрекать хулу на Бога, на Имя Его, на Жилище Его и живущихъ на небѣ. Дано ему вести войну со святыми и побѣдить ихъ и дана ему власть надъ всякимъ колѣномъ и народомъ и языкомъ и племенемъ. И всѣ люди поклоняются ему, за исключеніемъ тѣхъ, имена которыхъ отъ сотворенія міра записаны въ книгѣ Жизни у Агнца, который былъ закланъ. „Имѣющій уши да слышитъ! Кто ведетъ въ плѣнъ, тотъ самъ пойдетъ въ плѣнъ; кто мечемъ убиваетъ, отъ меча и погибнетъ. Здѣсь тайна терпѣнія и вѣры праведниковъ“.

Символъ этотъ очень прозраченъ. Уже въ Сивиллической поэмѣ, написанной во II-мъ до Р. Х., римское могущество называется „многоголовой“ властью. Аллегоріи въ образѣ многоголовныхъ животныхъ были тогда въ большой модѣ. Основной принципъ толкованія этихъ эмблемъ состоялъ въ томъ, что каждая голова обозначаетъ монарха. Сверхъ того, чудовище Апокалипсиса состоитъ изъ соединенныхъ чертъ четырехъ властей Даніила; и одно уже это само по себѣ показываетъ, что рѣчь идетъ о новой власти, поглотившей всѣ предшествующія власти. Итакъ, Звѣрь, выходящій изъ моря, представляетъ римское владычество, которое жителямъ

Палестины должно было казаться выходящимъ изъ за морей. Владычество это является лишь воплощеніемъ Сатаны (дракона) или, скорѣе, это самъ Сатана со всѣми своими аттрибутами; власть свою онъ получилъ отъ Сатаны и цѣликомъ ее онъ употребляетъ на то, чтобы заставлять людей поклоняться Сатанѣ, т. е. на то, чтобы поддерживать идолослуженіе, которое по мысли автора, является ничѣмъ инымъ, какъ поклоненіемъ діаволамъ. Десять вѣнчанныхъ роговъ суть десять провинцій, проконсулы которыхъ являются настоящими царями. Семь главъ суть семь императоровъ, послѣдовательно царствовавшихъ съ Юлія Цезаря до Гальбы; богохульное имя, надписанное на каждой главѣ, есть титулъ Augustus, который, какъ казалось, строгимъ евреямъ, содержалъ въ себѣ кощунство. Сатана предаетъ этой власти всю безъ исключенія землю, въ воздаяніе за поклоненіе, которое эта власть доставляетъ сатанѣ; величіе и гордость Рима, imperium, которое онъ себѣ присвоилъ, принципъ божественности его, какъ предмета спеціальнаго общественнаго культа, является непрерывной хулой на Бога, единственнаго истиннаго владыки міра. Власть, о которой идетъ рѣчь, естественно является врагомъ евреевъ и Іерусалима, она ведетъ войну, и войну ярую, съ праведниками (авторъ, повидимому, въ общемъ сочувствуетъ еврейскому возстанію; ей предстоитъ побѣдить ихъ, но зато ей остается только $3^1/_2$ года жизни.—Что касается до головы, смертельно раненой, но рана которой исцѣлилась, это—Неронъ, недавно низверженный, чудеснымъ спасенный отъ смерти и который по всеобщему убѣжденію скрылся къ Парѳянамъ. Поклоненіе Звѣрю есть культъ „Рима и Августа", который былъ очень распространенъ по всей провинціи Азіи и представлялъ основаніе мѣстной религіи.

Слѣдующій символъ далеко не такъ ясенъ. Изъ земли выходитъ другой Звѣрь; у него два рога подобные ангчимъ, но говоритъ онъ какъ Драконъ (Сатана). Онъ дѣйствуетъ со всей властью перваго звѣря въ его присутствіи и подъ его взорами: онъ исполняетъ по отношенію къ нему обязанности адъютанта, всю свою власть направляетъ на то, чтобы живущіе на землѣ поклонялись первому Звѣрю, „у котораго смертельная рана исцѣлилась". Этотъ второй Звѣрь творитъ великія чудеса; онъ даже и огонь низводитъ съ неба на землю въ присутствіи многочисленныхъ очевидцевъ, и чудесами, которыя оно творитъ во имя и въ цѣляхъ Звѣря, „того Звѣря при-

бавляетъ автсръ, который имѣетъ рану отъ меча и живъ". И дано было ему, „второму Звѣрю", вложить духъ въ образъ перваго Звѣря, такъ, чтобы этотъ образъ говорилъ. И была у него власть сдѣлать такъ, чтобы убиваемъ былъ всякій, кто ни будетъ поклоняться первому Звѣрю. И онъ устанавливаетъ законъ, что всѣмъ и малымъ, великимъ и богатымъ и нищимъ, и свободнымъ и рабамъ, положено будетъ начертаніе на правую руку ихъ или на чело ихъ. Устанавливаетъ онъ также, что никому нельзя будетъ ни покупать, ни продавать кромѣ того, кто будетъ носить это начертаніе, „печать Звѣря", или имя его, или число имени его. „Т. е. число которое образуетъ сумма чиселъ, обозначаемыхъ буквами его имени". „Здѣсь мудрость! Восклицаетъ авторъ. Кто имѣетъ умъ, тотъ сочти число Звѣря, ибо это число человѣческое; число его 666".

И дѣйствительно, если сложить всѣ буквы имени Нерона написаннаго по еврейски, Neron Kesar согласно ихъ численному значенію, получается число 666. Neron Kesar и было именно тѣмъ именемъ, которымъ азійскія христіане обозначали это чудовище; азійскія монеты чеканены съ надписью Nepron Kaizap. Такія вычисленія были въ большемъ обычаѣ у евреевъ и составляли каббалистическую забаву, которую они называли ghematria (geometria); не чужда она была также азіатскимъ грекамъ; гностики во второмъ вѣкѣ ею увлекались.

Такимъ образомъ императоръ, котораго представляла глава, пораженная на смерть, но не убитая, (какъ то намъ сообщаетъ самъ авторъ) — это Неронъ, который, по очень распространенному среди населенія Азіи мнѣнію, находился еще въ живыхъ. Въ этомъ сомнѣнія быть не можетъ; но что это за второй звѣрь, что это за приспѣшникъ Нерона, который съ манерами благочестиваго еврея соединяетъ рѣчи сатаны, который является какъ бы двойникомъ Нерона, трудится на его пользу, творитъ чудеса и даже даетъ даръ слова статуѣ Нерона, преслѣдуетъ вѣрныхъ евреевъ, не желающихъ отдавать Нерону тѣ же почести, что и язычники, и отказывающіеся носить печать,—знакъ принадлежности къ его партіи, который портитъ имъ жизнь и запрещаетъ имъ производить самые существенные акты,—куплю и продажу? Нѣкоторыя подробности могли бы склонить насъ къ мысли, что тутъ подразумѣвается еврейскій чиновникъ, такъ напр. Тиверій Александръ, преданный Римлянамъ и считаемый соотче-

никами за отступника. Одинъ уже фактъ уплаты налоговъ имперіи могъ быть названъ „поклоненіемъ Звѣрю", такъ какъ подать въ глазахъ евреевъ имѣла характеръ религіозной жертвы и была равносильна открытому культу государя. Знакомъ или печатью Звѣря (Neron Kaisar), которую необходимо носить на себѣ для того, чтобы пользоваться гражданскими правами, могло быть или званіе римскаго гражданина, безъ котораго въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ не легко было жить, и которое для экзальтированныхъ евреевъ было равносильно преступленію, такъ какъ носить его значило присоединиться къ дѣлу сатаны; или же монета съ изображеніемъ Нерона, котораго взбунтовавшіеся евреи считали мерзостью, изъ за находившихся на ней изображеній и кощунственныхъ надписей, такъ что, какъ только они оказались хозяевами въ Іерусалимѣ, они поспѣшили замѣнить ее правовѣрными монетами. Тотъ сторонникъ римлянъ, о которомъ идетъ рѣчь, настоявъ на томъ, чтобы деньги съ изображеніемъ Нерона пользовались принудительнымъ обращеніемъ въ сдѣлкахъ, совершилъ, какъ могло показаться евреямъ, важное злодѣяніе; монета съ изображеніемъ Нерона на рынкѣ должно быть имѣлась въ большомъ количествѣ, и тѣ, кто изъ религіозныхъ соображеній, отказывались притрагиваться къ ней, оказывались какъ бы внѣ закона.

Проконсуломъ Азіи въ это время былъ Фонтей Агриппа, чиновникъ основательный, и намъ невозможно подумать о немъ, чтобы выпутаться изъ нашего недоумѣнія. Нѣкоторымъ требованіямъ нашей задачи отвѣчалъ бы, пожалуй, нѣкій азіатскій первосвященникъ, ревностный приверженецъ культа Рима и Августа, который пользовался данной ему свѣтской властью для того, чтобы причинять непріятности евреямъ и христіанамъ. Но къ этой личности не подходятъ черты второго звѣря, какъ соблазнителя и волшебника. Черты эти склоняютъ насъ къ мысли объ одномъ лже-пророкѣ, кудесникѣ, именно о Симонѣ Волхвѣ, подражателѣ Христа, котораго легенда сдѣлала льстецомъ, паразитомъ и фокусникомъ Нерона, или же о Балбиллѣ Эфесскомъ, или же наконецъ о томъ Антихристѣ, о которомъ туманно говоритъ Павелъ во второмъ Посланіи къ Ѳессалоникійцамъ. Весьма возможно, что личность, которую имѣлъ здѣсь въ виду авторъ Апокалипсиса, есть какой-нибудь Эфесскій самозванецъ, сторонникъ Нерона, можетъ быть приспѣшникъ лже-Нерона или

самъ лже-Неронъ. Въ самомъ дѣлѣ, та же самая личность ниже называется „лже пророкомъ" въ томъ смыслѣ, что онъ проповѣдникъ лже-Бога, т. е. Нерона. Не слѣдуетъ упускать изъ виду то значеніе, которое имѣли въ это время маги, халдеи, „математики", чума, главнымъ очагомъ которой былъ Эфесъ. Вспомнимъ также, что Неронъ одно время мечталъ о „Іерусалимскомъ царствѣ"; онъ очень интересовался астрологическимъ движеніемъ своей эпохи и почти единственный изъ императоровъ былъ обожествленъ при жизни, а это было признакомъ антихриста. Въ частности во время путешествія его въ Грецію, лесть Ахаіи и Азіи превысила все, что только можно себѣ представить. Наконецъ, не надо забывать и о большомъ значеніи, которое имѣло въ Азіи и на островахъ Архипелага движеніе лже-Нерона. То обстоятельство, что второй звѣрь выходитъ изъ земли, а не изъ моря, какъ первый, показываетъ, что случай, о которомъ идетъ рѣчь, произошелъ въ Азіи или въ Іудеѣ, но не въ Римѣ. Всего этого мало, чтобы разсѣять туманность этого видѣнія, которое для автора являлось конечно такимъ же прозрачнымъ намекомъ, какъ и всѣ остальныя, но будучи связаннымъ съ мѣстнымъ фактомъ, о которомъ не упоминаютъ историки, и который имѣлъ значеніе только въ личныхъ впечатлѣніяхъ Ясновидца, остается для насъ загадкой.

Но вотъ среди порывовъ гнѣва появляется зеленый оазисъ. Среди яростныхъ битвъ послѣднихъ дней міра будетъ одно мѣсто, на которомъ можетъ успокоиться взоръ: это—Церковь, тѣсная семья Іисусова. Пророкъ видитъ на горѣ Сіонѣ сто сорокъ четыре тысячи спасенныхъ изъ всей земли, у которыхъ на челѣ написано имя Божіе. Агнецъ мирно покоится среди нихъ. Небесные аккорды арфъ нисходятъ на это собраніе, гуслисты поютъ какъ бы новую пѣснь, которой никто не могъ бы повторить, кромѣ ста сорока четырехъ тысячъ избранниковъ. Признакомъ этихъ счастливцевъ является непорочность; всѣ они дѣвственники, не оскверненные; уста ихъ никогда не изрекали лжи; потому и слѣдуютъ они за Агнцемъ повсюду, куда онъ идетъ, какъ соль земли и ядро новаго міра.

Послѣ этого краткаго отступленія,—взора на этотъ пріютъ мира и непорочности, авторъ возвращается къ своимъ грознымъ видѣніямъ. Три Ангела быстро пересѣкаютъ небо: первый летитъ посрединѣ неба, держа вѣчное Евангеліе. Онъ возвѣщаетъ всѣмъ народамъ новое ученіе и предупреждаетъ

о наступленіи суднаго дня. Второй Ангелъ заранѣе прославляетъ разрушеніе Рима: „палъ, палъ Вавилонъ, городъ великій, потому что онъ яростнымъ виномъ блуда своего напоилъ всѣ народы. Третій Ангелъ запрещаетъ поклоняться звѣрю и образу его, сотворенному лже-пророкомъ“: „кто поклоняется звѣрю и образу его и принимаетъ начертаніе на чело свое, или на руку свою, тотъ будетъ пить вино ярости Божіей, вино цѣльное, приготовленное въ чашѣ гнѣва Его и будетъ мучимъ въ огнѣ и сѣрѣ передъ святыми Ангелами и передъ Агнцемъ; и дымъ мученія ихъ будетъ восходить во вѣки вѣковъ и не будутъ имѣть покоя ни днемъ ни ночью поклоняющіеся звѣрю и образу его и принимающіе начертаніе имени его. Здѣсь терпѣніе святыхъ, соблюдающихъ заповѣди Божіи и вѣру Іисуса“. Чтобы разсѣять среди вѣрныхъ сомнѣнія, иной разъ мучившія ихъ, относительно участи братьевъ, ежедневно умиравшихъ, голосъ съ неба приказываетъ пророку написать: „отнынѣ блаженны мертвые, умирающіе въ Господѣ; ей, говоритъ Духъ, они успокоятся отъ трудовъ своихъ, и дѣла ихъ идутъ вслѣдъ за ними“.

Образы Страшнаго Суда тѣснятся въ пылкомъ изображеніи Ясновидца. По небу проходитъ свѣтлое облако; на облакѣ этомъ сидитъ подобный Сыну Человѣческому (Ангелъ, подобный Мессіи), на головѣ его золотой вѣнецъ, въ рукѣ его— острый серпъ. Жатва земная созрѣла. Сынъ Человѣческій бросаетъ свой серпъ, и земля сжата. Другой Ангелъ обрѣзаетъ гроздья виноградные; все бросаетъ онъ въ великій сосудъ гнѣва Божія; и истоптанныя ягоды въ сосудѣ за городомъ, и кровь, изъ него текущая, потекла даже до устъ конскихъ, на разстояніи тысячи шестисотъ стадій.

Послѣ всѣхъ этихъ эпизодовъ передъ взорами Ясновидца происходитъ небесный обрядъ, подобный обоимъ таинствамъ снятія печатей и трубъ. Семи Ангеламъ поручено поразить землю семью послѣдними язвами, которыми оканчивается ярость Божія; но относительно участи избранниковъ насъ успокаиваютъ заранѣе; на обширномъ хрустальномъ морѣ, смѣшанномъ съ огнемъ, мы видимъ побѣдившихъ звѣря, т. е. тѣхъ, кто отказался поклоняться образу его и числу имени его и держатъ они въ рукахъ гусли Божіи и поютъ пѣснь Моисея, которую пѣлъ онъ по переходѣ черезъ Чермное море, а также пѣснь Агнца. Открывается дверь небеснаго Храма, и мы видимъ, какъ изъ него выходятъ семь Ангеловъ, облечен-

ныхъ въ чистую льняную одежду и опаясанныхъ по персямъ золотыми поясами. Одно изъ четырехъ животныхъ даетъ имъ семь золотыхъ чашъ, наполненныхъ до краевъ гнѣвомъ Бога. Тогда храмъ наполняется дымомъ отъ славы Божіей, и никто уже не можетъ войти въ Храмъ, доколѣ не окончатся семь язвъ изъ семи чашъ.

Первый Ангелъ выливаетъ чашу свою на землю и на людяхъ дѣлаются жестокія гнойныя раны,—на всѣхъ людяхъ, имѣющихъ начертаніе звѣря и поклоняющихся его образу.

Второй выливаетъ свою чашу въ море и все одушевленное въ морѣ умираетъ.

Третій Ангелъ выливаетъ свою чашу въ рѣки и источники, и они превращаются въ кровь. Ангелъ водъ не жалуется на потерю своей стихіи. Онъ говоритъ: „Праведенъ Ты, Господи, Который еси и былъ и Святъ, потому что такъ судилъ; за то, что они пролили кровь святыхъ и пророковъ, ты далъ имъ пить кровь: они достойны того". Жертвенникъ со своей стороны говоритъ: «Ей, Господи Боже Вседержитель, истинный и правый судъ суды Твои».

Четвертый Ангелъ выливаетъ свою чашу на солнце, и солнце начинаетъ жечь людей, какъ огонь. Люди же не только не раскаиваются, но наоборотъ хулятъ имя Бога, имѣющаго власть поражать ихъ такими язвами.

Пятый Ангелъ выливаетъ чашу свою на престолъ звѣря (городъ Римъ), и все царство звѣря (римская Имперія) погружается во мракъ. Люди кусаютъ себѣ языки отъ страданія, но вмѣсто того, чтобы раскаяться, они хулятъ Бога Небеснаго.

Шестой Ангелъ выливаетъ чашу свою въ Евфратъ, который тутъ же высыхаетъ, чтобы готовъ былъ путь Царямъ съ Востока. Тогда изъ устъ Дракона (Сатаны), изъ устъ звѣря (Нерона) и изъ устъ лже-пророка (?) исходятъ три нечистыхъ духа, подобныхъ жабамъ. Это бѣсовскіе духи, творящіе чудеса. Эти три духа выходятъ къ Царямъ всей земли, чтобы собрать ихъ на брань въ великій день Бога. „Се иду какъ тать, восклицаетъ среди всего этого голосъ Іисуса, блаженъ бодрствующій и хранящій одежду свою, чтобы не пришлось ходить ему нагимъ и чтобы не увидѣли срамоты его". Онъ собираетъ ихъ, говорю я, въ мѣсто, называемое *Армагеддонъ*.— Общая идея всѣхъ этихъ символовъ ясна. Мы уже видѣли, что и Ясновидецъ принимаетъ то, повсемѣстно принятое въ

Азіи мнѣніе, что Неронъ, скрывшись изъ виллы Фаона, спрятался у Парѳянъ и что оттуда онъ придетъ, чтобы побѣдить своихъ враговъ. Народъ думалъ, не безъ очевидныхъ основаній, что парѳянскіе государи, дружественно относившіеся къ Нерону во время царствованія послѣдняго, все еще поддерживаютъ его, и дѣйствительно, дворъ Арзакидовъ въ продолженіе болѣе 20 лѣтъ былъ пріютомъ лже-Нерона. Все это кажется автору Апокалипсиса адскимъ планомъ, придуманнымъ сатаною, Нерономъ и тѣмъ совѣтникомъ Нерона, который уже фигурировалъ въ разсказѣ въ образѣ второго Звѣря. Эти адскія существа на Востокѣ образуютъ лигу, армія которой вскорѣ перейдетъ Евфратъ и нанесетъ пораженіе Римской Имперіи. Что касается до частнаго вопроса объ имени Армагеддона, то эта задача для насъ не разрѣшима.

Седьмой Ангелъ выливаетъ чашу свою на воздухъ. И изъ Храма небеснаго отъ Престола раздается кликъ: «Совершилось». И произошли молніи, громы и голоса и сдѣлалось такое землетрясеніе, какого никогда еще не бывало и вслѣдствіе этого землетрясенія Великій Городъ (Іерусалимъ) распадается на три части; и города языческіе падаютъ и великій Вавилонъ приходитъ на память Богу, который приготовляется къ тому, чтобы дать ему наконецъ испить чашу вина ярости гнѣва Его. Острова убѣгаютъ, горы исчезаютъ, на людей падаетъ градъ величиной съ талантъ, и люди хулили Бога за эту язву.

Кругъ разныхъ прологовъ закончился. Теперь остается только зрѣлище Страшнаго Суда. Сначала Ясновидецъ заставляетъ насъ присутствовать при судѣ самаго виновнаго города, Рима. Одинъ изъ семи Ангеловъ, выливших чаши, приближается къ Іоанну, и говоритъ ему: - подойди, и я покажу тебѣ судъ надъ великой блудницей, сидящею на водахъ многихъ. Съ нею блудодѣйствовали цари земные и виномъ ея блудодѣянія упивались живущіе на землѣ“. Тутъ Іоаннъ видитъ женщину, сидящую на Звѣрѣ, совершенно схожемъ съ тѣмъ, который, выйдя изъ моря, своимъ видомъ, изображалъ Римскую имперію, а одной изъ своихъ главъ—Нерона. Звѣрь этотъ багряный, преисполненный именами богохульными; у него семь головъ и десять головъ. Блудница облечена въ свойственный ея занятіямъ костюмъ, а именно: въ пурпуръ, покрытый золотомъ, украшенный драгоцѣнными камнями и жемчужинами, и въ рукѣ своей она держитъ чашу, наполненную мерзостями и нечистотою блудодѣйства ея. И на челѣ ея написано имя—

тайна: „Вавилонъ великій — мать блудницамъ и мерзостямъ земнымъ“.

Я видѣлъ, что жена упоена была кровію святыхъ и кровію свидѣтелей Іисусовыхъ, и, видя ее, дивился удивленіемъ великимъ. И сказалъ мнѣ Ангелъ: что ты дивишься? я скажу тебѣ тайну жены сей и звѣря, носящаго ее, имѣющаго семь головъ и десять роговъ. Звѣрь, котораго ты видѣлъ, былъ, и нѣтъ его, и выйдетъ изъ бездны и пойдетъ въ погибель, и удивятся тѣ изъ живущихъ на землѣ, имена которыхъ не вписаны въ книгу жизни отъ начала міра, видя, что звѣрь былъ, и нѣтъ его, и явится. Здѣсь умъ, имѣющій мудрость. Семь головъ суть семь горъ, на которыхъ сидитъ жена, и семь царей, изъ которыхъ пять пали, одинъ есть, а другой еще не пришелъ, и когда придетъ, не долго ему быть. И звѣрь, который былъ и котораго нѣтъ, есть восьмый, и изъ числа семи, и пойдетъ въ погибель. И десять роговъ, которые ты видѣлъ, суть десять царей, которые еще не получили царства, но примутъ власть со звѣремъ, какъ цари, на одинъ часъ; они имѣютъ однѣ мысли и передадутъ силу и власть свою звѣрю; они будутъ вести брань съ Агнцемъ, и Агнецъ побѣдитъ ихъ; ибо Онъ есть Господь господствующихъ и Царь царей, и тѣ, которые съ *Нимъ*, суть званные и избранные и вѣрные. И говоритъ мнѣ: воды, которыя ты видѣлъ, гдѣ сидитъ блудница, суть люди и народы, и племена и языки. И десять роговъ, которые ты видѣлъ на звѣрѣ, сіи возненавидятъ блудницу, и разорятъ ее, и обнажатъ, и плоть ея съѣдятъ, и сожгутъ ее въ огнѣ; потому что Богъ положилъ имъ на сердце исполнить волю Его, исполнить одну волю, и отдать царство ихъ звѣрю, доколѣ не исполнятся слова Божіи. Жена же, которую ты видѣлъ, есть великій городъ, царствующій надъ земными царями.

Это совершенно ясно. Блудница—это Римъ, развратившій весь міръ и власть свою употребившій на распространеніе и укрѣпленіе идолослуженія, учредившій гоненія на святыхъ и пролившій потоки мученической крови. Звѣрь—это Неронъ, котораго считали мертвымъ, который вернется, но второе царствованіе котораго будетъ кратковременнымъ и повлечетъ за собою окончательную гибель. Семь головъ имѣютъ два смысла: это, во-первыхъ, семь холмовъ, на которыхъ построенъ Римъ; но главнымъ образомъ, онѣ изображаютъ семь императоровъ: Юлія Цезаря, Августа, Тиберія, Калигулу, Клавдія, Нерона, Гальбу. Первые пять умерли, Гальба въ настоя-

щее время царствуетъ, но онъ старъ и слабъ; вскорѣ онъ падетъ. Шестой Неронъ въ одно и то же время являющійся и звѣремъ, и однимъ изъ семи царей, въ дѣйствительности не умеръ; онъ еще будетъ царствовать, но недолго, будетъ, такимъ образомъ, восьмымъ царемъ, потомъ погибнетъ. Что касается до десяти роговъ, то это проконсулы и императорскіе легаты въ десяти главныхъ провинціяхъ, которые не являются настоящими царями, но получаютъ отъ императора свою власть на ограниченный срокъ, правятъ, основываясь на единую мысль, приходящую къ нимъ изъ Рима, и вполнѣ подчинены имперіи, отъ которой получили власть. Къ христіанамъ эти мѣстные царьки относятся такъ же недоброжелательно, какъ и самъ Неронъ. Представляя провинціальные интересы, они унизятъ Римъ, отнимутъ у него право распоряжаться въ имперіи, которымъ онъ до сихъ поръ пользовался, поступятъ съ нимъ жестоко, зажгутъ его и раздѣлятъ между собою его обломки. Однако, Богу не угодно еще расчленить имперію; Онъ внушаетъ полководцамъ, командующимъ мѣстными арміями, и всѣмъ тѣмъ лицамъ, которыя по очереди держали въ своихъ рукахъ судьбы имперіи (Виндексъ, Виргиній, Нимфидій, Сабинъ, Гальба, Мацеръ, Капитонъ, Оттонъ, Вителій, Муціанъ, Веспасіанъ), согласиться между собою въ цѣляхъ возстановленія имперіи и, не устраиваясь въ качествѣ независимыхъ государей, что казалось еврею-автору самымъ естественнымъ образомъ дѣйствій, поднести свою царскую власть Звѣрю. Тутъ видно, до какой степени произведеніе главы Азійскихъ церквей живо изображаетъ положеніе, которое понятно для умовъ еврейскихъ, столь легко поражавшихся всѣмъ, неминуемо должно было казаться страннымъ; и дѣйствительно, Неронъ своими злодѣйствами и своимъ особаго рода безуміемъ сбилъ разумъ со всякаго толку. Имперія по его смерти оказалась какъ бы выморочнымъ имуществомъ. Послѣ убійства Калигулы существовала еще республиканская партія; кромѣ того, усыновленное семейство Августа пользовалось неизмѣримымъ авторитетомъ; послѣ убійства Нерона республиканской партіи совсѣмъ уже не оказалось, а родъ Августа прекратился. Имперія оказалась въ рукахъ восьми или десяти военачальниковъ, имѣвшихъ подъ командой крупные отряды. Авторъ Апокалипсиса, ничего не понимая въ римскихъ дѣлахъ, удивляется, что эти ...чальниковъ, которые кажутся ему царями, не объ-

явили себя независимыми, а вошли въ соглашеніе, и ставитъ это слѣдствіе въ связь съ вліяніемъ воли Божества. Ясно, что евреи Востока, уже въ продолженіе двухъ лѣтъ, тѣснимые римлянами, а съ іюля 68 года чувствовавшіе нѣкоторое облегченіе вслѣдствіе того, что Муціанъ и Веспасіанъ были поглощены общими дѣлами, стали представлять себѣ, что имперія скоро распадется, и нѣкоторое время торжествовали. Этотъ взглядъ не былъ уже такимъ поверхностнымъ. Тацитъ, приступая къ разсказу о событіяхъ того года, на порогѣ котораго былъ написанъ Апокалипсисъ, называетъ этотъ годъ annum reipublicae prope supremum. Для евреевъ было въ высщей степени удивительно видѣть, какъ „десять царей" возвращаются „къ Звѣрю" (къ единству имперіи) и полагаютъ къ ногамъ его свою царскую власть. Они надѣялись, что слѣдствіемъ независимости „10 царей" будетъ гибель Рима. Несочувственно относясь къ идеѣ крупнаго централизованнаго государства, они думали, что проконсулы и легаты ненавидятъ Римъ и, судя о нихъ по самимъ себѣ, предполагали, что эти могущественные начальники будутъ дѣйствовать подобно сатрапамъ, или подобно Гирканамъ, Янеямъ, царямъ, истреблявшимъ своихъ враговъ. Во всякомъ случаѣ, они, какъ злобные провинціалы, съ наслажденіемъ любовались униженіемъ, которое испыталъ Римъ,—столица міра,— когда право дѣлать государей перешло къ провинціямъ, и Римъ сталъ принимать въ своихъ стѣнахъ такихъ хозяевъ, которыхъ не онъ первый провозгласилъ.

Какая связь существовала между Апокалипсисомъ и любопытнымъ эпизодомъ со Лже-Нерономъ, который какъ разъ въ то время, когда писалъ Патмосскій Ясновидецъ, преисполнялъ смятеніемъ Азію и острова Архипелага? Несомнѣнно, это совпаденіе очень любопытно. Киѳносъ и Патмосъ расположены другъ отъ друга всего лишь въ какихъ-нибудь 40 миляхъ, а новости быстро распространяются по Архипелагу. Въ тѣ дни, когда писалъ христіанскій пророкъ, какъ разъ больше всего было разговора о самозванцѣ, котораго одни съ энтузіазмомъ привѣтствовали и на котораго другіе смотрѣли со страхомъ. Мы показали, что онъ устроился въ Киѳносѣ въ январѣ 69-го года, а можетъ быть и декабрѣ 68-го. Центуріонъ Сисенна, пріставшій къ Киѳносу въ началѣ февраля по дорогѣ съ Востока, откуда онъ ѣхалъ къ римскимъ преторіанцамъ съ залогами соглашенія со стороны Сирійской арміи, съ велича-

шимъ трудомъ скрылся отъ него. Очень немного времени спустя Кальпурній Аспрена, получившій отъ Гальбы въ управленіе Галатъ и Памфилію, прибылъ въ Киѳносъ въ сопровожденіи двухъ галеръ Мизенскаго флота. Эмиссары самозванца испробовали на командирахъ судовъ магическое дѣйствіе имени Нерона; мошенникъ съ притворнымъ грустнымъ видомъ взывалъ къ вѣрности тѣхъ, кто нѣкогда былъ его „солдатами“. Онъ просилъ по крайней мѣрѣ забросить его въ Сирію или Египетъ, на которыхъ онъ полагалъ всѣ свои надежды. Командиры попросили отсрочки, чтобы подумать,— либо изъ хитрости, либо потому, что были тронуты. Аспрена, узнавъ все это, врасплохъ захватилъ самозванца и предалъ его смерти. Прахъ его возили по Азіи, а потомъ перевезли въ Римъ, чтобы опровергнуть тѣхъ изъ его сторонниковъ, которые высказывали сомнѣніе въ его смерти. Не къ этому ли несчастному относятся слова: „Звѣрь, котораго ты видѣлъ, былъ, и нѣтъ его и выйдетъ онъ изъ бездны и пойдетъ въ погибель.... другой царь еще не пришелъ и когда придетъ, недолго ему быть?“. Это не невозможно. Звѣрь, выходящій изъ бездны, могъ бы быть живымъ образомъ кратковременной власти, которая на глазахъ мудраго автора выходила изъ моря на горизонтѣ Патмоса. Васказаться съ увѣренностью относительно этого нельзя, ибо достаточно одного мнѣнія, будто Неронъ находится у Пареянъ, чтобы все объяснить; но это мнѣніе не исключало довѣрія къ Киѳносскому Лже-Нерону, такъ какъ можно было предположить, что появленіе этого Лже-Нерона было въ самомъ дѣлѣ возвращеніемъ чудовища, причемъ одновременно съ этимъ и его восточные совѣтники перешли Евфратъ. Во всякомъ случаѣ намъ кажется невозможнымъ, чтобы строки эти были написаны послѣ умерщвленія Нерона Аспреной. Зрѣлище трупа самозванца, перевозимаго изъ города въ городъ, лицезрѣніе его чертъ, угасшихъ въ смерти, слишкомъ очевидно противорѣчило бы предсказаніямъ о возвращеніи Звѣря,—предчувствіемъ, во власти которыхъ находится авторъ. Въ виду этого мы охотно допускаемъ, что Іоаннъ на островѣ Патмосѣ узналъ о событіяхъ, имѣвшихъ мѣсто на островѣ Киѳносѣ, и что впечатлѣніе, произведенное на него этими странными слухами, было главной причиной написанія письма, съ которымъ онъ обратился къ азійскимъ Церквамъ, чтобы сообщить имъ великую вѣсть о воскресеніи Нерона.

Толкуя политическія событія такъ, какъ ему подсказывали его чувства ненависти, авторъ, въ качествѣ фанатика еврея, предсказалъ, что правители провинцій, которыхъ онъ считаетъ исполненными жаждой мщенія противъ Рима, и до извѣстной степени сочувствующими Нерону, разграбятъ и сожгутъ городъ. Считая это совершившимся фактомъ, онъ торжествуетъ по поводу гибели своего врага. Для этого ему достаточно описать воззванія древнихъ пророковъ противъ Вавилона или Тира. Израиль обозначилъ всю исторію своихъ проклятій: всѣмъ великимъ свѣтскимъ государствамъ онъ говорилъ: „Блаженъ тотъ, кто возвратитъ тебѣ зло, которое Ты намъ причинилъ". Съ неба нисходитъ блистающій ангелъ, и сильнымъ громкимъ голосомъ говоритъ: „Палъ, палъ Вавилонъ, великая блудница, сдѣлалась жилищемъ бѣсовъ и пристанищемъ всякому нечистому духу, пристанищемъ всякой нечистой и отвратительной птицы; ибо яростнымъ виномъ блудодѣянія своего она напоила всѣ народы, и цари земные любодѣйствовали съ нею, и купцы земные разбогатѣли отъ великой роскоши ея. „И слышитъ онъ другой гласъ съ неба»: выйди отъ нея, народъ Мой, чтобы не участвовать вамъ въ грѣхахъ ея и не подвергнуться язвамъ ея; ибо грѣхи ея дошли до неба, и Богъ воспомянулъ неправды ея. Воздайте ей такъ, какъ и она воздала вамъ, и вдвое воздайте ей по дѣламъ ея; въ чашѣ, въ которой она приготовляла вамъ вино, приготовьте ей вдвое. Сколько славилась она и роскошествовала, столько воздайте ей мученій и горестей. Ибо она говоритъ въ сердцѣ своемъ: сижу царицею, я не вдова и не увижу горести! За то въ одинъ день придутъ на нее казни, смерть и плачъ и голодъ, и будетъ сожжена огнемъ, потому что силенъ Господь Богъ, судящій ее. И восплачутъ и возрыдаютъ о ней цари земные, блудодѣйствовавшіе и роскошествовавшіе съ нею, когда увидятъ дымъ отъ пожара ея, стоя издали отъ страха мученій ея *и* говоря: горе, горе *тебѣ*, великій городъ Вавилонъ, городъ крѣпкій! ибо въ одинъ часъ пришелъ судъ твой. И купцы земные восплачутъ и возрыдаютъ о ней, потому что товаровъ ихъ никто уже не покупаетъ, товаровъ золотыхъ и серебрянныхъ, и камней драгоцѣнныхъ и жемчуга, и виссона и порфиры, и шелка и багряницы, и всякаго благовоннаго дерева, и всякихъ издѣлій изъ слоновой кости, и всякихъ издѣлій изъ дорогихъ деревъ, изъ мѣди и желѣза и мрамора, корицы и ѳиміама, и мvра и ла-

дана, и вина и елея, и муки и пшеницы, и скота и овецъ, и коней и колесницъ, и тѣлъ и душъ человѣческихъ. И плодовъ, угодныхъ для души твоей, не стало у тебя, и все тучное и блистательное удалилось отъ тебя, — ты уже не найдешь его. Торговавшіе всѣмъ симъ, обогатившіеся отъ нея, станутъ вдали, отъ страха мученій ея, плача и рыдая и говоря: горе, горе *тебѣ*, великій городъ, одѣтый въ виссонъ и порфиру и багряницу, украшенный золотомъ и камнями драгоцѣнными и жемчугомъ! ибо въ одинъ часъ погибло такое богатство. И всѣ кормчіе и всѣ плывущіе на коробляхъ, и всѣ корабельщики и всѣ торгующіе на морѣ стали вдали и. видя дымъ отъ пожара ея, возопили, говоря: какой городъ подобенъ городу великому! И посыпали пепломъ головы свои и вопили, плача и рыдая: горе, горе *тебѣ*, городъ великій, драгоцѣнностями котораго обогатились всѣ, имѣющіе корабли на морѣ! ибо опустѣлъ въ одинъ часъ. Веселись о семъ, небо и святые Апостолы и пророки, ибо совершилъ Богъ судъ вашъ надъ нимъ. „Тутъ ангелъ необычайной силы беретъ камень, подобный большему жернову, и повергаетъ его въ море со словами: съ такимъ стремленіемъ поверженъ будетъ Вавилонъ, великій городъ, и уже не будетъ его; и голоса играющихъ на гусляхъ и поющихъ, и играющихъ на свирѣляхъ и трубящихъ трубами въ тебѣ уже не слышно будетъ; не будетъ уже въ тебѣ никакого художника, никакого художества, и шума отъ жерновов не слышно уже будетъ въ тебѣ; и свѣтъ свѣтильника уже не появится въ тебѣ; и голоса жениха и невѣсты не будетъ уже слышно въ тебѣ: ибо купцы твои были вельможи земли, и волшебствомъ твоимъ введены въ заблужденіе всѣ народы. И въ немъ найдена кровь пророковъ и святыхъ и всѣхъ убитыхъ на землѣ“.

Гибель этого исконнаго врага народа Божія составляетъ предметъ великаго небеснаго празднества. Голосъ, подобный голосу многочисленнаго народа возглашаетъ: „Алиллуія!» Спасеніе и слава нашему Богу; ибо истинны и праведны суды его. Потому что онъ осудилъ ту великую людбодѣицу, которая растлила землю любодѣйствомъ своимъ, и взыскалъ кровь рабовъ своихъ отъ руки ея». А другой хоръ отвѣчаетъ «Алиллуія“. И дымъ ея восходилъ во вѣки вѣковъ. «Тогда двадцать четыре старца и четыре животныхъ простерлись и поклонились Богу, сидящемъ на престолѣ, говоря: Аминь! Алиллуія“. И исходитъ голосъ отъ престола поющій учредитель-

ный псаломъ новаго царствія: „Хвалите Бога нашего всѣ рабы и боящіеся его, малые и великіе. И голосъ подобный голосу толпы или шумы водъ многихъ, или голосу громовъ сильныхъ отвѣчаетъ: „Алиллуія! Ибо воцарился Господь Богъ Вседержитель. Возрадуемся и возвеселимся и воздадимъ ему славу; ибо наступилъ бракъ агнеца и жена его приготовила себя; и дано было ей облечься въ виссонъ чистый и свѣтлый [1]); виссонъ—же есть праведность святыхъ".

И въ самомъ дѣлѣ, земля избавленная отъ присутствія великой блудницы (Рима), созрѣла для небеснаго брака, для царствованія Мессіи, Ангелъ говоритъ Ясновидцу: «Напиши: блаженны званные на брачную вечерю агнеца". Тутъ открывается небо и Христосъ, впервые называющійся своимъ таинственнымъ именемъ „Слово Божіе" появляется въ видѣ побѣдителя, сидя на бѣломъ конѣ. Онъ приходитъ топтать сосудъ вина ярости и гнѣва Божія, основать для язычниковъ царствіе жезла желѣзнаго. Глаза его блистаютъ. Одежды его обагрены кровью; на челѣ его нѣсколько діадимъ, съ надписями, состоящими изъ таинственныхъ знаковъ. Изъ устъ его исходитъ острый мечъ, чтобы имъ поражать язычниковъ; на бедрѣ его написано его званіе: *Царь Царей и Господь Господствующихъ*. За нимъ слѣдуетъ на бѣлыхъ коняхъ въ одеждахъ чистаго льна все небесное воинство. Мы ждемъ мирнаго торжества; но для него еще не настало время. Хотя городъ Римъ разрушенъ, но Римскій міръ, представленный Нерономъ-Антихристомъ, еще не уничтоженъ. Ангелъ, стоящій на солнцѣ, восклицаетъ громкимъ голосомъ всѣмъ птицамъ, летающимъ по срединѣ неба: „Летите, собирайтесь на великую вечерю Божію, чтобы пожрать трупы царей, трупы сильныхъ, трупы тысяченачальниковъ, трупы коней и сидящихъ на нихъ, трупы всѣхъ свободныхъ и рабовъ, и малыхъ и великихъ". Тутъ пророкъ видитъ Звѣря (Нерона) и царей земныхъ (почти независимыхъ провинціальныхъ полководцевъ), и воинство ихъ, собранныя, чтобы сразиться съ сидящимъ на конѣ. И Звѣрь (Неронъ), схваченъ и съ нимъ лжепророкъ, который творилъ передъ нимъ чудеса; оба живыми брошены въ озеро огненное вѣчно горящее сѣрой. Воинство ихъ убито мечемъ, выходящимъ изъ устъ сидящаго на конѣ, и птицы напитаны ихъ трупами.

---

[1]) Виссонъ—чистый ленъ.

Римское воинство, великое орудіе сатанинской власти побѣждено; Неронъ-антихристъ, послѣдній глава ихъ, заточенъ въ адъ; но Драконъ, древній Змій, Сатана все еще существуетъ. Мы видѣли какъ онъ былъ низверженъ съ неба на землю; теперь надо избавить отъ него и землю. Съ неба сходитъ ангелъ, который имѣетъ въ рукѣ своей ключъ отъ бездны и большую цѣпь. Онъ схватываетъ Дракона, сковываетъ его на тысячу лѣтъ, низвергаетъ его въ бездну, запираетъ на ключъ отверстіе бездны и запечатываетъ ее печатью. Доколѣ не окончится тысяча лѣтъ дьяволъ останется въ оковахъ. Духовное и физическое зло отъ него происходящее будутъ пріостановлены но не разрушено. Сатана не можетъ болѣе прельщать народы; но онъ не уничтоженъ на вѣчныя времена.

Устраивается судъ, чтобы провозгласить имена тѣхъ, кто долженъ участвовать въ тысячелѣтнемъ царствіи. Царствіе это предназначено мученикамъ. Первое мѣсто занимаютъ въ немъ души тѣхъ, кто былъ обезглавленъ за свидѣтельство Іисуса и за слово Божіе (Римскіе мученники 64 года); потомъ идутъ тѣ, кто отказались покланяться Звѣрю и образу его и не приняли начертанія его на чело свое и на руку свою (исповѣдники еффескіе, къ которымъ принадлежитъ и ясновидецъ; Избранные этого перваго царствованія оживаютъ и царствуютъ съ Христомъ на землѣ тысячу лѣтъ. Это не значитъ, что остальное человѣчество исчезло или даже весь міръ обратился въ христіанство; тысячелѣтіе представляетъ среди земли какъ бы маленькій рай. Рима больше не существуетъ. Роль столицы вселенной перешла къ Іерусалиму; вѣрные составляютъ въ немъ царствіе священниковъ; они служатъ Богу и Христу; нѣтъ больше великой свѣтской Имперіи, свѣтской власти, враждебной Церкви; народы идутъ въ Іерусалимъ поклониться Мессіи, который держитъ ихъ въ страхѣ своемъ. Въ теченіе этихъ тысяча лѣтъ всѣ мертвецы, которые не приняли участія въ первомъ воскресеніи, не живутъ; они ожидаютъ. И такъ участники перваго Царствія являются привилегированными; кромѣ вѣчности, въ безконечномъ пространствѣ временъ у нихъ еще будетъ тысячелѣтнее царствованіе на землѣ съ Іисусомъ; никакая смерть уже болѣе не будетъ имѣть надъ ними власти.

Когда окончится тысяча лѣтъ, Сатана будетъ освобожденъ на нѣкоторое время изъ своей темницы. Возобно-

вится на землѣ зло. Освобожденный Сатана снова станетъ обольщать народы и по всей землѣ станетъ принуждать ихъ къ страшнымъ войнамъ; Гогъ и Магогъ (миѳическія личности изъ вторженія варваровъ) поведутъ на бракъ воинство, болѣе многочисленное, чѣмъ песокъ морской. Церковь будетъ какъ бы потоплена въ этомъ разлитіи. Варвары осадятъ лагерь святыхъ, возлюбленный городъ, т. е. тотъ Іерусалимъ, еще земной, но уже вполнѣ праведный, гдѣ находятся вѣрные друзья Іисуса; на нихъ ниспадаетъ огонь съ неба и пожретъ ихъ. Тогда Сатана, прельщавшій ихъ, будетъ ввержень въ озеро изъ горящей сѣры, гдѣ уже находиться Звѣрь (Неронъ) и Лже пророкъ (?) и гдѣ эти проклятые будутъ мучаться впредь день и ночь во вѣки вѣковъ. Теперь Создатель уже исполнилъ свое дѣло; остается произвести страшный судъ. Появляется блистающій свѣтомъ престолъ, а на престолѣ этомъ Высшій Судья. Отъ лица его бѣгутъ небо и земля; имъ уже нигдѣ не находится мѣста. Воскресаютъ мертвые малые и большіе. Смерть и Scheol возвращаютъ мертвыхъ, которые были въ нихъ; море со своей стороны отдаетъ утопленниковъ, которые, утонувши въ немъ, не спустились обычнымъ образомъ въ адъ. Всѣ появляются передъ престоломъ. Приносятъ большія книги, гдѣ ведется точная запись всѣмъ дѣйствіямъ каждаго человѣка. Открывается также иная книга, „Книга Жизни", гдѣ записаны имена предназначенныхъ, и всѣ подвергаются суду по дѣламъ ихъ. Кто не былъ записанъ въ книгѣ жизни, тотъ ввергается въ озеро огненное. Смерть и адъ также низвергается туда.

Теперь зло разрушено безвозвратно, и начинается Царство абсолютнаго добра; старая земля, старое небо исчезнетъ, ихъ мѣсто занимаетъ новое небо и новая земля; моря уже нѣтъ. Однако, эта земля и это небо—только помолодѣвшія прежнія небо и земля, и точно также, какъ Іерусалимъ былъ жемчужиной, перломъ старой земли, точно также тотъ же самый Іерусалимъ будетъ свѣтлымъ центромъ земли новой. Апостолъ видитъ, какъ этотъ новый Іерусалимъ сходитъ отъ Бога съ неба, приготовленный какъ невѣста, украшенная для мужа своего. Съ Престола слышенъ громкій голосъ „Се Скинія Бога съ Человѣками, и онъ будетъ обитать съ ними; они будутъ его народомъ, и самъ Богъ съ ними будетъ Богомъ ихъ; и отретъ Богъ всякую слезу съ очей ихъ, и смерти не будетъ уже; ни плача, ни вопля, ни болѣзней уже не будет-

ибо прежнее прошло". Самъ Іегова отверзаетъ уста, чтобы обнародовать законъ этого вѣчнаго міра. „Совершилось! Я есмь Альфа и Омега, начало и конецъ. Жаждующему дамъ даромъ отъ источника воды живой. Побѣждающій унаслѣдуетъ все, и буду ему Богомъ, а онъ будетъ мнѣ сыномъ. Боязливыхъ же и невѣрныхъ, и скверныхъ и убійцъ, и любодѣевъ и чародѣевъ, и идолослужителей и всѣхъ лжецовъ,—участь въ озерѣ, горящемъ огнемъ и сѣрою".

Тутъ приближается къ ясновидцу Ангелъ и говоритъ ему: „Пойди, я покажу тебѣ невѣсту агнца" и онъ возноситъ его въ духѣ на высокую гору, откуда онъ ему показываетъ въ подробностяхъ идеальный Іерусалимъ, проникнутый славой Божіей и одѣянный въ нее. Блескъ его подобенъ драгоцѣннѣйшему камню, какъ бы камню яспису кристаловидному, онъ имѣетъ форму квадрата, и каждая сторона имѣетъ три тысячи стадій въ длину. Поставленъ онъ по четыремъ небеснымъ вѣтрамъ, и окруженъ стѣною во сто сорокъ четыре локтя высотой, а въ этой стѣнѣ двѣнадцать воротъ; каждые ворота сторожитъ ангелъ, а на нихъ написаны имена одного изъ двѣнадцати колѣнъ Израилевыхъ. Основанія стѣны имѣютъ двѣнадцать каменныхъ устоевъ; на каждомъ изъ устоевъ сіяетъ имя одного изъ двѣнадцати апостоловъ Агнца. Каждое изъ этихъ основаній (устоевъ), находящихся одно надъ другимъ, украшено драгоцѣнными камнями; первое ясписомъ, второе сапфиромъ, третье халкидономъ, четвертое смарагдомъ, пятое сардониксомъ, шестое сердоликомъ, седьмое хризолитомъ, восьмое аквамариномъ, девятое топазомъ, десятое хризопразомъ, одиннадцатое гіацинтомъ, двѣнадцатое аметистомъ. Сама стѣна сдѣлана изъ ясписа; городъ изъ чистаго золота, подобнаго прозрачному стеклу; каждыя ворота сдѣланы изъ одной цѣльной жемчужины. Храма въ городѣ нѣтъ; ибо самъ Богъ служитъ въ немъ храмомъ, и Агнецъ. Тотъ престолъ, который пророкъ въ началѣ откровенія видѣлъ на небѣ, теперь находится въ серединѣ города, т. е. въ серединѣ обновленнаго и стройно организованнаго человѣчества. На престолѣ этомъ возсѣдаютъ Богъ и агнецъ. Отъ подножія престола исходитъ рѣка жизни, свѣтлая и прозрачная, какъ кристалъ; она пересѣкаетъ главную улицу города; на берегахъ рѣки цвѣтетъ древо жизни, приносящее двѣнадцать разныхъ плодовъ, на каждый мѣсяцъ особый плодъ; ти повидимому предназначаются спеціально израиль-

тянамъ; листья дерева обладаютъ цѣлительными свойствами для исцѣленія народовъ (язычниковъ). Городъ не нуждается ни въ солнцѣ, ни въ лунѣ; ибо его освѣщаетъ слава Божія, и свѣтильникъ его Агнецъ. Народы будутъ слѣдовать за его свѣтомъ; цари земные будутъ приносить къ ногамъ его свою славу, и двери его не будутъ затворяться ни днемъ, ни ночью,— такъ великъ будетъ притокъ въ него тѣхъ, кто будетъ стремиться принести въ него свои дары. Ничто нечистое, ничто мерзостное не войдетъ въ него; туда будутъ допущены только тѣ, которые записаны будутъ у Агнца въ книгѣ жизни. Не будетъ болѣе ни исповѣдныхъ раздѣленій, ни проклятій; всѣ будутъ объединены въ чистомъ поклоненіи Богу и Агнцу. Служители его ежечастно будутъ зрѣть лицо его и имя его будетъ написано на челахъ ихъ. Это царствіе блага продолжится во вѣки вѣковъ.

ГЛАВА XVII.

Судьба книги.

Книга заканчивается слѣдующимъ эпилогомъ:

„Я Іоаннъ видѣлъ и слышалъ сіе. Когда же услышалъ и увидѣлъ, палъ къ ногамъ Ангела, показывающаго мнѣ сіе, чтобы поклониться *ему;* но онъ сказалъ мнѣ: смотри, не дѣлай сего; ибо я—сослужитель тебѣ и братьямъ твоимъ пророкамъ и соблюдающимъ слова книги сей; Богу поклонись. И сказалъ мнѣ: не запечатывай словъ пророчества книги сей; ибо время близко. Неправедный пусть еще дѣлаетъ неправду; нечистый пусть еще сквернится; праведный да творитъ правду еще, и святый да освящается еще“.

Голосъ издалека,—голосъ самого Іисуса отвѣчаетъ по словамъ автора на эти обѣщанія, и подтверждаетъ ихъ:

„Се, гряду скоро, и возмездіе Мое со Мною, чтобы воздать каждому по дѣламъ его. Я есмь Алфа и Омега, начало и конецъ, первый и послѣдній. Блаженны тѣ, которые соблюдаютъ заповѣди Его, чтобы имѣть имъ право на древо жизни и войти

въ городъ воротами. А внѣ—псы и чародѣи, и любодѣи и убійцы, и идолослужители и всякій любящій и дѣлающій неправду. Я Іисусъ послалъ Ангела Моего засвидѣтельствовать вамъ сіе въ церквахъ. Я есмь корень и потомокъ Давида, звѣзда свѣтлая и утренняя".

Потомъ слышатся голоса неба и земли; они встрѣчаются, и, замирая, кончаютъ финальнымъ гармоническимъ аккордомъ:

И Духъ и невѣста говорятъ: пріиди! И слышавшій да скажетъ: пріиди! Жаждущій пусть приходитъ, и желающій пусть беретъ воду жизни даромъ.

И я также свидѣтельствую всякому слышащему слова пророчества книги сей: если кто приложитъ что къ нимъ, на того наложитъ Богъ язвы, о которыхъ написано въ книгѣ сей; и если кто отниметъ что отъ словъ книги пророчества сего, у того отниметъ Богъ участіе въ книгѣ жизни и въ святомъ градѣ и въ томъ, что написано въ книгѣ сей.

Свидѣтельствующій сіе говоритъ: ей, гряду скоро! аминь. Ей, гряди, Господи Іисусе!

Благодать Господа нашего Іисуса Христа со всѣми вами.

Несомнѣнно, подъ покровительствомъ имени человѣка, наиболѣе почитаемаго среди христіанъ, Апокалипсисъ произвелъ на церкви Азіи очень сильное впечатлѣніе. Множество подробностей, которыя теперь стали для насъ непонятными, для современниковъ были совершенно ясны. Это смѣлое предсказаніе близкаго кризиса удивить никого не могло. Ежедневно распространялись такія же увѣренныя рѣчи, приписывавшіяся Іисусу, и всѣ принимали ихъ на вѣру. Къ тому же впродолженіе цѣлаго года событія, произошедшія на свѣтѣ, могли казаться удивительнѣйшимъ подтвержденіемъ предсказаннаго въ книгѣ. Около перваго февраля въ Азіи стала извѣстной смерть Гальбы и воцареніе Оттона. Вслѣдъ за этимъ каждый день сталъ приносить съ собой какое-нибудь ясное указаніе на разложеніе Имперіи: невозможность для Оттона заставить признать себя во всѣхъ провинціяхъ, удержаніе Вителіемъ своего титула наперекоръ Риму и сенату, оба кровопролитныя сраженія при Бедріакѣ, потомъ и Оттонъ въ свою очередь всѣми брошенъ, воцаряется Веспасіанъ, на улицахъ Рима происходитъ бой, сражающіеся зажигаютъ Капитолій и изъ этого пожара очень многіе заключаютъ, что благоденствіе Рима близится къ концу. Всѣ эти событія должны были казаться удивительнымъ обра-

зомъ отвѣчающими мрачнымъ предсказаніямъ Пророка. Разочарованіе начинается только тогда, когда происходитъ взятіе Іерусалима, разрушеніе храма, окончательное укрѣпленіе династіи Флавіевъ. Но религіозная вѣра никогда не устаетъ надѣяться; къ тому же и книга была очень туманной и допускала во многихъ отношеніяхъ самыя разнообразныя толкованія. Въ виду этого немного лѣтъ спустя послѣ выхода книги, многимъ главамъ ея стали приписывать не тотъ смыслъ, какой вложилъ въ нихъ авторъ. Послѣдній возвѣстилъ, что римская имперія уже болѣе не возсоединится, и что Іерусалимскій храмъ разрушенъ не будетъ. Пришлось искать увертокъ по этимъ двумъ пунктамъ. Что касается до вторичнаго появленія Нерона, то отъ этой мысли отказались не скоро; еще во времена Траяна въ народныхъ массахъ упорно держалась вѣра въ то, что онъ возвратится. Всѣ долго помнили о числѣ имени Звѣря; въ западныхъ странахъ распространился даже варіантъ, съ цѣлью приспособить это число къ латинскому быту. Въ нѣкоторыхъ экземплярахъ вмѣсто числа 666 написано было 616. Послѣдняя же цифра отвѣчаетъ латинской формѣ, Nero Caesar (ибо еврейская буква *нунъ* имѣетъ численное значеніе 50).

Впродолженіи первыхъ трехъ вѣковъ истинный смыслъ книги сохранялся, по крайней мѣрѣ для нѣсколькихъ посвященныхъ. Авторъ сивиллической поэмы, написанной около 80-го года, если и не читалъ Патмосскаго пророчества, то во всякомъ случаѣ слышалъ о немъ. Онъ витаетъ среди точно такихъ же идей. Ему извѣстно, что означаетъ шестая чаша. У него Неронъ—анти-Мессія; чудовище это скрылось за Евфратъ; оно возвратится, ведя за собою тьмы людей. Авторъ откровенія Ездры (которое съ полной достовѣрностью слѣдуетъ отнести къ 96, 97 или 98 годамъ (замѣтнымъ образомъ подражаетъ Іоаннову Апокалипсису, пользуется его символическими образами, его указаніями, его слогомъ. Тоже можно сказать и о *Вознесеніи Исаій* (произведеніи, относящимся ко второму вѣку), гдѣ Неронъ, воплощеніе Беліала, играетъ роль, изъ которой ясно, что авторъ знакомъ былъ съ числомъ Звѣря. Авторы сивиллическихъ стихотвореній, относящихся къ эпохѣ Антониновъ, также понимаютъ загадки апостольскаго манифеста и вѣрятъ въ его химеры, даже въ тѣ, которыя, какъ, напримѣръ, возвращеніе Нерона, оказались окончательно несостоятельными. Святой Іустинъ, Мелитонъ, повидимому, были

довольно подробно знакомы съ книгой. То же самое можно сказать и о Коммодіанѣ, который около 250-го года примѣшиваетъ къ своему толкованію элементы иного происхожденія, но ни на минуту не сомнѣвается, что Неронъ антихристъ долженъ возстать изъ ада, чтобы выдержать послѣднюю битву съ христіанствомъ и вѣритъ въ разрушеніе Рима — Вавилона совершенно также какъ въ него вѣрили 200 лѣтъ назадъ. Наконецъ Викторинъ изъ Петтау (ум. въ 303 году) тоже толкуетъ Апокалипсисъ довольно вѣрно. Онъ отлично знаетъ, что воскресшій Неронъ есть истинный Антихристъ. Что касается до числа Звѣря, то оно затерялось вѣроятно ранѣе конца второго вѣка.Ириней (около 190 года) грубо ошибается въ этомъ пунктѣ, точно также какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ очень важныхъ и открываетъ собою рядъ фантастическихъ толкованій и произвольной символизаціи. Нѣкоторыя мелкія подробности, какъ напримѣръ значеніе лже-пророка и *Армагеддона* утеряли смыслъ очень рано.

Послѣ примиренія имперіи съ Церковью въ IV вѣкѣ Апокалипсисъ оказался въ большой опасности. Греческіе и латинскіе ученые, уже болѣе не отдѣлявшіе будущаго христіанства отъ будущаго имперіи не могли признать свыше внушенной книгу основное положеніе которой—ненависть къ Риму и пророчество о концѣ царствованія его. Почти вся просвѣщенная часть Восточной Церкви получившая эллиническое образованіе и исполненная враждебности къ милленаріанскимъ и христіано-іудейскимъ произведеніямъ объявила Апокалипсисъ подложнымъ. Книга заняла въ греческомъ и латинскомъ Новомъ Завѣтѣ такое прочное мѣсто, что изгнать его оттуда оказалось невозможнымъ; для того, чтобы избавиться отъ возраженій, которыя она порождала пришлось прибѣгнуть къ экзегетическимъ фокусамъ. Однако очевидность оказалась подавляющая. Латинскіе ученые относившіеся къ милленаризму менѣе непріязненно, чѣмъ греческіе продолжали отождествлять антихриста съ Нерономъ. Въ этомъ отношеніи удержалась извѣстнаго рода традиція вплоть до временъ Карла Великаго. Святой Беатъ Либанскій, толковавшій Апокалипсисъ въ 786 мъ году, утверждаетъ, припутывая сюда, правда, много непослѣдовательнаго, что Звѣрь въ главахъ XIII и XVII, который долженъ появиться во главѣ десяти царей, чтобы уничтожить городъ Римъ, есть Неронъ Антихристъ. Мѣстами онъ даже близко подходитъ къ тому принципу, который въ IX вѣкѣ приведетъ

критиковъ къ правильной подстановкѣ именъ императоровъ, и этимъ путемъ къ выясненію времени написанія книги.

Смыслъ видѣнія Іоанна окончательно оказывается затемненнымъ лишь около XII вѣка, когда средневѣковіе углубляется въ схоластическій раціонализмъ, не особенно заботясь о преданіяхъ отцовъ Церкви. Іоахимъ Флорскій можетъ почитаться первымъ комментаторомъ, смѣло перенесшимъ Апокалипсисъ въ область безпредѣльнаго воображенія и въ странныхъ образахъ произведенія, написаннаго по поводу опредѣленнаго случая, произведенія, которое само ограничиваетъ свои горизонты тремя съ половиной годами, искавшимъ разгадку всего будущаго человѣчества.

Фантастическія толкованія, поводъ къ которымъ подала эта неправильная мысль вызвали неосновательное недовѣріе къ книгѣ. Въ наши дни Апокалипсисъ, благодаря болѣе здравой экзегезѣ, снова занялъ то высокое мѣсто, которое ему по праву принадлежитъ въ Священномъ Писаніи. Апокалипсисъ въ извѣстномъ смыслѣ является печатью пророчества, послѣднимъ словомъ Израиля. Читая въ древнихъ пророкахъ, напримѣръ въ книгѣ Іоиля, описаніе „дня Іеговы", т. е. того великаго суда, который отъ времени до времени творитъ Высшій Судія надъ земными дѣлами, чтобы возстанавливать порядокъ, постоянно людьми нарушаемый, мы найдемъ въ ней зачатки Патмосскаго видѣнія. Всякій переворотъ, всякій историческій кризисъ, въ воображеніи еврея, упорно отвергавшаго безсмертіе души и вѣрившаго въ наступленіе царствія справедливости въ этомъ мірѣ, превращался въ ударъ рока, прологъ гораздо болѣе торжественнаго и окончательнаго суда. При каждомъ событіи появлялся какой-нибудь пророкъ и возглашалъ: „Трубите трубою въ Сіонѣ и бейте тревогу на святой горѣ Моей; да трепещутъ всѣ жители земли, ибо наступаетъ день Господень, ибо онъ близокъ". (Іоиль, II, 1). Апокалипсисъ является продолженіемъ и вѣнцомъ этой странной литературы, которая составляетъ собственную славу Израиля. Авторъ его—послѣдній великій пророкъ; ниже своихъ предшественниковъ онъ стоитъ только въ томъ отношеніи, что подражаетъ имъ, но душа вдохновенія у него та же. Апокалипсисъ представляетъ намъ почти единственное явленіе въ томъ смыслѣ, что онъ есть геніальная поддѣлка, оригинальная компиляція. За исключеніемъ двухъ или трехъ подробностей, придуманныхъ авторомъ, и необычайной красоты всего

произведенія, совокупность поэмы состоитъ изъ отдѣльныхъ чертъ, заимствованныхъ изъ пророческой и Апокалиптической литературы древнихъ, особенно у Езекіиля, у автора книги Даніила, изъ обѣихъ книгъ Исайи. Христіанскій Ясновидѣцъ является настоящимъ ученикомъ этихъ великихъ людей; онъ знаетъ ихъ труды наизусть и выводитъ изъ нихъ конечныя слѣдствія. Если оставить въ сторонѣ ясное спокойствіе и стройность, то онъ является братомъ удивительнаго поэта временъ плѣна, второго Исайи, лучезарная душа котораго какъ будто за шестьсотъ лѣтъ уже проникнута всѣми благоуханіями будущаго, обрызгана росой его.

Подобно большинству народовъ, съ блестящимъ литературнымъ прошлымъ, Израиль жилъ образами, освященными его древней и прекрасной литературой. Иначе, какъ пользуясь отрывками старыхъ текстовъ, почти не писали; въ особенности христіанская поэзія не знакома была съ инымъ способомъ сочиненія. Но когда восторгъ искрененъ, то даже самая искусственная форма пріобрѣтаетъ красоту. *Рѣчи вѣрующаго* по отношенію къ Апокалипсису являются тѣмъ же, чѣмъ Апокалипсисъ является по отношенію къ древнимъ пророкамъ и не смотря на это *Рѣчи вѣрующаго* представляютъ книгу, производящую глубокое впечатлѣніе; и впечатлѣніе это, связанное съ сильнымъ волненіемъ повторяется каждый разъ, какъ мы перечитываемъ эту книгу.

Принципы той эпохи какъ и слогъ ея содержали въ себѣ нѣчто искусственное; но они были выраженіемъ глубокаго искренняго чувства. Богословское изслѣдованіе состояло въ смѣломъ переложеніи, въ приложеніи къ царству Мессіи и къ Іисусу всякой фразы изъ старинныхъ писаній, которая только предоставляла возможность поставить ее въ туманную связь съ неяснымъ идеаломъ. Такъ какъ экзегеза при этихъ мессіаническихъ передѣлкахъ примѣнялась не особенно высокаго качества, то и странныя передѣлки, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь часто заключали въ себѣ важныя противорѣчія. Это можно особенно хорошо провѣрить на томъ мѣстѣ Апокалипсиса, которое говоритъ о Гогѣ и Магогѣ, если сравнить его съ параллельными главами Езекіиля. Согласно Езекіилю Гогъ, царь Магога, прійдетъ впослѣдствіи, когда народъ Израиля вернется изъ плѣна и снова утвердится въ Палестинѣ и поведетъ съ нимъ истребительную войну. Уже около времени греческихъ переводовъ Библіи и написанія книги Даніила

выраженіе на древне-еврейскомъ языкѣ обозначающее просто неопредѣленное будущее, стало обозначать „конецъ временъ“ и прилагалось уже исключительно ко времени пришествія Мессіи. Такимъ образомъ автору Апокалипсиса приходится отнести главы XXXVIII и XXXIX Езекіиля ко времени Мессіи, и считать Гога и Магога представителями варварскаго и языческаго міра, который переживетъ гибель Рима и будетъ существовать одновременно съ тысячелѣтнимъ царствованіемъ Христа и его святыхъ.

Это творчество, идущее, если позволительно такъ сказать, внѣшними путями, эта манера комбинировать посредствомъ приспособляющей экзегезы, фразы взятой изъ разныхъ мѣстъ и такимъ произвольнымъ образомъ строить новое богословіе примѣняется въ Апокалипсисѣ ко всему, что касается загадки свѣтопреставленія. Въ этомъ отношеніи теорія Апокалипсиса существеннымъ образомъ отличается отъ той, которую мы находимъ у Апостола Павла, и отъ той, которую синоксическія Евангелія внушаютъ въ уста Іисусу. Апостолъ Павелъ, правда, вѣритъ, повидимому, въ наступленіе царствія Христова ранѣе конца вселенной; но онъ никогда не доходитъ до той увѣренности, какая замѣчается у нашего автора. Въ самомъ дѣлѣ по воззрѣніямъ Апокалипсиса наступленіе будущаго царства Христова очень близко; оно должно послѣдовать непосредственно за гибелью римской имперіи. При этомъ первомъ воскресеніи воскреснутъ одни только мученики; остальные же мертвые еще не воскреснутъ. Такой курьезный взглядъ былъ слѣдствіемъ устарѣлаго и непослѣдовательнаго образа мыслей, который былъ у Израиля относительно загробной жизни. Можно сказать, что евреевъ привела къ догмату безсмертія души только крайняя необходимость такого догмата для приданія смысла мученичеству. Во второй книгѣ Маккавеевъ семь юныхъ мучениковъ и мать ихъ укрѣпляютъ себя мыслью, что они воскреснутъ, тогда какъ Антіохъ не воскреснетъ. Именно по поводу этихъ легендарныхъ героевъ въ еврейской литературѣ впервые находится ясное утвержденіе загробной жизни и въ частности слѣдующая прекрасная формула: „тѣ кто умираетъ за Бога, съ точки зрѣнія Бога живы“. Замѣчается даже извѣстная склонность создать для нихъ нѣкотораго рода спеціальную загробную мѣстность и поставить ихъ у подножія престола Господня „уже съ настоящаго времени“, не ожидая всеобщаго воскресенія. Тацитъ съ своей

стороны замѣчаетъ, что евреи приписываютъ безмертіе души только тѣмъ, кто умеръ въ сраженіи или отъ пытокъ. Царствіе Христово будетъ на землѣ, разумѣется въ Іерусалимѣ, среди необращенныхъ язычниковъ, которые, однако, будутъ относиться къ праведникамъ съ почтеніемъ. Оно будетъ продолжаться только тысячу лѣтъ. По истеченіи этихъ тысячи лѣтъ наступитъ снова царствіе сатаны, во время котораго варвары-язычники, необращенные Церковью будутъ вести между собою страшныя войны и чуть-чуть не побѣдятъ самую Церковь. Богъ ихъ уничтожитъ и тогда настанетъ „второе воскресеніе“, на этотъ разъ всеобщее, и страшный судъ, за которымъ послѣдуетъ свѣтопреставленіе. Это то ученіе, которое было названо „милленаризмомъ“, которое получило въ продолженіе первыхъ трехъ вѣковъ широкое распространіе, которому не удалось стать въ Церкви господствующимъ, но которое безпрестанно появлялось снова въ различныя эпохи ея исторіи, опираясь на гораздо болѣе древніе и неточные тексты, нежели многіе другіе догматы, пользующіеся всеобщимъ признаніемъ. Ученіе это явилось порожденіемъ матеріалистической экзегезы, которая стремилась одновременно оправдать и тѣ фразы, въ которыхъ царствіе Божіе представлялось вѣчнымъ, „во вѣки вѣковъ“, и тѣ, гдѣ для выраженія безконечнаго срока царствія Мессіи было сказано, что оно продолжится „тысячу лѣтъ“. Дѣйствуя по образцу тѣхъ толкователей, которые называются *гармонистами*, сопоставили съ натяжкой данныя, которыхъ согласить между собой было невозможно. Въ выборѣ числа *тысячи* руководствовались доводами изъ псалмовъ, изъ которыхъ, будто-бы, можно вывести, „что одинъ день Божій равенъ тысячѣ годамъ“. У евреевъ находимъ также то представленіе, что царствіе Мессіи будетъ не блаженной вѣчностью, а счастливой эрой, которая продолжится вѣками до свѣтопреставленія. Многіе равины подобно автору Апокалипсиса считаютъ продолжительность этого царствія въ тысячу лѣтъ. Авторъ посланія приписываемаго Варнавѣ утверждаетъ, что точно также какъ міръ былъ сотворенъ въ шесть дней, точно также и судьбы міра закончатся въ шесть тысячъ лѣтъ (такъ какъ для Бога одинъ день равенъ шести тысячамъ лѣтъ) и что послѣ этого точно такъ же, какъ Богъ въ седьмой день отдыхалъ и „когда пріидетъ Сынъ Его и уничтожитъ царствіе нечестія, и будетъ судить нечестивыхъ и перемѣнитъ солнце и луну и всѣ свѣтила не-

бесныя, онъ тоже будетъ отдыхать въ седьмый день". Это равносильно словамъ: онъ будетъ царствовать тысячу лѣтъ, ибо царствіе Мессіи всегда сравнивается съ субботой, которая заканчиваетъ отдохновеніемъ послѣдовательныя волненія развитія вселенной. Идея вѣчности личной жизни такъ мало присуща евреямъ, что эра предстоящей награды, по ихъ воззрѣніямъ, ограничена числомъ лѣтъ, безъ сомнѣнія значительнымъ, но все же опредѣленнымъ.

Сразу можно замѣтить персидскій оттѣнокъ этихъ грезъ. Милленаризмъ и, если можно такъ выразиться, апокалиптизмъ процвѣтали и ранѣе, уже въ очень древнія времена. Въ основаніи идеи Зороастра лежитъ стремленіе исчислить возрастъ вселенной, счесть періоды ея жизни *газарами*, т. е. тысячами лѣтъ, представить себѣ спасительное царствіе, которое будетъ конечнымъ увѣнчаніемъ испытаній человѣчества. Эти идеи, въ связи съ тѣми взглядами на будущее, которые содержатся въ древнихъ еврейскихъ пророкахъ, стали душой еврейскаго богословія во времена, предшествующія нашей эрѣ. Въ особенности ими проникнуты откровенія. Книги, приписываемыя Даніилу, Эноху, Моисею, своими оборотами, ученіемъ и образами почти совершенно схожи съ персидскими книгами. Значитъ-ли это, что авторы этихъ странныхъ книгъ знакомы были съ зендской литературой въ томъ видѣ, въ какомъ она въ ихъ время существовала? Нисколько. Заимствованія эти дѣлались не непосредственно; они объясняются тѣмъ, что фантазія евреевъ пріобрѣла иранскую окраску. Тоже произошло и съ Іоановымъ Апокалипсисомъ. Авторъ послѣдняго не больше находился въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Персіей, чѣмъ всякій другой христіанинъ; восточныя данныя, которыя онъ перенесъ въ свою книгу, уже вошли въ плоть и кровь еврейства, вмѣстѣ съ преданіями—мидрашимами; нашъ Ясновидецъ бралъ ихъ прямо изъ той атмосферы, среди которой жилъ. И дѣйствительно, со временъ Хошедара и Хошедармаха, двухъ пророковъ, предшествующихъ Сосіоху, и вплоть до язвъ, которыя поразятъ міръ наканунѣ Великихъ Дней, вплоть до междоусобныхъ войнъ царей, которыя явятся признаками начала послѣдней борьбы,—всѣ элементы апокалиптической обстановки можно найти въ парсской теоріи свѣтопреставленія. Семь небесъ, семь ангеловъ, семь духовъ Божіихъ, которые постоянно повторяются въ Патмосскомъ видѣніи, переносятъ насъ также въ самый парсскій міръ и даже дальше. Священн...

и апотелезматическій смыслъ числа семь повидимому въ самомъ дѣлѣ происходитъ изъ Вавилонскаго ученія о семи планетахъ, управляющихъ судьбами людей и царствъ. Въ таинствѣ семи печатей замѣчаются еще болѣе поразительныя сближенія. Точно такъ же, какъ по ассирійской миѳологіи, каждая изъ семи таблицъ судебъ посвящена была одной изъ планетъ, также и семь печатей имѣютъ любопытное отношеніе къ семи планетамъ, къ днямъ недѣли и къ цвѣтамъ, которые вавилонская наука связывала съ планетами. Въ самомъ дѣлѣ, бѣлый конь повидимому соотвѣтствуетъ лунѣ, рыжій конь— Марсу, черный—Меркурію, блѣдный (желтый)—Юпитеру.

Недостатки такой системы настолько очевидны, что безполезно было бы скрывать ихъ. Рѣзкія грубыя краски, полное отсутствіе всякаго чувства пластики, принесеніе стройности въ жертву символизму, что-то суровое, сухое и неорганическое—дѣлаютъ изъ Апокалипсиса совершенную противоположность греческимъ образцамъ искусства, прообразомъ которыхъ является живая красота мужскаго или женскаго тѣла. Самыя идеальныя представленія автора пріобрѣтаютъ какую-то тяжеловѣсность, вслѣдствіе своей матеріалистической окраски. Всюду, гдѣ онъ можетъ, онъ нагромождаетъ золото; у него, какъ и у жителей востока, замѣчается неумѣренная любовь къ драгоцѣнностямъ. Его небесный Іерусалимъ представляетъ что-то неуклюжее, ребяческое, невозможное, противорѣчащее всѣмъ истиннымъ правиламъ архитектуры, т. е. правиламъ логики. Онъ старается придать ей ослѣпительный наружный блескъ, но и не думаетъ о томъ, чтобы сообщить ей черты Фидіева произведенія. Самъ Богъ для него является „смарагдовымъ видѣніемъ", какимъ-то крупнымъ брилліантомъ, испускающимъ тысячи лучей, сіяющимъ на своемъ Престолѣ. Юпитеръ-Олимпіецъ былъ несомнѣнно символомъ гораздо болѣе одухотвореннымъ. То заблужденіе, подъ вліяніемъ котораго христіанское искусство иногда черезчуръ стремилось къ богатой обстановкѣ, коренится именно въ Апокалипсисѣ Если допустить идею, что литургическое употребленіе драгоцѣнностей возвышаетъ Бога, то понятно іезуитское святилище изъ золота, лаписъ-лазури оказывается прекраснѣе Парѳенона. Еще менѣе пріятна та неугасимая ненависть къ языческому міру, которая представляетъ черту общую у нашего автора со всѣми составителями откровеній, особенно съ авторомъ книги Еноха. Его суровость, его страстныя и несправедливыя осужденія рим-

скаго общества непріятно поражаютъ насъ и до нѣкоторой степени объясняютъ намъ, отчего иные сводили новое ученіе къ принципу „ненависти къ роду человѣческому“. (Тацитъ). Добродѣтельный бѣднякъ всегда немного склоненъ смотрѣть на неизвѣстный ему міръ, какъ на нѣчто худшее, чѣмъ-то, что онъ представляетъ собою въ дѣйствительности. Преступленія богачей и придворныхъ выростаютъ въ его глазахъ курьезнымъ образомъ. Эта особаго рода добродѣтельная ярость, которую, должно быть впослѣдствіи черезъ четыре столѣтія, испытывали по отношенію къ цивилизаціи иные варвары, напримѣръ Вандалы, у евреевъ-пророковъ и апокалиптиковъ имѣлась въ высокой степени. Чувствуется у нихъ остатокъ древняго кочевого духа, идеаломъ котораго является жизнь патріархальная, глубокое отвращеніе къ большимъ городамъ, на которые смотрятъ, какъ на очаги соблазна, пламенная ненависть къ могущественнымъ государствамъ, основаннымъ на военномъ началѣ, принять которое они либо не могли, либо не хотѣли.

Вотъ почему Апокалипсисъ оказался книгой во многихъ отношеніяхъ опасной. Эта книга въ высокой мѣрѣ выражаетъ еврейскую гордость. На взглядъ автора различіе между евреями и язычниками не уничтожится въ царствіи Божіемъ. Въ то время, какъ двѣнадцать колѣнъ Израилевыхъ вкушаютъ плоды съ древа жизни, язычники должны довольствоваться цѣлебнымъ отваромъ изъ его листьевъ. Авторъ смотритъ на язычниковъ, даже вѣрующихъ въ Христа, даже мучениковъ Христовыхъ, какъ на пріемышей, какъ на чужаковъ, вторгшихся въ семью Израиля, какъ на плебеевъ, изъ милости допущенныхъ въ какую-то аристократію. Мессія его является по преимуществу Мессіей еврейскимъ, Іисусъ для него прежде всего является потомкомъ Давида, отпрыскомъ церкви Израиля, членомъ святого семейства избранниковъ Божіихъ. Дѣло спасенія совершаетъ Церковь Израиля черезъ посредство этого избранника, вышедшаго изъ ея лона. Все, что можетъ установить связь между чистымъ племенемъ и язычниками (употребленіе въ пищу обыкновеннаго мяса, бракъ въ обыкновенныхъ условіяхъ), кажется ему преступленіемъ. Вся масса язычниковъ на его взглядъ оказывается негодяями, погрязшими во всякихъ преступленіяхъ, править которыми можно только съ помощью страха. Дѣйствительный міръ представляетъ царствіе діаволовъ. Послѣдователи Павла суть послѣдователи Валаама

и Іезавели. Самому Павлу нѣтъ мѣста среди „12 апостоловъ Агнца“, единственнаго основанія Церкви Божіей; а Ефесская церковь, созданіе Павла, восхваляется за то, что она „подвергла испытаніямъ тѣхъ, которые называютъ себя апостолами, а они не таковы, и нашла, что они лжецы“.

Все это очень далеко отъ Евангелія Іисусова. Авторъ слишкомъ отдается во власть своимъ страстямъ; онъ смотритъ на все какъ бы сквозь дымку кровожадной апоплексіи или сквозь отблескъ пожара. Въ Парижѣ 25-го мая 1871 года самое удручающее впечатлѣніе производило не пламя, а общая окраска города, если смотрѣть на него съ высокаго пункта: какой-то обманчивый желтый тонъ, какая-то матовая блѣдность. Вотъ такую то окраску и придаетъ авторъ своему видѣнію. Нѣтъ ничего, что походило бы меньше на яркое Галилейское солнце. Сразу чувствуется, что апокалиптической формѣ не больше, чѣмъ формѣ посланій, суждено побѣдить и обратить въ истинную вѣру міръ. Все это маленькіе сборники изрѣченій и притчъ, которыхъ не захотѣли использовать сторонники достовѣрныхъ преданій; это какъ бы складочныя мѣста для памяти, въ которыхъ люди менѣе образованные и имѣющіе мало свѣдѣній, сохраняютъ для своего личнаго пользованія то, что они знаютъ о дѣйствіяхъ и словахъ Іисуса,—сборники, которые предназначаются для чтенія въ будущемъ и имѣютъ въ виду очаровать будущихъ читателей. Простымъ рамкамъ анекдотической жизни Іисуса очевидно было легче очаровать міръ, чѣмъ тяжеловѣсному нагроможденію символовъ заключенному въ откровеніяхъ, и чѣмъ трогательнымъ увѣщаніямъ апостольскихъ посланій. Это еще одинъ доводъ въ пользу того, что въ таинственномъ развитіи христіанства великое, торжествующее и рѣшительное участіе принадлежитъ Іисусу, и одному Іисусу. Каждая христіанская книга, каждое христіанское учрежденіе имѣютъ цѣнность постольку, поскольку они въ себѣ содержатъ Іисуса. Синоптическія Евангелія, въ которыхъ Іисусъ—все, и о которыхъ въ извѣстномъ смыслѣ можно сказать, что истинный авторъ ихъ—Онъ самъ, навсегда останутся первенствующей книгой христіанства, вѣчной книгой.

Однако, въ Священномъ Писаніи и Апокалипсисъ по многимъ основаніямъ занимаетъ вполнѣ причитающееся ему мѣсто. Будучи книгой угрозъ и страховъ, Апокалипсисъ воплотилъ мрачную антитезу, которую христіанская мысль, дви-

жимая глубокимъ эстетическимъ чувствомъ, захотѣла противопоставить Іисусу. Если Евангеліе есть книга Іисуса, то Апокалипсисъ есть книга Нерона. Благодаря Апокалипсису, Неронъ пріобрѣлъ значеніе второго основателя христіанства. Его отвратительный образъ сталъ нераздѣльнымъ съ образомъ Іисуса. Выростая съ теченіемъ вѣковъ, чудовище, порожденное кошмаромъ 64-го года, стало пугаломъ христіанской мысли, мрачнымъ гигантомъ сумерекъ міра. О его рожденіи и его воспитаніи, о его порокахъ, богатствахъ, драгоцѣнностяхъ, благовоніяхъ, женщинахъ, о его ученіи, чудесахъ и пирахъ былъ написанъ фоліантъ въ 550 страницъ.

Антихристъ пересталъ насъ пугать и для книги Мальвенды уже не находится читателей. Мы знаемъ, что свѣтопредставленіе уже не такъ близко, какъ то думали иллюминаты І-го вѣка, и что оно не будетъ представлять собой внезапной катастрофы. Оно произойдетъ посредствомъ замораживанія черезъ тысячи вѣковъ, когда солнечная система уже не въ силахъ будетъ въ достаточной мѣрѣ возмѣщать свои потери, и земля истощитъ сокровищницу бывшаго солнца, которое, подобно путевымъ запасамъ, заключено въ ея нѣдрахъ. Достигнетъ ли человѣчество совершеннаго знанія до истощенія этого планетнаго капитала, — знанія, которое представляетъ собою не что иное, какъ власть покорять силы природы, или же земля размерзнетъ раньше, чѣмъ будетъ разрѣшена задача умерщвленія смерти, — еще одинъ неудавшійся опытъ среди такого множества другихъ? Объ этомъ мы ничего не знаемъ. Но съ помощью Патмосскаго Ясновидца мы за предѣлами измѣняющихся предположеній прозрѣваемъ идеалъ и утверждаемъ, что когда-нибудь идеалъ этотъ осуществится. Сквозь туманъ вселенной, находящейся въ зачаточномъ состояніи, мы вдалекѣ прозрѣваемъ законы жизненнаго прогресса, постоянно растущее сознаніе существа, и возможность такого положенія, при которомъ всѣ будутъ заключаться въ конечномъ существѣ (Богѣ) точно также, какъ безчисленныя почки заключаются въ деревѣ, и какъ миріады живыхъ клѣтокъ заключаются въ живомъ существѣ, — такого состоянія говорю я, при которомъ жизнь цѣлаго будетъ совершенной, при которомъ умершіе будутъ оживать въ жизни Божіей, черезъ него будутъ смотрѣть, черезъ него будутъ наслаждаться, въ немъ будутъ пѣть вѣчное: Аллиліуя. Какова-бы ни была форма, подъ которой каждый изъ насъ прозрѣваетъ

это воцареніе будущаго абсолюта, Апокалипсисъ не можетъ не нравится намъ. Онъ символически выражаетъ ту основную мысль, что Богъ существуетъ, но главное что онъ будетъ существовать. Рисунокъ въ немъ тяжеловѣсный, очертанія некрасивыя; это — грубая мазня ребенка, чертящаго съ по-- мошью кисти, съ которой онъ не умѣетъ обращаться, рисунокъ города, имъ невиданнаго. Его простодушное изображеніе города Божія, большая игрушка изъ золота и жемчуга, тѣмъ не менѣе продолжаетъ быть предметомъ нашихъ грезъ. Павелъ, конечно, лучше выразился, сводя конечную цѣль всеоленной къ слѣдующему: „Да будетъ Богъ все во всемъ". Н человѣчество еще долго будетъ нуждаться въ такомъ Богѣ, который жилъ бы съ ней, соболѣзновалъ бы его испытаніемъ, ставилъ бы ему въ заслугу его усиліе, „утиралъ бы слезы, текущія изъ очей его".

ГЛАВА XVIII.

Воцареніе Флавіевъ.

Какъ мы уже сказали, зрѣлище міра вполнѣ соотвѣтсвовало тому, что видѣлъ въ своихъ мечтахъ патмосскій Ясновидѣцъ. Строй военныхъ переворотовъ приносилъ свои плоды. Политика создавалась въ лагеряхъ, и Имперія какъ бы продавалась съ торговъ. У Нерона бывали собранія, на которыхъ можно было бы узрѣть сразу семь будущихъ императоровъ и отца восьмого. Истинный республиканецъ Виргиній, стремившійся отдать власть въ руки сената и народа былъ просто мечтателемъ. Гальба, старый, честный полководецъ, отказавшись потворствовать этой военной оргіи, скоро погибъ. Былъ моментъ, когда солдатамъ пришло въ голову перебить всѣхъ сенаторовъ, чтобы облегчить правленіе. Римское единство казалось на порогѣ распаденія. Не однимъ только христіанамъ такое трагическое положеніе внушало мрачныя предчувствія. Много было разговоровъ о трехголовомъ младенцѣ, родившемся въ 68 году въ Сиракузахъ, въ которомъ видѣли сим-

волъ трехъ императоровъ, провозглашенныхъ въ промежутокъ времени меньше одного года и царствовавшихъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ всѣ трое единовременно.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ азіатскій прорицатель закончилъ свой любопытный трудъ, Гальба былъ убитъ, и императоромъ былъ провозглашенъ Оттонъ (15 января 69 года). Это было точно воскресеніе Нерона. Гальба, серіозный, скупой, непривѣтливый, былъ полной противоложностью своего замѣстителя. Еслибы ему удалось упрочить положеніе своего пріемнаго сына Пизона, то онъ оказался бы въ нѣкоторомъ родѣ Нервой, и серія императоровъ—философовъ началась бы на дридцать лѣтъ раньше; но отвратительная школа Нерона взяла вверхъ. Оттонъ очень походилъ на это чудовище; солдаты и всѣ, кто любилъ Нерона, вновь обрѣли въ немъ предметъ своего поклоненія. Его видѣли рядомъ съ покойнымъ императоромъ въ роли перваго изъ его распутныхъ товарищей; онъ соперничалъ съ Цезаремъ въ склонности къ роскошнымъ кутежамъ, въ порокахъ и въ безумной щедрости. Чернь съ перваго же дня прозвала его Нерономъ и, кажется, онъ въ нѣкоторыхъ письмахъ самъ называлъ себя этимъ именемъ. Во всякомъ случаѣ онъ ничего не имѣлъ противъ того, чтобы Звѣрю воздвигали статуи; онъ снова отдалъ важнѣйшія должности Нероновой шайкѣ, и громко объявилъ, что будетъ править согласно принципамъ предпослѣдняго Цезаря. Первый подписанный имъ указъ, заключалъ въ себѣ постановленіе объ окончаніи Золотого Дома.

Всего печальнѣе было то, что политическій упадокъ, въ который пришелъ въ описываемое время Римъ, нисколько не обезпечивалъ странѣ спокойствія. Въ Германіи нѣсколько дней раньше Оттона (2-го января 69 года) былъ провозглашенъ императоромъ гнусный Вителій. Послѣдній отъ своихъ притязаній отказаться не захотѣлъ. Ужасная междуусобная война, какой не было со временъ Августа и Антонія, казалась неизбѣжной; настроеніе общества было страшно возбуждено; всюду видѣли одни зловѣщія предзнаменованія; преступленія распущенныхъ солдатъ повсюду распространяли ужасъ. Люди не помнили такого года; весь міръ, казалось, окрасится кровью. Первая битва при Бедріакѣ, которая сдѣлала Вителія единымъ властителемъ (около 15-го апрѣля), стоила жизни восьмидес[illegible] человѣкъ. Легіонаріи безъ удержу грабили [illegible] съ другомъ. Въ дѣло вмѣш[illegible]

народъ, можно подумать, что наступило полное крушеніе общества. Въ тоже время страна кишѣла астрологами и всякими шарлатанами: Римъ находился всецѣло въ ихъ власти; разумъ, казалось, утонулъ въ потокѣ преступленій и неистовствъ, бросавшихъ вызовъ разсудку. Христіане, повторяя шепотомъ нѣкоторыя слова Іисуса, находились какъ бы въ постоянной лихорадкѣ; въ особенности предметомъ ихъ неослабѣвающаго вниманія была судьба Іерусалима.

И дѣйствительно, востокъ находился не въ меньшемъ волненіи, чѣмъ западъ. Мы видѣли, что начиная съ іюня 68 года военныя дѣйствія римлянъ противъ Іерусалима были пріостановлены. Это не послужило къ уменьшенію среди евреевъ анархіи и фанатизма. Насилія Іоанна Гискальскаго и фанатиковъ Закона дошли до предѣловъ всякой возможности. Авторитетъ Іоанна опирался главнымъ образомъ на отрядъ Галилеянъ, которые производили всевозможныя неистовства. Наконецъ Іерусалимляне возстали и заставили Іоанна со своими убійцами скрыться въ храмъ. Но его такъ боялись, что для защиты сочли нужнымъ выставить противъ него соперника. Симонъ сынъ Гіоры, по происхожденію герасянинъ отличившійся въ самомъ началѣ войны, разбойничалъ въ Идумѣе и держалъ въ страхѣ всю страну. Ему уже приходилось бороться съ фанатиками и дважды онъ угрожалъ имъ, показываясь у Іерусалимскихъ воротъ. Въ то время какъ онъ въ третій разъ приближался къ нимъ, народъ призвалъ его, полагая такимъ путемъ защититься отъ посягательствъ Іоанна. Новый вожакъ вошелъ въ Іерусалимъ въ мартѣ 69 года. Храмъ оставался въ рукахъ Іоанна. Оба военачальника старались превзойти другъ друга въ жестокости. Еврей всегда жестокъ, когда въ его рукахъ сила. Единокровный братъ кароагенянъ въ часъ кризиса показалъ себя во всей своей природной красотѣ. Еврейскій народъ всегда выдѣлялъ изъ себя удивительное меньшинство, и въ этомъ его величіе, но нигдѣ, ни въ одной человѣческой общинѣ не видано было столько зависти, столько желанія истреблять другъ друга. Еврей, дойдя до извѣстной степени ярости, готовъ на все, готовъ даже пойти противъ своей религіи. Исторія Израиля показываетъ намъ людей, яростно ненавидящихъ другъ друга. Объ этомъ народѣ можно говорить сколько угодно хорошаго и сколько угодно дурного, не переставая [illegible] быть правдивымъ; ибо, повторяемъ, хорошій [illegible] превосходный, а злой еврей — [illegible]

чѣмъ объясняется то, повидимому, непонятное явленіе, что и евангельская идиллія и ужасы, разсказанные Іосифомъ Флавіемъ, произошли въ одной и той же странѣ, среди одного и того же народа, около одного и того же времени.

Веспасіанъ въ это время былъ въ Цезареѣ и ничего не дѣлалъ. Сыну его Титу удалось вовлечь его въ цѣлую сѣть интригъ, очень удачно комбинированную. Въ царствованіе Гальбы Титъ надѣялся, что старый императоръ усыновитъ его. Послѣ смерти Гальбы онъ понялъ, что иначе не достигнетъ высшей власти, какъ въ качествѣ преемника своего отца. Съ такимъ политическимъ искусствомъ онъ сумѣлъ перенести всѣ шансы на сторону основательнаго, честнаго полководца, не блестящаго, не отличавшагося личнымъ честолюбіемъ, который самъ почти ничего не сдѣлалъ, чтобы помочь своей судьбѣ. Этому оказалъ содѣйствіе весь Востокъ. Муціанъ и Сирійскіе легіоны страдали отъ нетерпѣнія, взирая на то, какъ западные легіоны безъ нихъ распоряжаются въ имперіи. Имъ захотѣлось въ свою очередь поставить императора; Муціанъ же типъ скептика, стремившагося больше къ тому, чтобы распоряжаться властью, нежели къ тому, чтобы самому пользоваться ею, не стремился получить пурпуръ для самого себя. Веспасіанъ, несмотря на свой преклонный возрастъ, незнатное происхожденіе и посредственный умъ, оказался такимъ образомъ кандидатомъ въ императоры. Къ тому же 28-лѣтній Титъ своими заслугами, ловкостью и энергіей возмѣщалъ недостатокъ таланта своего отца. По смерти Оттона восточные легіоны присягнули Вителію, но съ большимъ неудовольствіемъ. Ихъ возмущала дерзость германскихъ солдатъ. Имъ дано было понять, что Вителій хочетъ послать свои любимые легіоны въ Сирію, а сирійскіе легіоны, которые пользовались любовью въ странѣ и многимъ были связаны съ послѣдней, собираются отправить на берега Рейна.

Къ тому же Неронъ, хотя и мертвый, продолжалъ держать въ своихъ рукахъ нити судебъ человѣчества. И басня о его воскресеніи, какъ метафора, заключала въ себѣ извѣстную долю правды. Его партія пережила его. Послѣ Оттона Вителій, къ великой радости черни, заявлялъ себя горячимъ поклонникомъ, подражателемъ Нерона и мстителемъ за причиненное послѣднему зло. Онъ утверждалъ, что, по его мнѣнію, Неронъ создалъ образецъ хорошаго управленія республикой. Онъ устроилъ покойному цезарю великолѣпныя п...

роны, приказалъ играть во время процессіи его музыкальныя произведенія, и при звукѣ первой ноты послѣднихъ всталъ въ восторгѣ, чтобы подать знакъ къ рукоплесканію. Разумные и честные люди, уставъ отъ всѣхъ этихъ жалкихъ пародій на ненавистное царствованіе, стремились къ рѣзкой реакціи противъ Нерона, противъ его сподвижниковъ, противъ его предпріятій. Прежде всего они требовали реабилитаціи благородныхъ жертвъ его деспотизма. Всѣ знали, что эту роль Флавіи будутъ играть добросовѣстно. Наконецъ, туземные церкви въ Сиріи рѣшительно высказывались за начальника, въ лицѣ котораго они видѣли защитника отъ фанатизма возставшихъ евреевъ. Агриппа II-й и Вероника, сестра его, душой и тѣломъ принадлежали обоимъ римскимъ полководцамъ. Вероника, несмотря на свои 40 лѣтъ, привлекла къ себѣ Тита тайными чарами, противъ которыхъ этотъ честолюбивый юноша, трудолюбивый, чуждый большому свѣту, до того времени исключительно занятый своей карьерой, не сумѣлъ устоять. Она увлекла своими любезностями и подарками даже старика Веспасіана. Оба плебея полководца, до того люди бѣдные и простые, были очарованы аристократическимъ изяществомъ поразительно прекрасной женщины, и внѣшнимъ блескомъ незнакомаго имъ общества. Страсть, которой Титъ воспылалъ къ Вероникѣ, ничуть не повредила ходу его дѣлъ; наоборотъ, онъ, по всѣмъ признакамъ, въ этой искусившейся въ восточныхъ интригахъ женщинѣ пріобрѣлъ весьма полезную сотрудницу. Благодаря ей въ заговоръ были вовлечены мелкіе царьки Эмеза, Софена, Комагена, все родственники или союзники Иродовъ и болѣе или менѣе склонные къ іудѣйству. Еврей ренегатъ Тиверій Александръ, префектъ Египта, всецѣло погрузился въ него. Даже Парфяне показали себя готовыми поддержать его. Всего необычайнѣе то, что и умѣренные евреи, какъ напримѣръ, Іосифъ Флавій, тоже присоединились къ заговору и изо всѣхъ силъ старались приложить къ римскому полководцу занимавшія ихъ мысли. Мы видѣли, что окружавшіе Нерона евреи сумѣли его убѣдить въ томъ, что въ случаѣ лишенія его римскаго престола онъ въ Іерусалимѣ найдетъ новое царство, благодаря которому станетъ могущественнѣйшимъ изъ владыкъ земныхъ. По словамъ Іосифа послѣдній будто бы уже въ 67-мъ году, когда римляне взяли его въ плѣнъ, предсказалъ Веспасіану ожидавшую ѐго судьбу, основываясь на нѣкоторыхъ текстахъ

Священнаго Писанія. Евреи такъ часто повторяли свои пророчества, что въ концѣ концовъ заставили очень многихъ лицъ, даже изъ не принадлежащихъ къ ихъ сектѣ, повѣрить, что Востокъ возьметъ верхъ, и что изъ Іудеи скоро выйдетъ властитель міра. Уже Виргилій усыплялъ смутную печаль своего меланхолическаго воображенія, прилагая къ своей эпохѣ одно Cumalum carmen, которая, повидимому, имѣла нѣкоторую связь съ пророчествами второго Исаіи. Маги, Халдеи, астрологи также пользовались въ своихъ выгодахъ вѣрой въ звѣзду Востока, предвозвѣстницу царя іудейскаго, предназначеннаго къ великимъ дѣламъ; христіане очень серіезно относились къ этимъ нелѣпицамъ. Пророчество это, какъ и всѣ таковыя, было двусмысленно; оно, очевидно, вполнѣ достаточно оправдалось бы, если бы начальникъ сирійскихъ легіоновъ, живущій въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Іерусалима достигъ бы власти въ Сиріи, благодаря сирійскому движенію. Веспасіанъ и Титъ, окруженные евреями, охотно и съ удовольствіемъ слушали такія рѣчи. Оба полководца хотя и пользовались своими военными способностями для борьбы съ іерусалимскими фанатиками, однако, довольно благосклонно относились къ іудейству, изучали его и показывали уваженіе къ еврейскимъ книгамъ. Благодаря своему нраву кроткому, покладистому и вкрадчивому, Іосифъ втерся къ нимъ въ большую дружбу, особенно къ Титу. Онъ хвалилъ имъ свою вѣру, разсказывалъ имъ старыя библейскія сказки, которыя онъ часто перекладывалъ на греческій ладъ, таинственно говорилъ о пророчествахъ. Іосифъ привлекъ къ своему дѣлу другихъ евреевъ и всѣ они уговорили Веспасіана взять на себя роль нѣкотораго рода Мессіи. Тутъ пошли еще чудеса; поднялись разговоры объ исцѣленіяхъ, подобныхъ тѣмъ, о которыхъ разсказывается въ Евангеліяхъ и совершенныхъ этимъ новымъ Христомъ.

Языческіе жрецы—финикіяне не захотѣли отстать отъ другихъ въ этомъ состязаніи въ лести. Оракулы въ Пафосѣ и въ Кармелѣ стали утверждать, что они давно уже предсказали будущую судьбу Флавіевъ. Послѣдствія всего этого выяснились позднѣе. Императоры династіи Флавіевъ, достигнувъ власти благодаря поддержкѣ Сиріи, относились гораздо благосклоннѣе высокомѣрныхъ Цезарей къ Сирійскимъ идеямъ. Христіанство проникнетъ въ самое сердце этой династіи, пріобрѣтетъ приверженцевъ въ средѣ ея членовъ и благодаря

ей вступитъ въ совершенно новый фазисъ своего существованія.

Къ концу весны 69-го года Веспасіанъ, повидимому, собрался выйти изъ того военнаго бездѣйствія, въ которомъ оставался до тѣхъ поръ изъ-за политики. 29-го Апрѣля онъ началъ кампанію и появился во главѣ своей конницы передъ Іерусалимомъ. Въ то-же время одинъ изъ его адъютантовъ, Церсалъ, сжегъ Геброн; за исключеніемъ Іерусалима и трехъ крѣпостей, Мазазы, Геродіума, и Манерона, занятыхъ возстанцами, вся Іудея подчинилась римлянамъ. Для того, чтобы овладѣть этими четырьмя пунктами необходимо было повести трудную осаду. Веспасіанъ и Титъ побоялись начать послѣднюю въ томъ неопредѣленномъ состояніи, въ которомъ они тогда находились, наканунѣ новой гражданской войны, для которой имъ могли понадобиться всѣ находившіяся въ ихъ распоряженіи силы. Такимъ образомъ отсроченъ былъ еще на одинъ годъ конецъ революціи, изъ-за которой Іерусалимъ въ продолженіи трехъ лѣтъ переживалъ самый необычайный кризисъ, о какомъ только сохранилась память въ исторіи.

Перваго Іюля Тиверіи Александръ провозгласилъ въ Александріи Веспасіана императоромъ и привелъ войска и народъ къ присягѣ; третьяго—іудейская армія привѣтствовала его въ качествѣ Августа въ Цезареѣ. Въ Антіохіи Муціанъ заставилъ сирійскіе легіоны признать его, и пятнадцатаго ему покоренъ былъ весь Востокъ. Въ Бейрутѣ произошелъ съѣздъ, на которомъ было рѣшено, что Муціанъ двинется въ Италію, Титъ будетъ продолжать войну съ евреями, а Веспасіанъ будетъ ждать исхода событій въ Александріи. Послѣ кровопролитной междуусобной войны, (третьей за послѣдніе полтора года) имперія окончательно осталась за Флавіемъ. Такимъ образомъ наслѣдниковъ титула, созданнаго Августомъ, замѣняла плебейская династія, дѣловитая, умѣренная, не отличавшаяся природной силой Цезарей, но за то не имѣвшая и ихъ недостатковъ. Августы, расточители, безумцы, такъ неумѣренно пользовались своимъ положеніемъ любимцевъ народа, что послѣдній съ радостью привѣтствовалъ воцареніе честнаго человѣка, ничѣмъ не выдающагося, съ трудомъ возвысившагося благодаря своимъ заслугамъ, несмотря на его маленькія странности, неизящную внѣшность и незнакомство съ обычаями царей. Въ самомъ дѣлѣ, новая династія въ теченіе десяти лѣтъ управляла страной разумно, разсудительно, спасла римское

единство и вполнѣ опровергла пророчества евреевъ и христіанъ, которые въ своихъ мечтахъ уже видѣли распаденіе Имперіи и разрушеніе Рима. Пожаръ Капитоліи, произошедшій 19-го Декабря, страшная бойня въ Римѣ двадцатаго Декабря могли дать имъ на одинъ мигъ основаніе повѣрить, что насталъ великій день. Но та прочность, съ которой Веспасіанъ утвердился на престолѣ (съ 20-го Декабря), заставила ихъ примириться съ необходимостью жить дальше и принудила ихъ искать увертокъ для того, чтобы оправдать отсрочку въ исполненіи ихъ надеждъ на болѣе отдаленное будущее.

Между тѣмъ разумный Веспасіанъ волновавшійся гораздо меньше чѣмъ тѣ, кто сражался ради доставленія ему власти, жилъ въ Александріи съ Тиверіемъ Александромъ. Онъ возвратился въ Римъ только около Іюля мѣсяца 70-го года, незадолго до окончательной гибели Іерусалима. Титъ, вмѣсто того, чтобъ продолжать войну въ Іудеѣ, послѣдовалъ за отцомъ своимъ въ Египетъ и оставался съ нимъ до начала Марта.

Борьба въ Іерусалимѣ становилась все серьезнѣе. Фанатическія движенія далеко не угашаютъ въ своихъ дѣятеляхъ чувства ненависти, зависти и недовѣрія; очень убѣжденные и очень страстные люди, будучи объединены однимъ дѣломъ обыкновенно относятся другъ къ другу подозрительно и въ этомъ ихъ сила, ибо это взаимное подозрѣніе вызываетъ между ними взаимный страхъ, связываетъ ихъ какъ-бы желѣзными цѣпями, мѣшаетъ измѣнамъ и моментамъ малодушія. Внѣшнее согласіе и вѣжливость служатъ признакомъ искусственной политики и отсутствія убѣжденности. Партіи образуются изъ-за выгоды; расколъ всегда имѣетъ причиною различіе въ принципахъ, которые вызываютъ въ человѣкѣ стремленіе сокращать число своихъ враговъ, гнать и убивать послѣднихъ. Тѣ, кто судитъ о человѣческихъ дѣлахъ по буржуазному, считаютъ что революція погибла, какъ только революціонеры начинаютъ „поѣдомъ ѣсть другъ друга". Наоборотъ такой фактъ можетъ служить доказательствомъ того, что революція сохраняетъ всю свою энергію и что ею управляетъ безличное чувство пылкаго увлеченія.

Никогда это не проявлялось яснѣе, чѣмъ въ ужасной іерусалимской трагедіи. Дѣятели ея, какъ будто заключили между собою на жизнь и на смерть. Подобно тѣмъ адскимъ хороводамъ, цѣпь которыхъ, по вѣрованіямъ среднихъ вѣковъ, водилъ сатана, увлекая въ фантастическую бездну длинные

ряды пляшущихъ и держащихся за руки людей, тако и революція никому не даетъ выйти изъ своей пляски. Участниковъ ея подгоняетъ страхъ; они поочередно, то одобряютъ другихъ, то сами выслушиваютъ одобренія и такимъ образомъ идутъ впередъ, не отступая ни передъ какой бездной, да и никто и не можетъ отступить, ибо каждый за собою чувствуетъ скрытый мечъ, который заставляетъ его двигаться въ тотъ мигъ, когда ему могло-бы прійти желаніе остановиться.

Въ городѣ начальствовалъ Симонъ, сынъ Гіорна;—Іоѳрасъ Гишанскій со своими убійцами держалъ въ рукахъ своихъ храмъ. Подъ руководствомъ Елеазара сына Симона, мужа изъ священническаго сословія образовалась третья партія; Онъ отвлекъ на свою сторону часть зелотовъ Іоанна Гишальскаго и укрѣпился во внутренней оградѣ храма, существуя на хранившіеся тамъ священные запасы, а также на тѣ запасы, которые все еще приносили священникамъ въ качествѣ первины. Это три партіи вели между собою непрерывную борьбу; ходить приходилось по кучамъ труповъ; послѣднихъ уже не предавали землѣ. Были собраны огромные запасы хлѣба въ зернѣ, на которые можно было-бы годами продолжать сопротивленіе. Іоаннъ и Симонъ сожгли ихъ, лишь бы они не достались одному изъ нихъ. Положеніе населенія было ужасно; мирные люди давали обѣты, чтобы Римляне скорѣе возстановили порядокъ; но всѣ выходы сторожили террористы, и бѣжать было невозможно. Однако, какъ это ни странно, но народъ продолжалъ со всѣхъ концовъ свѣта стекаться къ храму. Іоаннъ и Елеазаръ принимали вѣрныхъ и обращали себѣ на пользу ихъ дары. Стрѣлы и камни метательныхъ машинъ Іоанна часто убивали благочестевыхъ палошниковъ среди жертвоприношеній, вмѣстѣ со священниками, во время службы. За Евфратомъ возстанцы дѣятельно старались добыть подмогу либо у тамошнихъ евреевъ, либо у царя парѳянскаго. Они воображали, что всѣ евреи Востока возьмутся за оружіе. Междоусобныя войны Римлянъ внушали имъ легкомысленныя надежды; подобно христіанамъ, они думали, что имперія наканунѣ распаденія. Напрасно Іисусъ, сынъ Анны скитался по городу, призывая четыре небесные вѣтра, умоляя ихъ разрушить Іерусалимъ; фанатики наканунѣ своей гибели провозглашали его столицей міра, подобно тому какъ на нашихъ глазахъ истощенный, изголодавшійся Парижъ не хотѣлъ отступ-ться отъ убѣжденія, что міръ заключается въ немъ, рабо-ъ на него и страдаетъ изъ-за него,

Всего страннѣе то, что они не совсѣмъ ошибались. Іерусалимскіе фанатики, утверждавшіе, что Іерусалимъ вѣченъ, въ то время какъ онъ горѣлъ, были гораздо ближе къ истинѣ, нежели тѣ, кто видѣлъ въ нихъ только убійцъ. Они ошибались съ военной точки зрѣнія, но были правы относительно отдаленнаго религіознаго будущаго. Дѣйствительно, это смутное время было тѣмъ моментомъ, когда Іерусалимъ сталъ духовной столицей міра. Апокалипсисъ,—выраженіе пылкой любви къ Іерусалиму,—занялъ мѣсто среди религіозныхъ писаній человѣчества и навѣки освятилъ въ послѣднихъ образъ „возлюбленнаго города". Да! Никогда заранѣе нельзя сказать, кто въ будущемъ станетъ праведникомъ, ктс—злодѣемъ, кто—глупцомъ, кто—мудрецомъ! Рѣзкая перемѣна въ направленіи хода корабля превращаетъ поступательное движеніе въ обратное, противный вѣтеръ въ благопріятный. Смотря на эти революціи, сопровождаемыя громомъ и землетрясеніями, мы должны стать съ блаженными, поющими: „Хвалите Господа"! или съ четырьмя животными,—духами вселенной,—возглашающими въ концѣ каждаго акта боже ственной трагедіи: «АМИНЬ».

ГЛАВА XIX.

Гибель Іерусалима.

Наконецъ желѣзное кольцо охватило проклятый городъ чтобы больше не разжаться. Какъ только погода оказалась благопріятной, Титъ оставилъ Александрію, прибылъ въ Цезарею и оттуда во главѣ огромнаго войска двинулся на Іерусалимъ. Съ нимъ было четыре легіона: пятый македонскій, десятый Фретенскій, двѣнадцатый Tulminata, пятнадцатый Апполинарійскій, не говоря уже о многочисленныхъ вспомогательныхъ отрядахъ, состоявшихъ изъ сирійскихъ союзниковъ и многочисленныхъ арабовъ, сопровождавшихъ его съ цѣлью грабежа. Всѣ евреи-легитимисты,—Агриппа, Тиверій-Александръ, получившій должность префекта преторіи, и будущій историкъ

Іосифъ—сопровождали Тита; Вероника, вѣроятно, осталась въ Цезареѣ. Военная храбрость полководца соотвѣтствовала силѣ его войска; Титъ обладалъ поразительными военными способностями, въ особенности инженерными, будучи при этомъ человѣкомъ очень умнымъ, глубокомысленнымъ политикомъ, и, принимая въ соображеніи нравы того времени, личностью довольно гуманной. Веспасіанъ, раздраженный тѣмъ удовлетвореніемъ которое показали евреи, видя разразившіяся гражданскія войны, и усиліями, которыя дѣлались ими для того, чтобы вызвать нашествіе парѳянъ, отдалъ распоряженіе поступить съ евреями чрезвычайно строго. Эти горделивые люди, убѣжденные, что они сражаются за Бога и съ помощью Божіей, по его мнѣнію всегда истолковывали мягкость, какъ признакъ слабости.

Римскія войска прибыли въ Габаасъ-Саулъ, въ полуторахъ миляхъ отъ Іерусалима, въ началѣ апрѣля. Былъ почти канунъ празднованія Пасхи; въ городѣ собралось огромное количество евреевъ изъ всѣхъ странъ; Іосифъ опредѣляетъ цифру погибшихъ во время осады въ милліонъ сто тысячъ; казалось что въ виду истребленія народа, послѣдній рѣшилъ собраться въ полномъ составѣ. Около десятаго апрѣля Титъ расположился лагеремъ у подножія башни Псеѳинской (современная Касаръ-Джатутъ). Нѣкоторыя частичныя побѣды одержанныя случайно, и серіозная рана, которую удалось нанести Титу, сообщили евреямъ преувеличенную вѣру въ свои силы и показали римлянамъ съ какой тщательностью они должны охранять себя въ этой войнѣ съ сумасшедшими.

Городъ можно было считать однимъ изъ самыхъ неприступныхъ въ мірѣ. Стѣны были однимъ изъ лучшихъ образцовъ тѣхъ огромныхъ цѣльныхъ сооруженій, которыя всегда составляли особенность Сиріи; внутри города, стѣна храма, стѣны высокаго города и Акры, образовывали какъ бы простѣнки и казались вспомогательными укрѣпленіями. Число защитниковъ было очень велико; запасы, хотя и сильно уменьшенные пожарами, все еще имѣлись въ изобиліи. Внутри города продолжалась кровопролитная борьба между партіями, но для защиты всѣ онѣ объединились. Со времени празднествъ пасхи партія Елеазара почти совсѣмъ исчезла, и слилась съ партіей Іоанна. Титъ повелъ дѣло съ необычайнымъ искусствомъ; никогда римляне не выказывали столько знакомства съ наукой осады городовъ. Въ концѣ апрѣля легіоны перешли

наружныя стѣны съ сѣверной стороны и оказались хозяевами сѣверной части города. Черезъ пять дней и вторая стѣна Акры была взята. Такимъ образомъ во власти римлянъ оказалась половина всего города. Двѣнадцатаго мая они напали на крѣпость Антонію. Титъ, окруженный евреями, изъ которыхъ всѣ, за исключеніемъ, быть можетъ, Тиверія-Александра, страстно желали сохраненія города и храма въ неприкосновенности, подъ вліяніемъ своей любви къ Вероникѣ, которая повидимому была очень благочестивой еврейкой, глубоко преданной своему народу,—любви, во вліяніи которой онъ не совсѣмъ охотно признавался,—Титъ, говоримъ мы, старался отыскать способъ, какъ бы пойдти на соглашеніе, сдѣлалъ *вполнѣ* пріемлемыя предложенія, но все оказалось напраснымъ. На предложеніе побѣдителя осажденные отвѣчали только насмѣшками.

Тогда осада приняла характеръ необычайной жестокости. Римляне стали примѣнять самыя ужасныя жестокости; смѣлость евреевъ отъ этого только возрасла. 27 и 29 мая они сожгли осадныя машины римлянъ и напали на нихъ въ самомъ ихъ лагерѣ. Осаждающими овладѣло уныніе; нѣкоторые изъ нихъ высказывали убѣжденіе, что евреи правы, что Іерусалимъ неприступенъ; начались случаи дезертирства. Титъ, отказавшись отъ мысли взять городъ силою, подвергъ его тѣсной блокадѣ. Въ началѣ іюня была на спѣхъ воздвигнута контрвалаціонная стѣна, со стороны Переи подкрѣпленная рядомъ фортовъ, увѣнчавшихъ вершину Горы Маслинъ, и такимъ образомъ городъ оказался окончательно отрѣзаннымъ отъ сношеній съ внѣшнимъ миромъ. До сихъ поръ населеніе питалось зеленью изъ окрестностей; но тутъ голодъ дошелъ до ужасныхъ размѣровъ. Фанатики, у которыхъ всего было достаточно для удовлетворенія насущныхъ потребностей, мало заботились объ этомъ; для отысканія спрятаннаго хлѣба производились строгіе обыски, сопровождаемые пытками. Всякій, кто выглядѣлъ мало-мальски крѣпкимъ, считался виновнымъ въ сокрытіи жизненныхъ припасовъ. Люди рвали другъ у друга изо рта куски хлѣба. Среди этихъ скученныхъ, ослабѣвшихъ, лихорадочныхъ массъ развелись самыя ужасныя болѣзни. Ходили странные разсказы, вызывавшіе еще большій страхъ.

Съ этого момента Іерусалимъ оказался во власти голода, ярости, отчаянія и безумія. Онъ превратился въ клѣтку для буйныхъ умалишенныхъ, въ городъ стенаній и канибаловъ

Іосифъ—сопровождали Т
Цесаревъ. Военная храбр
его войска; Титъ облад
ностями, въ особенност
ловѣкомъ очень умным
принимая въ соображе
вольно гуманной. Вес
реніемъ которое пока
скія войны, и усиліям
вызвать нашествіе
съ евреями чрезвы
жденные, что они с
по его мнѣнію всег
слабости.

Римскія войска
миляхъ отъ Іерус
празднованія Пас
евреевъ изъ всѣ
шихъ во время
въ виду истребл
полномъ соста
лагеремъ у по
Джатутъ). Нѣ
и серіо р
евреям
ляна
въ э

Г
ступн
цовъ
став
ны
ки

коятся до тѣхъ поръ, пока зданіе не будетъ уничтожено. Трудно догадаться, какое мнѣніе высказалъ Титъ; объ этомъ до насъ дошло два противорѣчащихъ другъ другу разсказа. По словамъ Іосифа, Титъ полагалъ необходимымъ спасти эту удивительную постройку, сохраненіе которой составитъ славу его царствованія и послужитъ доказательствомъ сдержанности римлянъ. Тацитъ же утверждаетъ, что Титъ наставилъ на необходимости разрушить сооруженіе, въ связи съ которымъ находились два въ равной мѣрѣ вредныхъ суевѣрія: еврейское и христіанское. „Оба эти суевѣрія, прибавилъ онъ будто-бы, хотя и враждебны другъ другу, и происходитъ изъ одного и того же источника; христіане вышли изъ евреевъ; если вырвать корень, то скоро погибнетъ и плодъ.

Очень трудно остановиться на одной изъ двухъ версій, до такой степени не согласныхъ; если ничто не мѣшаетъ считать выдумкой историка, мнѣніе которое приписываетъ Титу Іосифъ, которому хотѣлось показать симпатію своего покровителя къ Іудейству и очистить его въ глазахъ евреевъ отъ обвиненія въ преступномъ разрушеніи храма, и удовлетворить горячее желаніе Тита прослыть очень умѣреннымъ человѣкомъ, то нельзя отрицать, что краткая рѣчь, влагаемая Тацитомъ въ уста побѣоносныго полководца, не только по стилю, но и по образу мыслей является вѣрнымъ отраженіемъ взглядовъ самого Тацита. Мы имѣемъ даже право предположить, что латинскій историкъ, преисполненный презрѣнія къ евреямъ и христіанамъ, недоброжелательства къ нимъ, характернаго для эпохи Траяновъ и Антониновъ, заставилъ Тита говорить, какъ римскаго аристократа того времени, тогда какъ на самомъ дѣлѣ плебей—Титъ относился къ восточнымъ суевѣріямъ съ гораздо большей снисходителяностью, чѣмъ высшее дворянство, каковое представляли изъ себя преемника Флавія. Проживъ три года съ евреями, хвалившими ему свой храмъ и называвшими его чудомъ свѣта, привлеченный на сторону ихъ лестью Іосифа, Агриппы, а еще болѣе Вероники, онъ вполнѣ могъ выразить желаніе сохранить неприкосновеннымъ святилище, культъ котораго многіе приближенные его изображали ему вполнѣ миролюбиво. Въ виду этого возможно что былъ отданъ приказъ, какъ то утверждаетъ Іосифъ, о томъ, чтобы зажженный наканунѣ пожаръ былъ потушенъ и чтобы въ страшной суматохѣ, которую считали неизбѣжной, были мѣры противъ возобновленія пожара. Въ характерѣ

Тита на-ряду съ искренней добротой было много ломанія и немного хитрости. Въ дѣйствительности онъ, конечно, не приказалъ сжечь храмъ, какъ то утверждаетъ Тацитъ, не запретилъ этого, какъ хочетъ насъ заставить тому повѣрить Іосифа, а предоставилъ рѣшеніе этого вопроса ходу вещей, оставивъ себѣ внѣшнія оправданія для всевозможныхъ слуховъ, которые ему угодно будетъ распустить впослѣдствіи въ различныхъ областяхъ гласности. Какъ бы ни рѣшали этотъ вопросъ, трудно поддающійся освѣщенію, было рѣшено, что на зданіе, уже лишенное воротъ, будетъ произведена общая атака. Для опытныхъ военныхъ было ясно, что оставалось сдѣлать только одно усиліе, быть можетъ кровопролитное, но въ исходѣ котораго не могло быть никакихъ сомнѣній.

Евреи предупредили аттаку. Въ утро 10 августа они завязали отчаянный, но безуспѣшный бой. Титъ удалился въ Антонію, чтобы отдохнуть и приготовиться къ аттакѣ, назначенной на слѣдующій день. Для предупрежденія возобновленія пожара оставленъ былъ отрядъ. Тогда-то, по словамъ, и произошелъ тотъ случай, слѣдствіемъ котораго явилось разрушеніе священнаго зданія. Евреи съ яростью накинулись на отрядъ, сторожившій пожаръ; римляне отражаютъ ихъ и вступаютъ въ храмъ въ перемѣжку съ бѣгущими. Раздраженіе римлянъ достигло своей высшей точки. Какой-то солдатъ не получивъ ни отъ кого приказа, движимый какъ бы подъ сверхъестественнымъ наитіемъ, взялъ горящее бревно и, опершись на одного изъ своихъ товарищей, выбросилъ его въ окно, выходившее на сѣверныя экзедры. Пламя и дымъ немедленно показались тамъ. Титъ въ это время отдыхалъ въ своей палаткѣ. Бросились предупредить его. Тогда, если вѣрить Іосифу, между нимъ и его солдатами возгорѣлась нѣкотораго рода борьба. Титъ крикомъ и жестами приказывалъ погасить пожаръ; но въ суматохѣ его не поняли; тѣ же кто не могъ сомнѣваться въ смыслѣ его приказа, дѣлали видъ, что не слышатъ его. Солдаты, вмѣсто того, чтобы гасить пожаръ, раздували огонь. Толпой нападающихъ Титъ былъ унесенъ въ самый храмъ, пламя не дошло еще до главнаго зданія. Онъ увидѣлъ цѣлымъ то святилище, о которомъ сколько разъ говорили ему съ восторгомъ Агриппа, Іосифъ, Вероника, и нашелъ его еще величественнѣе, чѣмъ ему разсказывали. Титъ удвоилъ усилія, распорядился очистить помѣщеніе и даже при-

казалъ Либералу, центуріону своей гвардіи, убивать тѣхъ, кто не захочетъ повиноваться. Вдругъ изъ дверей храма вырывается столбъ огня и дыма. Въ моментъ суматохи, поднявшейся при очисткѣ зданія, какой то солдатъ поджогъ его изнутри. Огонь пылалъ со всѣхъ сторонъ; оставаться было невозможно; Титъ удалился

Этотъ разсказъ Іосифа заключаетъ въ себѣ нѣсколько несообразностей. Трудно повѣрить, чтобы римскіе легіоны показали такое неповиновеніе побѣдоносному полководцу. Діонъ Кассій наоборотъ утверждаетъ, что Титу пришлось пустить въ ходъ силу, чтобы заставить солдатъ проникнуть въ мѣсто, окруженное всякими страхами, осквернители котораго, какъ разсказывали, всегда бывали поражаемы смертью. Во всякомъ случаѣ черезъ нѣсколько лѣтъ Титу было очень пріятно, что въ еврейскомъ мірѣ разсказывали дѣло такъ, какъ Іосифъ, и что пожаръ храма приписывали неповиновенію его солдатъ или скорѣе безсознательному побужденію какого то слѣпого исполнителя высшихъ предначертаній. *Исторія іудейскихъ войнъ* была написана къ концу царствованія Веспасіана, не ранѣе 76-го года, когда Титъ уже стремился стать, „отрадой рода человѣческаго“ и хотѣлъ прослыть образцомъ кротости и доброты. Въ предшествующее время и отъ иного, не еврейскаго свѣта, онъ навѣрное съ удовольствіемъ выслушивалъ похвалы совсѣмъ иного сорта. Между картинами, которыя везли во время тріумфа 71-го года, было изображеніе „поджога храмовъ“, при чемъ безъ сомнѣнія никто не считалъ нужнымъ рисовать этотъ фактъ иначе, какъ въ видѣ подвига. Около того же времени поэтъ придворный Валерій Флаккъ предложилъ Доминиціану воспѣть Іудейскую войну считая, что этимъ онъ дастъ наилучшее употребленіе своему поэтическому таланту, и изобразитъ его брата, повсюду разбрасывающаго поджигательскіе факелы.

...Solymo nigrantem pulvere fratrem,
Spargentemque faces et in omni turre lurentem

Между тѣмъ во дворахъ и на папертяхъ шла яростная борьба. Вокругъ жертвенника, имѣвшаго видъ усѣченной пирамиды, надъ которой находилась платформа, возвышавшейся передъ храмомъ, происходила отвратительная рѣзня; трупы убитыхъ на платформахъ скатывались по ступенямъ и груда[illegible] у подножія зданія. Со всѣхъ сторонъ лились

потоки крови; отовсюду слышались отчаянные вопли убиваемыхъ, которые умирали, заклиная небо. Была еще возможность скрыться въ высокія горы; но многіе предпочли дать убить себя, считая завидной судьбой смерть за свое святилище. Другіе сами бросались на римскіе мечи; еще другіе кидались въ пламя; наконецъ были такіе, которые закалывали себя или убивали другъ друга. Священники, которымъ удалось забраться на гребень крыши храма отламывали находившіеся тамъ шпицы, припаянные оловомъ, и бросали ихъ на римлянъ; они продолжали дѣлать это до тѣхъ поръ, пока ихъ не охватило пламя. Большое число евреевъ собралось около святилища, повинуясь словамъ пророка, уверявшаго ихъ, что наступилъ мигъ когда Богъ ради спасенія ихъ совершитъ чудо. Одна галлерея, въ которую укрылось шесть тысячъ этихъ несчастныхъ (почти исключительно женщинъ и дѣтей) была сожжена. Отъ пожара уцѣлѣли въ тотъ день только двое дверей храма и часть мѣстъ, гдѣ находились во время богослуженія женщины. Тамъ, гдѣ было святилище, римляне водрузили свои знамена и воздали имъ обычныя почести.

Оставался старый Сіонъ, высокій городъ, наиболѣе укрѣпленная часть Іерусалима, стѣны которой оставались еще цѣлыми и куда укрылись Іоаннъ Гискальскій, Симонъ сынъ Гіеры и большое число сражающихся, которымъ удалось проложить себѣ проходъ черезъ побѣдоносныя толпы. Чтобы взять это логовище безумцевъ пришлось начать новую осаду. Центромъ сопротивленія у Іоанна и Симона сталъ дворецъ Ирода, расположенный приблизительно тамъ, гдѣ въ настоящее время находится Іерусалимская крѣпость и защищаемый тремя огромными башнями: Гиппиковой, Фазаэлевой и Маріамновой. Чтобы взять этотъ послѣдній пріютъ упорствующихъ евреевъ, римлянамъ пришлось построить осадные рвы противъ западной стѣны города, насупротивъ дворца. Всѣ четыре легіона были заняты этой работой въ продолженіе восемнадцати дней (отъ 20-го августа до 6-го сентября). Въ это время пожары, по распоряженію Тита, бушевали въ тѣхъ частяхъ города, которыя были въ его власти. Особенно нижній городъ и Офель до Силоама подверглись систематическому разрушенію. Много евреевъ, принадлежавшихъ къ буржуазіи оказались въ состояніи убѣжать. Что касается до простонародья, то его продавали за очень низкую цѣну въ рабство. Отсюда пошли цѣ по тучи еврейскихъ рабовъ, которые, осѣвши въ Италіи

гихъ странахъ по Средиземному морю принесли туда элементы новой пылкости въ пропагандѣ. Число ихъ Іосифъ исчисляетъ въ 87 тысячъ. Князя Адіабена Титъ помиловалъ. Ему были выданы первосвященническія одежды, драгоцѣнности скрижали, чаши, подсвѣчники и драпировки. Онъ приказалъ тщательно спрятать ихъ, чтобы употребить ихъ въ дѣло во время тріумфа, который онъ собирался устроить себѣ, и которому онъ хотѣлъ сообщить особенный отпечатокъ чужеземной пышности, выставивъ на показъ драгоцѣнные предметы еврейскаго культа. Когда осадные рвы были закончены, Римляне начали пробивать стѣну высокаго города; съ перваго же натиска (7-го сентября) они разрушили часть ея и нѣсколько башенъ. Отъ защитниковъ, истощенныхъ голодомъ, подтачиваемыхъ лихорадкой и яростью, оставались одни скелеты. Легіоны вошли въ городъ безпрепятственно. До глубокой ночи солдаты жгли и убивали всѣхъ и вся. Большинство домовъ, куда они врывались для грабежа, были полны трупами. Тѣ несчастные, которымъ удалось ускользнуть, скрылись въ Акру, почти совершенно оставленную римскими войсками и въ тѣ обширныя подземелья, которыми изборождена подпочва Іерусалима. Въ этотъ моментъ Іоаннъ и Симонъ стали ослабѣвать. Въ ихъ рукахъ были еще башни Гиппика Фазаеля и Маріамны, самые поразительные образцы военной архитектуры. Никакой таранъ не могъ бы одолѣть этихъ громадныхъ глыбъ, подобранныхъ съ несравненнымъ совершенствомъ и скрѣпленныхъ желѣзными скобами. Іоаннъ и Симонъ, потерявъ голову въ полномъ отчаяніи, бросили эти неприступныя укрѣпленія и попытались прорваться черезъ контрваллаціонную линію со стороны Силоама. Такъ какъ это имъ не удалось, они присоединились къ тѣмъ своимъ сторонникамъ, которые укрылись въ катакомбахъ.

8-го всякое сопротивленіе прекратилось. Солдаты чувствовали утомленіе. Калѣки, которые не въ состояніи были двигаться, были умерщвлены. Остальныхъ, женщинъ, дѣтей, погнали какъ стадо къ оградѣ храма и заперли во внутреннемъ дворѣ, уцѣлѣвшемъ отъ пожара. Эта толпа, осужденная на смерть или на продажу въ рабство, была распредѣлена на различныя категоріи, всѣ защитники города были перерѣзаны—700 молодыхъ людей, самыхъ красивыхъ и наилучше сложенныхъ, были сохранены для тріумфа Тита. Изъ остальныхъ тѣ, кто былъ старше 17 лѣтъ, были въ оковахъ

посланы въ Египетъ на каторжныя работы или распредѣлены между провинціями и осуждены на растерзаніе въ амфитеатрахъ. Та часть, которой было меньше 17 лѣтъ, была продана въ рабство. Распредѣленіе плѣнниковъ продолжалось нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ изъ нихъ умерли, говорятъ цѣлыя тысячи, отчасти отъ того, что ихъ не кормили, отчасти отъ того, что они отказывались принимать цищу.

Въ теченіе послѣдовавшихъ затѣмъ дней римляне жгли остатки города, разрушали его стѣны, обыскивали катакомбы и подземелья, тамъ нашли они богатые клады, много живыхъ возстанцевъ, которые были немедленно убиты и болѣе 2000 труповъ, не говоря уже о нѣсколькихъ заключенныхъ помѣщенныхъ туда террористами. Іоаннъ Гискальскій, котораго голодъ заставилъ выйти, попросилъ у побѣдителей пріюта и былъ приговоренъ къ безсрочному тюремному заключенію. Симонъ сынъ Гіоры, у котораго были запасы, продолжалъ скрываться до конца октября. Тогда, не имѣя больше пищи, онъ рѣшился на странное средство. Одѣтый въ бѣлый кафтанъ, въ пурпурной мантіи, вышелъ онъ внезапно изъ подъ земли въ томъ мѣстѣ, гдѣ еще недавно стоялъ храмъ. Онъ воображалъ, что такимъ путемъ поразитъ римлянъ, симулируетъ воскресеніе, можетъ быть выдастъ себя за Мессію. Дѣйствительно, солдаты въ началѣ были немного удивлены; назвать себя Симонъ согласился только ихъ начальнику, Теренцію Руфу. Послѣдній заковалъ его въ цѣпи, сообщилъ новость Титу, который былъ въ то время въ Панеясѣ, и направилъ плѣнника въ Цезарею.

Храмъ и всѣ большія зданія были разрушены до основанія. Фундаментъ храма былъ, тѣмъ не менѣе, сохраненъ и образовалъ то, что въ настоящее время называется Гарамъ-Ешъ-Шерифъ. Титъ хотѣлъ сохранить также неприкосновенными башни Гиппика, Фазаеля и Маріамны, чтобы потомство знало, съ какими стѣнами ему пришлось сражаться. Западная часть стѣны была сохранена для защиты лагеря 10-го Фретенскаго легіона, который былъ назначенъ въ гарнизонъ развалинъ взятаго города. Наконецъ, нѣсколько зданій на вершинѣ горы Сіона уцѣлѣли отъ разрушенія и оставались въ видѣ одинокихъ развалинъ. Все остальное было уничтожено. Іерусалимъ съ сентября 70 года до 122 года, когда Андріанъ вновь отстроилъ ее подъ именемъ Aelia Capitolina, оставался грудой развалинъ, около которой стояли палатки легіона, по-

стоянно бодрствующаго надъ ними. Римлянамъ ежеминутно казалось, что пожаръ, тлѣющій подъ этими обгорѣлыми глыбами, снова вспыхнетъ; они дрожали отъ страха, какъ бы жизнь не возвратилась къ трупамъ, которые, казалось, изъ могилы своей воздымали руки, чтобы подтвердить, что будущее обѣтовано имъ.

ГЛАВА XX.

Послѣдствія гибели Іерусалима.

Титъ, кажется, около мѣсяца оставался въ окрестностяхъ Іерусалима, приносилъ жертвы богамъ и раздавалъ награды солдатамъ. Трофеи и плѣнныхъ онъ отослалъ въ Цезарею. Поздняя осень помѣшала молодому полководцу уѣхать въ Римъ. Зиму онъ употребилъ на посѣщеніе различныхъ городовъ Востока и на устройство празднествъ. За нимъ слѣдовали толпы еврейскихъ плѣнниковъ, которыхъ отдавали на растерзаніе звѣрямъ, сжигали живыми или заставляли сражаться между собою. Въ Панеасѣ 24-го октября, въ день рожденія брата его Домиціана, въ пламени и въ ужасныхъ играхъ погибло болѣе $2^1/_2$ тысячъ евреевъ. Въ Бейрутѣ 17-го ноября, въ день празднованія дня рожденія Веспасіана, умерщвлено было такое же число плѣнныхъ. Въ Сирійскихъ городахъ сильно развита была ненависть къ евреямъ; отвратительныя избіенія привѣтствовались ими съ большой радостью. Всего страшнѣе, быть можетъ, то что Іосифъ и Агриппа въ продолженіе всего этого времени были съ Титомъ, были очевидцами этихъ чудовищныхъ казней.

Вслѣдъ затѣмъ Титъ совершилъ большое путешествіе по Сиріи и дошелъ до Евфрата. Въ Антіохіи населеніе оказалось страшно раздраженнымъ противъ евреевъ; ихъ обвиняли въ поджогѣ, слѣдствіемъ котораго былъ пожаръ, чуть не уничтожившій всего города. Титъ удовольствовался тѣмъ, что удалилъ бронзовыя таблицы, на которыхъ были начертаны дарованныя имъ привилегіи. Городу Антіохіи онъ подарилъ крыла-

тыхъ херувимовъ, украшавшихъ ковчегъ. Этотъ любопытный трофей былъ помѣщенъ надъ большими западными воротами города, которыя и получили отсюда названіе Херувимскихъ. Невдалекѣ оттуда онъ посвятилъ Лунѣ квадригу въ благодарность за помощь, оказанную ею во время осады. Въ Дафнѣ онъ распорядился на мѣстѣ синагоги построить театръ. Надпись на послѣднемъ гласила, что онъ построенъ изъ добычи, забранной въ Іудеѣ.

Изъ Антіохіи Титъ возвратился въ Іерусалимъ. Тамъ онъ узналъ, что 10-й Фретенскій легіонъ подъ командой Теренція Руфа, все еще занимается обыскиваніемъ подземелій въ разрушенномъ городѣ. Появленіе Симона, сына Гіоры, вышедшаго изъ катакомбъ, которыя считали опустѣлыми, имѣло слѣдствіемъ возобновленіе подземной бойни; въ самомъ дѣлѣ, не проходило дня, чтобы не открыли нѣсколькихъ несчастныхъ и новые клады. При видѣ пустыни, въ которую онъ превратилъ цвѣтущій городъ, Титъ, говорятъ, не могъ удержаться отъ жалости. Приближенные его, евреи, пріобрѣтали на него все больше и больше вліянія. Вокругъ него возрождалась греза о Восточной Имперіи, которой старались обольстить Нерона и Веспасіана, и это даже вызывало неудовольствіе въ Римѣ. Агриппа, Вероника, Іосифъ, Тиверій-Александръ были въ большемъ фаворѣ, чѣмъ когда бы то ни было, многіе предсказывали Вероникѣ роль новой Клеопатры. Римлянъ раздражало, что на слѣдующій день послѣ пораженія повстанцевъ, единоплеменники послѣднихъ пользовались такимъ почетомъ и могуществомъ. Что касается до Тита, то онъ все болѣе и болѣе свыкался съ мыслью, что исполняетъ миссію, порученную ему свыше; онъ любилъ, когда ему приводили тексты изъ пророковъ и говорили, что рѣчь въ нихъ идетъ именно о немъ. Іосифъ утверждаетъ, что онъ свою побѣду считалъ дѣломъ Божіимъ и признавалъ, что ему оказана была милость свыще. Поразительнѣе всего то, что черезъ 100 лѣтъ Филостратъ вполнѣ вѣритъ этому свѣдѣнію и пользуется имъ для обнародованія апокрифической переписки между Титомъ и его Аполлоніемъ. По его словамъ, Титъ отказался принять предложенные ему вѣнки, говоря, что Іерусалимъ взялъ не онъ, что онъ былъ только орудіемъ въ рукахъ раздраженнаго Божества. Нельзя допустить, чтобы Филостратъ былъ знакомъ съ вышеназваннымъ мѣстомъ Іосифа. Онъ почерпнулъ свое свѣдѣніе изъ получившей всеобщее распространеніе легенды объ умѣренности Тита.

Около мая или іюня 71-года Титъ возвратился въ Римъ. Онъ считалъ очень важнымъ, чтобы тріумфъ его превзошелъ всѣ, какіе только виданы были до сихъ поръ. Простота, серьезность, немного грубыя манеры Веспасіана не могли вызвать къ нему особаго почтенія со стороны населенія, которое привыкло требовать отъ своихъ владыкъ прежде всего щедрости и блистательной внѣшности. Титъ счелъ, что торжественный въѣздъ произведетъ отличное впечатлѣніе и съумѣлъ побѣдить неблагопріятное отношеніе стараго отца. Церемонія была устроена со всѣмъ искусствомъ римскихъ декораторовъ того времени. Отличительной чертой ея были старательное соблюденіе мѣстной окраски и исторической вѣрности. Чувствовалось также стремленіе воспроизвести простые обряды римскаго культа, какъ будто его хотѣли противопоставить побѣжденному. Въ началѣ церемоніи Веспасіанъ появился въ видѣ главнаго жреца, съ головой, болѣе чѣмъ наполовину закрытой тогой, и произнесъ торжественное молитвословіе; за нимъ тотъ же обрядъ былъ исполненъ Титомъ. Шествіе было какимъ-то чудомъ; въ немъ приняли участіе, наряду съ совершенствами греко-римскаго искусства, всѣ любопытные и рѣдкіе предметы, драгоцѣнныя произведенія восточнаго искусства; казалось, будто, по минованіи величайшей опасности, какой когда-либо подвергалась имперія, правительство стремилось устроить пышную выставку ея богатствъ. Всеобщее восхищеніе вызывали передвижныя сооруженія въ 3 и 4 этажа вышиной; тутъ изображались всѣ эпизоды войны; каждая серія картинъ кончалась изображеніемъ въ лицахъ страннаго появленія Баръ-Гіоры и того, какъ онъ былъ взятъ. Блѣдныя лица, безумные взгляды плѣнныхъ скрывались пышными одеждами, въ которыя ихъ облекли. Среди нихъ былъ и Баръ-Гіора, котораго съ великой пышностью вели на смерть. Затѣмъ слѣдовали трофеи, взятые изъ храма: золотыя скрижали, золотой седмисвѣчникъ, пурпурное покрывало изъ Святой Святыхъ и наконецъ рядъ трофеевъ заключала плѣнная побѣжденная главная преступница'—книга Торы. Шествіе замыкали тріумфаторы. Веспасіанъ и Титъ стояли каждый на своей колесницѣ. Титъ весь сіялъ; что касается до Веспасіана, который во всей церемоніи видѣлъ только потерю дѣлового дня, то онъ скучалъ, не пытался скрыть свой будничный видъ занятого человѣка, выражалъ нетерпѣніе по поводу того, что процессія двигалась такъ медленно и бормоталъ вполголоса: „отлично!... такъ мнѣ и слѣ-

дуетъ!... что я былъ за дуракъ!... въ моемъ-то возрастѣ"! Домиціанъ въ богатой одеждѣ гарцовалъ на великолѣпномъ конѣ, рядомъ съ колесницей отца и старшаго брата.

Такимъ образомъ, процессія по священной дорогѣ прибыла къ храму Юпитера Капитолійскаго, гдѣ обыкновенно кончались тріумфальныя шествія. У подножія divus capitolinus дѣлалась остановка, чтобы избавиться отъ печальной доли церемоніи,—отъ казни побѣжденныхъ начальниковъ. Этотъ отвратительный обычай былъ тщательно соблюденъ. Баръ Гіора былъ извлеченъ изъ толпы плѣнныхъ; сопровождаемый гнусными оскорбленіями, онъ съ веревкой на шеѣ былъ встащенъ на Тарпейскую скалу; тамъ его убили. Когда возгласъ извѣстилъ народъ, что врага Рима болѣе не существуетъ, толпа разразилась привѣтственными кликами; начались жертвоприношенія. Послѣ обычныхъ молитвъ, императоръ и его сыновья удалились на Палатинъ; остатокъ дня весь городъ провелъ въ веселіи и пирахъ.

Книга Торы и покрывало святилища были отнесены въ императорскій дворецъ; золотые предметы, между прочимъ, столъ хлѣбовъ и седмисвѣчникъ, были положены въ огромное зданіе, которое Веспасіанъ построилъ напротивъ Палатина, по ту сторону священной дороги, которому дано было имя храма Мира и который сталъ въ нѣкоторомъ родѣ музеемъ Флавіевъ. Одна тріумфальная арка изъ пентелійскаго мрамора, существующая еще до нашего времени, сохранила память объ этомъ необыкновенномъ торжествѣ; на ней изображены и главнѣйшіе предметы, которые несли во время него. Отецъ и сынъ приняли при этомъ случаѣ титулъ *императоровъ*, но они отказались принять прозваніе „*Іудейскихъ*", либо потому, что съ именемъ „Іудея" было связано представленіе о чемъ-то отталкивающемъ и смѣшномъ, либо оттого, что хотѣли показать, что война съ Іудеей была не войной съ чужеземнымъ народомъ, а просто подавленіемъ возстанія рабовъ; либо, наконецъ, вслѣдствіе какой-нибудь скрытой мысли, подобной той, преувеличенное выраженіе которой дошло до насъ черезъ Іосифа и Филострата. Основной подвигъ династіи Флавіевъ былъ увѣковѣченъ монетами, на которыхъ была изображена Іудея въ цѣпяхъ, рыдающая подъ пальмовымъ деревомъ, съ надписью: JUDEA CAPTA, JUDEA DEVICTA. Монеты такого образца продолжали чеканить вплоть до Домиціана.

Въ самомъ дѣлѣ, побѣда была полная. Полководецъ нашего племени, нашей крови, человѣкъ, вполнѣ подобный намъ *), во главѣ легіоновъ, въ спискѣ которыхъ мы могли бы, еслибы онъ намъ попался, прочесть имена нѣсколькихъ нашихъ предковъ, уничтожилъ твердыню семитства, нанесъ теократіи, этой опасной противницѣ цивилизаціи, величайшее пораженіе, какое она когда-нибудь терпѣла. Это было торжество римскаго или, скорѣе, раціональнаго права, творенія совершенно философскаго, не предполагающаго никакого откровенія, надъ еврейской Торой,—плодомъ откровенія. Это право, корни котораго были отчасти греческими, но гдѣ такое значеніе имѣлъ практическій умъ латинянъ, былъ прекраснымъ даромъ Рима, побѣжденнымъ взамѣнъ отнятой у нихъ независимости. Каждая побѣда Рима была успѣхомъ разума; Римъ вносилъ въ міръ принципъ, во многихъ отношеніяхъ лучшій, нежели еврейскій; я говорю о свѣтскомъ государствѣ, основанномъ на чисто гражданскомъ пониманіи общества. Всякое патріотическое стремленіе заслуживаетъ уваженія, но зелоты были не только патріотами, это были еще фанатики, возмутительно деспотичные убійцы. Они хотѣли сохранить кровожадный законъ, разрѣшавшій имъ каменновать всякаго за неправильный образъ мыслей. Они не хотѣли знать равнаго, свѣтскаго, либеральнаго права, которое не принимаетъ во вниманіе религіи отдѣльнаго лица. Изъ Римскаго права въ концѣ концовъ должна была выйти свобода совѣсти, въ то время, какъ изъ іудейства ея никогда бы не произошло. Плодомъ іудейства не могло быть ничего кромѣ синагоги или церкви, цензуры нравовъ, обязательной морали, монастыря, такого міра, какъ міръ V вѣка, когда человѣчество потеряло бы всѣ свои силы, если бы варвары не поддержали его. Въ самомъ дѣлѣ, господство военныхъ лучше временнаго господства священниковъ; ибо военные не стѣсняютъ духа; подъ его властью можно свободно мыслить, тогда какъ священникъ требуетъ отъ своихъ подданныхъ невозможнаго, т. е. того, чтобы они вѣрили въ опредѣленныя вещи и обязались никогда не сомнѣваться въ нихъ.

---

[1]) Флавіи происходили изъ Цизальпинской Галліи. Изображенія Тита и Веспасіана показываютъ намъ два очень обыкновенныхъ лицъ, похожихъ на все то, что мы привыкли встрѣчать вокругъ

Торжество Рима было такимъ образомъ въ извѣстномъ смыслѣ вполнѣ справедливо. Іерусалимъ сталъ чѣмъ-то невозможнымъ; будучи предоставлены самимъ себѣ, евреи сами разрушили бы его. Но былъ большой пробѣлъ, изъ котораго побѣда Тита должна была остаться безплодной. Наши западныя племена, несмотря на свое высокое развитіе, всегда оказывались въ отношеніи религіи печальнымъ ничтожествомъ. Извлечь изъ римской и галльской религіи что-нибудь подобное церкви было невозможно. Между тѣмъ никакая побѣда надъ религіей не можетъ принести пользы, если эту религію не замѣнять другой, способной удовлетворить внутреннимъ потребностямъ по крайней мѣрѣ настолько же, насколько удовлетворяла ихъ прежняя. Іерусалимъ отомститъ за свое пораженіе; онъ побѣдитъ Римъ христіанствомъ, Персію магометанствомъ, разрушитъ отечества древности и станетъ возлюбленнымъ городомъ для возвышеннѣйшихъ душъ. Въ Церкви будетъ господствовать самая опасная наклонность его *Торы*, закона одновременно и духовнаго, и свѣтскаго, который даетъ общественнымъ вопросамъ преимущество передъ вопросами военными и политическими. Въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ личность подъ вѣчнымъ судомъ и тѣснымъ надзоромъ общины будетъ бояться каѳедры и дрожать передъ отлученіемъ отъ Церкви; и это будетъ необходимой реакціей на моральное равнодушіе языческихъ обществъ, протестъ противъ неспособности римскихъ учрежденій возвышающимъ образомъ вліять на личность. Безъ сомнѣнія, предоставленіе религіознымъ общинамъ права принужденія своихъ членовъ является отвратительнымъ принципомъ; нѣтъ больше ошибки, чѣмъ думать, что какая-нибудь религія одна только и хороша, ибо для каждаго отдѣльнаго человѣка хороша та именно религія, которая дѣлаетъ его кроткимъ, справедливымъ, скромнымъ и благожелательнымъ; но вопросъ о руководствѣ человѣчествомъ есть вопросъ весьма трудный; идеалъ очень высокъ, земля же низменна; и на каждомъ шагу, если не витать въ пустыняхъ философіи, мы встрѣчаемъ на каждомъ шагу только безуміе, глупость и безразсудство. Древнимъ мудрецамъ удавалось добиться извѣстнаго авторитета только путемъ обмановъ, которые за недостаткомъ матеріальной силы, сообщали имъ власть надъ воображеніемъ. На какой ступени развитія стояло бы человѣчество, если бы въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ не думали, что браминъ можетъ уничтожить человѣка своимъ

взглядомъ, если бы варваровъ не убѣдили угрозы страшной мести святого Мартина Турскаго? Всякій человѣкъ нуждается въ нравственномъ воспитаніи, для котораго недостаточно заботъ семьи и государства.

Опьяненный успѣхомъ Римъ, едва вспоминалъ о томъ, что въ области Мертваго Моря еврейское возстаніе еще не погасло. Три крѣпости, Геродіумъ, Махеронъ и Массада все еще были въ рукахъ евреевъ. Чтобы сохранить еще тѣни надежды послѣ взятія Іерусалима надо было рѣшиться закрывать глаза на факты. Возстанцы защищались такъ же отчаянно, какъ если бы это происходило въ самомъ началѣ борьбы. Геродіумъ былъ просто укрѣпленнымъ дворцомъ; Луцилій Бассъ безъ труда взялъ его. Съ Махерономъ дѣло обстояло не такъ просто; возобновились ужасы, избіеніе, продажа евреевъ въ рабство цѣлыми толпами. Массада сопротивлялась такъ героически, что военная исторія едва ли запомнитъ вторую такую защиту. Елеазаръ, сынъ Яира, внукъ Іуды Гавлонита, овладѣлъ этой крѣпостью съ первыхъ же дней возстанія и сдѣлалъ изъ нея берлогу зелотовъ и убійцъ. Массада занимаетъ плоскогорье, надъ огромнымъ утесомъ около полуверсты вышиною, на берегу Мертваго Моря. Чтобы взять подобную крѣпость, Фульвію Сильвѣ пришлось сдѣлать настоящія чудеса. Когда евреи увидѣли, что изъ рукъ ихъ ускользаетъ пріютъ, который они считали неприступнымъ, ими овладѣло безграничное отчаяніе. По предложенію Елеазара, они закололи другъ друга, предварительно поджегши собранное въ кучу свое имущество. Тамъ погибло 960 человѣкъ. Эта трагедія произошла 15-го апрѣля 72-го года.

Эти событія имѣли слѣдствіемъ полный переворотъ всего хода іудейской исторіи. Веспасіанъ отдалъ приказъ продать всѣ земли, прежніе собственники которыхъ умерли или были обращены въ рабство. Повидимому, ему совѣтовали отстроить вновь Іерусалимъ подъ другимъ именемъ и учредить тамъ колоніи, какъ то позднѣе сдѣлалъ Адріанъ. Онъ не пожелалъ этого и присоединилъ всю страну къ собственнымъ владѣніямъ императора. Только восьмистамъ ветеранамъ отдалъ онъ городокъ Эммаусъ, близъ Іерусалима, и сдѣлалъ изъ него маленькую колонію слѣды которой дошли до насъ въ видѣ имени хорошенькой деревеньки Кулонія. На евреевъ была наложена особая дань (fiscus). Во всей имперіи они обязаны были плат[illegible]одно Капитолію тѣ двѣ драхмы, которыя они до

сихъ поръ платили Іерусалимскому храму. Кучка евреевъ легитипистовъ, — Іосифъ, Агриппа, Вероника, Таберій Александръ, — избрали мѣстопребываніемъ своимъ Римъ. Тамъ она продолжала играть значительную роль: иногда благодаря ей іудейство на нѣкоторое время входило при дворѣ въ милость; иногда экзальтированные вѣрующіе преслѣдовали ее своей ненавистью, временами у нихъ появлялись смѣлыя надежды, напримѣръ, тотъ моментъ когда немногаго не доставало до того, чтобы Вероника стала женой Тита и такимъ образомъ оказалась бы властительницей Міра.

Іудея, погруженная въ уныніе, успокоилась; но страшное потрясеніе, котораго она была театромъ продолжало вызывать разныя вспышки въ сосѣднихъ странахъ. Броженіе іудейства продолжалось до конца 73-го года. Зелоты, ускользнувшіе отъ рѣзни, волонтеры осады, словомъ всѣ безумцы изъ Іерусалима разсѣялись по Египту и Киренаикѣ. Общины этихъ странъ, богатыя, консервативныя стоявшія очень далеко отъ Палестинскаго фанатизма почувствовали, какую опасность представляетъ для нихъ этотъ бѣшеный элементъ. Они сами арестовали ихъ и выдали ихъ римлянамъ. Многіе бѣжали до верхняго Египта, гдѣ ихъ травили, какъ дикихъ звѣрей. Въ Киренахъ нѣкій убійца по имени Іонафанъ по ремеслу ткачъ, назвался пророкомъ и, подобно всѣмъ лже-мессіямъ убѣдилъ двѣ тысячи *эбіонимовъ* и нищихъ послѣдовать за нимъ въ пустыню, гдѣ, какъ онъ обѣщалъ, онъ имъ покажетъ чудеса и удивительныя явленія. Здравомыслящіе евреи донесли о немъ правителю страны, Катуллу; но Іонафанъ отомстилъ имъ, въ свою очередь, доносами, которые повели за собой страшныя несчастія. Почти все еврейство Киренъ, гдѣ оно благоденствовало болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, было истреблено; имущество его было конфисковано именемъ императора. Веспасіанъ не одобрилъ Катулла, который въ этомъ случаѣ показалъ страшную жестокость; онъ умеръ среди ужасныхъ галлюцинацій, которыя по мнѣнію иныхъ, послужили предметомъ фееріи подъ названіемъ „Тѣнь Катулла".

Какъ это ни вѣроятно, но смерть не послѣдовала немедленно за этой долгой и ужасной агоніей. Въ царствованія Траяна и Андріана іудейскому народу предстояло вновь ожить и вести еще кровопролитную борьбу; но судьба его очевидно была рѣшена; Зелотъ былъ побѣжденъ окончательно. Путями Израиля несомнѣнно стали пути, указанные Іисусомъ и ин-

стиктивно понятыя главами Іерусалимской Церкви, пріютившимися въ Переѣ. Бренное царство евреевъ оставило воспоминанія отвратительныя, жестокія, ненавистныя; эпоха Асмонеевъ, когда они пользовались наибольшей независимосмью была самымъ печальнымъ періодомъ ихъ исторіи. Стоило ли жалѣть иродіанство, саддукейство — этотъ постыдный союзъ священническаго сана съ саномъ свѣтскаго владыки, потерявшимъ всякое величіе? Конечно, нѣтъ; не въ этомъ лежала конечная цѣль „народа Божіяго“. Только слѣпые не могутъ сообразить, что идеальныя учрежденія, къ которымъ стремился „Израиль Божій“ не требовали національной независимости, какъ непремѣннаго условія ихъ осуществленія. Учрежденія эти неспособны были создать армію и потому могли существовать только въ вассальной зависимости отъ большого государства, которое предоставляло бы подвластнымъ ему райямъ много свободы, не взваливала бы на нихъ политики и не требовала бы отъ нихъ никакой военной службы. Власть Ахеменидовъ вполнѣ удовлетворяла этимъ требованіямъ еврейской жизни; позднѣе точно также будетъ удовлетворять имъ Калифатъ, турецкая имперія и въ лонѣ ихъ будутъ развиваться такія свободныя общины, какъ общины армянъ, персовъ, грековъ, народовъ не имѣющихъ отечества, братствъ, которые восполняютъ недостатокъ дипломатической и военной автономіи школы и Церкви.

Римская имперія не имѣла въ себѣ достаточно гибкости, чтобы такимъ образомъ примѣняться къ требованіямъ поглощенныхъ ею общинъ. Изъ четырехъ имперій, которыя владычествовали надъ евреями, римская показала себя, по ихъ мнѣнію, самой жестокой и тяжелой. Подобно Антіоху Епифану, римская имперія отклонила еврейскій народъ отъ истиннаго его предназначенія, склонивъ его къ образованію царства отдѣльнаго или самостоятельнаго государства. У людей, представлявшихъ лучшія умственныя силы, склонности къ этому совсѣмъ не было. Они въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже предпочитали римлянъ. Идея еврейства, какъ національности, съ каждымъ днемъ становилась все болѣе и болѣе устарѣлой; идея безумцевъ, фанатиковъ, для защиты отъ которой благочестивые люди безъ колебанія обращались за покровительствомъ къ завоевателямъ. Истинный еврей, привязанный къ торѣ считающій священныя книги источникомъ своихъ принциповъ и своей жизни, подобно христіанину, углубивше-

муся въ надежды на царствіе Божіе, все болѣе и болѣе переставалъ думать о какой бы то ни было земной обособленности. Принципы Іуды Гавлонита, воодушевлявшія великое возстаніе, принципы анархическіе, согласно которымъ никто не смѣетъ называть себя владыкой, такъ какъ Единый Владыко — Богъ, могли вызвать появленіе фанатическихъ шаекъ въ родѣ индепендентовъ Кромвеля; но что-либо извнутри прочное на нихъ быть основано не могло. Лихорадочныя вспышки указывали на сильную внутреннюю работу, подтачивавшую Израиля, заставлявшую его проливать кровь за человѣчество; и эта лихорадка неминуемо должна была повести за собой гибель его въ страшныхъ конвульсіяхъ.

Дѣйствительно, народамъ приходится выбирать между жизнью продолжительной, спокойной, невидной, какою живетъ всякій, кто живетъ для себя самого, и полной тревогъ, бурной жизнью того, кто живетъ для человѣчества. Народъ который глубоко волнуется изъ за вопросовъ общественныхъ и религіозныхъ, въ національномъ—почти всегда слабъ. Всякое государство мечтающее о Царствѣ Божіемъ, посвящающее себя общимъ идеямъ, преслѣдующее цѣли всемірнаго интереса, тѣмъ самымъ приноситъ въ жертву свою частную участь, ослабляетъ и губитъ себя, какъ царство земное. Такъ было съ Іудей, Греціей, Италіей; то же повторится, очень можетъ быть, и съ Франціей. Нельзя безнаказанно жить съ постояннымъ огнемъ въ груди. Іерусалимъ оставшись городомъ средней буржуазіи до скончанія вѣковъ сохранилъ бы свое не видное благополучіе. Онъ оказался жертвой Іоанновъ Гискальскихъ, и Баръ-Гіоръ, которые могутъ показаться несчастіемъ своего отечества, но въ дѣйствительности суть орудія его торжества, именно отъ того, что ему выпало на долю высокая честь быть колыбелью христіанства. Тѣ фанатики, которыхъ Іосифъ называетъ разбойниками и убійцами, на самомъ дѣлѣ были очень скверными политиками, неспособными солдатами; но они геройски защищали отечество, которое не въ силахъ были спасти. Они лишились матеріальнаго города; но открыли за то Царствіе духовнаго Іерусалима прочнаго въ своемъ отчаяніи, и гораздо болѣе славнаго, чѣмъ онъ былъ во дни Ирода и Соломона.

Въ самомъ дѣлѣ чего хотѣли консерваторы, саддукеи? Чего то очень неизмѣннаго: чтобы продолжалъ существовать городъ священниковъ, подобный Эмессу, Тіану или Команy.

Конечно они были совершенно правы, утверждая, что возстаніе фанатиковъ приведетъ къ гибели націи. Революція и мессіанизмъ погубили существованіе еврейскаго народа, какъ таковового; но революція и мессіанизмъ были истиннымъ призваніемъ этого народа. Тѣмъ, чѣмъ ему было суждено содѣйствовать всеобщему дѣлу цивилизаціи. И мы не ошибаемся, говоря Франціи: „откажись отъ революціи, или ты погибла“; но если будущее принадлежитъ одной изъ тѣхъ идей, которыя потихоньку вырабатываются въ народѣ, тогда окажется, что Франція получитъ справедливое возмездіе, какъ разъ благодаря тѣмъ, которые въ 1870, 1871 гг. были причиной ея слабости и горя. Наши Баръ-Гіоры, наши Іоанны Гискальскіе никогда не станутъ великими гражданами, если только не захотятъ страшно искажать истину (ибо въ этихъ случаяхъ можно все допустить); но исторія укажетъ имъ мѣсто, и тогда станетъ видно, что они были посвящены въ тайны судебъ, быть можетъ больше, чѣмъ благоразумные люди.

Во что превратится Іудейство, лишившись своего священнаго города и храма; какими путями положеніе созданное событіями въ Іерусалимѣ, породитъ талмудизмъ? это послужитъ предметомъ нашей пятой книги. Въ извѣстномъ смыслѣ еврейству послѣ того, какъ оно выдѣлило изъ себя христіанство, больше существовать было не зачѣмъ. Съ этого времени Іерусалимъ лишился всякой жизни. Израиль все отдалъ сыну своихъ страданій, и лишился всѣхъ силъ при рожденіи его. Тѣ *элоимы*, которые, какъ показалось Іерусалимлянамъ, шептали въ святилищѣ: „Изыдемъ отсюда! Изыдемъ отсюда!“, были правы. Великій законъ творенія таковъ, что Творецъ, давъ существованіе творенію духовно погибаетъ: передавъ вполнѣ жизнь тому, кто долженъ продолжать ее, тотъ кто ее передалъ, превращается въ безжизненный стебель, въ безсильное существо. Рѣдки однако тѣ случаи, когда этотъ естественный законъ осуществляется немедленно. Растеніе, давшее цвѣтокъ не хочетъ изъ-за этого погибать. Свѣтъ переполненъ такими скитающимися скелетами, которые пережили приговоръ, осудившій ихъ на небытіе. Въ числѣ ихъ находится іудейство. Во всей исторіи нѣтъ болѣе страннаго зрѣлища, чѣмъ сохраненіе народа въ состояніи привиденія, народа который вотъ уже тысячи лѣтъ, какъ утерялъ способность къ пониманію фактовъ, не написалъ ни одной удобочитаемой

страницы, не передалъ ни одного пріемлемаго знанія. Надо ли удивляться, что проживши такимъ образомъ цѣлые вѣка внѣ чистой атмосферы человѣчества, если позволительно будетъ такъ выразиться, въ подземельи, въ состояніи частичнаго сумашествія, — если послѣ этого, говорю я, онъ выходитъ блѣднымъ, удивляется свѣту, еле дышетъ?

Что касается до послѣдствій, которыя гибель Іерусалима имѣла для христіанства, то они настолько ясны, что ихъ можно указать сейчасъ же. Къ тому же, мы нѣсколько разъ имѣли случай вскользь говорить объ нихъ.

Гибель Іерусалима и храма, для христіанства большое счастье. Если разсужденіе, которое Тацитъ приписываетъ Титу, правильно передано, то побѣдоносный полководецъ полагалъ, что разрушеніе храма будетъ гибелью для христіанства, точно также какъ и для Іудейства. Въ большей мѣрѣ никогда никакой человѣкъ не ошибался. Римляне представляли себѣ, что вырвавъ корень, они вырвутъ вмѣстѣ съ тѣмъ и плодъ, но плодъ этотъ уже выросъ до размѣровъ деревца, которое жило своей собственною жизнью. Если бы храмъ остался цѣлымъ, развитіе христіанства несомнѣнно пріостановилось. Храмъ продолжалъ оставаться центромъ всего іудейства. Никогда не перестали на него смотрѣть, какъ на священнѣйшее мѣсто въ мірѣ. Ходить къ нему на поклоненіе, приносить ему дань. Іерусалимская Церковь сгруппировавшись на паперти Храма, продолжала бы во имя своего главенства принимать поклоненіе всей земли, преслѣдовать христіанъ церквей, основанныхъ Павломъ, требовать, чтобы всѣ, кто хотѣлъ назваться ученикомъ Іисусовымъ производили надъ собой обрѣзаніи и соблюдали Моисеевъ законъ. Всякая плодотворная пропаганда была бы невозможной; отъ миссіонера требовали бы вѣрительныхъ грамотъ, подписанныхъ Іерусалимомъ. Установился бы центръ непогрѣшимаго авторитета, патріархатъ составленный изъ извѣстнаго рода коллегіи кардиналовъ, во главѣ котораго стояли бы лица въ родѣ Іакова. Евреи чистой воды, принадлежавшіе семьѣ Іисусовой и это представило бы страшную опасность для нарождающей Церкви. Когда мы видимъ, что апостолъ Павелъ послѣ стольхихъ непріятностей сохранилъ прочную привязанность къ Іерусалимской церкви, намъ становится понятнымъ, какъ труденъ былъ бы разрывъ съ этими праведниками. Подобная ересь была бы сочтена чѣмъ то чудовищнымъ, равносильнымъ

измѣнѣ христіанству. Отдѣленіе отъ іудейства было бы невозможно; оно было необходимымъ условіемъ существованія новой вѣры, точно также какъ пересѣченіе пуповины есть необходимое условіе существованія новорожденнаго. Мать собиралась убить свое дитя; наоборотъ разъ храмъ былъ разрушенъ, христіане перестали думать о немъ; скоро даже они станутъ считать его мѣстомъ нечестивымъ; Іисусъ станетъ для нихъ всѣмъ. Тѣже событія низвели Іерусалимскую церковь до состоянія второстепеннаго. Мы увидимъ какъ она снова собирается вокругъ элемента, составлявшаго ея силу, *деспозиновъ,* членовъ семьи Іисусовой, сыновей Клеопы; но господствующаго значенія она уже имѣть не будетъ. По разрушеніи этого центра ненависти и исключительности, сближеніе между противоположными партіями церкви Іисусовой станетъ дѣломъ легкимъ. Примиреніе Петра и Павла будетъ сочтено несомнѣннымъ, и ужасная двойственность нарождающаго христіанства перестанетъ быть смертельной раной. Маленькая группа христіанъ, державшихся за родственниковъ Іисуса, за Іакововъ и Клеопъ, забытая въ глубинѣ Батанеи и Гаурана, превратится въ эбіонитскую секту и умретъ медленной смертью отъ ничтожества и безплодія. Положеніе было во многихъ отношеніяхъ похоже на положеніе католицизма въ наши дни. Никакая религіозная община не проявляла такой внутренней дѣятельности, такого стремленія производить оригинальныя творенія, какъ католицизмъ въ теченіе послѣднихъ 60 лѣтъ. Однако вся эта дѣятельность осталась безплодной, и по одной единственной причинѣ: вслѣдствіе абсолютнаго владычества римскаго двора. Именно римскій дворъ изгналъ изъ церкви Ламменнэ, Гермса, Деллингера, От. Гіацинта, всѣхъ тѣхъ, кто защищалъ ее съ нѣкоторымъ успѣхомъ; именно римскій дворъ привелъ въ отчаяніе и обезсилилъ Лакордера, Монталамбера. Именно римскій дворъ своимъ Syllabus и своей коллегіей кардиналовъ лишилъ всякаго будущаго либеральныхъ католиковъ. Когда измѣнится это печальное положеніе вещей? Тогда, когда Римъ перестанетъ быть первосвященническимъ городомъ, когда опасная олигархія завладѣвшая католицизмомъ, прекратитъ существованіе. Занятіе Рима королемъ Италіи будетъ по всей вѣроятности когда нибудь сочтено въ исторіи католицизма такимъ же счастливымъ событіемъ, какимъ разрушеніе Іерусалима было въ исторіи христіанства. Почти всѣ католики горевали о немъ

точно также, какъ вѣроятно, христіано-іудеи 70-го года смотрѣли на разрушеніе храма, какъ на ужасное несчастіе. Но впослѣдствіи выяснится, насколько такой взглядъ поверхностенъ. Оплакавъ конецъ папскаго Рима, католицизмъ изъ этого событія извлечетъ самыя значительныя выгоды. На мѣсто матеріальнаго однообразія и безжизненности въ немъ зародится мышленіе, стремленіе къ прогрессу и жизненному разнообразію.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

О путешествіи Св. Петра въ Римъ и о пребываніи Св. Іоанна въ Эфесѣ.

Всѣ согласны съ тѣмъ, что до конца второго вѣка общимъ вѣрованіемъ христіанскихъ церквей было, что апостолъ Петръ принялъ мученичество въ Римѣ и что апостолъ Іоаннъ жилъ до преклонныхъ лѣтъ въ Эфесѣ. Протестантскіе богословы съ XVI столѣтія начали энергично высказываться противъ дѣйствительности путешествія Петра въ Римъ. Что же касается мнѣнія о пребываніи Іоанна въ Эфесѣ, то лишь въ наши дни оно нашло себѣ противниковъ.

Легко понять, почему протестанты придавали особенную важность отрицанію путешествія Петра въ Римъ. Въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ оно было основаніемъ папскихъ претензій на вселенское владычество. Претензіи эти опирались на три положенія, которыя считались входящими въ вѣроученье: 1. Іисусъ самъ представилъ Петру первенство въ своей Церкви, 2. Первенство это должно было передаваться преемникамъ Петра, 3. Преемники Петра—римскіе эпископы, такъ какъ Петръ, поживъ сначала въ Іерусалимѣ, затѣмъ въ Антіохіи, окончательно обосновался въ Римѣ.—Оспаривать послѣднее положеніе значило бы разрушить съ верху до низу все зданіе римско-католическаго богословія. Задача, на которую было затрачено много эрудиціи. Было раскрыто, что римская традиція не опирается на достаточно основательныя прямыя свидѣтельства, что же касается косвѣнныхъ доказательствъ, то къ нимъ отнеслись довольно поверхностно; главнымъ образомъ занялись рискованной аргументаціей, основанной на стихѣ 13, Гл. V, Перваго Посланія Петра. Что „Вавило-

въ этомъ мѣстѣ посланія означаетъ дѣйствительный Вавилонъ, что на Ефратѣ, этого никакъ нельзя признать во первыхъ потому, что на условномъ жаргонѣ христіанъ временъ апостольскихъ „Вавилономъ“ всегда назывался Римъ и во вторыхъ потому, что въ первомъ вѣкѣ христіанство почти не выходило за предѣлы Римской имперіи и было очень мало распространено среди Пареянъ.

Для насъ вопросъ о путешествіи Петра въ Римъ не имѣетъ такой важности, какъ для первыхъ протестантовъ. Поэтому мы можемъ разрѣшить его съ большимъ безпристрастьемъ. Мы совершенно чужды вѣрѣ, чтобы въ намѣренья Іисуса входило создать Главу христіанской церкви и особенно связать это главенство съ преемствомъ епископовъ въ какомъ нибудь опредѣленномъ городѣ. Прежде всего, у Іисуса почти не было и представленія о первосвященствѣ; сверхъ того, если и былъ среди извѣстныхъ Іисусу по названію городъ, къ которому онъ наименѣе могъ бы пріурочить рядъ главъ своей церкви, то конечно это былъ Римъ. Его по всей вѣроятности привели бы въ ужасъ, если бы сказали, что Римъ, этотъ городъ погибели, этотъ лютый врагъ народа божія, до того превознесется въ своей сатанинской мощи, что заявитъ права на унаслѣдованіе новаго могущества, заложеннаго Сыномъ Божіимъ. Былъ ли Петръ въ Римѣ или не былъ, для насъ это не имѣетъ ни нравственнаго, ни политическаго значенія; это только любопытный историческій вопросъ; ничего иного въ него не слѣдуетъ вкладывать.

Замѣтимъ прежде всего, что особенно рѣшительной и успѣшной критикѣ протестантовъ подверглось крайне несостоятельное и заимствованное у Евсевія и св. Іереміи мнѣніе католиковъ, что Петръ прибылъ въ Римъ въ 42 году и что епископство его въ Римѣ продолжалось 23 или 24 года. Послѣднее совершенно недопустимо. Чтобы не оставалось никакого сомнѣнія въ этомъ отношеніи, достаточно вспомнить, что Петръ подвергся преслѣдованіямъ Ирода Агриппы I-го въ Іерусалимѣ (Дѣянія XII) въ годъ смерти послѣдняго, т. е. въ 44 году (Іос., Ant. XIX, VIII, 2. Аполлоній анти-монтанистъ (конецъ II в.) и Лактанцій (начало IV в) также не допускали, чтобы Петръ былъ въ Римѣ въ 42 году, что видно изъ основаннаго на преданіи утвержденія перваго, что Іисусъ Хрис[illegible]тилъ своимъ ученикамъ покидать Іерусалимъ [illegible]цати лѣтъ со времени его смерти, и изъ

сообщенія втораго, что послѣ смерти Христа апостолы двадцать пять лѣтъ проповѣдовали Евангеліе въ провинціи и что Петръ прибылъ въ Римѣ лишь послѣ вступленія на престолъ Нерона. Дальнѣйшее оспариваніе положенія, которое не можетъ найти ни одного серьезнаго защитника, было бы излишне. Но можно идти еще дальше и утверждать, что Петра еще не было въ Римѣ, когда Павелъ былъ привезенъ туда, т. е. въ 64 г. Вѣскимъ доказательствомъ этому можетъ служить посланіе Павла къ Римлянамъ, написанное около 58 года или во всякомъ случаѣ не ранѣе 2-хъ лѣтъ до прибытія Павла въ Римъ. Вѣдь нельзя же допускать, чтобы апостолъ Павелъ, обращаясь къ вѣрующимъ, во главѣ которыхъ стоялъ Петръ, ни однимъ словомъ не упомянулъ о послѣднемъ. Но что еще убѣдительнѣе, такъ это послѣдняя глава Дѣяній апостольскихъ. Эта глава, особенно стихи 17—29, была бы совершенно непонятна, если бы Петръ былъ въ Римѣ въ моментъ прибытія туда Павла. Въ виду вышеизложеннаго слѣдуетъ считать доказаннымъ, что Петръ прибылъ въ Римъ не ранѣе Павла, т. е. не раньше приблизительно 61 года.

Но не прибылъ ли Петръ въ Римъ послѣ Павла? Этого никогда не удавалось доказать протестантскимъ критикамъ. А между тѣмъ такое запоздалое путешествіе Петра въ Римъ вполнѣ возможно, и многое говоритъ за него. Я думаю, что лица, которые внимательно и въ послѣдовательномъ порядкѣ прочтутъ наше повѣствованіе, убѣдятся, что оно вполнѣ согласуется съ только что высказанною гипотезою. Помимо свидѣтельствъ отцевъ церкви II и III вѣковъ, имѣющихъ нѣкоторый вѣсъ при разрѣшеніи этого вопроса, вотъ еще три не лишенныхъ убѣдительности соображенія въ пользу той же гипотезы:

1. Неоспоримо, что Петръ умеръ мученикомъ. Свидѣтельство четвертаго Евангелія, Климента Римскаго, отрывка подъ названіемъ Canon de Muratori, Діонисія Коринфскаго, Кайя и Тертуліана не оставляютъ въ этомъ отношеніи никакого сомнѣнія. Хотя бы четвертое Евангеліе было апокрифическимъ, хотя бы глава XXI была включена въ него позднѣе, все это не имѣетъ значенія. Несомнѣнно, что въ стихахъ Евангелія, въ которыхъ Іисусъ объявляетъ Петру, что онъ погибнетъ отъ той же казни, что и самъ Іисусъ, мы имѣемъ выраженіе общераспространеннаго въ христіанскихъ церквахъ до 120 или 130 года убѣжденія, на которое ссылались какъ на нѣчто

общеизвѣстное. Но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ сходятся въ томъ, что Петръ принялъ мученическую смерть не въ какомъ либо другомъ мѣстѣ, а въ Римѣ. И хотя дѣйствительно гоненія Нерона имѣли мѣсто не только въ Римѣ, тѣмъ не менѣе мученичество Петра въ Іерусалимѣ или Антіохіи было бы гораздо труднѣе объяснимо.

2. Второе соображеніе вытекаетъ изъ стиха 13 Гл. V Посланія, приписываемаго Петру. „Вавилонъ“ въ этомъ мѣстѣ посланія несомнѣнно означаетъ Римъ. Если посланіе подлинное, то это мѣсто разрѣшаетъ вопросъ, не оставляя никакихъ сомнѣній. Если оно — апокрифъ, то выводъ, который можно сдѣлать изъ этого мѣста, не менѣе убѣдителенъ. Вѣдь кто бы ни былъ авторъ посланія, онъ хочетъ внушить вѣру, что это посланіе—произведеніе Петра. Слѣдовательно, чтобы придать вѣроятность своей поддѣлкѣ, онъ долженъ былъ согласовать обстоятельства упоминаемыя въ посланіи съ тѣмъ, что онъ зналъ и во что вѣрили въ его время другіе относительно жизни Петра. Если такимъ образомъ онъ датировалъ письмо Римомъ, это значитъ, что общимъ убѣжденіемъ того времени, когда посланіе писалось, было, что Св. Петръ находится въ Римѣ. Но по общепринятому взгляду, первое посланіе Петра произведеніе очень древнее, быстро завоевавшее высокій авторитетъ.

Заслуживаетъ также вниманія сказанія, легшія въ основаніе эбіонитскихъ (ébionites) Дѣяній Св. Петра. Эти сказанія изображаютъ Петра повсюду слѣдующимъ за Симономъ Волхвомъ (слѣдуетъ подъ этимъ именемъ подразумѣвать Св. Павла), чтобы опровергать его лжеученія. Липсіусъ обнаружилъ въ изслѣдованіи этого страннаго повѣствованія необыкновенное критическое остроуміе. Онъ показалъ, что въ основаніи различныхъ дошедшихъ до насъ редакцій этого сказанія лежитъ первоначальная, написанная около 130 года, по которой Петръ явился въ Римъ, чтобы разбить Симона-Павла въ самомъ мѣстѣ его вліянія, и принялъ смерть, разубѣдивъ этого святителя во всѣхъ его заблужденіяхъ. Трудно предположить, чтобы авторъ этого разсказа въ столь отдаленное время придалъ такое важное значеніе путешествію Петра въ Римъ, если бы этого путешествія не было въ дѣйствительности. Приведенныя сказанія, несомнѣнно заключаютъ въ себѣ зерно истины смѣшанной съ вымысломъ. Вполнѣ допустимо, что Св. Петръ отправился въ Римъ, какъ и въ Антіохію

слѣдомъ за Павломъ, чтобы ослабить его вліяніе. Около 60 года христіанская община далеко не находилась въ томъ состояніи спокойнаго ожиданія, въ какомъ она была въ теченіе двадцати пяти лѣтъ послѣ смерти Іисуса. Проповѣдническія странствованія Павла и тѣ удобства и облегченія, которыя встрѣчали евреи въ своихъ путешествіяхъ, содѣйствовали возникновенію обычая совершать дальнія поѣздки. Такъ напр., древнее и никѣмъ не оспариваемое преданіе повѣствуетъ о томъ, что апостолъ Филиппъ совершилъ путешествіе въ Гіераполисъ, гдѣ и остался навсегда.

Итакъ я считаю преданіе о пребываніи Петра въ Римѣ вполнѣ правдоподобнымъ; но я думаю, что пребываніе это было очень недолговременнымъ и что Петръ претерпѣлъ мученичество вскорѣ послѣ своего прибытія въ вѣчный городъ. Взглядъ этотъ находитъ себѣ подтвержденіе въ разсказѣ Тацита въ Лѣтописяхъ XV, 44. Въ этомъ мѣстѣ Лѣтописей описывается событіе, къ которому совершенно естественно можетъ быть пріурочено мученичество Петра. Апостолъ іудеевъ-христіанъ несомнѣнно былъ въ числѣ тѣхъ, которыхъ Тацитъ означаетъ словами: Crucilus affixi. И не безъ основанія также Апокалипсисъ относитъ „апостоловъ“ къ тѣмъ святымъ жертвамъ 64 года, которыя восторженными ликованіями привѣтствуютъ разрушеніе убившаго ихъ города.

Вопросъ о пребываніи Іоанна въ Эфесѣ имѣетъ гораздо меньшее догматическое значеніе, чѣмъ вопросъ о путешествіи Петра въ Римъ, почему онъ и не возбудилъ такихъ продолжительныхъ споровъ. Общепринятымъ мнѣніемъ до сихъ поръ было, что апостолъ Іоаннъ, сынъ Зеведея, умеръ очень старымъ въ столицѣ провинціи Азія. Даже тѣ, которые отказывались вѣрить, что въ Эфесѣ апостолъ написалъ четвертое Евангеліе и посланія его имени, даже тѣ, которые не признавали Апокалипсиса его произведеніемъ, не сомнѣвались въ истинности преданія о путешествіи Іоанна въ Эфесъ. Первый Лютцельбергеръ въ 1840 г. возбудилъ сомнѣніе по этому вопросу; но его мало слушали. Критики не заслуживающіе упрека въ излишнемъ легковѣріи, каковы Бауръ, Штраусъ, Швеглеръ, Целлеръ, Гильгенфельдъ и Фолькмаръ, считая многіе изъ разсказовъ о пребываніи Іоанна въ Эфесѣ легендарными, упорно признавали самый фактъ пребыванія Іоанна въ Эфесѣ историческимъ. Только въ 1867 г., въ первомъ томѣ своей „Жизни Іисуса“ Keймъ самымъ рѣшительнымъ образомъ возсталъ про-

тивъ этого традиціоннаго убѣжденія. Критику свою Кеймъ основываетъ на томъ, что до него Presbyteros Iohannes принимался за апостола Іоанна, между тѣмъ какъ повѣствованія древнихъ христіанскихъ писателей о послѣднемъ должны быть отнесены къ первому. Кеймъ имѣлъ послѣдователей въ Виттихенѣ и Гольцманѣ. Изъ новѣйшихъ писателей Шольтенъ, профессоръ Лейденскаго университета, приложилъ стараніе къ тому, чтобы разбить одно за другимъ всѣ основанія когда то принятаго всѣми воззрѣнія и показать, что Апостолъ Іоаннъ никогда не былъ въ Малой Азіи.

Произведеніе Шольтена—образецъ аргументаціи и метода. Авторъ дѣлаетъ обзоръ не только всѣхъ свидѣтельствъ, которыя приводятся за или противъ преданія, но и всѣхъ сочиненій, которыя трактовали или по его мнѣнію должны были трактовать о немъ. Ученый Лейденскій профессоръ когда то держался другихъ взглядовъ. Въ своихъ длинныхъ разсужденіяхъ противъ подлинности чятвертаго Евангелія онъ особенно долго останавливается на словахъ Поликрата Эфесскаго (кон. II вѣка), выдающаго Іоанна за одинъ изъ столповъ еврейской партіи. Но по моему мнѣнію едва-ли можетъ входить въ задачи дѣйствительнаго друга истины составлять и измѣнять свои воззрѣнія по поводу этихъ трудныхъ вопросовъ.

Доводы Шольтена меня не убѣдили. Правда, благодаря имъ путешествіе Іоанна въ Эфесъ сдѣлалось сомнительнымъ, но всетаки не совершенно апокрифическимъ. Напротивъ, по моему мнѣнію, истина скорѣе на сторонѣ традиціонныхъ взглядовъ. Хотя и не столь несомнѣнное какъ пребываніе Петра въ Римѣ, путешествіе Іоанна въ Эфесъ какъ было, такъ и осталось вѣроятнымъ, и мнѣ кажется, что Шольтенъ проявилъ излишній скептицизмъ. Я уже не разъ позволялъ себѣ высказывать, что богословъ не можетъ быть безукоризненнымъ критикомъ. У Шольтена слишкомъ возвышенный умъ, чтобы онъ могъ позволить себѣ подчиниться чуждымъ интересамъ знанія видамъ догматики или апологетики; но въ теологахъ вырабатывается навыкъ подчинять дѣйствительность идеѣ, такъ что они рѣдко смотрятъ просто съ точки зрѣнія историка. Напримѣръ, вотъ уже двадцать пять лѣтъ, какъ либеральная протестантская школа предается крайнему отрицанію, въ чемъ, какъ намъ кажется, свѣтская наука, которая видитъ въ изученіи всѣхъ этихъ предметовъ просто лишь интересныя историческія изысканія. едва-ли должна ей подражать. Положеніе дѣлъ въ ре-

лигіи дошло до того, что считается болѣе легкимъ защищать вѣру въ сверхъ-естественное, отвергая тексты какъ сомнительные, чѣмъ настаивая на ихъ аутентичности. Я убѣжденъ, что критика свободная отъ богословскихъ предубѣжденій когда нибудь признаетъ, что либеральные протестанты-богословы нашего времени слишкомъ далеко шли въ сомнѣніи, и приблизится не по духу своему конечно, а по результатамъ изслѣдованія къ старымъ, опирающимся на преданіе школамъ.

Въ обзорѣ Шольтена первое мѣсто занимаетъ конечно Апокалипсисъ. Но именно въ отношеніи этой книги знаменитый критикъ оказывается наиболѣе слабымъ. Возможно одно изъ трехъ: или Апокалипсисъ написанъ апостоломъ Іоанномъ, или онъ поддѣлка, авторъ которой имѣлъ намѣреніе выдать его за произведеніе апостола Іоанна, или онъ принадлежитъ перу одноименца Іоанна, каковъ напримѣръ Іоаннъ — Маркъ или загадочный Presbyteros-Iohannes. Въ послѣднемъ случаѣ очевидно Апокалипсисъ ничего не даетъ для сужденія о пребываніи Іоанна въ Малой Азіи; но эта гипотеза очень мало правдоподобна и во всякомъ случаѣ она не та, которую принимаетъ Шольтенъ. Шольтенъ склоняется ко второй гипотезѣ. Онъ считаетъ Апокалипсисъ такимъ же апокрифомъ какъ книга Даніила; онъ думаетъ, что авторъ Апокалипсиса хотѣлъ по принятому среди евреевъ того времени обычаю воспользоваться престижемъ уважаемой личности, для чего онъ выбралъ апостола Іоанна, какъ одного изъ столповъ Іерусалимской церкви, и подъ его всѣми почитаемымъ именемъ выступить передъ церквами Малой Азіи. Признавая такой обманъ невозможнымъ при жизни Іоанна, Шольтенъ полагаетъ, что Іоаннъ умеръ до 68 года. Теорія эта построена по истинѣ на невозможностяхъ. Но какъ бы ни разрѣшался вопросъ объ аутентичности Апокалипсиса, я беру на себя смѣлость утверждать, что доводы, извлекаемые изъ этой книги въ пользу пребыванія Іоанна въ Малой Азіи, одинаково сильны какъ въ томъ случаѣ, если мы примемъ первую изъ вышеприведенныхъ гипотезъ, такъ и въ томъ, если мы признаемъ болѣе правильной вторую. Здѣсь рѣчь идетъ не о книгѣ написанной, какъ книга Даніила, цѣлыя столѣтія спустя послѣ смерти лица, которому ее приписываютъ. Апокалипсисъ былъ распространенъ среди вѣрующихъ зимою 68—69 года, въ то время, когда грандіозная борьба военачальниковъ изъ-за власти и появленія Лже-Нерона изъ Цитны повергали весь міръ въ лихо-

радочное ожиданіе. Если апостолъ Іоаннъ уже и умеръ, какъ то утверждаетъ Шольтенъ, то незадолго до этого времени; во всякомъ случаѣ по гипотезѣ Шольтена вѣрующіе Эфеса, Смирны и пр. должны были въ то время прекрасно знать, что Іоаннъ никогда не посѣщалъ Малой Азіи. Какъ же они отнеслись бы къ разсказу о видѣніи, происшедшемъ, будто бы, на Патмосѣ, совсѣмъ близъ Эфеса, къ разсказу, обращенному къ семи главнымъ Мало-Азійскимъ Церквамъ человѣкомъ, который считается знающимъ всѣ ихъ сокровенныя тайны, который однимъ высказываетъ самые суровые укоры, другимъ—самыя восторженныя похвалы, который принимаетъ по отношенію къ нимъ тонъ неоспоримаго авторитета, который говоритъ о себѣ, какъ объ участникѣ ихъ страданій, если бы человѣкъ этотъ никогда не былъ ни на Патмосѣ, ни въ Малой Азіи, если бы они представляли его себѣ никогда не покидавшимъ Іерусалима? Нужно предположить, что лицо, поддѣлавшее Апокалипсисъ, не имѣло вовсе здраваго смысла, разъ оно дало столько поводовъ къ неблагопріятному пріему его книги. Зачѣмъ помѣстило оно сцену пророчества на Патмосѣ? Островъ этотъ не имѣлъ до того времени никакого значенія, не былъ ничѣмъ замѣчателенъ. Около него приставали, когда ѣхали изъ Эфеса въ Римъ или изъ Рима въ Эфесъ. Правиломъ этихъ маленькихъ рейсовъ, описанныхъ въ Дѣяніяхъ, было по возможности останавливаться каждый вечеръ. И въ этомъ отношеніи островъ Патмосъ былъ мѣстомъ очень удобной стоянки въ началѣ перехода изъ Эфеса въ Римъ и въ концѣ—изъ Рима въ Эфесъ. Цѣлью путешествія Патмосъ быть не могъ; только по дорогѣ въ Ефесъ или изъ Ефеса можно было попадать въ него. Даже считая Апокалипсисъ поддѣлкою, нельзя не признать, что первыя три главы его съ достовѣрностью устанавливаютъ, что Іоаннъ былъ въ Малой Азіи, въ той же мѣрѣ, въ какой первое посланіе Петра, хотя и апокрифическое,—вѣское доказательство того, что Петръ былъ въ Римѣ. Фальсификаторъ, какова бы ни была степень легковѣрія тѣхъ, для кого онъ пишетъ, всегда старается создать для своего произведенія такія условія, при которыхъ оно не вызвало бы никакихъ сомнѣній. Если авторъ перваго посланія Петра считаетъ себя обязаннымъ датировать свое произведеніе Римомъ, это означаетъ, что Петръ былъ въ Римѣ; равнымъ образомъ, если авторъ Апокалипсиса считаетъ, что наилучшимъ вступленіемъ для его видѣнія можетъ

служить сообщеніе, что мѣсто написанія его книги—Малая Азія близъ Эфеса, и если онъ старается сдѣлать свое обращеніе похожимъ на поученія наставника Малоазійскихъ Церквей, это значитъ, что Іоаннъ былъ въ Малой Азіи. Діонисій Александрійскій еще во второмъ вѣкѣ прекрасно сознавалъ, какія затрудненія встрѣчаются въ такой постановкѣ вопроса. Относясь къ Апокалипсису съ предубѣжденіемъ, общимъ всѣмъ греческимъ отцамъ Церкви, какъ истымъ эллинистамъ по духу, Діонисій собралъ всѣ возраженія противъ возможности приписать подобное произведеніе апостолу Іоанну. Тѣмъ не менѣе онъ признаетъ, что произведеніе это могло быть написано только лицомъ, жившимъ въ Малой Азіи, и приходитъ къ выводу, что Апокалипсисъ принадлежитъ перу одноименца апостола; такъ съ очевидностью опредѣляется необходимость признать, что истинный или предполагаемый авторъ Апокалипсиса имѣлъ сношенія съ Малой Азіей.

Разсужденіе Шольтена о текстѣ Папіа имѣетъ очень большое значеніе. Αρχαῖος ἀνής всегда понимался невѣрно, начиная съ Иринея, который неправильно, конечно, видитъ въ немъ слушателя апостола Іоанна, и кончая Евсевіемъ, который тоже неправильно полагаетъ, что онъ лично зналъ старца Іоанна (Presbyteros Iohannes). Кеймъ уже показалъ, что текстъ Папія, правильно понятый, свидѣтельствуетъ скорѣе противъ, чѣмъ за пребываніе апостола Іоанна въ Малой Азіи. Шольтенъ идетъ еще дальше; онъ заключаетъ изъ текста Папія, что даже Presbyteros Iohannes не жилъ въ Малой Азіи. Онъ полагаетъ, что эта личность, по его мнѣнію. отличная отъ апостола Іоанна, жила въ Палестинѣ и была современной Папію. Мы согласны съ Шольтеномъ, что если текстъ Папія вѣренъ, то онъ служитъ къ опроверженію пребыванія апостола въ Малой Азіи, Но вѣренъ ли онъ? Не приписка ли слова ἢ τί Ἰωάννης? Тѣмъ, кто счелъ бы такое предположеніе произвольнымъ, я отвѣтилъ бы, что если удержать ἢ τί Ἰωάννής, то слова οἱ τὸσ κυρίου μανηταί, будучи помѣщены послѣ Ἀριςτίων καὶ ὁ πρεσβύτερος Ἰωάννης, придаютъ фразѣ Папія въ цѣломъ странный и безсвязный смыслъ. Но что, повидимому, подтверждаетъ сомнѣнія Шольтена, такъ это то мѣсто изъ Папія, которое цитируетъ Георгій Гамартолъ и по которому Іоаннъ былъ убитъ евреями. Это преданіе, по всей вѣроятности, было создано въ подтвержденіе словъ Христа (Матѳ. XX, 23; Маркъ X, 39); его нельзя примирить съ пребываніемъ

Іоанна въ Эфесѣ, и если Папій дѣйствительно принялъ его, это значитъ, что онъ не имѣлъ никакого понятія о пребываніи Іоанна въ Малой Азіи. Но было бы очень странно, что человѣкъ, подобно Папію, ревностно преданный разыскиванію апостольскихъ преданій, не зналъ бы такого важнаго обстоятельства, имѣвшаго въ добавокъ мѣсто въ странѣ, въ которой онъ самъ жилъ.

Отсутствіе какихъ либо упоминаній о пребываніи Іоанна въ Малой Азіи въ посланіяхъ, приписываемыхъ Игнатію, и въ другихъ источникахъ конечно вызываетъ недоумѣніе. Но, начиная съ 180 года преданіе окончательно устанавливается. Аполлоній, Поликратъ, Ириней, Климентъ Александрійскій и Оригенъ не питаютъ никакихъ сомнѣній относительно великой почести, оказанной Іоанномъ Эфесу. Изъ существующихъ текстовъ два особенно замѣчательны, а именно текстъ Поликрата, епископа Эфесскаго (около 196 г.) и Иренея (около того же времени) въ его письмѣ къ Флорину. Шольтенъ очень легко отдѣлывается отъ текста Поликрата. Между тѣмъ нельзя не признать обстоятельствомъ большей важности, что уже во II вѣкѣ преданіе сложилось съ такою опредѣленностью. „Недостатокъ критичности Поликрата, говоритъ Шольтенъ, сказывается въ томъ, что онъ изображаетъ намъ Іоанна украшеннымъ πέταλον и относитъ такимъ образомъ, не стѣсняясь анахронизмомъ, къ вѣкамъ апостольскимъ существовавшій въ его время обычай облекать христіанскихъ епископовъ въ титулъ первосвященника“. Раньше Шольтенъ судилъ объ этомъ иначе; онъ видѣлъ въ этомъ πέταλον и въ титулѣ ἱερεύς, данномъ апостолу Іоанну Поликратомъ, доказательство того, что апостолъ былъ въ Эфесѣ главою іудейско-христіанской партіи. И онъ былъ правъ. Πέταλον вовсе не будучи знакомъ епископскаго достоинства во второмъ вѣкѣ, было дано только двумъ лицамъ, и двумъ лицамъ перваго вѣка, а именно Іакову и Іоанну, обоимъ принадлежавшимъ въ іудейско-христіанской партіи, которая полагала, что она возвышаетъ ихъ, предоставляя имъ преимущество еврейскихъ первосвященниковъ. Киймъ и Шольтенъ оба упрекаютъ Поликрата въ томъ, что онъ принималъ Филиппа, который поселился со своими дочерьми пророчицами въ Гіерапокисѣ, за апостола Филиппа. Я думаю, что Поликратъ былъ правъ и что если сравнить внимательно 8 стих. гл. XXI, Дѣяній съ текстами Папія, Прокла, Поликрата и Климента Александрійскаго, въ которыхъ говорится о

Филиппѣ и его дочеряхъ, жившихъ въ Гіераполисѣ, то можно убѣдиться, что рѣчь идетъ именно объ апостолѣ Филиппѣ. Весь стихъ Дѣяній проникнутъ характеромъ вставки. Гольцманъ принимаетъ, повидимому, по этому вопросу гипотезу, высказанную мною въ „Апостолахъ“; я держусь этой гипотезы теперь болѣе чѣмъ когда либо.

Самое любопытное мѣсто въ сочиненіяхъ отцевъ церкви по нашему вопросу, это отрывокъ изъ письма Иринея къ Флорину, сохраненный Евсевіемъ. Это одна изъ дивныхъ страничекъ христіанской литературы втораго вѣка: „Мнѣнія эти, Флоринъ, не здороваго происхожденія; эти мнѣнія не изъ тѣхъ, которые завѣщаны древними, жившими прежде насъ и лично знавшими апостоловъ. Помнится, когда я былъ еще ребенкомъ, я видѣлъ тебя въ нижней Азіи, гдѣ ты блисталъ на службѣ при дворѣ, около Поликарпа, уваженіе котораго ты старался снискать. Я лучше помню происшедшее тогда, чѣмъ въ болѣе позднее время, такъ какъ то, что мы узнали въ дѣтствѣ, растетъ вмѣстѣ съ душею, сливается съ нею; такъ хорошо могъ бы я описать то мѣсто, гдѣ располагался блаженный Поликарпъ для бесѣды, его походку, его привычки, его образъ жизни, черты его внѣшности, его манеру обращаться съ присутствующими; какъ онъ разсказывалъ о своей близости къ Іоанну и къ другимъ видѣвшимъ Господа. И то, что онъ слышалъ отъ нихъ о Господѣ, объ его чудесахъ и объ его ученіи, Поликарпъ передавалъ, какъ полученное отъ непосредственныхъ слушателей Слова жизни, во всемъ согласно съ писаніемъ. И я слушалъ объ этихъ вещахъ, благодаря милость Божію, съ прилежаніемъ, запечатлѣвая ихъ не на бумагѣ, а въ своемъ сердцѣ, и всегда я вспоминаю о нихъ, благодаря Бога, съ полною отчетливостью. И я могу засвидѣтельствовать, что если бы тотъ блаженный и близкій Апостоламъ старецъ услыхалъ что нибудь подобное твоимъ воззрѣніямъ, онъ заткнулъ бы уши и воскликнулъ бы по своему обыкновенію: О, Милостивый Боже, до какихъ временъ сохранилъ ты меня и для того, чтобы переносить такія рѣчи!“ и онъ бѣжалъ бы отъ того мѣста, гдѣ онъ услыхалъ бы эти рѣчи.

Изъ приведеннаго текста видно, что Ириней вовсе не апеллируетъ здѣсь, какъ во многихъ другихъ мѣстахъ, гдѣ онъ говоритъ о пребываніи апостола въ Малой Азіи, къ преданію; онъ приводитъ Флорину воспоминаніе дѣтства объ ихъ общемъ учителѣ Поликарпѣ; одно изъ этихъ воспоминаній

заключается въ томъ, что Поликарпъ часто разсказывалъ о своихъ личныхъ отношеніяхъ къ апостолу Іоанну. Шольтенъ вполнѣ понималъ, что нужно или признать эти отношенія дѣйствительно бывшими, или объявить апокрифомъ письмо къ Флорину. Онъ отважился на послѣднее. Его основанія показались мнѣ слабыми. Прежде всего въ книгѣ своей „Противъ ересей“ Ириней выражается почти совершенно также, какъ въ письмѣ къ Флорину. Главное возраженіе Шольтена сводится къ тому, что, чтобы объяснить такія отношенія между Іоанномъ и Поликарпомъ, необходимо предположить необыкновенное долголѣтіе Апостола, Поликарпа и Иренея. Я не вижу въ этомъ никакого затрудненія. Іоаннъ могъ умереть не ранѣе 80 или 90 года. Ириней писалъ около 180 г. Ириней былъ такимъ образомъ не въ большемъ отдаленіи отъ послѣднихъ лѣтъ жизни Іоанна, чѣмъ мы отъ послѣднихъ лѣтъ жизни Вольтера. Между тѣмъ безъ какихъ либо признаковъ сверхъестественнаго долголѣтія нашъ собратъ и другъ Ремюза зналъ Аббата Морелле, который многое разсказывалъ ему о Вольтерѣ. Затрудненіе къ признанію обстоятельства передаваемаго Иренеемъ происходитъ отъ того, что мученичество Поликарпа обыкновенно относятъ къ 166, 167, 168 или 169 году, во времена Марка Аврелія. Поликарпу было въ это время восемьдесять шесть лѣтъ, такъ что онъ долженъ былъ бы родиться въ 80, 81, 82 или 83 году, и во время смерти Іоанна былъ бы очень молодъ. Но мученичество Поликарпа должно быть отнесено къ иному времени. Мученичество это имѣло мѣсто въ проконсульство Квадрата. Но Уаддингтонъ съ непреложностью доказалъ, что проконсульство Квадрата въ Азіи должно быть отнесено къ 154—155 году, къ царствованію Антонина Пія. Такимъ образомъ Поликарпъ долженъ былъ родиться въ 68 или 69 году; если апостолъ жилъ до 90 лѣтъ, а противъ этого ничто не говоритъ (онъ могъ быть на десять лѣтъ моложе Іисуса), то вполнѣ правдоподобно, что Поликарпъ имѣлъ съ нимъ отношенія въ дѣтствѣ. Время мученичества Поликарпа относится къ царствованію Марка Аврелія не на основаніи какихъ либо свѣдѣній объ этомъ мученичествѣ; это Евсевій, благодаря ошибкѣ въ разсчетахъ, прекрасно разоблаченной Уаддингтономъ, полагалъ, что проконсульство Квадрата относится къ этому царствованію.

Неясность хронологической системы, которую мы указали, заключается въ томъ, что Поликарпъ совершилъ свое путе-

шествіе въ Римъ во время преосвященства Аники (Anicet). Аника по принятой хронологіи сдѣлался епископомъ въ Римѣ, самое раннее въ 154 году. Такимъ образомъ возникаетъ затрудненіе, къ какому времени отнести путешествіе Поликарпа. Разъ выводы Уаддингтона не подлежатъ оспариванію, то если бы пришлось соотвѣтственно этимъ выводомъ немного отодвинуть назадъ вступленіе Аники въ первосвященники, то останавливаться передъ этимъ не слѣдовалс бы, особенно, если принять во вниманіе, что списки первосвященниковъ какъ разъ въ этомъ мѣстѣ спутаны и что во многихъ изъ нихъ Аника стоитъ передъ Піемъ. Жаль что Липсіусъ, давшій прекрасную хронологію римскихъ епископовъ IV вѣка не былъ знакомъ съ изслѣдованіемъ Уаддингтона; онъ нашелъ бы въ немъ предметъ для серьезнаго размышленія. „Правдоподобно ли, говоритъ Шольтенъ, чтобы почти столѣтній старикъ предпринялъ такое путешествіе въ тѣ времена, когда путешествовать было гораздо тягостнѣе, чѣмъ въ наши дни“. — Путешествія изъ Эфеса или Смирны въ Римъ были изъ самыхъ легкихъ. Въ эпитафіи одного купца изъ Гіераполиса говорится, что онъ совершилъ путешествіе изъ Гіераполиса въ Италію семьдесятъ два раза; путешествія этого купца продолжались до такого же преклоннаго возраста, въ какомъ Поликарпъ совершилъ свое путешествіе въ Римъ. Эти плаванія лѣтомъ (зимою ѣздили очень мало) не вызывали никакого утомленія. Возможно, что Поликарпъ совершилъ свое плаваніе въ Римъ лѣтомъ 154 года и принялъ мученичество въ Смирнѣ 23 февраля 155 г. Гипотеза Кейма, по которой Іоаннъ, котораго зналъ Поликарпъ, не апостолъ Іоаннъ, а Presbyteros Ioannes, исполнена неправдоподобностной. Если этотъ Presbyteros былъ, какъ мы это думаемъ, личностью второстепенною, ученикомъ апостола Іоанна, процвѣтавшимъ примѣрно отъ 120 до 130 года, то непонятно смущеніе передъ нимъ Поликарпа и Иринея. Противъ предположенія, что Presbyteros принадлежалъ къ великому апостольскому поколѣнію и былъ равнымъ апостоломъ, такъ что могъ быть смѣшанъ съ нимъ, я высказался въ другомъ мѣстѣ. Замѣчу только, что и въ такомъ случаѣ ошибку Поликарпа объяснить было бы немногимъ легче.

Одна изъ самыхъ любопытныхъ частей произведенія Шольтена та, гдѣ онъ возвращается къ вопросу о четвертомъ Евангеліи, о которомъ онъ уже обстоятельно высказался нѣсколько лѣтъ назадъ. Шольтенъ не только не допускает

что это Евангеліе есть произведеніе Іоанна, но и отрицаетъ какое-либо его касательство къ Іоанну; онъ отрицаетъ, чтобы Іоаннъ былъ тѣмъ ученикомъ, который нѣсколько разъ упоминается въ этомъ Евангеліи съ особою таинственностью, какъ „ученикъ, котораго любилъ Іисусъ". По мнѣнію Шольтена ученикъ этотъ не есть реальная личность. Безсмертный ученикъ, который въ противоположность остальнымъ ученикамъ долженъ жить до конца вѣковъ силою своего духа, ученикъ, свидѣтельство котораго, опираясь на откровеніе, имѣетъ абсолютный авторитетъ, не долженъ быть отожествляемъ ни съ однимъ изъ апостоловъ галилеянъ; это идеальная, вымышленная личность. Я никакъ не могу согласиться съ этимъ мнѣніемъ. Но не будемъ усложнять и безъ того трудный вопросъ еще болѣе труднымъ. Шольтенъ поколебалъ много столповъ, на которыхъ когда-то основывалось ученіе о пребываніи апостола Іоанна въ Малой Азіи; онъ доказалъ, что фактъ этотъ не выступаетъ изъ той полутьмы, въ которой мы съ трудомъ разглядываемъ всѣ факты апостольской исторіи; что касается Папія, то по его поводу онъ представилъ возраженіе, на которое не легко отвѣтить; тѣмъ не менѣе онъ не опровергъ всѣхъ доводовъ, которыя можно привести въ пользу истинности преданія. Первыя главы Апокалипсиса, письмо Иринея къ Флорину, мѣсто изъ Поликрата остаются тремя солидными базами, на которыхъ правда нельзя построить ничего достовѣрнаго, но которыя не разрушены и Шольтеномъ, несмотря на его подавляющую діалектику.

Оглавленiе.